

РЕГИОНЫ И ГРАНИЦЫ
УКРАИНЫ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕТРОСПЕКТИВЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**РЕГИОНЫ И ГРАНИЦЫ УКРАИНЫ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

Москва
2005

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р
доктор исторических наук *Л. Е. Горизонтов*

Р е ц е н з е н т ы:
доктор исторических наук *А. Л. Шемякин*,
доктор филологических наук *Л. И. Сазонова*

Комплексное исследование складывания региональных особенностей и границ Украины в XVII—XX в. Границы и регионы рассматриваются в политическом, административном, этническом, языковом, конфессиональном и культурном отношениях. Анализируется широкий спектр представлений о территории Украины, включая различные геополитические проекции национальной идеи. Большое внимание уделено истории международной политики.

Украина в зеркале регионалистики

Понятие «регион» стало в современном научном и политическом лексиконе одним из ключевых. Противопоставление с точки зрения интеграционных процессов Восточной Европы Западной если и верно, то лишь отчасти. При все большей прозрачности межгосударственных границ роль историко-культурных регионов на западе континента не только не уменьшилась, но, напротив, заметно возросла. Единая Европа предстает миром регионов, упорно отстаивающих свои интересы и специфику. Они весьма пристально всматриваются в зеркало истории, ища в ней опору для укрепления рубежей своей идентичности. Регионализмы выступают как защитная реакция на вызовы глобализации, а, следовательно, должны восприниматься как долгосрочная тенденция мирового развития. Еще большее значение регионы приобретают на стадии консолидации государственной территории.

Качественным образом возросло внимание к регионам в гуманитарных науках, обращенных к изучению прошлого. Вполне осознана потребность в параллельном становлению глобалистики развитии регионалистики. Сегодня региональный подход признан и широко применяется научным сообществом. Это в полной мере подтвердил Международный конгресс исторических наук в Осло (август 2000 г.), многие мероприятия в рамках которого были специально посвящены региональной проблематике¹. В исторической науке регионализация является таким же важным инструментом моделирования пространственных характеристик прошлого, как периодизация для упорядочения наших представлений о времени. На языке философии задачу исторической регионалистики можно сформулировать как познание диалектики части — целого — целостности применительно к развертыванию истории в пространстве. Историческая география в этой связи перестает быть вспомогательной дисциплиной, призванной выполнять главным образом наглядно-иллюстративную функцию².

Регионалистика — комплексное направление исследований, требующее объединения усилий представителей различных дисциплин: историков, культурологов, языковедов, политологов, географов, экономистов. Развитие ее на почве полидисциплинарных областей научного знания, каким по традиции является славяноведение, может быть особенно плодотворным. Без использования регионального подхода трудно представить любую

форму страноведения, в частности, «*етнодержавознавство*», весьма популярное на сегодняшней Украине. Геополитическая проекция национальной идеи, конструирующей «идеальное отечество», непременно имеет определенную структуру.

Понятие «регион» адекватнее описывает действительность, чем «национальная территория», а региональная политика объемнее курса в каком-либо отдельно взятом национальном вопросе. Как правило, в регионе сосуществуют различные этносы, накладываются друг на друга несколько национальных вопросов. Регионы формируются исторически, причем не благодаря одному, пусть даже весьма существенному признаку, а в результате совокупного действия ряда регионаобразующих маркеров. При этом роль субъективного фактора, политического целеполагания в данном процессе может быть весьма велика.

Региональный подход предусматривает постановку вопроса о региональном самосознании. Последнее вмонтировано в многоуровневую систему идентичностей, включающую сознание принадлежности к этносу, конфессии, государству и т. д. Значительная, нередко решающая, роль в представлениях о регионах принадлежит историческому сознанию и знанию.

Регионы связывают между собой сложные механизмы взаимодействия и взаимозависимости. Важное место в регионалистике занимает тема центра (ядра) и периферии (окраин) — в плане дихотомии центростремительных и центробежных сил, интеграции и дезинтеграции, стабильности и дисбаланса, симметрии и асимметричности. В отношениях с центром выявляются степень и природа конфликтогенности того или иного региона.

Границы выступают непременным атрибутом любой региональной структуры. Пограничья являются связующим звеном между границами и регионами. Границы не только разделяют, но и объединяют, делая приграничные регионы зонами активной интеграции, сотрудничества. Для обозначения разных типов границ и пограничий современная регионалистика выработала достаточно гибкий понятийный аппарат (например, в англоязычном варианте: *border, boundary, frontier, borderland* и др.)³.

Следует принимать во внимание и «невидимые», в частности, исторические границы: эти «шрамы истории» отнюдь не исчезают. Один тип границ поддерживает другой, перетекает в другой. Границы можно и должно рассматривать не только с перспективы политической истории (внутренней и международной), но и в качестве этнических, конфессиональных, культурных, языковых, экономических рубежей. В многоплановом понимании границ, пожалуй, особенно преуспела культурология, давшая об-

разцы их изучения и на украинском материале⁴. Материал же этот исключительно богат: в самом имени Украины слышится окраина, пограничье, граница.

Являясь по своей сути государством унитарного типа, Украина в не меньшей степени, чем Российская Федерация, испытывает на себе действие регионального фактора и может рассматриваться как мир регионов. Украинская национальная идеология начиналась в Новое время с федералистской утопии кирилло-мефодиевских братчиков, а современное украинское государство конституировалось в период распада социалистических федераций. Тема региональной разнородности Украины приобрела максимальную остроту в ходе масштабного политического кризиса конца 2004 г.

Слишком разными были исторические судьбы собранных в республиканских границах Советской Украины земель. Принадлежность в прошлом к различным государственно-политическим организмам, конфессиональные и культурные ориентации, миграционные и ассимиляционные процессы — все это не осталось без серьезных последствий.

Разумеется, необходимо учитывать, что не только тенденция к регионализации отвечала за структурирование пространства в этой части Европы. Оформившаяся к началу XX в. программа национальной консолидации реализовывалась посредством политики украинизации, волны которой на протяжении последующего столетия привели к сдвигам принципиального характера. При всей своей, на первый взгляд, условности внутрисоюзные границы советского периода играли существенную роль. Не случайно столь ожесточенной оказалась борьба по поводу демаркации границы между РСФСР и УССР в 1920-е годы, о чём подробно рассказано в статье Е. Ю. Борисёнок: исход борьбы определял, станет ли та или иная территория объектом украинизации. Районирование — инструмент организации пространства — и коренизация — инструмент национальной политики того времени — тесно взаимосвязаны.

Различные типы границ переплетаются между собой. Так, внутренние административные границы при определенных условиях превращаются во внешние государственные. Имела многочисленные последствия административная разобщенность украинских земель в составе Российской и Австро-Венгерской империй. Кроме того, перефразируя употребляемую применительно к Византии формулу, вполне можно говорить о своеобразной *Pologne apręs Pologne*⁵.

Ретроспективный метод дает нам право на любом историческом срезе рассматривать все территории, которые ныне входят в состав украинского

государства. Это вовсе не тождественно признанию того, что они всегда были связаны с Украиной (в качестве имени собственного) или ассоциировались с гораздо более древней украиной-окраиной, функционировавшей долгое время в качестве имени нарицательного. Использование ретроспективного метода налагает на исследователей обязательство с особой тщательностью наблюдать принцип историзма. Важно избежать модернизации прошлого и, наоборот, описания процессов в уже неактуальных для них архаических категориях — обе эти ошибки достаточно широко представлены в современных исследованиях по украинской проблематике. И на Украине, и в России получили хождение возрожденные концепции более чем столетней давности, которые не соответствуют ни накопленным к настоящему времени фактам, ни утвердившимся методологическим императивам.

Представления об этнической принадлежности и этнической территории не оставались неизменными, что находило преломление в развитии соответствующей терминологии. В определенный момент понятия Малороссии и Украины, малороссов и украинцев приобрели политически ангажированное, конфронтационное по отношению друг к другу, звучание. Однако ранее они сосуществовали вполне мирно, часто «через запятую», отражая не столько этнополитические реалии, сколько историко-географические традиции. Этногеографическая номенклатура — в том случае, если удается проследить эволюцию и соотношение его элементов, — служит ключом к воссозданию динамики представлений о региональном строении пространства⁶.

С момента обретения Украиной государственной независимости одну из центральных ниш в интеллектуальной жизни этой страны заняло обсуждение проблемы ее места в Европе. Совершенно необходимыми оказались экскурсы в прошлое, позволяющие установить цивилизационную родословную и соответствующую ей макрорегиональную принадлежность украинцев⁷. Когда говорится о макрорегионах Европы, речь идет уже не о регионах Украины, а об Украине в субконтинентальном регионе. Ситуация для исследователей осложняется тем, что исторически подвижная зона соприкосновения европейских макрорегионов проходит как раз через территорию Украины.

Проведение субконтинентальных, по сути своей цивилизационных, границ не является, как показывает опыт, процедурой политически нейтральной. Примером может служить популярная в последние годы концепция Восточно-Центральной Европы, главным пропагандистом которой в

ряде бывших республик СССР (в том числе на Украине), а также на Западе, куда она не менее настойчиво продвигается, стала группа польских историков. С их точки зрения, вся территория современного украинского государства, наряду с Польшей, Белоруссией, Литвой, Венгрией, Чехией, Прибалтикой, с давних пор является частью Восточно-Центральной Европы, тогда как Россия оказывается не только вне этого макрорегиона, но и фактически за пределами Европы вообще. Украинско-российская тема находит здесь свое преломление в такой фундаментальной проблеме, как граница европейской цивилизации. Как научная концепция «Восточно-Центральная Европа» остается весьма уязвимой гипотезой, о чем свидетельствует обсуждение написанного на ее основе обобщающего труда, которое состоялось в декабре 2000 г. в Люблине с участием российских, немецких и израильских историков⁸. Как показал Б. Н. Флоря, пространственные очертания европейских макрорегионов не оставались неизменными⁹. При ближайшем рассмотрении именно Украина — главный камень преткновения для архитекторов Восточно-Центральной Европы, причем не только из числа ученых. Это еще один существенный повод обратить взор к регионам Украины в исторической ретроспективе.

Земли современной Украины длительное время были включены в имперское пространство, обладающее своими онтологическими особенностями. Проблематика империй в последние годы вызывает повышенный интерес и требует самой серьезной разработки. Здесь хотелось бы обратить внимание лишь на одну ее грань, имеющую прямое касательство к геополитическому проецированию национальной идеи. Имперский груз прошлого, сопряженные с ним комплексы довлеют не только над бывшими титульно-имперскими нациями. Подобно тому, как революционное движение, противостоя *ancien régime*, само приобретает авторитарные черты, так и стремящееся к разрушению старой империи национальное движение весьма часто фактически занимается строительством новой — также составленной из разнородных регионов, имеющей конфликтогенные границы, населенной «проблемными» национальными меньшинствами, склонной проводить курс на унификацию и, вследствие всего этого, испытывающей дефицит внутреннего равновесия и немалые сложности внешнеполитического плана. С данной закономерностью связан целый комплекс исследовательских задач для регионалистики.

Думается, что лишь учитывая цивилизационную (макрорегиональную), имперскую и региональную перспективы, можно провести взвешенную ис-

торическую реконструкцию. Впрочем, такое сочетание, принимая во внимание уровень современных знаний, — цель достаточно отдаленная, и настоящий сборник, конечно, не более чем шаг на пути к ее достижению.

Изучению региональной идентичности способствует ментальная география, которая, подобно имагологии, оперирует категориями «своего» и «чужого». Опыт показывает, что исследовательский успех в этой области в значительной мере зависит от новизны и репрезентативности привлекаемых источников. В настоящем сборнике А. Л. Хорошкевич публикует в русском переводе и комментирует фрагмент из записок М. Груневега, повествующий о приключениях и впечатлениях этого львовского торговца конца XVI в. при проезде им через украинскую границу Речи Посполитой в Россию. В русле имагологии С. С. Лукашова обратилась к казацкому летописанию конца XVII—XVIII вв., заложившему важную для развития национальной идеологии традицию. Изучение этого периода тем более актуально в научном плане, что во многих отношениях он остается *terra incognita*. В статье делается специальный акцент на отличительные черты поднепровского Левобережья и Правобережья.

Вопрос о соотношении регионов Украины и межрегиональном взаимодействии поставлен и в ряде других статей сборника. В исследовании О. А. Остапчук в региональном срезе представлена языковая ситуация рубежа XVIII—XIX вв. и ее динамика в связи с geopolитическими сдвигами, вызванными разделами Речи Посполитой. Статья Ю. А. Лабынцева и Л. Л. Щавинской, посвященная формированию униатского литургического пространства, содержит размышления о социокультурной роли сакральных языков и прослеживает судьбу книг, ставших руководящими пособиями для греко-католического богослужения. Понятно, что в географическом отношении авторы выходят за рамки украинских земель.

Много места на страницах издания отведено истории Западной Украины (Галичина, Закарпатье, Северная Буковина). Исключительность положения ее земель заключалась в том, что эта периферийная часть восточнославянского этнического массива оказалась вне орбиты российской государственности. Если Н. Я. Данилевский называл «национальным изувечением» русского народа оторванность Галичины и Угорской Руси, то К. Н. Леонтьев, считая галицких русин, как и западных славян, частью чуждого культурного типа, видел в Габсбургской монархии крайне желательный для России «карантин»¹⁰. Приведенные точки зрения видных русских geopolитиков последней трети XIX в. наглядно свидетельствуют о существ-

вовании альтернативы развития названных регионов, которая эксплуатировалась как державами Центрального союза, так и Россией. В течение нескольких десятилетий скольжения Европы к взрыву Первой мировой войны, когда украинские земли попали в эпицентр геополитического противостояния, Галичина приобрела значение украинского Пьемонта, которое в значительной мере сохранила за собой и в дальнейшем.

Галичина (Восточная Галиция) в последнее время пользуется повышенным вниманием российских историков¹¹. Если главным предметом книги Н. М. Пашаевой является русское движение в регионе, то М. Э. Клопова характеризует специфику последнего, анализируя оценки российских дипломатов украинского движения кануна Первой мировой войны. В отличие от А. Ю. Бахтуриной, В. Н. Савченко достаточно подробно останавливается на репрессиях австро-венгерских властей в отношении русофилов. В статьях Клоповой и Савченко показаны противоречивость и непоследовательность российской политики на восточногалицийском направлении, формировавшая этот курс иерархия ценностей и целевых установок. При этом В. Н. Савченко, сосредоточившим основное внимание на периоде Первой мировой и Гражданской войн, предпринята попытка проследить судьбу региона и в более протяженной исторической перспективе.

К такой же перспективе стремится и А. И. Пушкаш, давая, в частности, специальный обзор этнogeографической терминологии, связанной с избранным им регионом Закарпатья. В канун Второй мировой войны его территория на стыке Чехословакии и Венгрии оказалась в эпицентре большого геополитического передела в Европе. Ярко выраженный региональный облик по сей день делает Закарпатье одной из самых специфических частей Украины.

Вполне понятен особый интерес к первой половине ХХ в. — времени активного государственного строительства на украинских землях, ставшего возможным после длительного периода кристаллизации национальной идеи и при наличии благоприятных внешних предпосылок. Если летом 1917 г. Временное правительство соглашалось на признание украинской автономии в пределах пяти дореволюционных губерний, то в ноябре того же года Центральная Рада провозгласила ее в границах почти девяти губерний, оставив на будущее решение судьбы еще ряда земель. Огромные трудности с определением «естественной» границы Украины испытывал П. Скоропадский, при котором под властью Киева оказались части Минской, Могилевской, Курской и Воронежской губерний. В то время российско-

украинская граница была гораздо большим, чем обычная межгосударственная граница, являясь сдерживающим фактором распространения большевизма¹². Статья В. М. Лебедевой рассматривает возникновение украинско-белорусских территориальных проблем в связи с первыми опытами национально-государственного строительства двух восточнославянских народов.

Четыре конкретно-исторические исследования, построенные на детальной реконструкции событий (1915—1916 гг. у И. М. Благодатских, 1918 г. у В. М. Лебедевой, 1924 г. у Е. Ю. Борисенок, 1938—1939 гг. у А. И. Пушкаша) показывают в полной мере остроту территориальных проблем и настойчивость притязаний: в первом случае — Румынии, во втором — Украины времен Центральной Рады и Скоропадского, в третьем — Советской Украины, в четвертом — Венгрии. Они дают представление о механизмах принятия внутри- и внешнеполитических решений в различной исторической обстановке. Изучаемые названными авторами регионы выступают в качестве объекта внутренней политики государств и межгосударственных отношений.

Проанализировав разноплановые данные по всем административным областям Украины, отразившие реалии второй половины 1990-х годов, Э. Г. Задорожнюк не только обосновала деление республики на регионы и субрегионы, но и предложила свою модель межрегионального взаимодействия, способную служить одним из объяснений относительной внутренней стабильности украинской государственности после распада СССР.

Сборник не претендует на разработку всех аспектов обширной и разнообразной проблематики, связанной с регионалистикой Украины. Не все регионы и границы попали в поле зрения авторов. (Современная Украина граничит с семью государствами: Россией, Белоруссией, Молдавией, Польшей, Венгрией, Словакией, Румынией.)

Многие проблемы регионалистики Украины неразрывно связаны с историей и современным состоянием российско-украинских отношений. В еще большей степени это относится к формированию внешних границ Украины, проследить которое вне контекста российской и советской государственности не представляется возможным. Географическая близость к России, региональная неравномерность распределения русского и русскоязычного населения, экономические связи — таков далеко не полный перечень факторов, во многом определявших и определяющих ситуацию на Украине.

Для характеристики русско-украинских отношений зачастую более пригодно понятие не границ, а пограничья, причем анализ должен, видимо, вестись не столько в геополитической, сколько в культурно-генетической плоскости. Пограничность особого рода выражается в наличии значительных контактных зон и, в конечном счете, определяется незавершенностью консолидации восточнославянских этносов, что может быть осмыслено лишь с учетом их исторических судеб. В геополитических проекциях национальных идей находят свое воплощение представления о связи диаспор с материковыми этническими массивами.

Серьезной исследовательской задачей является изучение украинско-белорусского пограничья, а также украинско-белорусских исторических параллелей. Правомерно сравнительное исследование Восточной Белоруссии и Левобережной Украины, особенностей геополитического проецирования двух национальных идей, украинизации и белорусизации. Весьма интересная демографическая ситуация сложилась — опять-таки исторически — в молдавском Приднестровье, ставшем местом встречи трех национальных стихий — русской, украинской, молдавской.

Часть исследований сборника выполнена сотрудниками Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский грант № 02-01-00-291а). Региональная тема получила развитие в блоке украиноведческих статей, опубликованных ими же в ежегоднике «Белоруссия и Украина: история и культура»¹³, цикле «круглых столов» 2001—2003 гг.¹⁴ и докладах на двух конференциях: «Национальные идеи и их геополитические проекции (Восточная, Центральная и Юго-Восточная Европа)» (2002 г.)¹⁵; «Этногеографическая терминология истории восточного славянства» (2003 г., материалы готовятся к изданию). И. М. Благодатских и В. М. Лебедева представляют, соответственно, науку Молдавии (г. Тирасполь) и Белоруссии (г. Гомель).

Примечания

¹ XIXth International Congress of Historical Sciences: Final Programme. Oslo, 2000. Одна из наиболее многолюдных сессий конгресса называлась “Глобализация, регионализация и история международных отношений”. См. также: Європа: Ідеї та процеси. Чернівці, 1998; Регионы и регионализм в странах Запада и России. М., 2001.

² Стрелецкий В. Н. На стыке наук: историческая география в ее отношении к истории и географии // Вестник исторической географии. 1999. № 1.

³ Prescott J. R. V. Political Frontiers and Boundaries. London, 1987; Border Theory: The Limits of Cultural Politics. Minneapolis, London, 1997; Frontiers in Regional Development. Lanham, 1996; Regional and National Identities in Europe in the XIXth and XXth Centuries. London, Boston, 1998.

⁴ Софронова Л. А. Старинный украинский театр. М., 1996. Справочный материал о формировании государственных границ Украины содержится в кн.: Дьякова Н. А., Чепелкин М. А. Границы России в XVII—XX веках. М., 1995.

⁵ Дмитренко М. Ф. Адміністративно-територіальний поділ українських земель: історія, проекти, реальність (XIX — початок ХХ ст.) // Історично-географічні дослідження в Україні. Збірник наукових праць. Київ, 1994; Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999.

⁶ См.: Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

⁷ Ткаченко В., Рєент О. Україна: на межі цивілізацій (історико-політологічні розвідки. Київ, 1995.

⁸ Historia Europy Środkowo-Wschodniej. Lublin, 2000. Т. 1—2.

⁹ Флоря Б. Н. Центральная Европа в Европе средневековья // Центральная Европа как исторический регион. М., 1996.

¹⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 26; Леонтьев К. Избранное. М., 1993. С. 351, 365.

¹¹ Бахтурин А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000; Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX—XX вв. М., 2001.

¹² Скоропадський П. Спогади. Київ, Філадельфія, 1995. С. 241—242.

¹³ Белоруссия и Украина: история и культура. Ежегодник 2003 / Флоря Б. Н. М., 2003. С. 197—238.

¹⁴ На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения / Горизонтов Л. Е. М., 2004.

¹⁵ Горизонтов Л. Е. Национальные идеи и их геополитические проекции (Восточная, Центральная и Юго-Восточная Европа) // Славяноведение. 2003. № 2. То же: Славянский альманах 2002. М., 2003.

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская

Белорусско-украинское униатское литургическое пространство и средства поддержания его герменевтической однородности в XVII—XIX вв.*

Взаимодействие культур всегда предполагает широчайший выбор способов и форм в многообразии осуществляемых контактов на самых различных уровнях. Как правило описание такого процесса, историческое, культурологическое, лингвистическое, любое — статично, несмотря на стремление отобразить именно его динамику, что в лучшем случае удается сделать лишь в самых общих чертах, описав с той или иной степенью подробности и, что наиболее важно, вероятности параметры отдельных дискретных точек, онтогенетическая природа которых далеко не всегда однородна.

Говоря о культурном пространстве обычно имеют в виду нечто содержащее в своей основе онтогенетическую схожесть, гораздо реже филогенетическую, преимущественно в случае глобальной тематической ориентации. В этой связи пространство литургическое представляет собой весьма удачный и наглядный пример наличия компонентов как общевизиализационной планетарной по своей сути культуры, так и более частной — христианской. В нашем же случае еще и региональной христианской, взятой в ее конкретном хронологическом отрезке и в определенной вероисповедной векторности.

Понятие литургического пространства и сама постановка вопроса о его изучении, несмотря на кажущуюся очевидность, новы не только в культурологии, но и в теологии. Причин тому множество, и не всегда они лежат в сфере рациональной. Между тем белорусско-украинское литургическое пространство ценно по своей внутренней природе и свойствам как для светского гуманитария любого из направлений, так и для сугубого богослова, невзирая на его принадлежность к определенной номинации. Особый же интерес изучение данного пространства представляет для исследователей белорусской и украинской культур, так как оно затрагивает глубинные основы проявления национального сознания и самоидентифика-

* Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 98-06-06057а).

кации. Впрочем, все мы находимся в самом начале пути и до каких-либо более или менее обобщенных исследовательских итогов еще далеко.

С точки зрения культурологической, такое явление, как Брестская церковная уния и ее эволюция, получившие во многих своих сущностных проявлениях взаимоисключающие оценки, а в некоторых и весьма близкие даже из противоположных вероисповедных лагерей, остается непознанным феноменом и с литургической, и обще- и национально-культурной. «...Уния является областью разрыва в культуре... источником противоречий в себе самой и источником конфликтов внешних», — так считает один из наиболее авторитетных исследователей восточно- и южнославянской религиозной культуры профессор Krakowskого университета А. Наумов¹. В нашей же постановке вопроса на первое место выдвигается проявление герменевтической однородности литургического пространства и предполагается рассмотрение некоторых средств ее поддержания.

Собственно сама историческая ситуация предопределила первоначальное принятие или, точнее, приятие всего основного литургического корпуса новоявленными униатами от православия. Да и все они, от сельского клирика до благочинного, а отчасти и выше, с точки зрения чисто обрядовой мало чем отличались на протяжении по крайней мере жизни своего поколения и в некоторой степени последующего от православных. То же, но еще в большей степени, справедливо в отношении униатов-мирян, особенно сельских «простецов», крестьян. Здесь в силу вступали законы традиции, безусловно эволюционирующей, но, конечно же, не столь заметно и совсем не революционно, как того требовали и требуют те или иные постановления, предписания, тем более в сфере глубоко интимной, духовной. Любопытно, что за свою многовековую историю западные христианские литургии в конце концов приобрели «национальный» характер², а, например, иудейские не только в течение тысячелетий были одним из важнейших стержней еврейского национального единения, но и после утраты ивритом живых разговорных функций, едва ли не главнейшим очагом функционирования последнего и условием его сохранения, последующего возрождения и огосударствления.

Любое из литургических пространств (существуя с той или иной продолжительностью) предполагает наличие неких правил реализации самой литургии, которая первоначально имела характер импровизации и лишь затем постепенно превращалась в ритуал. По определению современных ведущих польских католических богословов, «служба, именуемая литургией, осуществляется для блага общины верующих... по сути своей является

связью между Богом и людьми»³. Впрочем предлагавшиеся дефиниции понятия «литургия» не могут считаться достаточными, о чем говорят практически все теологи и религиоведы в мире. Литургия – универсальная мистерия, имеющая наряду с «национальными» и региональными особенностями, порой сугубо местного свойства, трансцендентную основу. Одна из творческих сторон этой мистерии, ее активные участники – клирик и сообщество мирян, которые являются во всех их вероисповедных проявлениях необходимой составляющей литургического пространства.

Языки литургии всегда принадлежали к тем семиотическим системам, которым отводилась особая роль в жизни человечества. Довольно условно языки эти можно было бы назвать сакральными. В изучении их общих свойств и закономерностей функционирования сделано пока что слишком мало, что, правда, не мешает современным ученым строить отдельные далеко идущие выводы и на имеющемся материале⁴. Не приходится говорить, что и от создания лингвистической модели литургического языка, частной по отношению к модели литургического языка вообще, мы еще очень далеки. Исключительно языковедческие методы здесь явно недостаточны. Стержневая составляющая языка литургии далеко не тождественна динамической структуре литургического языка. В этой связи очень показательны усилия западных ученых различной вероисповедной ориентации, а в последнее время и российских, постепенно подходящих к проблеме не только с pragматической, но и теоретической стороны.

Собственно об униатской (иначе греко-католической) литургии на востоке Европы известно очень мало. Эта проблема почти не изучалась. В свое время мы рецензировали, пожалуй, лучшую монографическую работу, посвященную одному из важных частных вопросов этой непростой для исследователя тематики⁵. В целом же ученые пока смогли лишь приблизиться к ее изучению, о чем свидетельствуют прежде всего труды представителей ордена базилиан (vasiliyan)⁶, выгодно отличающиеся от немногочисленных пока исследований современных католических теологов, пробовавших писать на те же темы⁷. Впрочем, не только униатская восточнославянская литургия, но и традиционная событийная история униатской (греко-католической) церкви не получили до сих пор сколько-нибудь обстоятельного освещения. Даже орден базилиан не имеет такой синтетической истории, если не считать книги очерков о нем, опубликованной в преддверии празднования 400-летия Брестской церковной унии⁸. А ведь базилиане, по словам А. Брюкнера, повторенным затем в трудах многих европейских ученых, были «для унии тем», «чем иезуиты были для католицизма»⁹.

Если на белорусских землях церковная уния распространилась уже в начале XVII в., то значительная часть украинских земель попала в орбиту ее действия лишь столетие спустя. В 1693 г. к унии присоединилась перемышльская епархия, в 1700 г. — львовская, в 1702 г. — луцкая. По свидетельству источников «с 1702 г. к киевской греко-католической митрополии принадлежало восемь епархий: митрополичья киевская, полоцко-витебская, владимирско-брестская, пинско-туровская, луцко-острожская, львовско-галицкая, перемышльско-самборская и холмско-белская»¹⁰. Нужно отметить, что абсолютное большинство верующих в этих епархиях составляли крестьяне; огромная несколько миллионная масса которых и была одним из главнейших компонентов униатского литургического пространства начиная с XVII столетия.

Тесно соприкоснувшись с миром западной литургической культуры уже в первой половине XVII в., базилиане, а многие из них получили богословское образование в различных католических школах, включая высшие, в том числе и в Риме, в середине столетия обращают свое внимание на униатскую литургию, точнее на литургическую практику тогдашней униатской церкви. Первоначально этот интерес носил чисто компаративистский характер и связывался с литургическим чином в самих базилианских монастырях. Основы собственной литургии были заложены позднее, огромную роль в этом сыграл митрополит Киприан Жоховский, издавший в 1695 г. в Супрасльском Благовещенском монастыре первый униатский служебник — «Летургикон», который являлся прототипом-протографом для всех униатских служебников XVIII — первой половины XX вв.¹¹

Реформа униатского митрополита Киприана не была делом быстрым и одномоментным. Справедливости ради необходимо упомянуть труды одного из предшественников этой реформы, а затем и ее творцов — протоархимандрита базилианского ордена Пахомия Огилевича (1624—1690-е годы). Его перу принадлежит ряд историко-литургических исследований и переводов литургии, которые при жизни он опубликовал в Вильно и Кракове, в дальнейшем они неоднократно переиздавались в Почаеве и Львове¹². В 1683 г. на совещании у папского нунция в Варшаве было решено начать издание литургических книг для белорусско-украинских униатов и создать специальную литургическую комиссию, в которую вошли Киприан Жоховский (ее глава), епископы Яков Суша, Маркиан Белозор, Лев Заленский и наиболее образованные представители ордена базилиан — о. Пахомий Огиевич и о. Самуил Пилиховский, а также иезуит Теофил Рутка¹³.

Руководитель этой литургической комиссии (он же униатский митрополит и архимандрит Супрасльского монастыря, правда самозванный) прекрасно понимал, что для регулярного издания и совершенствования униатской литургической книжности необходимы особые условия, в частности, и специальное издательство с целым штатом справщиков — редакторов-текстологов, найти которых можно было лишь в монастырской среде, т. е. среди базилиан, хотя в оппозиции к последним постоянно находилось белое униатское духовенство, позднее прямо обвинившее орден в полонизации и латинизации жизни униатской церкви. Впрочем, и сами униатские митрополиты постоянно были в весьма сложных отношениях с орденом, так как базилиане, подобно иезуитам, согласно положению, подчинялись не им или местным униатским епископам, а непосредственно Ватикану.

Едва ли случайно было избрано место, где предполагалось создать специальную типографию для издания униатских литургических книг, — Супрасльский монастырь, славившийся своими книжными традициями и особым статусом, правда, в силу оговоренных ктиторами монастыря условий формально не принадлежавший базилианскому ордену и находившийся в ведении митрополита¹⁴. Однако первоначальное желание митрополита Киприана Жоховского основать в 1680-е годы в Супрасле типографию не было осуществлено. Причиной тому явилось сопротивление монахов обители, не одобравших кандидатуру митрополита, стремившегося с 1670-х годов занять богатую Супрасльскую архимандритию¹⁵. Лишь после смерти в 1691 г. супрасльского архимандрита Иосифа Михневича Киприану Жоховскому представилась возможность стать во главе монастыря¹⁶, уже не раз снабжавшего митрополита деньгами, часть которых, видимо, предназначалась на заведение типографии.

В середине 1680-х годов к числу лиц, активно содействующих созданию униатской литургии, присоединяетсяprotoархимандрит базилианского ордена Иосиф Петкович, который на Новогрудской конгрегации 1686 г. предлагает митрополиту несколько кандидатур из числа ученых базилиан для подготовки литургических текстов¹⁷.

В конечном итоге Киприан Жоховский начал печатать свой служебник в Вильно, для чего, видимо, употребил и деньги, взятые им в Супрасльском монастыре. К началу 1693 г. печатание служебников в Вильно было прекращено, и Киприан Жоховский (не ранее 25 февраля 1693 г.) отдал распоряжение о перевозке их в Супрасль. Одновременно в Супрасльский

монастырь было перевезено и оборудование типографии виленских базилиан, в том числе печатный станок¹⁸. Официальные документы сообщают, что привезенные Киприаном Жоховским 1300 экземпляров неоконченного служебника были даны монастырю митрополитом в залог взятых им денег. Составление документов о залоге пришлось для монастыря весьма кстати, так как в том же 1693 г. Киприан Жоховский умер во время очередного посещения Супрасля¹⁹. Невозможность получения крупного долга митрополита от его наследников заставила монастырь и руководство базилианского ордена подписать в сентябре 1694 г. новый документ, признающий собственностью монастыря 500 экземпляров служебника из числа оставленных Киприаном Жоховским в залог.

В документе ничего не говорится о судьбе остальных 800 экземпляров, находившихся в монастыре, однако можно предположить, что большинство из них перешло в собственность монастырю, так как почти все экземпляры, сохранившиеся до наших дней, имеют в конце приплет, состоящий из допечатывавшихся в Супрасле листов. На последнем из этих, допечатывавшихся в Супрасле, листов читаем: «Сей служебник... окончаясь в с. лавре Супрасльской. Року божия 1695, сентября, дня 21». Все это говорит о том, что Супрасльский монастырь воспользовался привезенным митрополитом Киприаном Жоховским оборудованием типографии виленских базилиан и, получив в свою собственность недопечатанные в Вильно служебники, допечатывал их в Супрасле. В XIX в. в монастырском архиве было дело № 8 «О типографии с 1694 года»²⁰, именно эту дату — 1694 г. (не ранее 7 сентября) и следует считать началом работы типографии в Супрасле, хотя типографское оборудование, вывезенное из Вильно, находилось здесь уже с 1693 г. Допечатывание служебника в Супрасле производилось под руководством архимандрита монастыря Симеона Киприановича (или, как в колофонах, Циприановича), который был редактором допечатываемой части. Супрасльские издатели оставили прежний титульный лист книги, награвированный известным художником Леонтием Тарасевичем, на котором имеются следующие выходные данные: «в Вилни... в лето... 1692 года». Оставлено было предисловие к служебнику от лица Киприана Жоховского, а также гравированное изображение протектора (патрона) базилианского ордена князя К. С. Радзивилла, который, как это следует из предисловия, оказывал митрополиту помощь в издании книги.

Анализ всех без исключения подготовительных материалов к изданию «Летургиона», осуществленного митрополитом Киприаном Жоховским, говорит о том, что его служебник представляет собой памятник, о котором

он с полным правом мог сказать: «...сия книга... мною и в моя времена изновлена»²¹. При подготовке издания маловостребованным оказался даже труд такого замечательного литургиста из числа монахов базилианского ордена, как Самуил Пилиховский²². Приоритет митрополита и его роль в становлении униатской литургии несомненны, что признается и современными учеными-базилианами, которые прямо пишут: «Служебник митрополита] К. Жоховского... до сих пор живет в литургии Укр[айнской] Кат[олической] Церкви»²³.

На протяжении всей истории языки церкви, в том числе и восточнославянской униатской, претерпевали постоянные изменения. Это касалось и языков лингвистических книг, включая церковнославянский — язык восточнославянской униатской литургии. В условиях постепенной латинизации всей жизни униатской восточнославянской церкви в рассматриваемый период церковнославянский язык оставался едва ли не главным связующим звеном с общей кирилло-мефодиевской культурной традицией, основой в определении этнокультурного родства униат, принадлежности их к особому пограничному миру между Западом и Востоком, демаркатором, отделяющим их от сообщества католиков-латинян, прежде всего поляков. Впрочем, нужно заметить, что в ту пору в униатской церковной жизни церковнославянский язык, естественно, не был единственным²⁴. Языками церкви, функционировавшими в ее повседневном быте, делопроизводстве и т. д., были по крайней мере польский, местные народные говоры, часто обозначаемые определением «русский», и, в малой степени, почти исключительно в среде ученого монашества и епископата, латинский. В письменной практике использовался и некий языковой конгломерат, который ученыe до сих пор собирательно именуют «простой мовой». Все эти языки в той или иной форме и виде преподавались в различных униатских школах, что способствовало сохранению весьма пестрой и разнообразной языковой картины, которую Н. И. Толстой охарактеризовал так: «Едва ли можно на территории греко-славянского мира... обнаружить аналогичное положение, где бы бытующие «типы», «варианты» или, лучше сказать, различные манифестации литературного языка образовывали столь широкий спектр, с многочисленными переходами и оттенками, в котором на одном фланге находился польский язык (тоже славянский!), а на другом — древнеславянский в довольно чистом виде (т. е. близкий к языку эпохи второго южнославянского влияния — XIV—XV вв.)»²⁵.

В обучении церковнославянскому языку мирян в униатской среде ведущую роль играли местный клир, всевозможные, правда весьма немно-

гочисленные, школы и собственно сама литургическая служба. К концу XVII в. в восточнославянской униатской церкви значительно окрепла позиция польского языка, а латинской (польской) графикой стали записываться и даже перепечатываться отдельные церковнославянские тексты. Польский постепенно оказался ведущим бытовым и письменным языком в восточнославянской униатской церкви. Совсем не случайно первый историограф этой церкви базилианин Игнатий Кульчинский (1694—1741) писал: «...польский язык... в этих наших краях мы, монахи... как родной во всех случаях... обычно используем»²⁶. В широком же народном обиходе польский наряду с местными говорами стал почти полнокровным живым языком, на котором осуществлялось общение не столько в пределах своего прихода или, точнее, униатской общины, а более всего вне ее. При этом польский язык к тому времени по уровню различного рода нормализации, в том числе и в письменной практике, явно доминировал над местным «русским» языком. Польский связывал не только с миром государственных чиновников, высшей иерархии, владельцев поместий, но и западной культуры вообще. Церковнославянский в литургии виделся атрибутом самобытности и был наряду с латинским у католиков полноправным языком обращения к Высшему.

Несмотря на временные утраты, восточнославянские униаты довольно рано поняли всю ценность для их церкви церковнославянского языка. Уже Иосафат Кунцевич в бытность полоцким архиепископом провозглашал в своих «Уставах» необходимость сохранения некоторых чтений на церковнославянском языке не только на литургии²⁷. В базилианских школах церковнославянский язык преподавался и в XVII, и в XVIII вв., хотя составить достаточно точное представление о характере такого обучения за столь долгий срок из-за недостатка документальных материалов не представляется возможным. Счастливое исключение — период деятельности Эдукационной комиссии, генеральные визитаторы которой собрали довольно много сведений на этот счет²⁸. Впрочем, сама комиссия никакого практического отношения к преподаванию церковнославянского языка не имела: обучение ему было делом самой церкви и только. Естественно, оно не прекратилось и после ликвидации комиссии²⁹. В специальных униатских школах для будущего приходского клира обучение языкам, в том числе и церковнославянскому, носило более интенсивный характер, а уровень этих школ к концу XVIII в. был весьма высок. Правда, и известно о них еще явно недостаточно³⁰.

В 1720 г. в Замостье состоялся собор (синод) восточнославянской униатской церкви, которому предстояло войти в историю в качестве поворотного события в ее внутренней жизни. Замостский собор явился новым, по существу реформационным, этапом в унификации литургической практики этой церкви, в конечном счете способствовавшей ее латинизации. Даже если допустить, что мнения ряда ученых, в основном православной ориентации, о провозглашении тотальной «латинизации обряда в униатской церкви» преувеличены³¹, тенденция к узакониванию этого процесса несомненно имела место³².

Инициатором проведения Замостского собора был митрополит Леон Кишка, недавнийprotoархимандрит базилианского ордена. В 1715 г. в своем прошении в Ватикан, он предлагал созвать собор для решения следующих основных задач: 1) осуждения учения русских старообрядцев; 2) установления границ ряда епархий; 3) узаконения процедуры поставления епископов; 4) введения единообразия в литургии. Проект митрополита обсуждался под руководством папского нунция в течение нескольких лет, и к указанным задачам был добавлен еще дополнительный их перечень. Решения собора объединили почти в два десятка особых параграфов, ряд которых прямо или косвенно относился к проблеме литургической практики³³. Принятые в 1720 г. в Замостье решения собора Ватикан утвердил в 1724 г., и только с 1725 г. они стали обязательны для униатской церкви.

Узаконив изменения, внесенные в униатскую литургию на протяжении XVII — начала XVIII вв., и по сути признав супрасльский «Летургикон» митрополита Киприана Жоховского неким основополагающим литургическим текстовым корпусом³⁴, Замостский собор устами своего инициатора высказал озабоченность проблемой адекватного восприятия и толкования литургических текстов, прежде всего самим униатским миром. Проблема эта, видимо, давно заботила Леона Кишку, искавшего способы ее разрешения уже по крайне мере с 1710-х годов. Постепенно он пришел к мысли о том, что одной из действенных и совершенно необходимых мер должно стать составление и издание соответствующих словарей, доходчиво и точно толкующих церковнославянские слова и выражения, связанные с литургическим чином. Именно словари сыграли бы первостепенную роль для достаточно быстрого и всеохватывающего изменения существующего положения в лучшую сторону, став важнейшим средством поддержания герменевтической однородности всего униатского литургического пространства.

18 января 1722 г. в Супрасльском монастыре, архимандритом которого Леон Кишка являлся с 1708 г., был выпущен в свет отпечатанный кириллицей и латиницей «Лексикон сиреч словесник славенский, имеющ в себе слова первое Славенския, Азбучныя, посем же Польския»³⁵. Несмотря на анонимность «Лексикона», о котором специально говорилось и на Замостском соборе³⁶, одного из возможных его авторов назвать необходимо. Это сам Леон Кишка — талантливый церковный писатель³⁷. В ходе Замостского собора Леон Кишка добился для Супрасльского монастыря монопольного права на издание и продажу кирилловской церковной литературы новой редакции, утвержденной собором. Это способствовало укреплению материальной базы издательского центра в Супрасле, получению монастырем большого дохода от реализации его книжной продукции, позволившего начать в обители и вне ее большое строительство, в том числе возвести резиденцию в Варшаве³⁸.

Супрасльский «Лексикон» был напечатан одновременно с еще одним важным для нашей темы изданием, составившим с ним как бы единый блок. Мы имеем в виду предварившее «Лексикон» «Собрание припадков краткое и духовным особам потребное». Являясь своего рода развернутым катехизисом, предназначенным для парохов, т. е. униатских священников³⁹, «Собрание» заключало в своих вступительных статьях ряд документов, касающихся формирования структур поддержания однородности функционирования униатского литургического пространства. Приведем фрагменты некоторых из них: «Леон Кишка Божию и Святого Апостолского Фрону Милостию, архиепископ, Митрополита Киевского, Галицкий, и всея России, епископ Володимирский и Берестийский, Киевопечарский и Супрасльский Архимандрита. Понеже Святый Собор Замойский единому, токмо, Общежителному Монастыреви Супрасльскому, повеле и изволи, издание типом Катехисмов, Падежей совести и деяний Собора Замойского; сего ради да никтоже в свойственной си Типографии дерзнет нынешнея сея книги, Падежей совести, Катехизму и Лексикону, типом изображати, под виною Клятвы, и утратою сицевых книг, взбраняем и завещаем. Писан в Супраслю дня 2 Месяца Генваря. 1722. Леон Митрополита, рукою власною» (Л. 1 об.); «Собор ...узаконяет, дабы койждо презвитер, в вся дни недельныя по евангелии, и в инишия часы удобнейшия, егда множество людей будут в церкви, научил их, яже ведати должны суть, да спасутся, от Катихизму, его же, аще мало памятствовать будут, чести в услышание всем может» (Л. 5 об.-6).

Цели составителей и издателей «Лексикона» были весьма лапидарно изложены в начале краткого «Предисловия к читателем»: «Σъ неисченюю болестю срѧца, и гаꙑвою оутрокы неоудобъ исцѣлию; иѡшерѣли Искѹстїе, или Едаминаторову, поставлѹмыхъ въ Іерейство Людей, яко сотынъ Іерей, едва Славенскїй разѹмѣтъ гаꙑкъ, невѣдай что чтетъ, въ Бжествѣнной Слѹжбѣ, съ погнбелюю своею, и порѹченныхъ Пастѣвъ его, дашь Кровю Г҃да Бга ишего Іса Ха искѹспленны, сіеже все искѹсно бысть текѹщаго Году, и мнозѣ юрновенни ѿ рѹкоположенїа на Іерейство, седи ради винны, иѡшерѣтошася. Сia вся нерадунїа, да въ Россїи соединненой, искорененна вѹдѹть, Азѹчный Лебіонъ, съ егоже, не токмо до Іерейскаго Санѹ готовающїся Людїе, но и самыи Іереи, въ Славенскомъ иѡуоченїи шврѧциѹтса гаꙑцѣ, Сѹраслскаго Монастыря Тупомъ, иѡдається съ толкованїемъ словесъ неоудобъ разѹмѣтелныхъ».

Важное во всех отношениях это свидетельство, касающееся судеб церковнославянского языка в жизни восточнославянской униатской церкви, трактовалось и до сих пор трактуется учеными весьма своеобразно: абсолютное большинство авторов, ссылающихся на этот документ, никогда его не видели. Они просто воспользовались сведениями, полученными из вторых или даже третьих рук, сведениями, восходящими к изначально неверному весьма одностороннему прочтению более чем вековой давности. Выводы же при этом делались весьма далеки от истины, не исключая и интегральных характеристик этнокультурной ситуации в униатской среде. «В чистом виде, — читаем мы, — церковнославянский постепенно забывался и среди духовенства. Как констатировал в 1772 г. (так в тексте. — Ю. Л., Л. Щ.) митрополит Л. Кишка, едва ли хотя бы каждый сотый иерей владеет им»⁴⁰. Одним словом, налицо забвение того, что правильное прочтение документа предполагает обязательное знакомство с оригиналом или хотя бы с максимально точной его копией, возможно полное знание обстоятельств появления документа и, наконец, точный анализ его собственно текстового контекста, важнейшей составляющей которого в нашем случае служит словарная часть «Лексикона», нимало не интересовавшая историков ни столетие назад, ни сейчас⁴¹.

Полный экземпляр «Лексикона» содержит 32 нумерованных листа и один ненумерованный, где приведен перечень опечаток («Отыѣki Турографskie, znaydujace się w Lexikonie»). «Лексикон» отпечатан черной краской в два столбца. Его художественное убранство ограничивается простой концовкой растительного орнамента и такими же заставками и рамками. Все они

повторяются и в других изданиях Супрасльской типографии как кирилловских, так и напечатанных латиницей. Основные шрифты текста — мелкий кирилловский и мелкий латинский (польский) курсив — также часто встречаются во многих других супрасльских изданиях. Вслед за «Предисловием» идет основная, словарная, часть «Лексикона». Она состоит почти из четырех тысяч «славенских» слов и примерно пяти тысяч объясняющих их польских слов и выражений. Там, где это необходимо с целью максимальной точности передачи смысла «славенских» слов, приводится несколько польских эквивалентов (например, слово «Былие» поясняют три польских, далеко не однозначных по смыслу определения — «Ziele. Lekarstwo. Trucizna»).⁴² Иногда отдельные «славенские» слова поясняются целыми предложениями (например, слово «Акриды» — «Ziele, ktore z zioł rożnych smaki do siebie przyciaga»).⁴³ Все слова в «Лексиконе» подобраны по признаку их наиболее частой употребляемости и в то же время отмечены признаком «неудобъ разуметельных», т. е. наименее понятных в церковном обиходе. В нем помещены имена существительные, прилагательные, глаголы, причастия, деепричастия, местоимения, наречия, союзы. Супрасльский «Лексикон» заметно отличается от известных печатных словарей П. Берынды («Лексикон славенороссийский». Киев, 1627 г. и его кутейнского переиздания 1653 г.) и Ф. Поликарпова («Лексикон трезыгчный». М., 1704), которые были использованы супрасльскими составителями⁴⁴. Несомненно также, что они обращались и к рукописным лексиконам, количество которых стало особенно значительным к концу XVII в.⁴⁵ Такие лексиконы имелись в библиотеках многих тогдашних белорусских монастырей, в том числе и в Супрасльском⁴⁶.

Однако использование составителями супрасльского «Лексикона» уже имеющихся материалов отнюдь не умаляет их труда. Издание «Лексикона» 1722 г. — труд специальный, потребовавший значительной подготовки, сил и знаний. Это подтверждают словарный состав «Лексикона», не совпадающий полностью ни с одним известным нам печатным словарем, большее, нежели в известных нам лексиконах, количество слов на отдельную букву, изменение грамматических форм слов, изменение орфографии и ударений⁴⁷. Подобную работу мог проделать только опытный лексикограф или же несколько лиц, пользовавшихся как печатными, так и рукописными материалами. Наконец, налицо хорошее знание по крайней мере трех языков: церковнославянского, польского и отчасти греческого, а

также знакомство, как это следует из текста самого словаря, с латинским и «рускими» языками⁴⁸.

Сохранившиеся документы позволяют сделать некоторые предположения относительно тиража «Лексикона». Особенно любопытен документ, подписанный 24 октября 1788 г. префектом супрасльской типографии М. Оссуховским, в котором излагается история распространения изданий типографии, выпущенных после Замостского собора. По инициативе Леона Кишки на монастырские средства типография монастыря должна была отпечатать одобренные собором книги для десяти тысяч восточнославянских униатских церквей. Печатались они на бумаге супрасльской бумажной фабрики, построенной десятью годами ранее, и переплетались за счет монастыря⁴⁹. С распространением книг по епархиям монастырь успешно справился. Это касалось и «Лексикона», в котором нуждалась униатская церковь. Мы не предполагаем, что отпечатанных экземпляров супрасльского «Лексикона» хватило для всех униатских церквей, так как в Супрасле было осуществлено только одно его издание и тираж, учитывая технические возможности, вряд ли мог достигать десяти тысяч. Однако, в свете указанных фактов, а также роли, отводившейся «Лексикону», очевидно, что тираж его был достаточно большим. Реализация тиража производилась в основном путем рассылки с книжного склада⁵⁰ по центрам епархий, откуда, в свою очередь, книги распределялись по приходам⁵¹.

Собранные нами материалы свидетельствуют, что супрасльский «Лексикон» сыграл выдающуюся роль в поддержании герменевтической однородности белорусско-украинского литургического пространства в XVIII и XIX вв. Он получил широчайшее распространение в униатской среде. В XIX в. пользовались им и православные, причем не только те, кто недавно еще был униатом⁵². Супрасльский «Лексикон» оказался весьма ценным пособием как для чтения произведений кирилловской книжности, так и в деле изучения «славенского» языка в белорусской, украинской и польской среде⁵³. Поражает не только широта распространения этого издания — от местечка Цехановца в нынешнем Подляшском воеводстве Польши, на самой западной оконечности бывшего Великого Княжества Литовского, где по крайней мере с XV в. стоит Вознесенская церковь⁵⁴, до церквей гомельского благочиния на самой восточной границе бывшего Великого Княжества Литовского, на современной границе Белоруссии с Россией⁵⁵. Поражает особое отношение к этой книге владельцев и читателей, оставивших на ее страницах большое количество всевозможных запи-

сей и помет, анализ которых позволяет сделать множество выводов самого различного свойства и направленности. В частности, о функционировании в их среде церковнославянского языка, адекватности толкования тех или иных текстов, вплоть до отдельных выражений и даже слов; образованности сделавших записи, их культурной, религиозной и национальной ориентации, наконец, различных сокровенных симпатиях, не исключая и политические. Особое значение этот материал имеет, конечно же, для историка церкви и церковной культуры, в изучении которой светские исследователи не только у нас, но даже и за рубежом сделали пока что немного. Например, эти записи позволяют проследить в общих чертах судьбу такого интереснейшего явления, тесно связанного с церковной практикой, как восточнославянское «старостильничество» — подлинной *terra incognita* для современных культурологов, историков, этнологов и вообще гуманистов, изучающих жизнь тех народов, неким стержнем и ориентиром которых оно являлось.

Записи свидетельствуют, что в самое разное время, вплоть до XIX в. включительно, супрасльский «Лексикон» охотно покупался и перекупался порой за весьма высокую цену. Дефицит его экземпляров и все возрастающие потребности в нем, то значение, которое придавали супрасльскому «Лексикону» иерархи восточнославянской униатской церкви и монахи-базилиане, объясняют факт его последующих переизданий⁵⁶. В 1751 г. в типографии Почаевского монастыря было осуществлено первое переиздание супрасльского «Лексикона», припечатанного к «Богословии нравоучительной», а в 1756 г. там же — вторая. В 1804 г. в Почаеве осуществлено его переиздание отдельной книгой⁵⁷. Супрасльский «Лексикон» — первый и в течение более чем столетия единственный печатный церковнославяно-польский словарь большого объема — активно использовался и при составлении иных подобных словарей. Упомянем только важный во всех отношениях «Приручный словарь славено-польский или Собрание речений славенских неудобь разуметельных, обретающихся в книгах церковных, на язык польский толкованных» (Лвигород, 1830)⁵⁸. Впрочем, свое значение в качестве церковнославяно-польского словаря, необходимого для адекватного прочтения униатской кирилловской книжности и литературы XVI—XIX вв., супрасльский «Лексикон» не утратит никогда. Да и в наши дни, там в Польше, где в среде православных активно используется польский язык, ставший по сути родным, отмечен опыт издания этого словаря в качестве приложения к учебнику церковнославянского языка⁵⁹.

В XIX столетии после ликвидации униатской восточнославянской униат-

ское литургическое пространство еще долго сохраняло многие свои знаки и атрибуты. Мы могли бы показать это, ссылаясь на множество дошедших до нас архивных документов, нарративных источников и записей на тех или иных литургических книгах и экземплярах «Лексиконов». Все перечисленное — колоссальная база данных. Для краткости же ограничимся цитатой из книги ученого — очевидца и исследователя событий тех лет, православногоprotoиеряя профессора А. Ф. Хойнацкого (1836—1888). «Наследовав... церкви и приходы униатских иерархов, — писал он, — западно-руssы вместе с сим наследовали от них и униатские богослужебные книги. И по этим книгам до последнего времени служили не десятки и сотни, а целые тысячи православных священников западного края России, большую частью не обладая средствами приобрести книги православные, а иногда и прямо по одному простому непониманию униатских книг, их антиправославного характера и направления»⁶⁰. Непонимание это не являлось случайным. Оно было связано прежде всего с сакрализацией церковнославянского языка, непрерывностью кирилло-мефодиевской культурной традиции, схожестью коммуникационно-трансляционных функций церковнославянской книжности и письменности. Не удивительно, что, как показывают наши наблюдения, в некоторых приходах официально перешедших в православие в 1875 г. и даже в 1839 г. служили по униатским книгам вплоть до конца XIX в., а в самых глухих уголках еще и в начале XX в.

Примечания

¹ Naumov A. Unia religijna jako rozdarcie kultury // Slavia Orientalis. 1993. № 2. S. 208.

² См., напр.: Катанский А. Л. Очерк истории древних национальных литургий Запада. СПб., 1870; Cabré R. Histoire de la messe: Des origines à nos jours. Paris, 1990.

³ Katolicyzm A—Z. Poznac, 1989. S. 228.

⁴ См., напр.: Мечковская Н. Б. Кирилло-мефодиевское наследие в филологии Slavia Orthodoxa и языковые вопросы в русском православии XX века // Славяноведение. 2000. № 2. С. 3—17.

⁵ См.: Лабынцев Ю. А. Интегральное исследование о белорусских и украинских «Литургионах» XVI—XIX вв. // Бюллетень МАИРСК. 1992. № 26. С. 107—108.

⁶ См., напр.: Соловій М. Божественна Літургія: Історія-Розвиток-Пояснення. Рим, 1964; Ваврик М. М. До історії Служебника в Української Католицької Церкві в 2-ій половині 17-го ст. // Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Romae, 1979. Т. XVI. С. 98—142; *Он же*. Служебник митр. К. Жоховського 1692 г. (Генеза й

анализа) // *Analecta Ordinis S. Basili Magni. Romae, 1985. T. XVIII. C. 311–341; Huculak L. D. The Divine Liturgy of St. John Chrysostom in the Kievan Metropolitan Province during the period of the Union with Rome (1596–1839). Rome, 1990.*

⁷ См. напр.: *Narbutt O. Historia i typologia ksiąg liturgicznych bizantyńsko-słowiańskich: Zagadnienie identyfikacji według kryterium treściowego. Warszawa, 1979.*

⁸ См.: Нарис історії Василіяського чину Святого Йосафата. Рим, 1992.

⁹ *Brückner A. Dzieje kultury polskiej. Warszawa, 1958. T. 3. S. 422.*

¹⁰ *Historia Kościoła w Polsce. Poznań—Warszawa, 1974. T. 1. Cz. 2. S. 463.*

¹¹ В 1942 г. Украинская католическая церковь приняла новый текст служебника на церковнославянском языке.

¹² См., напр.: *Ohilewicz P. Ecphonemata liturgie greckiey. Wilno, 1671.*

¹³ См.: *Welykyj A. Epistolae Metropolitarum Cath. Kioviensium. Romae, 1958. T. 3. P. 74–75.*

¹⁴ См.: *Модест, архим. Документы, относящиеся к истории Супрасльского монастыря // Вестник Западной России. 1861. Т. 2. Вып. 7. С. 26.*

¹⁵ См.: *Николай (Далматов), архим. Супрасльский Благовещенский монастыри: Историко-статистическое описание. Спб., 1892. С. 174–187.*

¹⁶ См.: Там же. С. 187–199.

¹⁷ См.: Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1900. Т. 12. С. 124.

¹⁸ См., напр.: Археографический сборник документов... 1870. Т. 9. С. 310–311.

¹⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т. 32. С. 196.

²⁰ См.: *Модест, архим. Указ. соч. С. 1–10.*

²¹ Летургикон. Вильно—Супрасль, 1692–1695. Л. 5 об.

²² До наших дней сохранился его рукописный «ΛΕΙΤΥΡΓΑΡΙОН си есть ΣΛУЖЕБНИΚЬ», подаренный после смерти о. Самуила митрополитом Киприаном Жоховским Супрасльскому монастырю (см. запись последнего на титульном листе книги: «...Служебник... монастыреви Супраслкому надан року 1693 місяця август 13 дня» (Отдел рукописей Научной библиотеки Академии наук Литвы. F. 19—192).

²³ *Ваврик М. М. Служебник... С. 341.*

²⁴ Наши многолетние наблюдения над восточнославянской униатской книжностью показывают, что греко-католики уже в XVII в. начинают использовать в отдельных весьма немногочисленных случаях и греческий язык в некоторых молитвословиях. Все это касалось литургий в базилианских монастырях или же литургий, которые служились митрополитами и некоторыми униатскими епископами.

²⁵ *Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 61.*

²⁶ *Kulczyński I. Menologium bazylianńskie. Wilno, 1771. S. 5.*

²⁷ См., напр.: *Карский Е. Ф. Белорусы. Пг., 1921. Т. 3. Ч. 2. С. 143.*

²⁸ См., напр.: *Raporty generalnych wizytatorów szkół Komisji Edukacji Narodowej w Wielkim Księstwie Litewskim* (1782—1792). Wrocław, 1974.

²⁹ См., напр.: *Савич А.* Нариси з історії культурних рухів на Вкраїні та Білорусі в XVI—XVIII вв. Київ, 1929. С. 295—298.

³⁰ См., напр.: *Senyk S.* The Education of the secular Clergy in the Ruthenian Church before the Nineteenth Century // *Orientalia Christiana Periodica*. 1987. № 53. Р. 387—416.

³¹ См., напр.: *Чистович И.* Очерк истории Западно-Русской Церкви. СПб., 1884. Ч. 2. С. 378—382; *Павлович С. К.* Опыт истории Замойского униатского провинциального собора (1720 г.). Гродно, 1904; *Зноско К.* Латинизация православного богослужения в униатской церкви. Warszawa, 1932.

³² См., напр.: *Lojacono P.* Un tentativo di conciliazione tra Occidente latino e Oriente greco Considerazioni sul Sinodo di Zamist' // L'Ucraina del XVII secolo tra Occidente ed Oriente D'Europa. Kyiv—Venezia, 1996. Р. 483—509.

Вообще географическая близость к Западу и миру Slavia Latina всегда оказывала самое непосредственное влияние на культурную жизнь белорусских и украинских земель начиная с самого раннего времени. Все это прямым образом сказалось и на тамошней православной жизни церкви. Изменения в сравнении с тем, что имело место в Московском государстве, оказались весьма заметными и в православной литургии и в целом в православном обряде. На это обращали внимание многие тогдашние выходцы из Московии, по тем или иным причинам оказавшиеся вне ее границ. В еще большей степени это прослеживается на примере прибывших в Москвию деятелей православия из Украины и Белоруссии. Разницу эту, например, весьма остро ощущал московский перебежчик князь Андрей Курбский, произведения которого, апологетически православные по своей направленности, переписывались уже с внесением в кирилловскую графику чисто латинографических элементов, в частности кирилловскую w передавали как латинское w (Отдел рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Г.4071. Л. 391 и др.).

³³ См. решения собора: *Synodus Provincialis Ruthenorum habita in civitate Zamosciae anno 1720. Romae*, 1724 и др. издания, а также исследования, где особое внимание уделяется именно этому вопросу на соборе: *Амвросий (Лотоцкий)*, архим. Взгляд православного на Замосцкий собор, бывший в 1720 году // Труды киевской духовной академии. 1862. С.396—427; *Bilanych J.* *Synodus Zamostiana an. 1720. Rome*, 1960.

³⁴ Как показывают наши наблюдения, Льву Кишке принадлежит заслуга дальнейшей работы над униатским литургическим чином. Так, в 1716 г. в Супрасле его стараниями был издан «Понтификал си есть Службник Святительский», кстати, содержащий указание на необходимость пения некоторых молитвословий на греческом языке (см., напр.: л. 9 и 9 об. — «Святитель с священники, и диаконы поеть... Трисвятое гречески», «Поему Трисвятыму Гречески...» и т. д.). По ини-

циативе Льва Кишки была начата и работа над новым изданием служебника, который стали печатать в Супрасле в 1727 г.

³⁵ Подробнее см.: *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Супрасльский церковнославянско-польский словарь 1722 г. Минск, 1995.

³⁶ См.: Собрание припадков. Супрасль, 1722. Л. 1 об.

³⁷ Леон Кишка (светское имя Лука) — автор многих книг, в том числе напечатанных в дорогом ему Супрасльском монастыре, в котором он создал крупнейший униатский издательский центр, знаменитый проповедник, знаток нескольких новых и древних языков, оставилший после себя многотомные воспоминания. Родился в 1668 г. на Волыни. Учился в Бытенском монастыре, где в 1683 г. стал членом базилианского ордена, затем в Риме. Получив степень доктора теологии, в 1694—1696 гг. был профессором риторики и философии в базилианской школе во Владимире-Волынском, затем секретарем ордена базилиан, а с 1703 по 1713 г. протоархимандритом. В 1711 г. Леон Кишка поставляется на владимирско-брестскую епископскую кафедру, а в 1713 г. избирается киевским митрополитом и исполняет эту должность до самой смерти в 1728 г., являясь одновременно и архимандритом Супрасльского монастыря. Подробнее о Леоне Кишке см.: *Недельский С.* Униатский митрополит Лев Кишка и его значение в истории унион. Вильна, 1893; *Дурбак Р.* Митрополичя діяльність Льва Кишки (1713—1728). Львів, 1939.

³⁸ См.: *Николай (Далматов)*, архим. Указ. соч. С. 220, 329; Археографический сборник... Т. 9. С. 323—325.

³⁹ «Собрание» содержало «в себе науку о сакраментах, о десяти божиих приказаниях, о приказаниях церковных и науце христианской с выкладом символа или исповедания веры православная кафолическая, с выкладом молитвы: Отче наш и Богородице дево, такожде науку, как подобает наставляти малых или невежов в веры православной» (текст на титульном листе). Последняя часть книги «о науке христианской» (Л. 137—152) была напечатана параллельно на «русском» и латиницей на польском языке.

⁴⁰ *Марозава С.* Берасцейская унія і этнічна свядомасць беларусаў // Беларускі гістарычны агляд. 1996. Т. 3. С. 167.

⁴¹ Впрочем, «Лексикон» никогда не привлекал должного внимания даже лингвистов (подробнее см.: *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Супрасльский... С. 29—31, 36—37).

⁴² Ср. толкование этого слова в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (М., 1975. Вып. 1. С. 364), а также в «Лексиконе славенороссском» Памви Берынды (Киев, 1627. Стб. 16).

⁴³ Подробнее о толковании слова «акрида» в восточнославянских словарных источниках см.: *Ковтун Л. С.* Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977. С. 96—99, а в западнославянских: *Kwilecka I.* Niektóre osobowości leksykalne pochodzenia biblijnego i ich funkcjonowanie we współczesnej polsk-

zczyźnie // Procesy rozwojowe w językach słowiańskich. Warszawa, 1992. S. 101—106, 110—111.

⁴⁴ Эти лексиконы имелись в богатейшей библиотеке Супрасльского монастыря (подробнее см.: Щавинская Л. Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV—XIX в.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, 1998).

⁴⁵ Суднік М. Р. Гісторыя ўзнікнення і этапы развіцця беларускай лексікаграфіі старажытнай пары // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР. Мінск, 1957. Вып. 4. С. 62—122.

Необходимо заметить, что опыты составления обратных, по отношению к нашему «славяно-польскому», словарей относятся ко второй половине XVII в., когда они были подготовлены выходцами из Белоруссии и Украины или же их учениками для «скорого ради... разумения» «польского и славянского» языков теми или иными лицами в Москве. Словари эти отлично сохранились, что, впрочем, пока не способствовало их более или менее подробному изучению (см., напр.: Witkowski W. Dwa rękopiśmienne słowniki polsko-cerkiewno-ruskie z XVII w. // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze. Kraków, 1961. Z. 4. S. 217—225; Дидаакин М., Стрекалова З. Н. Из истории русской лексикографии // Славянское источниковедение. М., 1963. С. 124—131). Нужно подчеркнуть, что «славянский» язык этих словарей далеко не тождественен «славянскому» (церковнославянскому) нашего «Лексикона».

⁴⁶ Подробнее см.: Щавинская Л. Л. Литературная культура белорусов Подляшья...

⁴⁷ Нельзя не привести прямо противоположные мнения по поводу характера ударений в нашем «Лексиконе». Ознакомившись с ним, профессор И. Огиенко, будущий митрополит Илларион, писал: «Ударение это... весьма отлично от московского церковного ударения как современного, так и давнишнего» (Огієнко І. Українська вимова богослужбового тексту в XVII віці: Нарис з історії української фонетики // ЕАРІС. 1916. № 1. С. 32). Несколько позднее он подтвердил свою оценку: «...в 1722 г. в Супрасльской типографии напечатали... церковнославянско-польский словарь, в котором ударение целиком было старым украинским...» (Огієнко І. Богослужбова мова в слав'янских церквях // ЕАРІС. 1931. № 5. С. 43).

Иной взгляд на этот же предмет имел владелец «Лексикона», живший за столетие до И. Огиенко, видимо, склонный к сравнительному анализу церковно-образованный книжник, обитавший в местечке Крево на северо-западе современной Беларуси: «В сем Лексиконе ударение несходное с ударением Московской Киевской и Почаевской Типографии...» (запись на форзаце экземпляра «Лексикона», хранящегося в Научной библиотеке Вильнюсского университета. Р. 220). Книжник этот, а им предположительно был настоятель местной Успенской церкви о. Лев Зенкович, оставил на страницах «Лексикона» всевозможные свои дополнения, уточнения и

исправления на польском и церковнославянском языках, касающиеся содержательной части издания.

⁴⁸ Небольшую работу о польском языке в «Лексиконе» недавно опубликовал известный краковский славист, профессор Ягеллонского университета В. Витковский (*Wilkowski W. O polszczyźnie bazylianskiego słownika supraskiego z 1722 r. // Słowiańskie pogranicza językowe: Zbiór studiów. Warszawa, 1992. S. 209—213*). Впрочем, наблюдения, сделанные ученым, далеко не бесспорны. Мы еще слишком мало знаем о так называемом «польском языке кресов», имеющим свою весьма долгую и запутанную историю, хотя бы абрисно отобразить которую пока не представляется возможным. Вот, например, как отзывался о природном польском языке упоминавшегося уже современника Леона Кишки патрона базилианского ордена К. С. Радзивилла его опекун во время учебы в лублинском иезуитском коллегиуме К. А. Чихровский: «...książęcia Karola przy Łaciniu i do polszczyzny przyuczam, bo barzo po polsku vitiosissime mówil i nie wiem skąd contraxit mazowieckiej mowy sibillum, tak dalece, że się go aegerzime oduczycz może, co by mu i do francuskiego języka przeszkaďał» (цит. по: *Polski Słownik Biograficzny. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź, 1987. T. XXX. S. 240*).

⁴⁹ Экземпляры супрасльского «Лексикона» часто переплетались вместе с «Собранием припадков», составлявшими некий необходимый для униатского духовенства в данный момент справочный корпус. Следует добавить, что два почевских переиздания «Лексикона» 1751 и 1756 гг. были именно припечатаны к «Богословии нравоучительной» (особая редакция того же «Собрания припадков») — они имеют общий с первой частью издания счет тетрадей и даже последние страницы первой части и первые страницы «Лексикона» отпечатаны на одном и том же листе и входят в одну тетрадь. Супрасльский «Лексикон» типографски полностью оформлен как отдельное издание.

⁵⁰ См.: *Николай (Далматов)*, архим. Указ. соч. С. 567.

⁵¹ См.: Археографический сборник... Т. 9. С. 323, 325, 391.

⁵² В настоящее время нам известно более сорока экземпляров супрасльского «Лексикона». Шесть из них — в собраниях Польши: в Библиотеке Народовой в Варшаве (2 экз. — W12638, Сиг. 218 adl), Курницкой библиотеке Польской Академии наук (№ 114573), Варшавской университетской библиотеке (4g 13.5.27в), Ягеллонской библиотеке в Кракове (№ 32498). Одннадцать экземпляров находится во Львовской научной библиотеке им. В. Стефаника (Ст -II-2541, 2543, 2545, 2552, 2553, 2641, 2645, 2647, 2649, 2651, 4454); семь экземпляров в Центральной научной библиотеке НАН Украины в Киеве (Кол. Попова, 49; Кир. 504 (комп. 2); Кир. 4310—4314); по четыре экземпляра в Российской государственной библиотеке в Москве (№ 2069, 2070, 4490, 6378), в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (VII.5.21 а-г), Научной библиотеке Вильнюсского университета (№ 1323453, 1323454, 1323455, 201882). По два экземпляра хранятся в Национальной библиотеке Беларуси (№ 09/4059, 09/4064), Российском историческом

ком музее в Москве (Шап. 946, Меньш. 1786). По одному экземпляру «Лексикона» имеет Библиотека Российской академии наук в Санкт-Петербурге (3236сп), расположенный там же Российский государственный исторический архив (№ 68), а также Львовский исторический музей (CD-273).

⁵³ Отдельные экземпляры супрасльского «Лексикона» попадали и в русские библиотеки уже в XVIII в. (см. экземпляр Российской государственной библиотеки с инвентарным № 2069).

⁵⁴ Родосский А. С. Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии. Спб., 1898. Вып. 2. С. 53.

⁵⁵ См. запись на экземпляре «Лексикона», хранящегося в Национальной библиотеке Беларуси в Минске (09/4059).

⁵⁶ См.: Лабынцев Ю. А. Первый славяно-польский печатный «лексикон» (1722) и его переиздания // Русско-польские связи в области книжного дела. М., 1980. С. 35–44.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Активно использовался супрасльский «Лексикон» и составителем такого остававшегося до недавнего времени в рукописи значительного лексикографического труда как словарь греко-католического священника с Покутья Федора Витвицкого (см.: *Słownik polsko-cerkiewno-słowiańsko-ukraiński Teodora Witwickiego z połowy XIX wieku*. Opracował Jozyp Dzendzeliwski (Redaktor Janusz Rieger). Warszawa, 1997).

⁵⁹ См.: Strach S., ks. Krytka gramatyka języka cerkiewnosłowiańskiego. Białystok, 1994.

⁶⁰ Хойнацкий А. Ф. Западнорусская церковная уния в ее богослужениях и обрядах. Киев, 1871. С.40—41.

Культурное пограничье: «свои» и «чужие» в казацком летописании XVIII в.

«Казацкие летописи» по праву могут считаться политико-публицистическими трактатами. Не случайно Феофан Прокопович утверждал: «Цель истории приносить пользу, но пользу такую, естественно, чтобы мы как по чужим примерам, так и по собственному опыту узнали, что следует делать, а чего избегать»¹.

Хроники Самуила Велички, Григория Грабянки, неизвестного автора, называемого «Самовидцем» (очевидцем) и «Летописец» семьи Дворецких были написаны в конце XVII — начале XVIII в.² В 30—50 годы XVIII в. была составлена «Краткая история Малороссии», «Опис про Малу Россию» Г. Покаса, летопись генерального обозного Я. Е. Лизогубова и Черниговская летопись³. В 1760—1780 гг. появились «Краткое описание о казацком малороссийском народе» П. Симоновского, «Краткое историческое описание» И. И. Квитко⁴. Немного позднее были составлены летопись В. Г. Рубана, «Собрание историческое» С. В. Лукомского и анонимная летопись «Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание...»⁵. Завершает этот ряд «История русов или Малой России», приписываемая архиепископу Георгию Конисскому⁶. Это произведение, внешне сохраняющее форму казацких хроник, наполнено принципиально иным содержанием и принадлежит уже к другой культурной традиции, эпохе Просвещения. Большинство перечисленных произведений пользовалось большой популярностью и распространялось в многочисленных рукописных списках.

«Казацкие хроники» являются излюбленным сюжетом украинских исследователей, которые видят в них истоки формирования современной национальной идеи. Изучение летописей было предпринято в трудах М. Возняка и Д. Багалия⁷. Из последних работ, посвященных этой теме, следует отметить исследования В. Смоля, В. Шевчука, О. Сухого и др.⁸ Значимость «казацких летописей» для понимания процессов, происходивших в украинском обществе середины и второй половины XVIII в. подчеркнули З. Когут и О. Гуржий⁹.

Казацкое летописание XVIII в. можно условно разделить на два этапа. К первому относятся летописи начала века — Г. И. Грабянки, С. Велички и Самовидца¹⁰, которые занимают особое место в украинской историчес-

кой литературе. Эти летописи продолжают историко-литературные традиции второй половины XVII в. в новых исторических условиях. Для их авторов времена Богдана Хмельницкого еще не превратились в историческое прошлое «казацкого народа», были живы свидетели описываемых событий, и психологический барьер между летописцами и их персонажами отсутствует. Следует уточнить, что эти произведения не являются в точном смысле слова летописями — по жанру они должны быть отнесены к историческим произведениям, их авторы занялись литературной деятельностью после отставки с воинской службы, и только изложение событий по годам соответствует стилю летописей.

Во второй трети XVIII в. возникают новые тенденции. Во-первых, летописи середины века уже можно без оговорок причислить к разряду исторических исследований. Помимо компиляции других литературных произведений, авторы часто вводят актовый материал, делаются попытки критического осмысления текста. Обычным становятся описания внешнего вида используемых документов («Писана сия грамота на средней бумаге с каймою же... Печать большая под кустодиею»¹¹), места их хранения, предлагаются датировки, исправляются допущенные ранее ошибки и иногда исследуется достоверность сведений методом сопоставления различных текстов и их критики (особенно когда дело касается иностранных источников). Кроме того, увеличивается доля собственно авторского текста, включающая комментарии, обобщения и выводы. Можно также говорить и о композиционной и концептуальной целостности произведений. Даже в том случае, если летописец прямо не выражает своего мнения по поводу какого-либо события, его точка зрения может быть достаточно достоверно реконструирована.

Во-вторых, меняется и становится более социально однородным сам состав авторов. В результате произошедшей имущественной дифференциации казачества летописание превратилось в монополию наиболее образованной и состоятельной его части — казацкой старшины. Социальная дифференциация казачества сопровождалась сближением интересов казацкой старшины и российского дворянства, и в какой-то мере снижением уровня ее этнического самосознания.

Анализ казацкого летописания середины XVIII в. позволяет получить важную информацию о процессах, происходивших в элите украинского общества того времени. Источники представляют возможность оценить уровень оппозиционности авторов политике российского правительства и наличие собственной концепции развития своего народа.

Важно отметить, что предметом описания являются практически одни и те же события, и в зависимости от позиции автора менялся и подбор конкретных фактов, и их оценка. Принципиальное значение для рассматриваемой темы имеют сюжеты, связанные с представлениями о раннем периоде истории украинского/«казацкого» народа, католической и униатской церкви, восстании Б. Хмельницкого, Гадячского соглашения, переходе Мазепы на сторону Карла XII, а также оценка попыток восстановления системы самоуправления в первой половине XVIII в.

«Свои»

У авторов летописей XVIII в. нет четкого представления о том, кто является «своим», а кто «чужим». Среди «своих» чаще всего упоминаются рядовые казаки, особенно население Правобережной Украины, оставшееся под властью Польши. Второе место в различных летописях занимает крестьянство либо вообще православные. Следует отметить важную черту, которая отличает летописи XVIII в. от произведений более раннего периода: в них практически отсутствуют религиозные мотивы. Критика католической и униатской церкви присутствует в самых общих выражениях, и то только применительно к началу XVII в. Униаты упоминаются заметно реже, чем католики, и негативно воспринимается скорее сам факт унии, чем конкретные представители этой конфессии. Ликвидация унии на левобережье Днепра привела к быстрому забвению всех религиозных трений, и в некоторых летописях встречается даже осуждение действий казаков против католиков¹².

«Украинский народ». В конце XVII — начале XVIII представления о том, кто именно составляет украинский народ, только начинают формироваться. Авторы летописей пишут историю собственно «козаков» и об украинском народе вспоминают значительно реже. При описании давно прошедших событий летописцы в большинстве случаев используют понятия «руськие люди», «русский народ», «русь», «русины», однако в изложении современных сюжетов или в обобщениях появляются самоназвания «украинский народ» или «украина» как название нации. Другим вариантом является понятие «малороссийский народ».

Эти термины в летописях не имеют точной привязки. В большинстве случаев они обозначают все население украинских земель, без учета сословной принадлежности и подданства. Иногда из состава «Украины» выделяется казачество: «зо всею Украиною и з войском Запорозким»¹³.

Чаще под «Украиной» понимается территория, которая в конце XVII – начале XVIII в. входила в состав Российской империи, т. е. исключая Галицию и Волынь, хотя этническая принадлежность этих последних не подвергается сомнению¹⁴. В ряде случаев «украинский народ» является синонимом крестьянства: «...людем Украинским и козакам...»¹⁵. Понятие «малороссийский» также не имеет точно определенного смысла¹⁶.

Разительное исключение составляет летопись Квитко, в которой он последовательно называет левобережье Днепра «Малой Россией» и его население «малороссиянами», а «Украиной» и «украинцами» – только Правобережье и его жителей, указывая, что эти земли получили свое название от поляков¹⁷. Когда-то оба берега Днепра входили в состав единого древнерусского государства и вместе составляли «Малую Россию»¹⁸.

«Козаки». Несмотря на то, что летописи посвящены преимущественно истории казачества, далеко не всех летописцев интересует происхождение и исторические корни «казацкого народа». По поводу этимологии слова «козак» в наших источниках излагается несколько версий. Одна из них связана с происхождением казаков от хазар («козар»); согласно другой – казаки получили свое название от коз (по сходству в скорости передвижения и по любви к охоте), или от косы (по остроте оружия и натиску); третья предлагает имя праотца Козака, что, как замечает Грабянка, «приличнее»¹⁹. Позднее П. И. Симоновский выдвинул еще две версии, образовав обозначение от турецкого названия разбойников или грабителей (без указания оригинального звучания) или представив его как сложносоставное слово: первый слог от названия области в Закавказье – Касахии, а второй от саков²⁰.

Утверждается, что казаки берут происхождение от скифских и хазарских племен, живших на Северном Кавказе и в Закавказье. Для того, чтобы доказать древность «казацкого народа», Грабянка приводит сведения из истории протоболгар, аваров, гуннов, хазар и других кочевых народов. По его сведениям, предки казаков однажды даже захватили и разграбили Рим²¹. В описании жизни древних казаков подчеркиваются их храбрость и простота нравов: «В таком убо нестяжательном житие суще, отнюдь прелести мира сего, златом, серебром, камением драгим, и прочими, яже у людей честнейша и любострастнейша суть, не печехуся, но едино точию в них бе упражнение, еже в бранех непрестанно обучатися; чего ради зело бяху храбри и... мужественни»²². Своим видом казаки походили на татар или калмыков.

Хотя сведения оprotoистории украинского народа редки, большинство версий подчеркивает неславянское происхождение казаков. Авторы летописей тем не менее не отрицают родство украинского и русского народов: казаки суть «природные россияне», их язык «российский, лучше сказать, славянский»²³. Скорее речь идет о явлении, близком польскому сарматизму — лично свободное население стремится отделиться, в том числе и этнически от рядового крестьянства. Немногочисленность таких попыток интерпретации истории казаков следует объяснить очевидной близостью всех восточнославянских народов, игнорировать которую не представлялось возможным, а также незавершенностью процессов социальной стратификации в украинском обществе XVII—XVIII вв.

Гораздо чаще в летописях встречается толкование, что казаки — это не национальность, а род воинской службы: «Аще кто и Поляк бяше, си есть свободное воинство, яко без найму, своею волею на татаре хождаху»²⁴. Не всегда казаки рассматривались как единое целое — иногда собственно казаками считались только те, кто был записан в реестр (Самовицтв), зачастую выделялись запорожские казаки.

Запорожцы. Принципиальной разницы между запорожцами и остальными казаками нет. Различие состоит лишь в системе управления — запорожцы сами выбирают себе главу и не всегда согласуют свои действия с гетманом. Своеволие запорожцев летописцы оценивают по-разному: для Грабянки и Симоновского это достоинство и признак истинно казацкой натуры, для Самовицтва, Лизогуба и автора «Краткого описания Малороссии» — повод для осуждения. Чаще всего эта критика относится к действиям запорожцев во второй половине XVII — первой половине XVIII вв., когда они искали поддержку своим бунтовщикам планам среди простого крестьянства. Тем не менее ликвидация Запорожской Сечи явилась существенным ударом по привилегиям казацкой старшины, и одобрение этой акции прозвучало только в летописи ультрамосковофила Квитко.

«Посполитство». Простые крестьяне в летописях чаще всего называются «посполитыми», «мужиками» или «чёрнью». Следует, однако, подчеркнуть, что точка зрения советской историографии, согласно которой летописи создавались для обоснования экономических и политических притязаний казацкой старшины, утверждавшей себя в качестве феодального землевладельца²⁵, представляется излишне прямолинейной и не отражающей сложности ситуации. В действительности в летописях рядовое казачество и крестьянство могут характеризоваться и как достойные презрения

«чернь и мужики», и как «братья», причем нельзя сказать, что более ранние произведения более «демократичны».

В летописи Грабянки вообще нет четкого разделения между «козаками» и «посполитыми», и обе эти группы оцениваются вполне доброжелательно. Напротив, для Самовидца и рядовые казаки, и крестьяне — «чернь» и своеобразники, склонные к бунту. Даже жертвы европейских погромов вызывают большее сочувствие автора, чем они. Автор «Краткого описания Малороссии» называет казаками не всегда только реестровое казачество, но в его состав включаются также все желающие присоединиться: «охотного же войску без числа было»²⁶. Однако благожелательность летописца исчезает, когда «чернь» восстает против гетмана, пусть даже и справедливо²⁷.

Другие летописи середины XVIII в. более отчетливо отделяют собственно крестьян от массы рядового казачества. Я. Е. Лизогуб называет «чернью» только крестьян и никогда не ставит их вместе с рядовыми казаками. Составитель Черниговской летописи вообще о мужиках упоминает только дважды — первый раз, когда говорит в иронических тонах о смерти коронного гетмана Жолкевского («мужик сокирою голову оттял»²⁸); а второй — когда описывает блуждания по лесу предводителя татар Азидерея, которого «мужик един выпроводил на дорогу, а он ему дал един чирвонный»²⁹. В обоих случаях необходимость обращаться за помощью к «мужику» вызывает насмешку.

Автор «Краткого летоизобразительного описания» не видит принципиальной разницы между «козаками» и «мужиками» — все зависит от конкретной ситуации. Зыбкость этой границы показывает описание эпизода с разграблением военного обоза в 1652 г.: «И того времени в дороже панов и старост всех вырубили козаки, коих они называли мужиками»³⁰. Какие-либо негативные оценки «мужиков» и рядового казачества в летописи отсутствуют.

П. И. Симоновский подчеркивает, что между казаками и крестьянами существует четкая разница, но при этом — они «единой веры питомцы»³¹. Казаки всегда покровительствовали «посполитым» и защищали их от злоупотреблений поляков и европейских арендаторов, однако уже Б. Хмельницкий не решился расправиться с господами, у которых взбунтовались мужики³². Казацкие и мужицкие бунты для летописца явления одного порядка. Он относится к ним вполне благожелательно, хотя и признает их опасность для государства. Свободолюбие для Симоновского — черта, равнозначная и казакам, и крестьянам, и которая оценивается безусловно позитивно.

***Представления о чертах национального характера
и идеальном общественном устройстве***

Казачество формировалось стихийно и в начальный период своего существования строилось на идеальных, с точки зрения летописцев, началах. Казаки соблюдали умеренность в пище и одежде, вели общее хозяйство, в их среде отсутствовали бытовые преступления. Они сами избирали себе главу и глубоко его уважали, но случаи превышения любым должностным лицом своих полномочий могли закончиться самосудом. Личная отвага и воинское искусство считались главными достоинствами казака, исключительно редко, и то применительно к событиям начала XVII в., в их ряду упоминалась и глубокая набожность³³. Среди качеств, которые считались отрицательными, можно назвать злоупотребление своим положением, властолюбие и чванливость по отношению к рядовым казакам, тягу к роскоши и стяжательство и, что подчеркивалось практически во всех летописях, «своеволие».

Это понятие достаточно расплывчато. Своеволие проявляется в неизнании законной власти — короля, гетмана, владельца крестьянина. Понимание законности-беззакония в разных летописях не совпадает, то что оценивается как преступление в одних, в других — проявление доблести. Однако всегда существует определенный моральный кодекс, нарушение которого должно караться. Так рядовые казаки, вышедшие из повиновения своему гетману, заслуживают самого жестокого наказания, и авторы оправдывают любую расправу над ними, даже производимую польским правительством³⁴. Обычно наказание исходит из соответствующей «инстанции»: казаки, допускающие бессмысленные убийства и грабеж, с попущения Божьего, попадают в засаду, жадный чиновник наказывается царем, восставшие против своих хозяев крестьяне — регулярными войсками и т. д.

Мотив «своеволия» является чрезвычайно важным для понимания процессов, происходивших в украинском обществе в первой половине XVIII в. Личная инициатива и самостоятельное принятие решений считаются позитивными качествами только применительно к прошлому казачеству, на смену им приходят законопослушность и ожидание справедливости от властей. Отсутствие единых представлений о законе и беззаконии даже в среде казацкой старшины свидетельствует о том, что процесс формирования правового сознания находился еще в начальной стадии.

Восприятие авторами летописей происходящих в украинском обществе перемен является глубоко пессимистичным. Летописцы единодушно считают «золотым веком» казачества период до середины XVII в., пока сохранялись черты древнего общественного устройства. Система казацкого самоуправления во многом идеализируется и считается полностью соответствующей интересам всего украинского народа.

Идеальные взаимоотношения общества с государством описываются в летописях в двух вариантах. Первый — это минимальное вмешательство или формальный патронат, которым пользовались казаки в Речи Посполитой до конца XVI в.: «Поляки же ни до них самих (казаков. — С. Л.), ни до их земель кои им от королей наданы были, ни какова дела не имели, и в правление их никогда не мешалися»³⁵. Другой вариант основывается на положениях договора Богдана Хмельницкого и правительства Алексея Михайловича. Главными статьями считались сохранение гетманства и привилегий казацкой старшины, а также особое положение казацкого войска. Соблюдение, хотя бы частичное, этих условий, для авторов казацких летописей — залог самостоятельности и правильного направления развития украинского народа. Сохранение «целости Украины» понимается весьма разнопланово — от административного единства до соблюдения ста-ринных прав «всего украинского народа».

Примечательно, что подобные высказывания казацких летописцев XVIII в. полностью совпадают с программой, выдвинутой сторонниками гетмана И. Мазепы: формальный патронат другого государства (Швеции), реальное самоуправление, свободные выборы гетмана при полном соблюдении ста-ринных прав и привилегий старшины³⁶.

Современное положение дел летописцами либо вовсе не оценивается, либо в текстах звучат скорбные ноты о гибели Украины. В числе причин гибели называются истощение украинского народа непосильными поборами и опять-таки ликвидация особого статуса казацкой старшины в Российской империи.

«Чужие»

Татары и турки. Одним из наиболее грозных врагов на протяжении всего XVIII в. считаются крымские татары и турки, однако, между позициями авторов начала и середины века существует значительное отличие. Летописцы начала века считают турок и татар единственным врагом украинцев до заключения Брестской унии 1596 г. Сочинения Грабянки, Ве-

лички и Самовидца неоднократно указывают на жестокости, совершающиеся турками и татарами в отношении мирного населения — убийства и захват в плен жителей Речи Посполитой, разрушение церквей, грабежи. По сравнению с антитурецкими памфлетами, распространенными в Европе в XVI — середине XVII в., эти перечисления содержат меньше конкретных деталей, но общий пафос сохраняется. В качестве причины постоянных набегов турок и татар авторы летописей называют алчность и — реже — стремление искоренить христианство.

Казаки считаются главной военной силой, которая охраняет восточные и южные рубежи Речи Посполитой от турецкой опасности. В летописях отсутствуют какие-либо намеки на то, что казаки сами могли провоцировать турок на ответные выступления, напротив, подобная точка зрения воспринимается как враждебная и клеветническая (например, как повод, используемый поляками для уничтожения казачества³⁷). С другой стороны, авторы летописей постоянно описывают нападения казаков на татарские и турецкие земли, причем формируется мнение, будто это было единственным направлением внешней активности казаков вплоть до конца XVI в.³⁸ Именно в войнах с турками и татарами оттачиваются и проявляются доблесть и воинское искусство казаков. Авторы летописей называют казаков самым опасным противником Османской империи. Турецкий султан, по словам Грабянки, заявлял: «Когда окрестные панства на мя возстают, я на обида уши сплю, а о козаках мушу единим ухом слухати»³⁹. Польское войско без поддержки казаков постоянно попадает в затруднительное положение, а их участие становится решающим фактором любой победы.

Отношение к татарам меняется в середине XVII в., когда они превращаются в союзников казаков в их борьбе против поляков. Авторы летописей сознавали, что фактически казаки пошли на предательство, действуя заодно с врагами Речи Посполитой. В качестве оправдания они утверждали, что, во-первых, поляки своими преследованиями поставили казаков в безвыходное положение, вынудив к союзу с татарами. Во-вторых, инициатива создания такого союза и проведения отдельных военных операций, как правило, приписывается татарам. Наконец, авторы летописей перестают упоминать о каком-либо насилии татар в отношении украинского населения: войско союзников угрожает только полякам⁴⁰.

Вместе с тем на временность этого союза указывает позиция крымских ханов, которые, по мнению летописцев, пекутся только о собственной выгоде и в соответствующих обстоятельствах готовы предать казаков. Таким образом, татары хотя и перестают быть безусловным противником,

но считаются лишь временными и очень ненадежным союзником, в целом оставаясь безусловно «чужими».

В летописях середины XVIII в. отношение к крымским татарам и туркам еще более смягчается. В изложении летописцев вообще исчезают описания каких-либо особых проявлений враждебности со стороны южных соседей. Они, безусловно, «басурмане», «враги православной веры» и т. д., но тем не менее отношение к ним достаточно ровное и спокойное. Хотя составители летописей, как и прежде, предпочитают не оценивать совместные действия казаков и крымских татар, описание событий становится более объективным. Так Симоновский не замалчивает попытки Б. Хмельницкого перейти под протекторат Османской империи для сохранения «целости Украины»⁴¹ или обращения за помощью к крымским татарам, считая эти действия оправданными. Отдельные татарские и турецкие военачальники в описании И. И. Квитко не только умелые полководцы, но и достойные люди: хан Ислам Гирей «удивляется» коварству короля Яна Казимира и категорически отвергает попытки расстроить союз татар с Хмельницким и т. д.⁴²

Ходство летописей середины XVIII в. и предшествующего периода состоит в подробном описании казацких военных операций против турок и татар. Однако изменения коснулись интерпретации и этих сюжетов. Следует отметить значительное усиление эпического начала. Рассказы о казацких походах содержат в себе все меньшее количество конкретных исторических деталей и все больше обобщений, а изображение татар и турок также приближается к некоему абстрактному «образу врага».

В целом можно сказать, что турки и татары к середине XVIII в. перестают восприниматься как реальная военная угроза, что нельзя не связать с политической ситуацией. Прекращение регулярных набегов на украинские земли способствовало тому, что переживавшие не лучшие времена крымские татары и Османская империя из врагов постепенно превратились в свидетелей «золотого века» казачества.

Поляки. Другим серьезным противником для авторов казацких летописей являются поляки («ляхи»). Из контекста становится ясным, что под «поляками» подразумеваются не все представители данной нации, а лишь магнаты, шляхта и их пособники, в том числе и этнические украинцы.

Составители летописей указывают на непримиримую враждебность поляков к казакам. Причину этой враждебности они видят, во-первых, в желании закабалить свободное украинское население, а во-вторых, в страхе, внушаемом воинственностью и удачливостью казаков. Тем не менее

отношения между поляками и казаками длительное время оставались достаточно бесконфликтными. Завершением периода толерантности стало заключение Брестской унии, после которого отдельные покушения на права и свободы украинского населения превратились в планомерную кампанию по ликвидации казачества. Другой переломной вехой стало восстание Палюка (Павлуся) 1637—1638 гг., начавшееся открытое военное противостояние казаков и поляков.

Поводом для казацких восстаний в большинстве случаев называются злоупотребления со стороны польских магнатов и шляхты. В исключительных случаях зачинщиками признаются сами казаки, но обязательно с уточнением, что это были рядовые казаки, а не гетман со старшиной.

Несмотря на признание воинской доблести отдельных польских деятелей и военачальников, в целом они оцениваются достаточно сдержанно. Яркое исключение составляет фигура короля Владислава⁴³. Как и в середине XVII в., казачество идеализировало его образ, считая этого монарха истинным заступником всего православного населения Речи Посполитой. Практически все летописцы упоминали о его грамоте гетману Барабашу, в которой он якобы оправдывал сопротивление казаков насилию шляхты: «Если де жолнере есте, шаблю имеете, и кто вам за себя стать воспящает»⁴⁴. Один из летописцев даже выдвинул версию о том, что из-за этого письма поляки еще при жизни Владислава избрали себе королем его брата Яна Казимира, и от горя Владислав умер⁴⁵. Самовидец видел в смерти Владислава Божий промысел, который недопустил, чтобы «щастливый» польский король застал восстание Хмельницкого⁴⁶. В отношении других польских королей постоянно подчеркивается лояльность украинцев своему монарху. Даже в разгар военных действий Хмельницкий подчеркнуто верноподданнически обращается к королю.

В отношении к полякам в казацком летописании проявляются те же тенденции, которые были отмечены ранее применительно к образу турок и татар. Если авторы начала века подробно описывают, в чем именно проявлялась недоброжелательность поляков, какие именно поборы они налагали на крестьян и казаков, то летописи середины века менее конкретны и более сдержаны. Осуждение злоупотреблений поляков в них превращается скорее в способ высказать свои верноподданнические чувства по отношению к российскому престолу.

Евреи. Наиболее разительный контраст в летописях начала и середины XVIII в. составляет отношение к евреям. Казацкий антисемитизм середины XVII в. является общим местом во всех исторических исследованиях

данного периода, тем более интересно проследить эволюцию соответствующих представлений в течение последующего столетия.

В летописях Грабянки, Велички и Самовидца сюжеты, связанные с евреями встречаются значительно реже польских или татарских и не столь эмоционально окрашены. В летописи Самовидца, как уже нами отмечалось, проглядывает даже сочувственное отношение к евреям — жертвам казацких набегов, хотя в целом евреи называются «спросными» (презреными)⁴⁷. В подавляющем большинстве случаев евреи («жиды») и поляки упоминаются вместе: поляки используют евреев для того, чтобы унизить или извести казаков.

Перечисляя обиды, наносимые евреями украинцам с попустительства поляков, авторы летописей упоминают в первую очередь незаконное увеличение податей евреями-арендаторами. Другим фактом, вызывавшим резкие протесты православного населения, были передача евреям в аренду церквей и возникавшие в связи с этим затруднения в отправлении богослужения и треб. Наконец, озлобление вызывало занятие евреев ростовщичеством, от чего страдали также и казаки.

Летописи середины XVIII в. опускают все причины недовольства казаков евреями, вследствие чего редкие и лаконичные сведения об избиении «жидов» становятся не вполне понятными⁴⁸. В ряде сочинений антисемитские выступления казачества середины XVII в. вообще не упоминаются. Можно сделать вывод о том, что в начале XVIII в. для казацкой старшины еврейский вопрос перестает быть насущным. В позиции авторов летописей прослеживается все большее желание дистанцироваться от действий казацкого войска. К середине века казацких летописцев никоим образом нельзя упрекнуть в антисемитизме. За неполные сто лет иссякает весь пафос борьбы. Среди причин столь разительной перемены можно указать, во-первых, изменения как положения евреев после вхождения Украины в состав Российской империи, так и социального статуса самой казацкой верхушки и, соответственно, ее взглядов на вопросы кредитования, взимания арендной платы и т. п. Наконец, вполне вероятно, что оценка уровня казацкого антисемитизма середины XVII в. является несколько завышенной.

«Москва». Рассматривая проблемы, связанные с проявлением антироссийских настроений в казачье среде, следует оговориться, что летописи XVIII в. не могут обеспечить полной картины. Их авторы занимали достаточно высокое положение в обществе, и любое явное проявление недовольства или критика грозили обернуться для них серьезными послед-

ствиями. К открытому же сопротивлению политике царизма представители казацкой старшины и не стремились.

В летописях XVII в. население России чаще всего именуется «московой», что является проявлением достаточно старых этнополитических стереотипов. Среди других вариантов встречаются «московская нация»⁴⁹ и «москали»⁵⁰. «Великороссия», «Россия» и их производные используются реже, и совсем редко упоминается о русских или Руси применительно к великорусским землям⁵¹.

В тех случаях, когда авторы затрагивают историю Древней Руси, они стараются подчеркнуть дистанцию между казаками и Россией, настаивая на неславянском происхождении казаков. Объясняя причины феодальной раздробленности и перехода украинских земель под власть Польши, Грабянка считает, что это произошло по вине самих «русских» князей. Вследствие «походов» (грехов) «во уничтожение Российский скіпетр тако пришел, яко от царствия во княжение, а от княжения в воеводство применися»⁵², а потому раздельное государственное существование украинцев и русских вполне естественно. Разительный контраст составляет выраженная промосковская ориентация летописи Квитко, открываемая заявлением об историческом праве России на украинские земли: «Малая Россия есть часть Российского государства, заключающая в себе древние Российские княжества... Государи Российские многократно имели попечение освободить свои области из рук чуждых, но тщетно»⁵³.

Оппозиционность авторов казацких летописей может проявляться в интерпретации отдельных эпизодов истории России и истории российско-украинских взаимоотношений. Яркий пример тому находится в сочинении Самовидца. Описывая дворцовые интриги после смерти царя Алексея Михайловича, повествователь выставляет царицу Наталью, мать Петра I, в крайне неблагоприятном свете и даже обвиняет ее в отравлении своего пасынка царя Федора Алексеевича, «который великую любовь до нашего народа мел»⁵⁴. Рассказ о московских смутах 1670–1680 годов явно проектируется на события более позднего времени и позволяет реконструировать отношение летописца к деятельности Петра.

Более сдержаны высказывания летописцев по поводу перехода Богдана Хмельницкого под покровительство России. Хотя общим местом является упоминание о всеобщей радости, охватившей весь украинский народ при получении этого известия, можно указать и на некоторые нюансы. Говоря о подготовке Переяславской Рады, Самовиц в слегка завуали-

рованной форме дает понять, что московские послы убеждали Хмельницкого изменить своему законному монарху, польскому королю, и гетман пошел на предательство⁵⁵. Симоновский, указывая на причины украино-российского союза, утверждает, что Хмельницкий выбирал покровителей для Украины, руководствуясь соображениями ее безопасности, и просто счел Россию более предпочтительным вариантом по сравнению с Османской империей⁵⁶. Летописец приводит и многочисленные трения между казаками и царским правительством, в частности по вопросам статуса Украины в русско-польских контактах.

Другим важным показателем истинной оценки Переяславского соглашения в концепции украинских летописцев является подробное описание условий, на которых состоялось вхождение Украины в состав России. «Артикулы» Хмельницкого, подтвержденные московским царем, выступают важнейшим аргументом законности притязаний казацкой старшины на особые «права и вольности». Характерно, что только Квитко не передает содержания «Артикулов» и не упоминает о них при каждом удобном случае.

В наиболее лояльной редакции позиция летописцев сводится к последовательному отказу от рассмотрения спорных проблем или к воспроизведению официальной точки зрения по ним. При этом обращает на себя внимание предельная сухость и подчеркнуто казенный язык, которым излагается предмет, либо же лакуны в изложении выглядят несколько нарочитыми. Все сказанное в полной мере относится к оценке летописцами Гадячского соглашения и гетманства И. Мазепы.

В Лизогубовской летописи полностью отсутствует какое-либо объяснение причины отступничества Мазепы. Оценка его шага сводится к двум фразам он «зменил государю своему» и окончил «пагубное житие свое» в изгнании в глубокой старости⁵⁷, что разительно отличается от подробного описания деятельности Мазепы до 1708 г.

Среди других проявлений скрытой оппозиционности составителей казацких летописей можно назвать перечисление «обид», нанесенных царским правительством казакам и украинскому народу, обычно не сопровождаемое прямой авторской оценкой и внешне имеющее вид объективной информации.

Осторожная критика в адрес царского правительства чаще состоит в сетованиях на «несчастную судьбу» украинского народа, «немилосердие» властей и волю Божию. Важнейшим исключением из этого правила явля-

ется эпизод с разгромом Батурина (резиденции Мазепы). Жестокость, проявленная русской армией, произвела большое впечатление на украинскую общественность, и даже наиболее лояльные авторы чувствовали необходимость оправдывать действия властей⁵⁸. Вместе с тем летописцы постоянно подчеркивают общую преданность и покорность украинского населения воле царя. Среди причин этой лояльности в числе первых всегда называется православная вера (измена государю «богопротивна»), другим объяснением служит законопослушность украинцев как национальная черта характера. Все антигосударственные выступления казачества были спровоцированы несправедливыми и незаконными действиями властей (либо в них участвовали только «бунтовщики» и отщепенцы). Летописцы исключительно редко прямо говорят об угрозе репрессий, как инструменте государственного управления.

Характерно, что летописи практически не затрагивали современных событий и не содержали оценки окончательной ликвидации особого положения Малороссии в составе Российской империи. Обращение к событиям времен «казацкой вольницы» для авторов середины XVIII в. стало возможностью обсудить вариант государственного и общественного устройства, отличный от современной им России.

* * *

Ускорившийся в середине XVII в. процесс формирования национального самосознания украинского народа и век спустя был еще далек от завершения. Даже у верхушки общества, казацкой старшины, отсутствовал единый тип самоидентификации и частично сохранялись старые представления о сословном членении общества.

Оппозиционность казацкой старшины не выходила за рамки очень осторожной критики отдельных действий российских властей. Однако дело даже не в том, что центральное правительство полностью контролировало ситуацию. Отсутствие последовательной точки зрения на пути развития украинского общества было характерно и для украинской эмиграции. Большинство представителей украинской политической элиты как внутри Российской империи, так и за ее пределами оказалось в идеином тупике и склонялось к глубоко консервативным взглядам. С достаточной ясностью данное заключение подтверждает отсутствие единого образа врага, этого необходимого элемента любой национальной идеологии.

Все попытки реформировать общество, не поступаясь собственными привилегиями, привели казацкую старшину к постепенному сближению с российским дворянством. Возвращение к «историческим корням украинского народа» произошло уже позднее, в начале XIX в., в рамках романтической традиции.

Примечания

¹ Прокопович Ф. Риторика // Философские произведения. 1979. Т. 1. С. 148.

² Величко С. Летопись событий в Юго-западной России в XVII веке. К., 1848—1864. В 4-х т.; Грабянка Г. Действия презельной и от начала поляков крвавшой небывалой брани Богдана Хмельницкого гетмана запорожского с Поляки за найяснейших королей польских Владислава, а потом и Казимира, в року 1648 отправоватися начатой и за 10 лет по смерти Хмельницкаго неоконченной, с розных летописцов и из диариуша, на той войне писанного... року 1710. К., 1854; Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. К., 1878; Мыцик Ю. А. «Летописец» Дворецких — памятник украинского летописания XVIII в. // Летописи и хроники. М., 1984. С. 219—234.

³ Краткое описание Малороссии // Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. К., 1878. С. 209—321; Покас Г. «Опис про Малу Росию» // Горбань М. Нариси з історії української історіографії. Харьків, 1923. Ч. 1; Летопись или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялось в Украине малороссийской обеих стран Днепра и кто именно когда гетманом был козацким (Лизогубовская летопись) // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданных временною комиссиою для разбора древних актов, состоящею при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. К., 1888. С. 1—70; Летописец в русских и полских що ся деяло стронах и якого року (Черниговская летопись) // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н. Белозерским. К., 1856. Т. 1.

⁴ Симоновский П. Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой — Бишенга, латинской — Безольди, французской — Шевалье и рукописей русских. М., 1847; [Квитка И.И.] Краткое историческое описание о Малой России до 1765 г. с дополнением о Запорожских Козаках. М., 1848.

⁵ Рубан В. Г. Короткое описание Малая России. СПб., 1777; Лукомский С. В. Собрание историческое // Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. К., 1878. С. 321—374; Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н. Белозерским. К., 1856. Т. 1. С. 45—106.

⁶ Конисский Г. История русов или Малой России. М., 1846.

⁷ *Возняк М.* Исторія української літератури. Львів, 1921. Т. 2; *Багалій Д.* Нарис української історіографії. Джерелознавство. К., 1925; *Марченко М.* Українська історіографія. К., 1959; *Литвиненко М. А.* Джерела історії України XVIII ст. Харьков, 1970.

⁸ *Шевчук В.* Козацька держава. Етюди до історії українського державотворення. К., 1995; *Сухий О.* Традиції козацтва в українській історичній літературі XVIII ст. // Козацькі війни XVII століття в історичній свідомості польського та українського народів. Матеріали другої Польсько-Української Наукової Зустрічі (Львів, 12—13 жовтня 1995 р.). Львів—Люблін, 1996. С. 146—155; *Шевченко Н. В.* Політична спадщина Богдана Хмельницького у суспільній думці України XVIII ст. // Богдан Хмельницький та його доба: Матеріали Міжнародної наукової конференції присвяченої 400-річчю від дня народження Великого Гетьмана. 24—25 жовтня 1995 р. К., 1996. С. 210—216; Історична спадщина у світлі сучасних досліджень. К., 1995.

⁹ *Когут З.* Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760—1830. К., 1996; *Гургій О.* Українська козацька держава в другій половині XVII—XVIII ст.: кордони, населення, право. К., 1996.

¹⁰ *Грабянка Г.* Указ. соч. Летопись Самовидца...; *Величко С.* Летопись событий...

¹¹ *Симоновский П.* Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой — Бишенга, латинской — Безольди, французской — Шевалье и рукописей русских. М., 1847. С. 80.

¹² В ходе одного набега полковник Иван Золотаренко приказал казнить детей католиков, за это после его смерти, при отпевании загорелась православная церковь, им выстроенная, и погибло много народа — Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание (далее — Краткое летоизобразительное описание) // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н. Белозерским. К., 1856. Т. 1. С. 68. Характерно, что ни лично присутствовавший при этом событии Самовиц, ни другие летописцы вообще не упоминают об инциденте с детьми.

¹³ Летописец в русских и полских що ся деяло стронах и якого року (далее — Черниговская летопись) // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н. Белозерским. К., 1856. Т. 1. С. 23.

¹⁴ *Величко С.* Летопись событий... К., 1848. Т. 1.

¹⁵ *Грабянка Г.* Указ. соч. С. 32.

¹⁶ Симоновский применительно ко всей территории Украины пишет: «...Малороссийское казацкое отечество» (*Симоновский П.* Указ. соч. С. 11).

¹⁷ [Квитка И. И.] Краткое историческое описание... С. 4.

¹⁸ Там же. С. 1.

¹⁹ *Грабянка Г.* Указ. соч. С. 8—9. Ср. легенду о Лехе, Чехе и Русле.

²⁰ Симоновский П. Указ. соч. С. 1—2.

²¹ Грабянка Г. Указ. соч. С. 7.

²² Там же. С. 5.

²³ Симоновский П. Указ. соч. С. 3.

²⁴ Грабянка Г. Указ. соч. С. 19. Аналогично см. Краткое описание Малороссии... С. 213.

²⁵ См. напр.: Литвиненко М. А. Джерела історії України XVIII ст. Харків, 1970.

²⁶ Краткое описание Малороссии... С. 229.

²⁷ Там же. С. 233.

²⁸ Черниговская летопись. С. 13.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ Краткое летоизобразительное описание. С. 65.

³¹ Симоновский П. И. Указ. соч. С. 12, 30.

³² Там же. С. 40.

³³ Напр. о Сагайдачном см.: Грабянка Г. Указ. соч. С. 27.

³⁴ Симоновский П. Указ. соч. С. 10.

³⁵ Там же. С. 9.

³⁶ См.: Пакти й Конституції законів та вольностей Війська Запорозького // Слюсаренко А. Г., Таменко М. В. Історія української конституції. К., 1993. С. 25—26; Орлик П. Вивид прав України («*Deduction des droits de l'Ukraine*») // Старожитності. 1990. Ч. 3—4. С. 3—5.

³⁷ Грабянка Г. Указ. соч. С. 30—31.

³⁸ Грабянка Г. Указ. соч. С. 18: «занимаясь рыболовством, охотой и разбоем басурман».

³⁹ Там же. С. 20.

⁴⁰ Важнейшим исключением из общей тенденции является летопись Самовидца. Турки для него продолжают оставаться злейшим врагом украинского народа, любая форма союза с ними вызывает его резкое осуждение, летопись изобилует описанием жестокостей, совершенных татарами как отдельно, так и в союзе с казаками (см.: Летопись Самовидца... С. 14, 24. Единственным оправданием перехода Богдана Хмельницкого под покровительство Москвы является союз польского государства и татар (Там же. С. 34). Следует отметить заметную архаичность взглядов Самовидца для начала XVIII в., проявлявшуюся и в других вопросах.

⁴¹ Симоновский П. Указ. соч. С. 67.

⁴² [Квітка И. И.] Краткое историческое описание... С. 12.

⁴³ См.: Флоря Б. Н. У истоков легенды о королевиче Владиславе // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Просфоніма: Історичні та філологічні розвідки, присвячені 60-річчю академіка Ярослава Ісаєвича. Львів, 1998. С. 649—654.

⁴⁴ Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н. Белозерским... С. 59.

⁴⁵ Там же. С. 61.

⁴⁶ Летопись Самовидца. С. 16.

⁴⁷ Там же. С. 13.

⁴⁸ См.: Лизогубовская летопись. С. 8: «Того ж року Кривонос... в Бару всех ляхов и больше девятнадцати тысяч жідов выбил». Аналогичный материал см.: «Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание» // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н. Белозерским... С. 60.

⁴⁹ Симоновский П. Указ. соч. С. 42.

⁵⁰ Летопись Самовидца. С. 172. Интересно, что автор единственный раз использует это название, мимоходом упоминая о страже, арестовавшей Якова, сына гетмана Самойловича. Автор «Истории русов» считает этноним «москали» нейтральным: «Так называли москалями всех Россиян по городу их Москве и Царство еще долго таким названием титуловали» (История русов или Малой России. М., 1846. С. 19). Однако в «Летописце» семьи Дворецких, упоминая о желании гетмана Ю. Хмельницкого вывести Правобережье Днепра из-под власти России, составитель вначале написал «з-под москалью», но в дальнейшем текст был отредактирован: «з-под Москвы» (Мыцик Ю. А. «Летописец» Дворецких — памятник украинского летописания XVII в. // Летописи и хроники. М., 1984. С. 230). Возможно, наименование «москали» использовалось только в устной речи, хотя и не имело уничижительного оттенка.

⁵¹ Напр. «русский язык». Краткое описание Малороссии // Дополнение к Летописи Самовидца... С. 314.

⁵² Грабянка Г. Указ. соч. С. 18.

⁵³ [Квитка И. И.] Краткое историческое описание... С. 1.

⁵⁴ Летопись Самовидца. С. 152.

⁵⁵ Там же. С. 18.

⁵⁶ Симоновский П. Указ. соч. С. 42. В других версиях эти колебания Хмельницкого представляются как тактический маневр с целью выиграть время.

⁵⁷ Летопись или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялось в Украини Малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким (далее: Лизогубовская летопись) // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданных комиссию для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. К., 1888. С. 47, 49.

⁵⁸ Краткое, но нелицеприятное описание карательной акции российской армии см. в поздней летописи «История русов или Малой России» (М., 1845. С. 207). Лизогубовский летописец утверждал, что в бою были отдельные пьяные солдаты, нарушившие царские предписания (Лизогубовская летопись. С. 47).

Изменение государственных границ как фактор формирования языковой ситуации на Правобережной Украине в конце XVIII — первой половине XIX в.

Язык в силу своей социальной природы подчиняется не одним лишь внутренним имманентным законам развития, но и неизбежно подвергается воздействию целого комплекса экстралингвистических факторов: демографических, политических, социокультурных и пр. Темпы и уровень развития языка (особенно это касается языка литературного) непосредственно связаны с характером его функционирования в конкретный период времени, его коммуникативным статусом и количеством носителей, объемом выполняемых им функций, а также наличием или отсутствием внешних (политических, социальных, юридических) ограничений его употребления¹. Данная проблема приобретает особую остроту при исследовании коммуникативного пространства на территориях, где сосуществуют сразу несколько языков.

Языковая ситуация на Правобережной Украине на рубеже XVIII—XIX вв. с этой точки зрения представляет особый интерес как в силу своей уникальной полилингвальности, так и чрезвычайной динамичности. В течение нескольких десятилетий кардинально меняется языковой облик региона, складывавшийся на протяжении по крайней мере двух веков, происходит смена культурной парадигмы в целом. Традиционные для Правобережья языки культуры (польский, латынь, церковнославянский, «проста мова») к середине XIX в. практически во всех ведущих ее сферах уступают место русскому языку, пользующемуся мощной государственной поддержкой. Одновременно начинается процесс формирования нового украинского литературного языка. Определение места «старых» и «новых» языков в системе коммуникации и выявление того, каким образом внешние политические и административные факторы повлияли на языковую ситуацию в интересующем нас регионе, и является целью настоящей статьи.

Хронологические рамки исследования охватывают период с последних десятилетий XVIII в. до 40-х годов XIX в. Нижняя граница данного периода определяется достаточно точно. Точкой отсчета может служить 1793 г., когда большая часть Правобережной Украины в результате второго раздела Польши отошла к Российской империи. По третьему разделу (1795 г.)

за Россией закрепилась восточная часть Подолья до р. Збруч (территория старого Брацлавского воеводства) и часть Киевщины с центром в Житомире. Весь конец XVII в. на российской части Правобережья проходит под знаком административных преобразований. В 1796 г. после ряда трансформаций «из бывшей Польской Украины, Волыни и Подолии, за отделением достаточного количества душ для Киевской губернии»² были созданы Подольская и Волынская губернии. Вплоть до 1804 г. внутри губерний идет передел административных границ, организация делопроизводства, реформирование системы образования и т. п.³

Окончание переходного периода в истории «подроссийской» Украины большинство исследователей относит к 30—40 годам XIX в., связывая это с процессом интеграции украинского общества в российскую имперскую систему, и в целом с этим можно согласиться. Однако замечание известного исследователя истории Гетьманщины Зенона Когута о том, что в это время «Украина уже считается не пограничной землей, а глубоким тылом России»⁴, следовало бы ограничить Левобережьем, поскольку Правобережье по крайней мере всю первую треть XIX в. фактически является именно пограничным, продолжая оставаться зоной соперничества Польши и России, в том числе в культурной и языковой сфере⁵. Реакция на «воссоединение» Правобережной Украины «на вечные времена» с Россией, провозглашенное царским манифестом, была далеко не однозначной: в сознании шляхты Правобережье оставалось исконной частью Польши⁶. Вплоть до польского восстания 1830—1831 гг. данный регион, сохраняя относительную обособленность на всех уровнях имперской системы, остается в сфере польского влияния.

Оказавшись на стыке двух культурных ареалов, Правобережье становится, в частности, предметом терминологических разногласий. Территории, именуемые в польских источниках Украиной⁷, а позже также «крепами»⁸, в российских официальных документах фигурируют не иначе, как Западные губернии или Юго-западный край⁹. Своебразная «терминологическая война» может служить хорошей иллюстрацией к отмеченному в монографии А. И. Миллера по истории украинского вопроса в XIX в. явлению наложения «идеальных Отечеств», составившему суть польско-русского конфликта в этот период¹⁰. Не менее симптоматично частое появление в польской и украинской публицистике, этнографических и литературных трудах того времени региональных терминов Волынь и Подолье¹¹ — своеобразных знаков «локального» патриотизма. Очевидно, что осознание своей принадлежности к узкому этнокультурному ареалу для местной шляхты в данный период по-прежнему имеет огромное значение,

возможно, даже большее, чем включенность в некую большую нацию. Именно в рамках региона формируется особый локальный тип культуры, специфический характер прав, привилегий и даже законов¹², а также — что для нас особенно важно — поведенческих стереотипов и моделей языкового поведения. Последние же напрямую связаны со статусными характеристиками языков, присутствующих в коммуникативной системе.

Общая структура коммуникативного пространства

Языковая ситуация на Правобережной Украине может быть охарактеризована как классическая ситуация полилингвизма: в одном культурно-языковом пространстве одновременно сосуществуют польский, русский, украинский языки, а также латынь и церковнославянский. Конкуренция между ними реализуется по-разному в зависимости от уровня, формы и функциональной сферы коммуникации. Наибольшее разнообразие демонстрирует ареал высших коммуникативных функций (образование, культура, официальная сфера, религия), и прежде всего сфера письменной коммуникации (здесь мы имеем дело с максимальным набором языков, включая латынь, церковнославянский, «просту мову», польский и русский), наименьшее — сфера непринужденного повседневного общения¹³. В сфере устного общения мы имеем дело с двучленной по преимуществу системой коммуникации. Здесь осуществляется конкуренция польского и украинского языков, причем довольно строго разграничиваются области их социальной компетенции: представители высших и средних сословий в ситуации непринужденного общения говорят по-польски, низших — по-украински (русский язык входит в эту систему несколько позже и долгое время остается на ее периферии).

По числу обслуживаемых коммуникативных сфер вплоть до 30-х годов XIX в. лидирует польский язык, обладающий и наивысшим культурным потенциалом. Русский язык, имеющий статус официального государственного языка, также претендует на роль языка культуры, но по числу сфер общения и своей культурной привлекательности в этот период он существенно уступает польскому. Его позиции усиливаются только в 30-е годы благодаря административному давлению и ряду репрессивных мер, примененных по отношению к главному сопернику — польскому языку с целью вытеснения его из высших сфер коммуникации.

Функционирование украинского языка фактически ограничивается бытовым повседневным общением. Достаточно позднее утверждение лингвистической самостоятельности украинского языка было обусловлено, в

частности, его генетической близостью и к польскому, и к русскому языкам. В определенных польских кругах в этот период бытует мнение, что украинский язык в его западном варианте, распространенном на Правобережье, является диалектом польского языка. Подобные взгляды не редкость в популярных этнографических и исторических сочинениях¹⁴. В то же время один из первых собирателей фольклора на западе Украины Зориан Доленга-Ходаковский (настоящее имя — Адам Чарноцкий) на основании произведенных им записей народных песен пришел к выводу о едином характере языка на левом и правом берегу Днепра и его независимости как от польского, так и от русского языков¹⁵. В ходе научной дискуссии, которая велась на страницах польских славистических журналов «Świat Słowiański», «Tygodnik Powszechny», «Pamiętnik Warszawski», профессором Е. С. Бандтке в 1815 г. было сформулировано положение о том, что «малорусский язык... как не уступающий в старшинстве великорусскому не может быть наречием последнего»¹⁶, аналогичный вывод был сделан и в отношении зависимости его от польского языка. В России дискуссия по поводу лингвистической самостоятельности украинского языка продолжается в течение всего XIX в.¹⁷ Так, А. Павловский в своей грамматике называет «малорусское наречие» исчезающим, одновременно выделяя его среди других русских наречий и признавая «почти» языком¹⁸. Концепция единого русского языка с выделением малорусского, великорусского и белорусского наречий позже была использована в качестве основания для формулирования и развития официальной теории триединой нации. Это, в свою очередь, диктовало соответствующую языковую политику и необходимость принятия внешних административных ограничений на употребление «малороссийского наречия» в сфере высших коммуникативных функций.

Характер распределения языков по коммуникативным сферам и закрепленность их за конкретными социальными группами дает основания для характеристики языковой ситуации на Правобережье как несбалансированной. Заметим, что именно данный тип языковой ситуации, как правило, преобладает в многоязычном коммуникативном пространстве¹⁹.

Демографический потенциал языков

Население Правобережной Украины на момент ее присоединения к Российской империи насчитывало 3421,9 тыс. человек, из них украинцев 3006,0 тыс., поляков — 266,2 тыс., евреев — 123,5 тыс., русских — 3,9 тыс.²⁰. Таким образом, в 1795 г. на долю украинцев приходилось 87,9% населения,

в 1815 г. — 82,2%, т. е. носители украинского языка составляли подавляющее большинство. В то же время украинцы, по численности превосходящие другие этносы, обладали самым низким социальным статусом. Это связано как с общей политикой Речи Посполитой, а затем и Российской империи, так и с тем, что на Правобережной Украине вплоть до конца XVIII в. фактически отсутствуют проявления национальной самоидентификации²¹ при явной пропольской ориентации правобережной шляхты, усваивавшей польские культурные ценности и поведенческие стереотипы. Включение украинской элиты в круг польской культуры означало, в частности, проникновение польского языка не только в сферу официального и делового, но также и личного общения, в быт, тем самым украинский язык становился лишь средством общения с подданными. Таким образом, при общем весьма значительном демографическом потенциале социальная база украинского языка оказывается довольно ограниченной. Его носители — это в основном крестьяне с низким уровнем национального самосознания, говорящие на различных территориальных диалектах (в данном случае подольские и волынские говоры юго-западной части украинского диалектного массива²²).

Вторым по численности этносом (после украинцев), играющим важную роль в формировании языкового облика Правобережья, были поляки. Начало польской колонизации Волыни и Подолья относится к XVI—XVII вв. Поляки на данной территории были расселены отдельными этно-религиозными общинами в пределах сплошного украинского языкового массива. Язык поляков-«колонистов», живших в непосредственном соседстве с украинцами, в результате столкновения двух языковых систем, польской и украинской, постепенно видоизменяясь, дал начало юго-восточному периферийному польскому диалекту²³.

Именно поляки в течение всего XVIII и в начале XIX в. сохраняют за собой самый высокий на Правобережье социальный статус. Основные административные посты находились в руках польской шляхты, составлявшей в тот период 90,7% всего польского населения региона и включавшей не столько крупных землевладельцев-магнатов, сколько представителей средней и мелкой шляхты. Преобладание польского элемента в среде шляхты создает предпосылки для закрепления за польским языком важнейших коммуникативных функций и одновременно повышает его культурную привлекательность для других слоев общества, прежде всего дворян и чиновников украинского происхождения²⁴. Довольно прочные позиции занимает он и в среде мещанства, хотя в рассматриваемый период для этого слоя характерна высокая степень социальной и этноконфессиональной неодно-

родности (поскольку евреи сохраняют этнокультурную и языковую обособленность на всех уровнях коммуникативной системы, мы сознательно исключаем их из нашего анализа).

Различие социального и политического статуса двух названных этносов (украинцы и поляки) создавало очевидное неравенство коммуникативного статуса языков, на закрепление такого положения работала также активно создаваемая в конце XVIII в. польскими политическими деятелями национальная программа, фактически игнорировавшая вопрос об этнических и языковых границах. Проекты языковой ассимиляции «кресовых» земель появляются даже в среде весьма прогрессивных деятелей польского Просвещения, включая Т. Костюшко и Г. Коллонтая. Полонизация украинского населения выдвигается ими как условие пробуждения в нем польского духа и воспитания лояльности по отношению к демократическому польскому правительству²⁵.

Присоединение Правобережья к России на первом этапе не повлекло за собой резких социокультурных изменений. Правда, украинское крестьянство оказалось на низшей ступеньке общества, но включение польской и полонизированной украинской шляхты в имперскую сословную иерархию прошло, по крайне мере внешне, относительно безболезненно²⁶. В то же время депутаты на местных дворянских собраниях пользовались каждым удобным случаем, чтобы высказать свое недовольство политикой Петербурга по поводу нарушения сословных привилегий, местных и имущественных прав, а также непризнания польских и украинских чинов²⁷. Царские власти, в свою очередь, принимают решения «об учреждении полицейского надзора за военнослужащими распущенных отрядов польских войск»²⁸, а также «об учреждении наблюдения за настроением и поведением чиншевой шляхты и помещиков территории, присоединенной к России»²⁹. Враждебные настроения подольского, волынского и киевского дворянства приобрели форму открытого противостояния царским властям во время войны 1812 г. Представители западных губерний оказались также замешанными в связях с декабристами³⁰.

Изменение политических границ и включение Правобережья в имперскую систему существенно не повлияло на структуру общества: дворянство остается по преимуществу польским и польскоязычным³¹, в среде мещанства сохраняется высокий процент евреев и немцев. Правда, в чиновничьей среде постепенно увеличивается количество русских служащих, однако они долгое время воспринимаются как представители «чужого» мира и по своему языку, и по воспитанию. Тем не менее к середине XIX в. языковая политика меняется, русский язык благодаря ряду административ-

ных мер вытесняет польский язык из ареала высших коммуникативных функций, происходит смена культурных ориентиров. Подобно тому, как ранее по конъюнктурным соображениям происходила полонизация украинской шляхты, теперь идет сознательная, а еще чаще — неосознанная русификация украинской элиты³², а именно культурная ориентация элит имеет решающее значение для определения места языка в коммуникативном пространстве. Очевидно, что на роль культурного ориентира в рассматриваемый период на Правобережье претендуют языки «национальных меньшинств»: сначала польский, а затем русский. Украинский язык при наибольшем числе носителей обслуживает наименьшее число сфер коммуникации, ограничиваясь по сути лишь непринужденным бытовым общением в низших социальных слоях и демонстрируя тем самым резкое несоответствие демографического потенциала и коммуникативного статуса, что сопровождается недостаточной степенью развитости культурного идиома.

Литературные языки

Коммуникативная привлекательность языка и его статус, определяющий стратегию языкового поведения в ситуации полилингвизма, во многом зависят от уровня развития высшей его формы — литературного языка, тесно связанного с понятиями нормы и стиля. Очевидно, что развитие трех литературных языков — польского, украинского и русского, формирующих культурно-языковой облик Правобережья в рассматриваемый период, происходило асинхронно. В результате на рубеже XVIII—XIX вв. они оказались на разной стадии эволюции, демонстрируя не только несовпадение обслуживаемых коммуникативных сфер, но и различный уровень кодификации, и неодинаковую степень стилистической дифференциации.

В исходно более выгодном положении с этой точки зрения оказывается польский язык, долгое время сохранявший статус официального языка. К концу XVIII в. он уже имеет не только достаточно богатую литературную традицию, охватывающую произведения разнообразных стилей и жанров, но и завоевывает прочные позиции в сфере речевого общения — настолько прочные, что в среде украинской элиты на юго-восточных землях Речи Посполитой оказывается возможным усвоение речевого поведения, основанного на использовании разговорного варианта литературного польского языка. Коммуникативный потенциал польского языка фактически не ограничен: он обслуживает все сферы общения, начиная с делопроизводства и юриспруденции, области науки и образования и заканчивая гомiletической и богослужебной литературой, где он успешно соперничает

с традиционным языком культа — латынью. В свою очередь, полифункциональность языка способствует развитию различных его стилистических регистров и вследствие этого его стилистической дифференциации и кодификации: первые польские словари и грамматики появляются в XVI в., а к XVIII в. уже складывается корпус разнообразных грамматических описаний языка, в том числе используемых в практике его преподавания. Кроме того, литературный польский язык, будучи языком образования и высокой литературы, приобретает значение общенационального. Развившийся на восточнославянском субстрате культурный диалект, бытовавший в среде «кresовой» шляхты, воспринимается именно как часть этого единства³³. Даже после разделов Польши литературный польский язык не утратил своего общенационального статуса, что явилось одним из факторов, обеспечивших сохранение ее этнической целостности³⁴.

Несколько в иной ситуации оказывается русский литературный язык. Если в Польше активное формирование национального литературного языка и завоевание им основных сфер коммуникации относится к XVI—XVII вв., то в России серьезные изменения в языковой ситуации в пользу национального языка происходят только в XVIII в. Завершение эпохи культурного двуязычия, предполагавшего строгое распределение жанрово-стилистических ролей между церковнославянским и русским языками³⁵, знаменовала последовательная языковая политика Петра I, инициировавшего реформу орфографии. Новый литературный русский язык развивается как язык светской культуры, способный конкурировать в духовной сфере с церковнославянским языком, а в сфере делопроизводства вытесняющий традиционный «приказной язык». Весь XVIII в. продолжается борьба за максимальное расширение сферы употребления русского литературного языка, что предполагало одновременно создание грамматических описаний, разработку системы норм, стилей и жанров, а также закрепление ее в рамках литературной традиции и в речевом общении. Окончательное становление нового русского литературного языка большинство исследователей относит к 10—20-м годам XIX в., когда он начинает в полной мере соответствовать требованиям полифункциональности, общезначимости, кодифицированности и стилистической дифференциации³⁶. Симптоматично, что именно в 30-е годы русский язык окончательно утверждается в роли официального языка на Правобережье, существенно потеснив польский язык и в сфере культуры.

Третьим потенциальным языком культуры на западе Украины является украинский литературный язык. Однако на рубеже XVIII—XIX вв. он по всем основным параметрам явно уступает обоим своим соперникам,

что объясняется спецификой его эволюции. Языковой облик Украины формировался в течение XVII—XVIII вв. в условиях культурного многоязычия, причем границы сфер употребления языков оставались подвижными. Для круга православной культуры особое значение имело соперничество церковнославянского языка и «простой мовы»³⁷. Развитие «простой мовы» как языка украинской книжности во многом стимулировалось угрозой со стороны латинско-польской культуры. В то же время более высокий культурный и коммуникативный статус латыни, церковнославянского, а также польского языков, обуславливали возможность проникновения заимствований из них в староукраинский книжный язык, тем более что названные языки обладали более развитой лексикой, в том числе в сфере выражения ряда абстрактных понятий, отсутствовавших в «простой мове»³⁸. Тем самым украинский книжный язык явился продуктом синтеза элементов живой разговорной украинской речи и генетически разнородных стилистических и лексических элементов³⁹.

Однако и в XVII в., и тем более на рубеже XVIII—XIX вв. «проста мова» не являлась полноценным литературным языком как в силу недостаточно-го уровня кодификации, так и по причине общей стилистической неустойчивости и неполноты охвата коммуникативных сфер. Данный регистр книжного языка обслуживал довольно значительный набор стилевых и жанровых разновидностей текстов, включая научные трактаты, духовную — полемическую и гомильтическую — литературу и произведения светского характера: исторические повести, летописи, драмы и интермеди, переводы и переделки с других языков. Однако ни орфографической, ни грамматической нормализации староукраинского письменного языка в итоге произведено не было, не ставился и вопрос о его стилистической диффе-ренциации⁴⁰. Превращению «простой мовы» в полноценный полифункциональный литературный язык препятствовало также отсутствие такого важного регистра языка, как нормализованная разговорная речь, способ-ствующая фиксации языковой нормы, поскольку ни в одном из культурно значимых социальных слоев (дворянство, мещанство, духовенство) старо-украинский язык в неофициальном общении фактически не использовался.

Кроме того, начиная с середины XVII в. сдерживающее влияние на развитие украинского книжного языка и превращение его в общенацио-нальный литературный язык оказывала разорванность книжной традиции Левобережья и Правобережья. В то время как на левом берегу Днепра наблюдается явная тенденция к демократизации книжного языка и актив-ному сближению его с живой разговорной речью, о чем свидетельствуют, в частности, рукописные исторические сборники XVIII в.⁴¹, на правом бе-

регу «проста мова» все дальше отходит от народного языка, и, существенно сократив сферу своего функционального применения, остается лишь одним из факультативных регистров книжного языка. В дальнейшем этот процесс способствовал формированию в Галиции так называемого «язычия» — церковнославянско-украинского гибрида с русскими и польскими элементами, который использовался в книгоиздании и школе без малого полвека⁴².

Вплоть до середины XIX в. говорить о создании общенационального украинского литературного языка нового типа можно лишь с большой на-тяжкой. На Левобережье начинается процесс литературной обработки народного языка, который функционирует в качестве одного из вариантов языка культуры в низшем регистре⁴³. Книжная традиция XVII—XVIII вв. на «простой мове», сохраняющаяся частично на Правобережье, при этом фактически не учитывается⁴⁴.

Процесс создания национального литературного языка на народной основе активизируется в 30—40-е годы XIX в. на Левобережье в тесной связи с распространением в Европе идей романтизма. К этому же времени относятся первые попытки нормализации нового украинского литературного языка, создаются первые словари и грамматики, большинство из которых, впрочем, так и остались рукописными⁴⁵. В первой половине XIX в. на западе Украины также создается ряд грамматических описаний украинского языка, призванных служить конкретным практическим целям, но одновременно участвующих в кодификации литературного языка. Большинство описательных грамматик, изданных в этот период в Галиции, печатались не на украинском языке, а на немецком (*«Grammatik der Rutenischen oder kleinerussischen Sprache in Galizien»* И. Левицкого, 1834) или польском (например, *«Gramatyka języka małoruskiego w Galicji»* И. Вагилевича, 1845, *«Gramatyka języka ruskiego (małoruskiego)»* И. Лозинского, 1846 и некоторые другие)⁴⁶. Впрочем, в это же время появляются на Правобережье и украиноязычные учебники: в 1815 г. *«Буквар і підручник арифметики»* М. Шавинского, в 1838 г. — *«Буквар для парафіяльних шкіл»* И. Лавровского и его же шеститомный украинско-польско-немецкий словарь⁴⁷. Характерно, что параллельно продолжается издание церковнославянских грамматик: так, в Почаеве выходит несколько переделок известной грамматики М. Смотрицкого, среди них — *«Краткое потребнійших о(т) грамматіческаго художества вещей собраніе»* (1773), известно об издании *«Grammatica Slavo-Ruthena»* М. Лучкая, о существовании рукописной *«Грамматыки языка славенорусского»* И. Могильницкого (1823, издана впервые в 1910).

Параллельно с изданием грамматических пособий по украинскому языку предпринимается ряд попыток реформирования орфографии с целью ее приближения к реальному произношению. Однако в этом отношении Правобережье оказалось крайне консервативным. В течение всего рассматриваемого периода в печатных изданиях держится кириллическое письмо и правописание, основанное на историко-этимологическом принципе. Позже разработанная М. Максимовичем этимологическая система орфографии, вводившая надстрочные знаки для обозначения *i* на месте *o*, *e*, *u*, и и параллельное употребление *ы*, *и* для обозначения украинского *и*, становится общепризнанной и активно применяется, в том числе в упоминавшихся выше грамматиках⁴⁸.

К 60-м годам XIX в. факт наличия национального литературного языка начинает рассматриваться как неотъемлемый атрибут самостоятельного бытия народа, он становится средством и целью реализации национальной программы, формулируемой деятелями украинского национального возрождения⁴⁹. Однако в рассматриваемый период новый украинский литературный язык как таковой еще не был способен составить конкуренцию ни польскому, ни русскому литературным языкам. Таким образом, в ареале высших коммуникативных функций реальная конкуренция осуществляется главным образом именно между двумя последними языками.

Ареал высших коммуникативных функций

1. Делопроизводство, официальная сфера

В ареале высших коммуникативных функций сфера официально-делового общения в наибольшей степени зависит от внешних политических обстоятельств. Статус официального языка, обеспечивающий ему возможность использования в государственных учреждениях и в делопроизводстве, работает на закрепление доминирующего положения в полилингвальной системе коммуникации. В Речи Посполитой по крайней мере с конца XVI в. в делопроизводство, долгое время остававшееся преимущественно латинским, начинает проникать польский язык, при этом на Правобережье ситуация осложняется наличием местной книжной традиции. Вплоть до середины XVII в. требования ведения делопроизводства на «просстой мове» неоднократно появляются в постановлениях Брацлавского и Волынского сеймиков⁵⁰, поскольку местная шляхта считает это неотъемлемой частью своих прав и привилегий. В результате в XVII и даже в первой половине XVIII в. в государственных учреждениях Правобережья употреблялись в качестве официальных как польский, так и книжный ста-

роукраинский языки⁵¹. Однако позже последний был вытеснен из официальной сферы польским, лишь изредка под документами появляются украинские подписи.

После присоединения территорий к Российской империи польский язык достаточно долго сохраняет свои позиции в официальной сфере. Так, в 90-е годы XVIII в. судопроизводство в присоединенных западных губерниях ведется по-прежнему по-польски и согласно польскому праву, поскольку судьи выбираются из местной шляхты. Однако уже в 1801 г. Житомирский надворный суд, созданный для Подольской, Волынской и Киевской губерний, состоит преимущественно из россиян и ведет дела на русском языке, что явилось причиной многочисленных жалоб⁵². Прошения дворян западных губерний возымели свое действие: в 1806 г. высочайше утверждается решение общего собрания Правящего Сената, позволяющее вести дела по-польски в магистратах, местных судах, а в Главных судах параллельно на польском и русском языках⁵³. Известно, что в 1823 г. родословная книга дворян Подольской губернии составлялась на польском языке, и даже спустя 6 лет не нашлось средств для ее перевода на русский язык⁵⁴. Важнейшие правительственные документы (жалованные грамоты дворянству и городам) были опубликованы в переводе на польский язык⁵⁵. Вся документация, в том числе судебная, ведется по-польски⁵⁶, русский остается в этой системе «чужим». Произведенный в конце 90-х годов XVIII в. перевод делопроизводства на русский язык вплоть до 30-х годов XIX в. остается мерой внешней и не предполагает уничтожения конкуренции польского и русского языков в данной сфере. Такое положение вещей лучше всего описывается термином Э. Тадена «административная русификация»⁵⁷. Ситуация кардинально меняется лишь после польского восстания 1830—1831 гг., вызвавшего целый ряд репрессивных мер, в том числе и решительное вытеснение польского языка из официальной сферы⁵⁸.

2. Языки образования

Унаследованная Россией сеть учебных заведений была по преимуществу шляхетско-польской и реализовывала принципы школьного образования, разработанные в духе идеологии Просвещения Эдукационной Комиссией (1773—1776 гг.). Основной целью Комиссии явилась организация на базе иезуитских коллегий и школ национального светского образования и воспитание у молодежи польского патриотического духа. В короткие сроки в числе первых в Европе была создана одна из самых передовых систем образования, объединившая учебные заведения разного уровня: выс-

шего (университеты), среднего (4–6-классные училища) и низшего (3-классные школы, в частности приходские школы при монастырях). На момент присоединения Правобережья к России на территории Подольской губернии действовали пять средних учебных заведений (три государственные академические школы и две при монастырях), а в Волынской — 11 (одна гимназия, семь школ при монастырях и три академические школы), особенно славились Винницкая и Кременецкая академические школы, позже преобразованные в гимназии⁵⁹. Основной контингент учащихся средних учебных заведений, окончание которых давало право поступления в университет, в данном случае — Виленский, составляли выходцы из польской и полонизированной украинской шляхты. В течение 80-х годов XVIII в. образуется также сеть школ низшего уровня, которых, впрочем, было явно недостаточно для реализации идеи всеобщего просвещения. По данным на 1805 г. в Подольской губернии насчитывалось всего 16 приходских школ (268 учащихся), в Волынской — 28 (505 учащихся), в 1811 г. их было соответственно 24 (488 учащихся) и 62 (1508 учащихся), в 1822 г. — 43 (828 учащихся) и 37 (626 учащихся)⁶⁰.

Обучение во всех типах школ велось на польском языке, обязательными были также уроки католической религии, что в условиях приходских школ, где большинство учеников составляли дети крестьян непольского происхождения, отнюдь не способствовало эффективности обучения. Тем не менее украинский язык (как и белорусский на северо-восточных «кресах») из-за боязни утраты польского влияния считается неприемлемым даже в низших школах. Г. Коллонтай исключает из своего проекта украинские школы и преподавание русского языка, равно как и преподавание православной религии, из-за боязни возникновения нежелательных настроений и отхода от католицизма.

Украинская часть населения также имела доступ к учебным заведениям: элита — к польским гимназиям и академическим школам, крестьянство — к школам приходским. Однако если на Левобережной Украине в XVIII в. существовала разветвленная система школ при козацких полках с преподаванием на «простой мове»⁶¹, то на Правобережье количество собственно украинских школ мизерное. Чаще всего это были начальные школы, устраиваемые на средства частных лиц или сельских общин, а к началу XIX в. и они фактически исчезают. Долгое время существовавшие как центры национального просвещения — и что особенно важно, обучавшие детей крестьян и мещан — братские школы приходят в упадок, как это, в частности, произошло с действовавшей в Виннице с XVI в. школой Ставропигийского братства⁶².

После включения Правобережья в Российскую империю царское правительство оказалось перед фактом наличия на данной территории уже сформировавшейся системы образования — польской, которая к тому же намного превосходила по своему уровню российскую. Для ее реорганизации не было ни средств, ни кадров, ни политической воли, тем более что поляки — в первую очередь кн. А. Е. Чарторыйский — являлись весьма влиятельной силой при дворе Александра I. Подолье и Волынь вместе с бывшими белорусскими и литовскими землями Речи Посполитой в 1803 г. объединились в составе Виленского учебного округа⁶³, попечительство которым было вверено А. Чарторыйскому, куратору университета. Руководство деятельностью гимназий осуществлялось им же при содействии инспекторов. Инспектором Подольской, Волынской, а также Киевской губерний с 1803 по 1812 г. был другой не менее известный деятель польского национального движения, Т. Чацкий. При активном содействии А. Чарторыйского, С. Потоцкого, С. Сташыча и др. разрабатывалась и программа реформирования системы образования в России, в которой максимально был учтен опыт и достижения Эдукационной Комиссии.

Система учебных заведений, созданная за время ее работы, была сохранена практически в неизменном виде, обучение в гимназиях по-прежнему велось на польском языке по откорректированным программам. Небольшие изменения произошли в наборе дисциплин для учащихся гимназий, добавились новые языки: русский и греческий. Однако тех учебных заведений, которые находились в руках иезуитов и других католических орденов, а также униатских (василиан), реформа вообще не коснулась⁶⁴.

В 1805 г., по инициативе Т. Чацкого, в Кременце создается Волынская гимназия, которая в 1818 г. была преобразована в лицей — второй в России после Царскосельского. По мысли Чацкого, лицю предстояло стать элитарным высшим учебным заведением с 10-летним сроком обучения, и тем самым сделаться основным центром образования на правобережных землях, составив конкуренцию Виленскому университету. Книги для библиотеки лицея поставляет Krakowskij университет, возможно, также Варшавское общество друзей науки и другие польские культурные и издательские центры⁶⁵. Известно также о щедрых частных пожертвованиях для библиотеки Кременецкого лицея⁶⁶. До конца идеи Чацкого не были реализованы, но статус Кременецкого лицея был действительно необычайно высок, о чем свидетельствует тот факт, что именно на его базе позже будет образован русский Киевский университет св. Владимира.

В 1814 г. система образования на Правобережье пополняется еще одной польской мужской гимназией, Подольской, созданной на основе акаде-

мической школы в Виннице. После преобразования число классов в ней увеличилось с четырех до шести, были учреждены два подготовительных класса, но польский язык был сохранен как язык преподавания⁶⁷. Библиотека гимназии считалась одной из лучших в округе и пополнялась в соответствии с заказами директора как из Виленского и Варшавского университетов (отсюда поступали польские книги, учебники и периодика), так и из Петербурга (в заказах фигурируют все наиболее популярные русские периодические издания: «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Русский инвалид», «Северный архив»)⁶⁸.

Сохранение польской в своей основе системы образования и преподавания на польском языке на Правобережье создавало условия для своеобразной языковой и культурной автономии западных губерний и укрепляло позиции польской культуры как альтернативы культуре русской. По-прежнему ощущалась общность научно-образовательного пространства на всей территории бывшей Речи Посполитой благодаря наложенной системе распространения книг и периодических изданий. Преподаватели, в большинстве своем сами выпускники польских гимназий и Виленского университета, способствовали этому.

Однако уже в самом начале XIX в. Петербург предпринимает ряд шагов по реформированию системы образования на Правобережье с целью его русской переориентации. В 1804 г. принимается новый университетский устав, предполагающий создание 4-уровневой системы образования: учебные заведения подразделяются на приходские училища, уездные училища, губернские гимназии и, наконец, университеты. В соответствии с Уставом, обучение в школах и гимназиях должно вестись исключительно по-русски⁶⁹. На Правобережье для начала организуются русские классы и в программу обучения вводится русский язык и словесность как отдельный предмет, в том числе в Волынской и Подольской гимназиях. Одновременно за учебными заведениями устанавливается строгий надзор со стороны властей, идет постепенный пересмотр программ. Однако в документах того времени то и дело возникают жалобы на «недостаток в хороших учителях российского языка»⁷⁰.

В 1810 г. предпринимаются первые попытки нарушить языковую автономию округа. На самом высоком уровне разрабатываются меры, способные «распространить в провинции русский язык и сделать его предметом обучения, доминирующим над остальными». Предполагается даже введение штрафов за отказ от обучения русскому языку, однако ввиду приграничного положения западных губерний и возможного недовольства, столь суровые меры откладываются «до более благоприятного време-

ни»⁷¹. В результате в течение первых 20 лет после включения Правобережья в состав Российской империи в средних учебных заведениях продолжают действовать польские программы, языком обучения повсеместно является польский, по-польски ведется и вся документация, включая содержание лекций, планы занятий, в том числе по русскому языку (!), протоколы экзаменационных комиссий и школьных советов и т. п.⁷²

Перелом в образовательной политике центра наступает с середины 20-х годов. В 1824 г. производится смена руководства Виленским учебным округом. Одновременно начинается реформирование Виленского университета и учебного округа в целом. С 1823 г. обязательными становятся также занятия по православной религии, а в польских гимназиях католического священника сменяет православный⁷³. С 1828 г. согласно новому школьному статуту вводятся единые для всех учебных заведений империи программы и учебники, русский язык, а затем и история России становятся обязательными предметами во всех учебных заведениях⁷⁴.

Правительство пытается создать сеть русских школ, но на практике все свелось к реорганизации уже существующих польских учебных заведений. Так, например, в Подольской губернии к началу 30-х годов католические приходские школы были преобразованы в 59 приходских училищ. На основе четырех бывших академических школ организованы уездные училища: Каменецкое (Каменец-Подольский, 1825 г.), Гайсинско-Брацлавское (Немиров, 1815 г.), Летичевское (Меджибож, 1819 г.), Могилевское (Бар, 1819 г.). Вершиной системы образования являлась губернская гимназия (на Волыни — Волынская гимназия в Кременце, на Подолье — до 1832 г. Подольская губернская мужская гимназия в г. Виннице, позже — в Каменце-Подольском), директор гимназии осуществлял надзор за всеми учебными заведениями округа. Подавляющее большинство учащихся и в училищах, и в гимназиях по-прежнему составляли поляки. В Каменце соотношение учащихся было таким: 229 католиков и всего 12 православных, в Немирове из 296 учеников — 236 католиков, 38 православных, 10 униатов, 12 протестантов, в Меджибоже из 293 учеников — 261 католик, 25 православных, 4 униата, 2 протестанта, 1 иудей, в Баре из 500 учеников — 436 католиков, 46 православных, 16 униатов, 2 протестанта. Дополняли систему образования частные институты и пансионы для благородных девиц — знак нового времени (Пансион г-жи Бессон и Мочинской в Виннице, Гензель в Меджибоже, Гонзаль в Немирове, Коморовской в Каменце). Статистика показывает, что и здесь преобладали дети польской или полонизированной шляхты⁷⁵.

Польское восстание 1831 г. положило конец легальной польско-русской конкуренции в культурно-языковой сфере на Правобережье. В числе репрессивных действий властей была и ликвидация системы польского образования: в 1832 г. закрывается ее центральное учреждение — Виленский университет, а вместе с ним и большинство академических школ, пансионы для девочек и пр., которые оценивались как «очаги латинско-польской пропаганды»⁷⁶. На базе ликвидированного Кременецкого лицея создается русский университет св. Владимира в Киеве, одной из задач которого являлось противодействие польскому влиянию в крае. В Виннице вместо закрытой польской гимназии открывается русская (1832—1847 гг.)⁷⁷. В течение 1837—1839 гг. ликвидируются приходские школы, часть средних школ, которые содержали католические монахи, преобразуются в православные семинарии, как, например, в Шаргороде. В то же время появляется ряд новых русских гимназий и начальных школ, в частности, в Немирове. Прорусская переориентация всей системы образования становится главным направлением деятельности правительства. Увеличивается число недельных занятий по русскому языку, устанавливается ряд льгот для его преподавателей⁷⁸. Однако наладить эффективную систему начального образования на Украине российскому правительству так и не удалось, несмотря на то, что у русской школы был мощный союзник в лице православной церкви. Причина крылась в недостатке как средств, так и русских учителей, способных заменить поляков, а отсюда мизерное количество школ, а также отсутствие продуманной программы народного просвещения. Школа действительно стала по преимуществу русскоязычной, однако эффективность ее была крайне низкой. В 1834 г. в средних учебных заведениях в Волынской губернии работало всего 86 учителей, а в Подольской — 81, что давало наихудшее в империи соотношение к количеству учеников (1 : 515, 1 : 631)⁷⁹. Даже спустя 20 лет в 1856 г. ситуация в целом не меняется: в Волынской губернии всего 76 школ и 3 558 учащихся (0,23 на 100 душ населения), в Подольской — 143 школы и 4 432 учащихся (0,25 на 100 душ)⁸⁰.

Таким образом, в сфере образования борьба за культурное влияние на Правобережье завершается к середине XIX в. победой русского языка: польская система просвещения прекращает свое существование, и единственной альтернативой ей становится сеть русских учебных заведений. Сам факт «русификации» системы образования, даже несмотря на достаточно низкую эффективность обучения, способствовал закреплению за русским языком наивысшего коммуникативного статуса благодаря его доминирующему положению в этой важной коммуникативной сфере.

3. Издательская и цензурная политика

Анализ изданий, происходящих из книжных центров на Правобережье, существенно дополняет картину сложившейся к концу XVIII в. культурно-языковой ситуации. Помимо языков светской культуры, прежде всего польского и «простой мовы» здесь присутствуют также латынь — язык католической церкви и церковнославянский — язык православия, за которыми закреплены сакральные функции⁸¹. В письменной сфере первоначально устанавливается именно двуичленная система коммуникации, причем оба ее члена обладают примерно одинаковым статусом и выполняют одну и ту же социальную и культурную роль, только в разных этнорелигиозных сообществах. Конкуренция двух традиционных книжных языков носит характер культурного и религиозного противостояния, которое не смягчается и в связи с распространением униатства, использующего в практике книгоиздания как латынь, так и церковнославянский.

В то же время уже с середины XVII в. на роль языка культуры, помимо традиционных книжных языков, претендуют также польский язык и украинская «проста мова». В результате за латынью и церковнославянским языком сохраняется самый высокий регистр культурного общения — язык богослужения и богословия, в то время как в ученых трактатах и гомилетической литературе с ними успешно конкурируют «новые» языки. Повсеместной становится практика, в том числе издательская, культурного многоязычия, когда выбор того или иного языка обусловлен коммуникативным заданием текста, что в результате приводит к жанрово-функциональному распределению языков⁸². Подобная ситуация сохраняется в сфере письменной коммуникации и в рассматриваемый период с тем лишь отличием, что «проста мова» в силу перечисленных выше социокультурных причин (недостаточная кодификация, отсутствие социальной базы, административные ограничения) фактически уходит на периферию языкового пространства, тем самым способствуя возобновлению культурных функций церковнославянского языка в полном объеме и повышению его значимости как фактора поддержания православной традиции⁸³. Одновременно окончательно закрепляются позиции польского языка как равноправного конкурента латыни в культурно-языковой системе. Таким образом, характер общей ситуации в книгоиздании конца XVIII в. определяет культурное противостояние латинско-польской и церковнославянской книжности.

Не в последнюю очередь благодаря официальной поддержке, латинско-польские типографии, создаваемые обычно при католических монастырях, по своему количеству опережают «русские» (православные и часть униат-

ских), тогда как по числу изданий последние вполне могут соперничать с ними. Так, печатная продукция трех крупнейших западноукраинских издательских центров: Львова, Почаева и Унева в период с 1648 по 1800 г. составила 469 позиций, из них 286 книг вышло на церковнославянском языке, 118 на польском, и всего 80 на латинском — соотношение не в пользу двух последних языков⁸⁴. Распространенность дву- и триязычных изданий с параллельным текстом на церковнославянском, польском и латинском языках (главным образом это касается молитвенников и катехизисов) является наглядной демонстрацией конкуренции, осуществляющейся перечисленными языками в сфере книжной культуры. В то же время жанрово-функциональное распределение языков в зависимости от статуса и коммуникативного задания текста соблюдается довольно строго: тексты Священного писания и богословские трактаты выходят на латыни или по-церковнославянски, многоязычие допускается в низшем регистре духовной литературы, в тех жанрах, которые ориентированы на более широкий круг читателей (проповеди, катезис). Прикладная литература (словари и учебники), а также произведения светского характера (чаще всего переводные) издаются за редким исключением на польском языке, поскольку единственный возможный его конкурент в данной сфере — «простой мова» к этому времени фактически уходит из книжной культуры.

На Волыни во второй половине XVIII в. действовали две латинские типографии: одна в Луцке при ордене доминиканцев, другая с 1739 по 1749 г. в Бердичеве при ордене кармелитов. По крайней мере с 30-х годов XVII в. достойную конкуренцию им составляют «руськие» волынские типографии, явившиеся важным связующим звеном между православными центрами Западной Украины. Среди них наибольшую известность приобрела типография в Почаеве — крупнейшем религиозном центре Волыни. Почаевская типография униатского ордена василиан (базилиан) одна из немногих на Правобережье печатала книги на церковнославянском языке: в течение XVIII в. ею было выпущено около 100 изданий религиозного содержания тиражом 1000 экземпляров⁸⁵, среди них известная «Тріодь цвітна» (1747)⁸⁶. Кроме того, василиане — единственные на данной территории — продолжали издавать книги на «простой мове», считая ее единственным средством пропаганды униатства на правобережных землях. Так, известен ряд популярно-богословских изданий второй половины XVIII в., в том числе «Богословіє нравоучительное» (1751), «Сім'я слова Божія» (1781), несколько изданий «Наук парохіальних» и «Бесід парохіальних»⁸⁷, а также три издания «Народовещания» (1756, 1768, 1778), где повести и легенды излагаются на церковнославянском языке, а весь катехизис — на «простой

мове». Из Почаевской типографии выходили также книги светского характера, такие, как «Політика свіцкая со Иностранных авторов вкратце собранная» (1770) — своеобразный учебник правил хорошего тона. Огромной популярностью пользовалось такое почаевское издание, как «Богогласник» 1790 г. — антология украинских, польских и латинских песен религиозного содержания, созданных в разное время разными авторами (редкий случай, когда униатская книга имела сильное влияние на православную часть населения, в том числе и на левом берегу Днепра⁸⁸). Это, по-видимому, один из последних известных нам опытов издания произведений на «простой мове». Другое дело, что подавляющее большинство светской литературы, и прежде всего поэтические и драматические произведения, а также сборники притч, преданий, песен распространялись на Правобережье, как и в целом на Украине, в виде рукописей⁸⁹.

На Подолье соотношение сил сложилось явно не в пользу «руських» типографий. Для конца XVIII в. мы знаем о существовании православной типографии в Могилеве-Подольском: она была создана в 1795 г. по инициативе молдавского протопопа Михаила Стрельбицкого. Сохранились сведения и о деятельности «славянской» типографии при женском монастыре, просуществовавшей вплоть до 1835 г.⁹⁰ Вероятно, существовали типографии и при других монастырях, в том числе и католических, и униатских. В то же время уже в 1601 г. Потоцкие в своем имении Паневцах организуют латинско-польскую типографию, из которой вышло семь изданий догматико-полемического характера, часть по-польски, часть на латыни. В XVIII в. на Винниччине действуют три частные польские типографии: в Ярышеве Могилевского уезда, в Тульчине при поддержке тех же Потоцких, и типография Валериана Дзедушицкого в Мильтковцах Ушицкого уезда, где шляхтич печатал собственные законы, постановления и латинские проповеди для своих крестьян⁹¹. Традиция организации частных типографий сохраняется и в начале XIX в., однако объем выходящих из них изданий был мизерным.

Наряду с церковными и частными типографиями с середины XVIII в. появляются также казенные типографии, издававшие тексты на русском языке и использовавшие гражданский шрифт. Известно о существовании таких издательских центров в Бердичеве (с 1760 г.) и Житомире (с 1753 г. при главном суде). Число их увеличивается после присоединения Правобережья к Российской империи в связи с необходимостью обеспечить ново-присоединенные губернии печатной продукцией на государственном языке. Типографии возникают при городских магистратах и других «присутственных местах». В Тульчине функционирует типография главного штаба

2-й армии, где печатаются в основном бумаги внутреннего пользования: приказы, распоряжения, документы об увольнении личного состава, наградах и т. д.⁹² В 1807 г. в Каменце начинает действовать типография губернского правления, там же в 30-е годы решено было издавать официальные «Подольские губернские ведомости» на русском языке.

В условиях практикуемого в официальной сфере польско-русского двуязычия гражданские типографии издают книги как на русском, так и на польском языках. Так, типография в Бердичеве дважды — в 1780 и 1794 гг. выпускает «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» с параллельным текстом на русском и польском языках. В Бердичеве печатались также польские учебники для первых классов приходских школ. Как известно из переписки Т. Чацкого, договоренность об издании польских учебников была достигнута и с типографиями в Почаеве и Луцке, однако других подтверждений этому нет. Для печатания необходимых документов и учебников привлекаются также типографии, специализирующиеся на издании духовной литературы. Так, для Кременецкого лицея книги печатались в местной типографии⁹³, а в Почаеве в 1809 г. была выпущена составленная Бутовским «Грамматика российского языка в пользу польского юношества в Волынской гимназии»⁹⁴.

Завершение периода многоязычия в практике книгопечатания приходится также на 30-е годы XIX в. и непосредственным образом связано с резким изменением курса издательской политики правительства. К этому времени большинство польских типографий, и прежде всего типографии частные, ликвидируются⁹⁵, существенно уменьшается число книг, издаваемых на латыни. Государственный язык империи — русский — становится фактически единственным языком светского книгопечатания, подобно тому как стандартный (не гибридный!) церковнославянский язык⁹⁶ господствует в изданиях духовного содержания, причем нередко при этом используется церковный шрифт⁹⁷.

По отношению к изданиям на «малороссийском наречии» политика Петербурга в течение всего периода характеризовалась введением ряда запретительных мер и цензурных ограничений, в том числе в сфере духовного книгопечатания. Так, в 1800 г. Святейший Синод подтвердил действие петровского указа 1720 г. и распорядился, чтобы «никакой розни и прибавки и в слоге речей перемены отнюдь не было, — в том иметь наикрепчайшее смотрение»⁹⁸. Столь решительную позицию по вопросу издания украинских богословских произведений и богослужебных текстов Синод в своей переписке с Киевской Лаврой объясняет практическими соображениями: необходимостью распространения изданий во всей

империи, а не только на территории Украины. Однако поскольку в лаврской типографии, как и в других подобных издательских центрах, выходили, помимо духовной литературы, также грамматики, буквари, школьные учебники, иные издания для широкого круга читателей, это фактически означало запрет на украинские издания вообще. Правда, достаточно либеральный цензурный устав 1803 г. создал более благоприятные условия для развития украинского книгопечатания. Им воспользовались издатели, журналисты и писатели на Левобережье, прежде всего в Харькове⁹⁹, тогда как Правобережья, где церковные типографии находятся в упадке, а светских фактически нет, процесс оживления издательской деятельности почти не коснулся. Для всей первой половины XIX в. у нас нет сведений об украинских изданиях на Подолье и Волыни, все известные памятники этого периода сохранились в рукописном виде. Ситуация становится еще более сложной после 1812 г., когда окончательно складывается многоуровневый государственный аппарат цензуры, особенно с приходом на пост главы ведомства Н. Новосильцева. Более жесткая цензурная политика центра по отношению к губерниям, бывшим в составе Речи Посполитой, сохраняется и позже: даже после известного Валуевского циркуляра 1863 г.¹⁰⁰ украинская грамматика, составленная П. Кулишом, на левом берегу Днепра распространяется совершенно свободно, а на правом находится под запретом¹⁰¹.

4. Религия и церковь

Структура многоязычной системы коммуникации на Правобережье и динамика ее развития во многом определяется «открытым» характером украинской культуры в целом, который складывался в течение XVII–XVIII вв. в результате наложения социокультурных, политических и собственно языковых границ. Более того, как справедливо замечает Л. А. Софронова, именно «нарушение этих границ было необходимым условием для полноценного развития культуры»¹⁰². Это относится, в частности, и к такой специфической сфере культуры, какой является религия. Особый характер религиозной жизни на Правобережье в первую очередь связан именно с пограничным положением региона на стыке двух цивилизационных и культурно-языковых ареалов — *Slavia Latina* и *Slavia Orthodoxa*. Граница между православием и католицизмом никогда не была здесь ни внешней, ни линейной, а рождалась в постоянном столкновении и взаимопроникновении двух культурных систем. Соперничество в духовной сфере между католической и православной церковью, будучи источником активной по-

лемики, в то же время способствовало взаимному обогащению культурных традиций. Необходимость противостоять влиянию католицизма стимулировала как развитие гомилетической литературы, так и духовной православной культуры в целом. Имея перед глазами пример Польши, в западной части Украины православные священники, использующие в богослужении церковнославянский язык, в своих проповедях начали обращаться к прихожанам на народном языке, «простой мове»¹⁰³.

Однако к XVIII в. непосредственная угроза католической экспансии делается все более реальной. Католицизм, являющийся официальной религией Речи Посполитой, становится основным средством «обращения» в мир «своей» культуры православной (украинской) части населения с дальнейшей ее полонизацией. Быстрее всего под влияние католицизма попадала украинская элита, руководствующаяся соображениями конъюнктурного характера, тем более что для православных долгое время существовал ряд ограничений, в том числе на место жительства. Крестьянство же в силу традиции сохраняло верность православию. Для крестьянина на Правобережье оппозиция «католик» — «православный» трансформировалась в разделение «чужой» — «свой» с явной социальной подоплекой. Переход украинской элиты в католицизм сопровождался усвоением ею инонациональных культурных ценностей, что приводило и к фактической несовместимости языкового опыта различных социальных слоев. Существенные различия наблюдались как в наборе языков культуры и культа (в первом случае латынь и польский, во втором — церковнославянский и реже «проста мова»), так и в корпусе текстов, используемых в культурной и религиозной практике, а кроме того, в степени приверженности традиционной культуре, тесно связанной с православием¹⁰⁴.

Своеобразной попыткой совмещения двух культурных традиций и вместе с тем причиной религиозных и политических споров, продолжавшихся весь XVII в., стало распространение на западноукраинских землях униатства¹⁰⁵. На Правобережье массовое распространение униатства происходит с некоторым опозданием, лишь в конце XVII — начале XVIII в. (в 1703 г. унию одобрила подольская часть Львовской епархии), тогда же была образована Киевская митрополия униатского обряда, включившая, в частности, и Львовско-Галицкую епархию вместе с Подольем и Волынью. Решение о присоединении православных епархий к унии носило очевидно политический характер. Православными иерархами Речи Посполитой руководило главным образом нежелание подчиниться киевскому митрополиту, оказавшемуся в зависимости от московского патриарха. Тем не менее

этот шаг церковных властей был воспринят основной частью населения довольно спокойно¹⁰⁶.

Очевидно, что распространение униатства на Правобережье не могло не вызвать изменений в системе коммуникации. Преобразование православных приходов в униатские нередко сопровождалось полонизацией клира и изменением структуры богослужения: если литургия по-прежнему оставалась «русской» (церковнославянской), то проповеди чаще всего читались на польском языке, а это означало постепенную полонизацию также и прихожан. Помимо этого, проведенная в начале XVIII в. религиозная реформа на западе Украины привела, в частности, к ослаблению культурных связей с левобережной ее частью, с существовавшей там книжной традицией¹⁰⁷.

В то же время именно униатская церковь сыграла огромную роль в сохранении на Правобережье как традиционной устной народной культуры, так и культуры книжной. Есть основания полагать, что в среде низшего духовенства, в отличие от его верхушки, полонизация не имела большого распространения (хотя бы в силу недостаточного уровня образованности этого слоя), а проповеди на «простой мове» как наиболее доступном для прихожан языке по-прежнему читались сельскими священниками и составляли неотъемлемую часть культурного опыта. Выше уже говорилось и о роли униатских типографий в поддержании традиции книгопечатания на церковнославянском языке, и о предпринимавшихся ими попытках издания книг на «простой мове».

Особого внимания заслуживает просветительская деятельность униатской церкви. Организация школ — как среднего так и низшего уровня — являлась одним из важнейших направлений деятельности монашеского ордена василиан, имевшего огромное влияние на западе Украины. Всего на Украине в середине XVIII в. существовало 122 василианских монастыря, 103 из них располагались на Правобережье. Как правило, при крупных монастырях (Винница, Бершадь, Почаев, Каменец-Подольский) действовали учебные классы для послушников с преподаванием «простой мовы» и церковнославянского языка, курсами чтения старых «русских» рукописей. При содействии меценатов василиане организовывали школы для детей шляхты; известно о существовании таких школ во Владимире Волынском, Шаргороде (открыта в 1749 г. на средства Ст. Любомирского), Умани (открыта в 1768 г. при поддержке Фр. Потоцкого), Баре¹⁰⁸. Позже, по решению Эдукационной комиссии, к ордену перешли и бывшие иезуитские школы в Житомире, Кременце, Каменце-Подольском и других городах Правобережья, и василиане активно включились в реализацию разработанной Ко-

миссией образовательной программы¹⁰⁹. Хотя осуществлявшаяся василианами концепция образования, как об этом говорилось выше, была в основе своей полоноцентричной (особенно это касается средних учебных заведений), в униатских школах происходило также знакомство учащихся с традиционным корпусом православной литературы на церковнославянском языке, что само по себе имело важное значение для формирования языкового сознания.

После присоединения Правобережья к Российской империи картина религиозной жизни претерпевает существенные изменения. Официальная политика, предусматривавшая восстановление позиций православия на вновь присоединенных территориях, была направлена на максимальное уменьшение влияния в данном регионе как католицизма, так и униатства. Если в 1794 г. на территории Брацлавского уезда существовало 1442 униатских прихода и лишь 902 православных, то в 1795 г. согласно официальной статистике в православие перешло 1700 церквей с 1032 священниками¹¹⁰. Всего же за 1796–1797 гг. на Киевщине, Волыни и Подолье уничтожено 4700 униатских приходов, в православие было возвращено 2300 храмов, тогда же были созданы Брацлавско-Подольская, Волынско-Житомирская и Киевская православные епархии. Из 103 монастырей василиан в российской части Правобережья до 1839 г. — времени окончательного слияния православных и униатских приходов — просуществовало лишь 16, имущество ликвидированных монастырей также перешло к православной церкви. Правда, на короткое время в период царствования императора Павла I часть монастырей была восстановлена, существовала униатская церковь (в сильно полонизированном виде) и при Александре I, явно благоволившем католикам¹¹¹. Однако общее направление государственной политики по отношению к униатам оставалось неизменным: воссоединение их с православием трактовалось как возврат «совращенных лестью и насилием» в лоно истинной веры и являлось одним из путей включения новых территорий в имперскую систему.

Переход из униатства в православие действительно носил массовый характер, но определить, в какой мере он осуществлялся в соответствии с волеизъявлением прихожан, а в какой явился результатом насильственного присоединения, не представляется возможным¹¹². Известно, однако, что в среде мелкой шляхты и духовенства российские власти столкнулись с противодействием проводимой политике: часть среднего социального слоя из альтернативы: православие в его московском варианте или католицизм — предпочла последний. Есть сведения и о крестьянских выступлениях против перевода в православие на ряде присоединенных к России

риторий¹¹³. Восстановление православия сопровождалось рядом мер чисто репрессивного характера. Униатским, как и католическим, священникам было запрещено вести проповедническую деятельность, «дабы униатские священники не находились в тех местах, где народ присоединен к благочестию»¹¹⁴, не разрешалось привлекать православных к слушанию проповедей в униатских храмах (при том, что в целом ряде приходов проповеди читались на «простой мове»).

Постепенно формулируется положение о том, что «вера есть самое надежнейшее средство к удержанию тамошнего народа в непоколебимом пребывании под российскою державою»¹¹⁵. Начинается русификация клира, и в первую очередь его высшего слоя. Была изменена и процедура распределения священников по приходам: если еще в начале XIX в. их выбирали сами прихожане, то уже при Николае I назначение духовных лиц на место службы относится к ведению центральных консисторий. Еще в 1784 г. киевский митрополит Самуил Миславский издал приказ, требующий следить, чтобы студенты Киевской духовной академии «наблюдали правила правописания російского в письме», по его же приказу с 1786 г. языком преподавания в академии становится русский и обязательным является чтение молитв «голосом, свойственным російскому наречію»¹¹⁶. Запреты и ограничения коснулись в той или иной степени всех обычаем и обрядов, которые имели местные отличия: запрещалось чтение проповедей на «малороссийском наречии», предпринимались попытки и по изъятию из литургии книг на «гибридном» церковнославянском языке, отмеченном рядом украинских фонетических и грамматических черт. Кроме того, уже в 1800 г. вводится запрет на строительство церквей в традициях национального зодчества, на написание икон в традиционном местном стиле, на украшение храмов статуями и т. п. как противодействие католическому влиянию¹¹⁷. Окончательное оформление курса на русификацию церковной жизни на Правобережье происходит к середине 30-х годов XIX в. Одновременно с этим происходит утверждение в качестве единственного сакрального языка стандартного церковнославянского, латынь наряду с польским продолжает использоваться в богослужении лишь в целом немногочисленных католических приходах.

5. Роль языков в культурном дискурсе

Конкуренция русского и польского языков на Правобережье в начале XIX в. во многом определяет характер культурного дискурса в целом, в первую очередь это касается литературы, где третьим — пока только потенци-

альным — участником является новый украинский литературный язык. Данный регион до середины XIX в. фактически остается частью польского культурного пространства, привлекая своим региональным колоритом внимание целого ряда польских литераторов. В этот период за счет традиционной украинской думы был расширен жанровый состав польской лирики, а в среде романтиков выделились поэты так называемой «украинской школы»¹¹⁸.

Столь живой интерес к украинской тематике в значительной мере связан с общим историко-политическим контекстом, в частности, с присоединением украинских земель — «кресов» — к Российской империи по третьему разделу Речи Посполитой. В произведениях поэтов — выходцев с «кресов», к тому же в большинстве своем воспитанников знаменитого Кременецкого лицея, очевидно стремление к идеализации совместного исторического прошлого в духе «регионального» патриотизма и попытка символического переосмысливания истории Польши в связи с историей Украины¹¹⁹. К 30-м годам относится и начало складывания идеологии польского украинофильства, среди представителей которого — М. Чайковский, И. Терлецкий, Ф. Духиньский, Я. Яворский. Ностальгическая поэтизация украинского быта и природы характерна для целого ряда произведений 30—40-х годов XIX в., включая поэзию ведущих представителей «украинской школы» — Ю. Б. Залесского, С. Гощинского, А. Мальчевского, а также целого ряда других авторов¹²⁰. Увлечение украинской тематикой, активное использование национального фольклора в произведениях романтиков сопровождается введением большого числа лексических украинизмов, используемых в целях поэтической стилизации¹²¹.

Весьма симптоматичным для первой половины XIX в. является также распространение в среде правобережной шляхты моды на украинские стихи. Подобным образом прославился Тимко Падура, исполнитель песен собственного сочинения, стилизованных под народные¹²². При всей сомнительности художественных достоинств подобных произведений, как и их собственно языковых качеств, сам факт введения украинского языка, близкого к народно-разговорному, в сферу литературного творчества и личного общения элиты имел огромное значение для пересмотра характера отношений между польским и украинским языками в рамках общей языковой ситуации. Под влиянием идей «хлопоманства» представители среднего слоя начинают общаться по-украински не только со своими слугами, но и между собой, в кругу равных. Появляется тенденция к повышению коммуникативного статуса украинского языка при подразумеваемом сохранении общего с Польшей культурного пространства. Одним

из свидетельств этого может служить распространение во время польского восстания 1830—1831 гг. украиноязычных воззрений к крестьянству.

Сохранить принадлежность Правобережья к кругу польской культуры помогала также активная деятельность ученых и исследователей. В первой половине XIX в. по инициативе польских институтов, здесь организуется целый ряд филологических и археолого-культурологических экспедиций, проводятся многочисленные этнографические исследования. Варшавское общество друзей науки, образованное в 1801 г., разрабатывает специальную программу по изучению народного быта и культуры, особое внимание уделяя «кресам», подобная программа осуществляется и по инициативе Виленского университета¹²³. Весьма активно ведутся и собственно этнографические исследования Правобережья, результаты которых публикуются на польском языке и предназначаются по большей части для польской читающей публики¹²⁴. Одновременно в начале XIX в. появляется ряд топографических и статистических описаний отдельных частей Правобережной Украины, предпринятых по инициативе российского правительства¹²⁵, что было связано с общим стремлением доказать исконно «русский» характер присоединенных к империи земель.

Особую роль в рассматриваемый период играет собирание и издание народного песенного фольклора. В 20-е годы появляется целый ряд журнальных публикаций украинских народных песен. Так, например, в литературно-научном издании «Pielgrzym lwowski» печатаются польские и украинские песни в оригинале и немецких переводах¹²⁶. Народные песни с Правобережной Украины оказываются в составе как польских, так и российских изданий, среди которых наиболее известны «Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» Вацлава Залесского¹²⁷, «Pieśni ludu ruskiego w Galicji» Паули Жеготы¹²⁸. Подобные фольклорные издания выходят в свет и в России, достаточно вспомнить сборники Н. Цертелева (1819), М. Максимовича (1827, 1834, 1849), И. Срезневского «Запорожская старина» (1833—1838), П. Лукашевича «Малороссийские и червонорусские думы и песни» (1836)¹²⁹.

Литература на украинском языке в этот период на Правобережье фактически не развивается. Сведения о литературных произведениях на украинском языке (преимущественно книжном староукраинском) относятся к рубежу XVIII—XIX вв. и слабо связаны с тем процессом формирования нового языкового и литературного канона, который происходил на Левобережье. Так, известно о широком распространении рукописных «песенников», очевидно, составляемых со слуха студентами, семинаристами, дьяками, купцами, канцеляристами¹³⁰. Основное место в таких сборниках

отводилось любовным стихам, другой не менее важной составляющей песенников была духовная лирика, в частности канты и псалмы, посвященные местным иконам (барской, бердичевской, каменецкой, луцкой, почаевской, тернопольской и др.). Об авторах самих произведений не известно почти ничего, редкое исключение — Александр Падальский (имя расшифровано из акrostиха), написавший популярную «Піснь о світі», язык которой очевидным образом продолжает старую книжную традицию, хотя и содержит явные разговорные элементы, в том числе юго-западные диалектизмы. Самое значительное собрание анонимных песен представляет собой уже упоминавшийся «Богогласник», изданный в Почаеве в 1790 г. и объединивший 248 песен¹³¹. Список из 75 украинских песен, включенных в рукописный польский сборник, датированный 1780 г., приводит И. Франко, указывая на очевидно литературный, а не фольклорный характер включенных в него произведений¹³². Что касается языка подобных сборников, то он весьма неоднороден и степень близости к старому книжному языку различается в зависимости от жанра и тематики произведения, однако, и здесь намечается тенденция к переходу от многоговорчества к фиксации живой народно-разговорной речи с некоторыми чертами литературной обработки.

В целом украинский литературный процесс в данный период носит скорее фрагментарный характер, связи между литературной практикой Правобережья и Левобережья практически отсутствуют, общее количество художественных произведений невелико, да и читательский спрос на них невелик. Известно единственное произведение, написанное под очевидным влиянием «Энеиды» И. Котляревского и вполне вписывающееся в контекст так называемой «котляревщины». Это 70-строфная поэма «Варшава» Василия Ростовецкого, публиковавшаяся в разное время то как анонимное произведение, то как авторское¹³³. Таким образом, тезис о «неполноте функционирования»¹³⁴ украинской литературы вследствие ограниченности функций украинского языка и общей незавершенности процесса выработки нового литературно-языкового стандарта, получает также географическое измерение. Особенно остро ощущается недостаточное развитие жанрово-стилистических регистров нового языка литературы: в литературных произведениях происходит фиксация низшего регистра языка — просторечия, диалекта. Тематика произведений ограничивается преимущественно кругом сельской жизни и крестьянского быта, а развитие получает весьма ограниченный набор «низких» жанров (пародия, травестия, басня, комедия, героико-комическая поэма, сатира).

Украинская литература этого периода развивается прежде всего как литература региональная и ориентируется главным образом на отражение локального колорита. Именно региональное своеобразие, своего рода южная экзотика привлекает в Малороссии русских романтиков: К. Рылеева, О. Сомова, Н. Маркевича, Н. Гоголя. Ограниченностъ культурных функций украинского литературного языка имела своим следствием распространенность литературного билингвизма, являвшегося средством заполнения коммуникативных лакун. В этом смысле русского-украинский билингвизм писателей — выходцев из Малороссии¹³⁵ функционально равен потенциальному польско-украинскому билингвизму в произведениях польских «кресовых» поэтов. В условиях неоформленности собственного литературно-языкового канона и фрагментарности литературного процесса данная территория включается в культуру других этносов. Заметим, что несмотря на изменение государственных границ и формальную принадлежность Правобережья к Российской империи, всю первую половину XIX в. оно остается частью польского культурного, литературного, и — как следствие — коммуникативно-языкового пространства. Несовпадение культурной и политической границ обусловило, в свою очередь, более позднее включение Правобережья в общероссийский культурный дискурс и общую замедленность культурного процесса в рассматриваемом регионе.

Подведем итоги нашего анализа. Изменение государственных границ в результате разделов Речи Посполитой и включение Правобережья в Российскую империю самым серьезным образом повлияло на языковую ситуацию в регионе. К середине XIX в. под влиянием ряда социокультурных факторов (уменьшение роли «старых» языков культуры, латыни и «простой мовы», появление в системе коммуникации русского языка, снижение коммуникативного статуса польского языка) и не без административного давления происходит кардинальная перестройка взаимоотношений между языками в коммуникативном пространстве. Обнаруживается очевидная тенденция к перемещению официального языка империи — русского — в центр культурно-языковой системы и оттеснению других языков на периферию коммуникативного пространства во всех функциональных сферах и формах общения.

Процесс смены культурных ориентиров (Польша—Россия), начавшийся в 90-е годы XVIII в. с административной русификации официальной сферы в письменной системе коммуникации, постепенно захватывает область образования, религии, книгоиздания, культуры в целом, а также (правда, в

меньшей степени) неофициального общения. Паритет польского и русского языков в ареале высших коммуникативных функций устанавливается недолго. Тенденция русификации культурной жизни Правобережья усиливается в связи с польским восстанием 1830—1831 гг. Административное давление приводит к вытеснению польского языка из делопроизводства, школы, книгоиздания и закреплению за русским языком наиболее широкой сферы употребления, а значит и наивысшего коммуникативного статуса. Это сопровождается довольно жесткой регламентацией условий функционирования языков в данном коммуникативном пространстве.

В результате к середине XIX в.:

- все основные функции общения на Правобережье в ареале высших коммуникативных функций выполняет русский язык;
- стандартный церковнославянский становится единственным языком духовной культуры;
- за украинским как недостаточно лингвистически эмансипированным закрепляется сфера повседневного бытового общения преимущественно низших слоев населения;
- за польским, а также частично за латынью, сохраняется статус языка культуры и церкви, но лишь в ограниченном этнокультурном слое;
- «проста мова» фактически уходит из системы коммуникации.

Таким образом, языковая ситуация на Правобережье хотя и остается в принципе полилингвальной, совершенно меняются ее характеристики. Если в конце XVIII в. мы имеем дело с многополюсной системой коммуникации, а сферы компетенции языков пересекаются и взаимно накладываются друг на друга, то к середине XIX в. формируется языковая система с четко обозначенной коммуникативной доминантой (русский язык); остальные языки, оказавшиеся на периферии языкового пространства (польский, латынь, украинский, церковнославянский), обладают строго ограниченными сферами употребления.

Примечания

¹ О важности социолингвистического подхода в изучении истории литературного языка см.: Fishman J. A. *Sociolinguistics and the Language Problems of Developing Countries // Language Problems of Developing Nations*. New York, 1968. S. 3—17; На украинском материале данный подход наиболее полно реализован Ю. Шевелевым в: Shevelov G. Y. *The Ukrainian Language in the First Half of the Twentieth Century (1900—1941). Its state and Status*. Cambridge, 1989; укр. перевод: Шевельов Ю.

Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900—1941). Стан і статус. Чернівці, 1998; см. також: *Wexler P. N. Purism and Language: a Study in Modern Ukrainian and Belorussian Nationalism (1840—1967)*. Bloomington, 1974.

² Подольские епархиальные ведомости. 1875. № 4. С. 133.

³ Вінницький державний обласний архів (далее — ВДОА), фонд Д-675. Оп. 1.

⁴ Kohut Z. E. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy. Imperial Absorption of the Hetmanate. 1760—1830's. Cambridge, 1988; укр. перевод: Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760—1830. Київ, 1996. С. 262.

⁵ О роли данного фактора в формировании украинского национального самосознания см.: *Лисяк-Рудницький І. Роля України в новітній історії // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе*. Київ, 1994. Т. 1. С. 155—156.

⁶ См., напр.: «Дело о чиншевом шляхтиче с. Лесничего Борочецком, выскажавшемся против присоединения Правобережной Украины к России» (1796 г.) (ВДОА. Ф Д-678. Оп. 1. № 108); «О розыске шляхтича Ковальского за агитацию среди монахов Радомиского монастыря восстать против подчинения России и его брата за распускание слухов о восстании на Украине» (1796 г.) (ВДОА. Ф Д-678. Оп.1. № 109).

⁷ Ср.: «Ukraina. Prowincja Królewstwa Polskiego, zawiera właściwie województwo Bracławskie i Kijowskie» (Dykcjonarzyk geograficzny. Warszawa, 1783. Т. 3. С. 169).

⁸ С начала ХХ в. термин употребляется применительно ко всем бывшим восточным территориям Речи Посполитой в границах 1772 г. Об этом см.: Kiniewicz S. Kresy. Przemiany terminologiczne w perspektywie dziejowej // Przegląd Wschodni. 1991. R. 1. Z. 1. S. 3—13.

⁹ Об этом подробнее см.: *Zasztowt L. Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 r.) // Historia i współczesność języka polskiego na kresach wschodnich*. Warszawa, 1997. S. 206.

¹⁰ Подробнее о термине «идеальное Отечество» применительно к истории польско-российско-украинских отношений, а также о терминологической войне см.: Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). Санкт-Петербург, 2000. С. 12, 36—37.

¹¹ Относительно термина Подолье см.: До проблеми регіональних історико-етнографічних досліджень // Поділля: історико-етнографічне дослідження. Київ, 1994. С. 6—11.

¹² О «подольском патриотизме» см.: Симашкевич М. Историко-географический и этнографический очерк Подолии: Из Подольских епархиальных ведомостей. Каменец-Подольский, 1875. С. 6.

¹³ В своем понимании структуры коммуникативного пространства мы опираемся на концепцию Г. П. Нещименко, см.: Нещименко Г. П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (На материале сопоставительного изучения славянских языков). Мюнхен, 1999. С. 9; Нещименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.

¹⁴ Примером может служить сочинение Я. Б. Раковецкого «*Prawda ruska*» (1823). О Раковецком см.: *Францев В.* Польское славяноведение конца XVIII — первой четверти XIX столетия. Прага, 1906.

¹⁵ Об этом см.: Українські народні пісні в записах Зоріана Доленги-Ходаковського: З Галичини, Волині, Поділля, Придніпрянщини і Полісся. Київ, 1974; полная библиография о Доленге-Ходаковском см.: *Балтарович З. Є.* Україна в дослідженнях польських етнографів XIX в., 1976. С. 23.

¹⁶ *Bandtke J. S.* O języku polskim, czeskim i współczesnym rosyjskim // *Rocznik Warszawski*. 1815. S. 120.

¹⁷ Об этом см. подробнее: *Москаленко А. А.* Исторія українського мовознавства. Київ, 1991. С. 152—154.

¹⁸ *Павловский Ал.* Грамматика малороссийского наречия. СПб., 1818.

¹⁹ О разделении языковых ситуаций на сбалансированные и несбалансированные см.: *Никольский Л. Б.* Синхронная социолингвистика. М., 1976.

²⁰ *Кабузан В. М.* Народы России в первой половине XIX в. М., 1992. С. 123.

²¹ Ср. в этой связи замечания И. Лисяка-Рудницкого о «неисторичности» украинской нации в XIX в.: *Лисяк-Рудницкий І.* Зауваги до проблеми «історичних» і «неісторичних» націй // *Лисяк-Рудницкий І.* Історичні есе... С. 27—47; а также последующую дискуссию: *Грабович Г.* Ще про «неісторичні» нації і «неповні» літератури // *Грабович Г.* До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка. Гарвардська серія. Випуск 1. Київ, 1997. С. 543—570.

²² Подробнее характеристику говоров данного ареала см.: *Матвіяс І. Г.* Українська мова і її говори. Київ, 1990. С. 60—72. *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955. С. 89, 124—131.

²³ О генезисе и специфике южнокресового диалекта см.: *Kurzowa Z.* Historia i współczesność języka polskiego na Kresach południowo-wschodnich // Historia i współczesność języka polskiego na Kresach wschodnich. Warszawa, 1997. S. 126—129.

²⁴ Свидетельства этого см.: Етнічна історія Поділля // Поділля: Історико-етнографічне дослідження... С. 39.

²⁵ *Яковенко Н.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. Київ, 1997. С. 263; *Лисяк-Рудницький І.* Польсько-українські стосунки: тягар історії // *Лисяк-Рудницький І.* Історичні есе... С. 92—96.

²⁶ *Капеллер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 130—140.

²⁷ Об этом см.: *Свербицуз В.* Старосвітське панство. Варшава, 1999; о Польском дворянском собрании: С. 113—115, о Волынском — С. 118.

²⁸ ВДОА. Фонд Д-678. Оп. 1. № 15.

²⁹ ВДОА. Фонд Д-678. Оп. 1. № 67.

³⁰ Об этом см.: *Свербицуз В.* Указ. соч. С. 120, 122.

³¹ О структуре общества на Правобережье и месте в нем русского дворянства см.: *Миллер А.* Россия и русификация Украины в XIX веке // Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 147.

³² Об ассимиляции украинской шляхты на Левобережье см.: *Когут З.* Указ. соч. С. 261.

³³ Об этом см. подробнее: *Kurzowa Z.* Op. cit. S. 126—129.

³⁴ Периодизацию истории польского литературного языка см.: *Ананьев Н. Е.* История и диалектология польского языка. М., 1994. С. 26—29.

³⁵ О теории диглоссии и билингвизма см.: *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Мюнхен, 1987; *Он же.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.

³⁶ О языковой ситуации в России XVIII — начала XIX в. см.: *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века М., 1996. С. 3—15, 65—67, 125, 154.

³⁷ *Мозер М.* Что такое «простая мова»? // *Studia Slavica Hungariae.* 2002. 47/3—4. С. 221—260. Историю вопроса см.: *Білодід І. К.* Києво-Могилянська Академія і розвиток східнослов'янських літературних мов у XVII—XVIII ст. Київ, 1973. С. 3—17; а также: *Огієнко І.* Нариси з історії української мови: Система українського правопису. Варшава, 1927; *Łesiów M.* Właściwości fonetyczne ukraińskiego języka pisaneego XVII i początku XVIII wieku // *Slavia Orientalis.* 1965. R. XIV. Nr. 3. S. 347; *Плющ П. П.* История украинской литературной мови. К., 1971. С. 140—155.

³⁸ *Witkowski W.* Język utworów J. Galatowskiego na tle języka piśmiennictwa ukraińskiego XVII w. Kraków, 1969. О полонизмах в «простой мове» см. также: *Білодід І. К.* Контакти української мови з іншими слов'янськими і уніфікація її усної літературної форми. К., 1968; *Огієнко І.* Чужі слова в українській мові // Нариси з історії української мови. Варшава, 1927. О статусе латыни см.: *Rieger J.* Cerkiewszczyzna równa łacinie? W牠ety cerkiewnosłowiańskie u Lazarza Baranowicza (druga połowa XVII w.) // *Slavia Orientalis.* 1998. Nr. 3.

³⁹ *Москаленко А. А.* Основні етапи розвитку української мови. К., 1964. О генетической разнородности элементов «простой мовы» см. также: *Плющ П. П.* Указ. соч. С. 140—155.

⁴⁰ См. об этом: *Чижевський Дм.* Історія української літератури: Від початків до доби реалізму. Тернопіль, 1994 (передрук видання УВАН. Нью-Йорк, 1956). С. 302.

⁴¹ *Апанович Е. М.* Рукописная светская книга XVIII в. на Украине. Исторические сборники. Киев, 1983.

⁴² О «язычии» см.: *Мозер М.* «Язичие» — псевдотермін в українському мовознавстві // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Нова серія. Т. 10. Харків, 2004. С. 207—232; *Brock P.* Ivan Vahylevych (1811—1866) and the Ukrainian National Identity // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia. Cambridge, 1982. P. 113—114.

⁴³ *Franko I.* Charakterystyka literatury ruskiej XVI—XVIII w. // *Kwartalnik Historyczny.* 1892. T. VI. S. 711.

⁴⁴ О наличии перерыва традиции в истории украинского литературного языка см., в частности: *Shevelov G. Y.* Evolution of the Ukrainian Literary Language // Rethinking Ukrainian History. *Ivan L. Rudnytsky* (ed.) Edmonton, 1981. S. 216—231;

Масенко Л. Т. До проблеми спадкоємкості старої писемної традиції в новій українській літературній мові // Мовознавство. 1995. № 4–5. С. 39–45.

⁴⁵ *Русановский В. М.* Становление нового украинского литературного языка // Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. Москва, 1998. С. 83–87.

⁴⁶ *Мацюк Г.* Прескриптивне мовознавство в Галичині (перша половина XIX ст.). Львів, 2001; *Возняк М.* Галицькі граматики української мови початку XIX ст. Львів, 1911; см. также: *Москаленко А. А.* Історія... С. 17–18.

⁴⁷ Историчні передумови вуз'єднання українських земель. Київ, 1989. С. 144.

⁴⁸ О становлении орфографии подробнее см.: *Огієнко І.* Система українського правопису // Нариси з історії української мови...; *Москаленко А. А.* Історія... С. 27–41.

⁴⁹ О литературном языке как атрибуте нации см.: *Журавлев В. К.* Социально-экономические и культурно-исторические параметры формирования национальных литературных языков // Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. Москва, 1998. С. 18. О роли украинского языка в националистическом дискурсе см.: *Миллер А. И.* «Украинский вопрос»... С. 63–72. Подобную роль в этот период играл и белорусский язык, об этом см.: *Сильверстова С.* Паміж Польшчай і Расіяй: Моўная сітуацыя ў Беларусі ў канцы XVIII–XIX ст. // Беларусіка — 6. Беларусь паміж усходам і заходам. Мінск, 1997. Ч. 1. С. 132.

⁵⁰ Об этом см. подробнее: *Свербигуз В.* Указ. соч. С. 10–11.

⁵¹ Образцом книжного языка может служить «Постанова Вінницького міського уряду від 20 травня 1642 року про надання в користування жіночому монастирю міської сіножаті». См.: Вінниця. Історичний нарис. Вінниця, 1964.

⁵² *Свербигуз В.* Ук. соч. С. 126–127, 128.

⁵³ Там же. С. 129.

⁵⁴ Там же. С. 114.

⁵⁵ ВДОА. Ф. Д-678. Оп.1. № 2.

⁵⁶ См. напр.: Личные дела учеников Винницкой гимназии, где вся документация, включая свидетельства об окончании классов, разного рода прошения написаны по-польски (ВДОА. Ф. Д-849. Оп.1. № 125).

⁵⁷ См.: *Thaden E. C. Russification in Tsarist Russia // Thaden E. C., Thaden M. F. Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe.* New York, 1990. Подобная ситуация наблюдается в этот период и на землях Великого Княжества Литовского, см. об этом: *Сильверстова С.* Указ. соч. С. 123–132.

⁵⁸ О других репрессивных мерах царского правительства по отношению к дворянству западных губерний см.: *Свербигуз В.* Указ. соч. С. 138, 201, 211, 213, 214.

⁵⁹ *Zasztowt L.* Op. cit. S. 203–298; *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832. Lublin, 1991. Т. II. S. 18.

⁶⁰ *Beauvois D.* Op. cit. Tab. 27. S. 376; Tab. 30. S. 401. О приходских школах см. также: S. 321–323, 327–328, 408.

⁶¹ Дзюба О. Українці в культурному житті Росії (XVIII ст.): причини міграції // Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 116.

⁶² Вінниця. Історичний нарис...

⁶³ О системе образования на белорусских землях после разделов см.: Куль-Сяльвертава С. Я. Беларусь на мяжы стагодзяў і культур: Фармированне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. — 1820-я гады). Мінск, 2000. С. 55—72.

⁶⁴ Там же. С. 63.

⁶⁵ Beauvois D. Op. cit. S. 300, 324—326.

⁶⁶ Об этом см.: Булатова Св. Книжне зібрання Яблоновських у бібліотеці Кременецького ліцею // Наукові записки НАНУ. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 1997. Т. 2. С. 209—231.

⁶⁷ Shup H. A. Русско-украинское культурное сотрудничество в XVIII — первой половине XIX в. Киев, 1988; Beauvois D. Op. cit. S. 19—30, 31—54.

⁶⁸ Acta prenumeraty gazet i pism perwydznych. 1822. Vol. II (ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 29).

⁶⁹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII — первая половина XIX в. М., 1973. С. 392.

⁷⁰ См., в частности: Отчет попечителя Виленского учебного округа за 1806 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. СПб, 1898. Учебные заведения в западных губерниях. 1805—1807. СПб., 1898. Т. 3: Учебные заведения в западных губерниях. С. 675.

⁷¹ Цит. по: Beauvois D. Op. cit. S. 361.

⁷² См. документацию Подольской мужской гимназии: ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 33. Аналогичный пример представляет академическая 6-классная школа в Баре: Историко-статистическое описание г. Бара // Подольские епархиальные ведомости. 1875. № 17. С. 502—512.

⁷³ Beauvois D. Op. cit. S. 331—336.

⁷⁴ Bieliński I. Uniwersytet Wileński. Kraków, 1899—1900. Т. 3. S. 546; Zasztowt L. Op. cit. S. 203—298.

⁷⁵ Рапорт директора Винницкой мужской гимназии и директора Подольских училищ о состоянии училищ в губернии (ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 168).

⁷⁶ Подolia. Историческое описание. Санкт-Петербург, 1891. С. XX.

⁷⁷ Вінниця. Історичний нарис...

⁷⁸ См. об этом, в частности: Подолія... С. 239.

⁷⁹ Shup H. A. Интелигенция... Киев, 1991. С. 51.

⁸⁰ Биднов В. Школа і освіта на Україні // Українська культура. Київ, 1995. С. 63—64.

⁸¹ Общую характеристику издательской деятельности на Правобережье см.: Ісаєвич Я. Українське книговидання. Витоки, розвиток, проблеми. Львів, 2002. С. 279–302.

⁸² Об этом в связи с языком Феофана Прокоповича см.: Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. С. 143, 348.

⁸³ Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. ... С. 59.

⁸⁴ Яковенко Н. Указ. соч. С. 279.

⁸⁵ Nieć J. Drukarnie na Wołyńiu // Oriens. V. 1936. N. 148—149.

⁸⁶ Сидоров О. О. Взаємини між Україною, Росією і заходом в галузі оформлення книги у старий і новий час // З історії книги на Україні. Київ, 1978. С. 106.

⁸⁷ Єфремов С. Історія українського письменства. Київ, 1995. С. 221.

⁸⁸ Franko I. Charakterystyka literatury ruskiej XVI—XVIII w. // Kwartalnik Historyczny. VI. 1892. S. 721—723.

⁸⁹ Запаско Я. П. Рукописна книга як попередник української друкованої книги // З історії книги на Україні. Київ... С. 80—91.

⁹⁰ Упоминание об этом см.: Историческое описание Винницы, уездного города Подольской губернии // Прибавление к Подольским епархиальным ведомостям. Каменец-Подольский. 1863, № 8. Часть неофициальная. С. 310.

⁹¹ Подольские типографии и издания // Подольские епархиальные ведомости (№ 46). 1903 г. 15 нояб. С. 1381.

⁹² Петров С. О. Книги гражданской печати XVIII в. (Каталог книг, хранящихся в государственной публичной библиотеке Украинской ССР). Киев, 1956.

⁹³ Beauvois D. Op. cit. S. 300, 304, 363.

⁹⁴ Книги гражданского друку, видані на Україні. XVIII — перша половина XIX ст. Харків, 1971.

⁹⁵ См., напр., «Дело Количева, жителя м. Янова», которому в 1809 г. было предъявлено обвинение в том, что он печатает «секретно и без цензуры книги польские к богомолию, как и свои раскольнички и оные продаёт» (ВДОА. Ф. Д-604. Оп. 1. № 6), а также «Дело о запрещении жителю г. Литина Количеву содержать типографию (1821—1826)» (ВДОА. Ф. Д-604. Оп. 1. № 28).

⁹⁶ О регистрах книжного языка см.: Живов В. М. С. Язык и культура в России... С. 31—41.

⁹⁷ О возрождении церковного шрифта в русской духовной литературе в царствование Николая I см.: Живов В. М. Язык и культура в России. С. 467—493.

⁹⁸ Цит. по: Огієнко І. Українська культура. Коротка історія культурного життя українського народу. Київ, 1992 (фотодруком з першого видання Київ, 1918). С. 91. См. также: Лотоцький О. Українське друковане слово // Українська культура. Київ, 1993. С. 104; Лизанчук В. В. Навічно кайдани кували: факти; документи; коментарі про русифікацію в Україні. Львів, 1995. С. 35, 69—73. О цензуре см.: Фабрикант Н. Краткий очерк из истории отношений русских цензурных законов к украинской литературе // Русская мысль. 1905. Кн. 3. С. 127—147.

- ⁹⁹ О Харькове и его роли в развитии литературы на украинском языке см.: Шамрай А. Харківські поети 30—40-х рр. XIX ст. (харківська школа романтиків). Харків, 1930.
- ¹⁰⁰ Генезис Валуевского циркуляра см.: Миллер А. И. «Украинский вопрос»... С. 96—116.
- ¹⁰¹ Об этом см.: Огієнко І. Історія української літературної мови. Київ, 1995. С. 119.
- ¹⁰² Софронова Л. Функция границы в формировании украинской культуры XVII—XVIII веков // Россия—Украина: история взаимоотношений... С. 101—113.
- ¹⁰³ О роли украинской проповеди в эволюции языка русской духовной литературы см.: Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в... С. 377—378.
- ¹⁰⁴ О подобных процессах в русском обществе см.: Живов В. М. Ук. соч. С. 67, 429, 457.
- ¹⁰⁵ Подробнее об этом: Грушевський М. С. Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII віці // Духовна Україна. Збірка творів. Київ, 1994. С. 197—254; а также: Лисяк-Рудницький І. Україна між Сходом і Заходом // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе... С. 9.
- ¹⁰⁶ Яковенко Н. Указ. соч. С. 276—277.
- ¹⁰⁷ Грушевський М. С. З історії релігійної думки на Україні // Духовна Україна... С. 88.
- ¹⁰⁸ См.: Историко-статистическое описание г. Бара и заштатного барского Свято-Покровского монастыря // Прибавление к Подольским епархиальным ведомостям. 1875, № 17. Часть неофициальная. С. 511.
- ¹⁰⁹ Биднов В. Указ. соч. С. 56—59.
- ¹¹⁰ Историко-статистическое описание приходов и церквей Брацлавского уезда Подольской епархии // Прибавление к Подольским епархиальным ведомостям. Каменец-Подольский. 1875. № 11. С. 329—341.
- ¹¹¹ Более подробно об этом см.: Яковенко Н. Указ. соч. С. 277—278.
- ¹¹² См. Дела о присоединении разных лиц к православному вероисповеданию (1800, 1802—1806) (ВДОА. Ф. Д-606. Оп.1. № 3; Ф. Д-513, Оп. 1. № 2).
- ¹¹³ Куль-Сяльверстата С. Я. Указ. Соч. С. 105.
- ¹¹⁴ ВДОА. Ф. Д-546. Оп. 3. № 3. Л. Зоб.
- ¹¹⁵ Там же, л. Зоб.
- ¹¹⁶ См.: Огієнко І. Українська культура. Київ, 1992. С. 92; *Он же*. Історія української літературної мови. ... С. 125.
- ¹¹⁷ Полонська-Василенко Н. Історія України. Т. 2. Від середини XVII століття до 1923 року. Київ, 1992. Т. 2. С. 354—356, 360—362; О церковной политике Петербурга до конца XVIII в. см.: Огієнко І. Українська церква. Київ, 1993 (первое издание: Прага, 1942).
- ¹¹⁸ Термин Михала Грабовского; об «украинской школе» подробнее см.: Grabowicz G. G. Ukraina // Słownik literatury polskiej XIX wieku (pod. red. J. Bachórza i A. Kowalczykowej). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1991. S. 977—981; Грабович Г. Польсько-

українські літературні взаємини: питання культурної перспективи (1980) // Грабович Г. До історії української літератури... С. 149—155; Козак С. Творчість польських письменників «української школи» // Наша культура. 1970. № 6, 7; Кирчів Р. Ф. Український фольклор у польській літературі. Київ, 1971; Это явление определяется также термином «литературная уния» см.: Ефремов С. Указ. соч. С. 242, 308—317.

¹¹⁹ Подробнее об этом см.: Грабович Г. Грані міфічного: образ України в польському й українському романтизмі // Грабович Г. До історії української літератури. ... С. 177, 180, 188; а также: Serczyk W. A. Polska—Ukraina. Dziesięć wieków niezrozumienia // Польсько-українські студії, 1. Україна—Польща: історична спадщина і культурна свідомість (Studia polsko-ukraińskie. Ukraina—Polska: dziedzictwo historyczne i świadomość społeczna). Київ, 1993. С. 8. О подобных явлениях на территории Белоруссии после разделов см.: Куль-Сяльверстова С. Я. Указ. соч. С. 236.

¹²⁰ См., например, произведения, которые уже своими названиями указывают на связь с данным регионом: «Pożeganie Wołyńia», «Wołyń» А. Красинского, «Podolanka» Ф. Вихерского, о них см.: Кирчів Р. Ф. Українка в польських альманахах доби романтизму. Київ, 1965. С. 120—121; о поэме М. Гославского «Podole», содержащей, в частности, первое описание традиционного свадебного обряда и украинские свадебные песни в польском переводе см.: Болтарович З. Є. Україна в дослідженнях польських етнографів XIX вв. Київ, 1976. С. 36—40.

¹²¹ О лексических украинизмах в языке польских романтиков см., в частности: Jurkowski M. Ukrainizmy w języku J. Słowackiego // Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich. Warszawa, 1974. S. 105—135; Beśta T. Z badań nad wschodniosłowiańskimi wpływami językowymi w polszczyźnie romantyków // Łódzkie Towarzystwo Językowe. Rosprawy Komisji Językowej. Łódź, 1971. T. 17. S. 199—243.

¹²² Одно из самых полных изданий: Pyśma Tymka Padurty. Wydanie posmertne z awtoografią. Lwiw, 1874; о нем, в том числе о его связях с декабристами и кружком Рылеева, а также возможном знакомстве с Котляревским см.: Ефремов С. Указ. соч. 312, 321.

¹²³ Болтарович З. Є. Україна в дослідженнях польських етнографів...

¹²⁴ См., напр., краеведческий очерк: Giziński F. K. Rys Ukrainy Zachodniej. Krzemieniec, 1810; о Гижинском см.: Болтарович З. Є. Указ. соч. С. 22—23; Marczyński W. Statystyczne, topograficzne i historyczne opisanie gubernii Podolskiej. Wilno, 1820—1823. Т. 1—3; отрывок опубликован по-русски: Марчинский Л. Сведения о Подольской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1836. Ч. 22. № 11. С. 166—183; Gołębowski L. Lud polski: jego zwyczaje, zabobony. Warszawa, 1830; о Голембовском см.: Болтарович З. Є. Указ. соч. С. 31; Przezdecki A. Podole, Wołyń, Ukraina: Obrazy miejsc i czasów. Wilno, 1841. Т. 1—2.

¹²⁵ Топографическое и камерное описание Балтского повета 1800 г., опубликовано в: Каракіцький М. Північно-західна Балтщина (Історично-географічні матеріали на підставі подорожі влітку 1828 р.) // Історично-географічний збірник. Київ, 1929. Т. 3. С. 198—202; Он же. Опис Поділля з 1819 року В. Рудницького: (До історії Поділля початку XIX в.) // Студії з історії України науково-дослідчої кафедри історії України в Києві. Київ, 1929. Т. 2. С. 96. См. також: «Ат-

лас Подольской губернии» под редакцией военного губернатора Каменца и подольского гражданского губернатора К. Я. Флиге // Журнал Министерства внутренних дел. 1843. Ч. 2. С. 311—353.

¹²⁶ *Kirchiv P. Ф. Україніка в польських альманахах...* С. 9, 40.

¹²⁷ *Zaleski W. Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego.* Lwów, 1833.

¹²⁸ *Żegota P. Pieśni ludu ruskiego w Galicji.* Lwów, 1839—1840. Т. 1—2.

¹²⁹ О фольклорных сборниках см.: *Дорошенко Д. Розвиток науки українознавства у XIX — на початку ХХ ст. та її досягнення // Українська культура.* Київ, 1993. С. 28; *Чижевський Дм.* Ук. соч. С. 365.

¹³⁰ Об этом см.: *Перетць В. Н. Историко-литературные исследования и материалы.* СПб, 1900. Т. 1. С. 298; *Франко І. Студії над українськими народними піснями.* Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1913. Т. 75, 76, 78, 83, 94, 95, 98, 101, 103, 106, 110, 112.; *Огієнко І. Історія української літературної мови...* С 127.

¹³¹ О «виршах» в рукописных сборниках см.: *Колинський П. К., Пільгук І. І., Поліщук Ф. М. Історія української літератури. Давня література.* Київ, 1969. С. 297, 346—352, 375, 379—383, 378, 387.

¹³² *Франко І. Король балагулів. Антін Шашкевич і його українські вірші // Франко І. Зібрання творів у 50-ти томах.* Київ, 1982. Т. 35. Літературно-критичні праці (1903—1905). С. 116. О рукописных сборниках украинских песен см.: *Юзленко В. А. Українська народна поетична творчість у польській фольклористиці XIX ст.* Київ, 1961. С. 11.

¹³³ Котляревщина: Українські пропілеї (ред., вступні статті і примітки І. Айзенштока). Харків, 1928. С. 143—166; полный авторский текст, сверенный с автографом из архива Волынского краеведческого музея, см.: *Пушкар Н. Ю. Василь Ростовецький та його поема «Варшава» // Роде наш красний. Волинь у долях краян і людських документах.* Луцьк, 1996. Том. II. С. 8—48.

¹³⁴ См. также термин «неполнота» литературы: *Чижевський Дм.* Указ. соч. С. 351—352. Ср. выше замечания И. Лысяка-Рудницкого.

¹³⁵ Исключительно по-русски писали, кроме Н. Гоголя, П. Голота, О. Чуровского, В. Кореневского, двуязычно творчество Е. Гребенки, Боровиковского, Чужбинского, позже П. Кулиша, Стороженко; об Украине и украинской тематике в русской литературе того времени, а также о двухязычных украинских писателях см.: *Грабович Г. Українсько-російські літературні взаємини в XIX ст.: постановка проблеми // Грабович Г. До історії української літератури. ... С. 205, 206, 209, 215, 226; Mokry W. Ukraina i Ukraincy w kulturze i literaturze rosyjskiej od połowy XVII do początku XIX (Zaryz problematuki) // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine. The foundations of historical and cultural traditions in East Central Europe. International Conference, Rome 28 April — 6 May 1990. Lublin — Rome, 1994. S. 268—282; Чижевський Д. Указ. соч. С. 366—370; Єфремов С. Ук. соч. С. 317—322; Сиповський В. Україна в російсько-му письменництві. К., 1928. Ч. 1. (1801—1850).*

Украинское движение на восточнославянских землях империи Габсбургов как фактор австро-российских отношений в начале XX в.

Восточнославянские владения Австро-Венгрии — Галичина, Буковина, Угорская Русь (современная Западная Украина) — сыграли особую роль и в истории украинского движения и в отношениях России и Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны. Значительная часть населения этих земель принадлежала к восточнославянскому племени, что выражалось в том числе и в его самоназвании — «русский», «русин». Сходным было и официальное название — «Rusen, Rothrussen». Осознание и утверждение своей общности с русским народом или с его малороссийской ветвью было основным содержанием национального движения в «русских» провинциях Габсбургской монархии.

До вхождения в состав Австрии Галичина была частью Речи Посполитой, Буковина — Молдавского княжества, вассала Оттоманской империи; Угорская Русь, присоединенная к Венгрии еще в XI в., и с 1526 г. находилась под властью Габсбургов. «Русское» население этих земель, чаще называемое русинами, фактически было лишено возможности национального развития. В наибольшей степени это относится к русинскому населению Угорской Руси (Прикарпатья), которое было представлено лишь крестьянством и низшим духовенством, жестоко притесняемым венгерской элитой. Это стало одной из причин, по которой население Угорской Руси оставалось в стороне от процесса национального возрождения, активно шедшего в соседних Галичине и Буковине.

Вхождение в состав многонациональной Австрийской монархии в значительной мере способствовало возникновению национального движения в «русских» землях, его центром стала Восточная Галиция и ее столица Львов. В исторической литературе нередко подчеркивается связь движения с процессом славянского возрождения¹. Массовый подъем национального самосознания в «русских» землях Австрии впервые наблюдался в 1848 г. Именно тогда окончательно определились два направления в национальном движении галицко-русского народа, просуществовавшие до Первой мировой войны. Представители первого направления, чьей идейной базой стало признание «единства всего русского народа «от Карпат до Камчат-

ки», сознание своей принадлежности к этому единому русскому народу и признание русского литературного языка родным литературным языком русинов², получили название русофилов или москвофилов. Их противники, украинофилы, считали русинов частью самостоятельного украинского народа.

Вначале противоречия между этими двумя направлениями были относительно слабыми, однако со временем их антагонизм усилился. Прежде всего это произошло вследствие радикализации украинофильского движения. От культурной и просветительской работы украинофилы постепенно перешли к политической деятельности. В 1885 г. была создана первая политическая украинская партия «Народная Рада», в 1890 г. — социалистическая Русско-украинская радикальная партия.

На политическом поле украинофилы выступали как противники усиливавшегося в Галиции с последней трети XIX в. польского национализма. Их политические требования — признание политических, экономических, культурных прав русинов, или, как говорили сами украинофилы, русько-украинского народа, вызвали резкое неприятие и беспокойство правящей польской консервативной элиты и польских националистических партий³. Польско-украинский антагонизм на несколько десятилетий определил содержание политической жизни Галиции.

Именно на этом этапе украинофильское движение привлекло к себе пристальное внимание официальной Вены. Прежде всего австрийские власти, руководствуясь старым принципом «разделяй и властвуй», видели в нем противовес польскому доминированию в провинции. Одновременно украинофильское движение стало рассматриваться Веной как возможный инструмент антироссийской политики. С одной стороны, успешное развитие украинской идеи в Австрии служило препятствием для усиления русского влияния в Галиции и Буковине, с другой — антироссийская направленность украинофильского движения могла быть использована вне пределов Австро-Венгрии.

Отношение России к украинофильскому движению в Австрии было неоднозначным. Украинофильство признавалось безусловно враждебным России и, напротив, поддерживались пророссийские симпатии части населения «русских» провинций соседней монархии. В то же время подобная поддержка долгое время оказывалась больше с целью борьбы с «полонизмом», нежели с украинофильством и не была продуманной и систематической⁴. Традиционная близость обеих монархий, до 1914 г. ни разу не

воевавших между собой, предопределяла их стремление сгладить острые углы во взаимоотношениях⁵. Однако напряженность в австро-российских отношениях постоянно, начиная с 1880-х годов усиливалась, что не могло не сказываться на подходе российской дипломатии к национальным проблемам в восточнославянских владениях Габсбургов. Приближающаяся опасность военного конфликта заставляла более внимательно следить за развитием тех национальных движений Австро-Венгрии, которые носили враждебный России характер, в том числе и украинофильского. В целом, к началу XX в. отношение России к проблеме украинофильства в Австрии сложилось следующим образом: вмешательство во внутренние дела соседней монархии нежелательно, но вместе с тем нельзя допустить проникновения оттуда опасных для целостности Российской империи идей, одной из которых признавалась украинская идея.

В этой связи российские дипломаты, работавшие как в Вене, так и в Галиции и Буковине, большое внимание уделяли проблеме безопасности русско-австрийской границы в плане проникновения через нее украинской агитационной литературы. Явление это, по мнению российского консула в Черновцах Н. Доливо-Добровольского, приобрело к 1903 г. совершенно недопустимые размеры и реально угрожало целостности и безопасности Российской империи⁶. Его беспокойство вызывала также информация о том, что буковинские украинцы вступили в контакт со своими единомышленниками в Российской империи.

Отмечая, что российская пограничная стража оказывается совершенно бессильной и граница «может быть с уверенностью названа открытой», Доливо-Добровольский упрекал венское правительство в том, что оно недостаточно энергично противодействует украинской агитации. По его мнению, существовавшая практика, при которой самыми решительными мерами местной администрации была конфискация изданий при пересечении границы, явно не отвечала требованиям времени. Консул настойчиво предлагал российскому послу в Вене В. В. Капнисту потребовать от австрийского правительства более решительных шагов по пресечению подобной вредной для России деятельности.

В. В. Капнист в течение 1903 г. неоднократно обращался к представителям австрийских властей, в том числе к министру иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховскому, «по вопросу об усиливающемся в Прикарпатской Руси украинофильском движении и связанной с ним открытой революционной пропаганде против целости и основ Российской импе-

рии»⁷. Интересно, что Капнист прежде всего подчеркивал опасность «революционной и анархистской пропаганды» украинских деятелей, гораздо меньшее значение придавая агитации националистической.

Обращения российского посла не остались без ответа. В конце 1903 г. граф Голуховский вручил Капнисту памятную записку об украинофильском движении, составленную австрийским министерством внутренних дел. Тогда же состоялась доверительная беседа российского посла с министром-президентом О. Кёрбером, в ходе которой обе стороны сошлись на том, что преследование украинской пропаганды австрийскими властями затруднено, но, тем не менее, будет делаться все возможное, дабы австро-русская граница стала для нее непроницаемой. Министр-президент при этом заметил, что, «по имеющимся у него сведениям, украинофильская революционная пропаганда развивается не в Буковине, а в среде галицийских русинов (малороссов) и что украинофильские, а также социалистические и анархистские издания проникали в Россию преимущественно через австрийскую границу»⁸. Следует отметить, что здесь проводится различие между сторонниками украинской идеи в Галиции и Буковине: галицкие украинцы одновременно именуются и русинами, и малороссами, а этническая принадлежность их буковинских единомышленников не указывается.

Посол был совершенно удовлетворен позицией австрийских властей и не настаивал на усилении борьбы с украинскими движениями, считая это внутренним делом Австро-Венгрии. Настойчивость консула в Черновицах вызывала у него все большее раздражение. В своем донесении министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу от 14 (27) декабря 1903 г. он с раздражением отмечал, что «вся аргументация донесения действительного статского советника Доливо-Добровольского от 5 (18) декабря, по-видимому, сводится к тому, что все меры преследования украинофильской пропаганды и задержание ввоза ее изданий через нашу границу должны лежать всецело на австрийских властях, а что с нашей стороны никаких мер... не требуется»⁹. Далее он не без сарказма добавил, что, «по мнению нашего консула, все должно происходить на австрийской территории и стараниями австрийских властей, которым отнюдь не подобает стесняться конституционными установлениями у себя или ожидать, чтобы мы сами охраняли свою границу». К тому же он заметил, что согласно другому донесению Доливо-Добровольского, центр украинской пропаганды находится не в Буковине, а в России, и, следовательно, борьба с таковой является внутренним делом России и задачей соответствующих ее ведомств.

Наибольшее недоумение и раздражение посла вызывали высказанные консулом в Черновицах соображения об активной поддержке, оказываемой украинофильскому движению австрийским правительством. Не убедили его в этом и соответствующие сведения российского Министерства внутренних дел. В ответ Капнист указывал на то, что «искушение для всякого полицейского управления, когда оно не может справиться у себя с каким-либо движением, весьма велико — сложить ответственность на заграничное правительство»¹⁰.

Поскольку Доливо-Добровольский продолжал настаивать на принятии дополнительных мер для борьбы с распространением украинофильской пропаганды, В. В. Капнист весной 1904 г. счел необходимым разъяснить ему свое понимание политики центрального австрийского правительства и местных буковинских властей. Прежде всего он отмечал их стремление к «стушеванию национальных антагонизмов, столь резко проявляющихся именно в этой провинции»¹¹, ради чего и поддерживается определенное национальное движение, не допуская при этом его чрезмерного усиления в ущерб развитию других населяющих Буковину национальностей. Упрекнув консула в резкости суждений, посол подчеркнул, что для понимания мер и потребностей внутренней политики Австро-Венгрии нужно серьезное наблюдение, а поспешные выводы могут только внести напряженность в отношения между двумя империями. Из беседы с консулом Капнист сделал вывод, что «фактической подкладки» под изложенными им сведениями не существует и что виной проявленной поспешности была неопытность консула.

В заключение своего донесения посол подчеркнул, что даже «если принять, что австрийская администрация ошибается в своих расчетах и действует неразумно, то я и тогда бы не признал возможным, как выражал желание наш консул, преподавать советы по этому поводу австрийскому правительству, так как это было бы вмешательством в его внутренние дела»¹². Именно этот тезис является ключевым к пониманию позиции не только лично В. В. Капниста, но и целом Министерства иностранных дел в отношении возможного вмешательства российских официальных лиц в политику австрийского правительства в интересующем нас регионе.

Тем не менее сообщения российского консула в Черновицах об опасности украинского движения в Буковине и о поддержке его властями не остались в Петербурге незамеченными. Император Николай II, ознакомившись с представленными ему сведениями, обратился к В. Н. Ламздор-

фу с требованием «настоять перед австрийским правительством о прекращении подобной агитации»¹³. Однако дальнее очередного представления посла министру иностранных дел Голуховскому дело не пошло.

Как уже отмечалось выше, в переписке Капниста и Доливо-Доброльского проводятся различия между галицкими и буковинскими украинцами. В дальнейшем указаний на подобные различия практически не встречается. На то были объективные причины. Именно в 1903 г. произошло объединение украинских партий Буковины и Галичины. Объединительное собрание состоялось 15 августа в львовском отеле «Георг». В принятой резолюции были сформулированы основные требования украинцев к правительству Австро-Венгрии — реформа избирательного права во все органы представительной власти, расширение автономии народов, государственная поддержка культурного и экономического развития русинского народа¹⁴. С этого момента украинское движение в Австро-Венгрии выступало консолидировано.

Первые всеобщие выборы в австрийский парламент (рейхсрят), проведенные весной 1907 г. и приведшее к значительным изменениям в политической жизни Австро-Венгрии, оказали существенное влияние на развитие национальных движений восточнославянского населения Галиции и Буковины. И украинские, и русофильские партии получили представительство в общеимперском законодательном собрании.

Внимательно следивший за ходом выборов новый российский посол в Вене Л. П. Урусов выделял три группы русинских депутатов: национал-демократическую (украинскую), старорусинскую (москалефильскую) и радикальную. Посол высказывал предположение, что «в австрийском Рейхсрате русины, вероятно, сплотятся воедино и будут требовать совместно изменений в избирательной системе, установление для Галиции национальной автономии с особым русинским сеймом во Львове и основания в этом городе украинско-русинского университета»¹⁵. При этом Урусов выражал опасение, что украинская партия, «имеющая своих единомышленников в нашей Думе, составит с ними общую программу действий на почве украинофильских вожделений»¹⁶. Именно благодаря тому, что позиция, занятая в австрийском парламенте той или иной русинской группой, могла оказать влияние на отношения между империями и даже на внутриполитическую ситуацию в России, в посольстве внимательно следили за парламентской деятельностью русинских депутатов.

События 1907—1908 гг., перемены как во внутренней жизни обеих империй, так и в международной обстановке (для нас особое значение имеет резкое ухудшение австро-русских отношений после Боснийского кризиса 1908 г.) заставили российский МИД уделить значительно большее внимание общественной жизни Габсбургской монархии. В особенности это касалось тех национальных движений, которые могли быть использованы Веной против России, в том числе и украинского. Теперь российские дипломаты стремились к точному анализу степени его влияния на внутреннее положение Габсбургской монархии, а также на ее внешнеполитическую активность.

Значительной части российского общества, прежде всего консервативным кругам, было свойственно восприятие украинского движения исключительно как следствие польской и австрийской интриги. Российский МИД, традиционно сохранявший верность консервативным началам, в особенности обнаруживал склонность видеть в практически любом национальном движении результат воздействия неких внешних сил. В то же время сотрудники российских учреждений в Австро-Венгрии, как в Вене, так и во Львове, действительно могли наблюдать активную поддержку части украинских организаций со стороны австрийского правительства и представителей польского общества, особенно в период польско-русинского соглашения 1890 г.

Именно влиянию польской политической элиты Галиции приписывалось само возникновение и существование украинской идеи. Так, бывший консул во Львове К. П. Пустошкин считал «создание украинства» плодом совместных усилий «трех государственных мужей: графа Бадени, нынешнего наместника Галиции Бобжинского и кардинала Сембратовича», преследовавших цель «еще больше ослабить русскую партию, вселить в ней раздоры, чтобы окончательно стереть само имя русское в Галиции... Украинская партия, независимо от того, что внесла раскол в русскую партию в Галиции, еще и главным образом мила и дорога Полякам, потому что вредна России. Словом, приложены всяческие старания, чтобы оторвать малороссов от России миражами “Самостийной Украины” под эгидой восстановленной Польши»¹⁷.

Для искоренения «всего русского» в Прикарпатской Руси, прежде всего общерусской идеи, был, по мнению автора записки, «выписан во Львов из Киева русско-подданный, профессор Михаил Грушевский», полностью

отрицающий всякое единство русского народа. Пустошкин довольно едко интерпретирует научную концепцию Грушевского: «Украинцы, по заявлению почтенного ученого, совершенно не русские; это особенный народ... слово “русский” — понятие собирательное, так как состоит из двух совершенно отличных народов: из москалей, у которых преобладает монгольская кровь, и украинцев, чистых славян. Украинцы всегда воевали с Москвой и только благодаря предательству Хмельницкого присоединены в 1654 г.»¹⁸ Таким образом, по мнению автора записки, вся идеология «украинства» сконструирована поляками для борьбы с Россией и русским влиянием за ее пределами.

Постепенно концепция «польской интриги» вытеснялась концепцией интриги венского правительства. Характеристика украинской партии как «искусственно созданной австро-венгерским правительством с помощью поляков в целях распространения и поддержания среди живущего в этих землях русского народа сознания о существовании отдельной украинской нации, ничего общего с русской не имеющей, в целях пропаганды тех же идей среди населения наших юго-западных губерний»¹⁹ оставалась единственным признаваемой российскими представителями в Австро-Венгрии.

Постоянно растущая активность украинцев, усиление их политического влияния заставили российских дипломатов внимательнее присмотреться к самому украинскому движению, его идеологии, целям и методах деятельности. Одним из первых подробную записку, посвященную историю возникновения и современному положению украинских партий, представил в МИД поверенный в делах российского посольства в Вене С. В. Свербеев.

Обращаясь к вопросу национального самосознания восточнославянского населения Австро-Венгрии, в первую очередь Галиции, Свербеев отмечал, что на протяжении всего XIX в. оно существовало лишь благодаря поддержке венского правительства. Далее он подчеркивал, что «племенная самобытность» русинов, т. е. принадлежность их к русскому племени, не вызывала сомнений в Вене, поскольку «в указах своих и документах правительство открыто называет их Rußen, Rothrussen и Reussen»²⁰. Однако «с развитием в Европе в половине прошлого столетия идеи национализма, проникшей также в Австрию, племенное родство галицко-русского народа с населением России показалось в Вене опасным для Габсбургской монархии. С этого времени австрийское правительство стало употреблять все старания, чтобы обособить галицийских русских от их

единоплеменников в России и не пренебрегало для этого никакими средствами и административными давлениями». Таким образом, именно целенаправленные усилия Вены по созданию некоего обособленного от единого русского народа национального организма стали истинной причиной возникновения украинского движения в Галиции и Буковине.

Образование «украинофильской или украинской» партии Свербеев относил к 1860–1880 гг., которые были, по его мнению, периодом культурного сепаратизма, постепенно, с 1880-х годов (т. е. со времени создания Народной Рады и Украинско-русской радикальной партии), вытеснявшимся сепаратизмом политическим. При этом автор записки подчеркивал решающую роль польской правящей верхушки в превращении украинского движения в реальную политическую силу, имеющую влияние не только в самой Галиции, но и за ее пределами. Именно польскому влиянию Свербеев приписывает явную антирусскую направленность украинофильства начиная с 1880-х годов.

«Теперь же, — писал он далее, — украинофилы стараются доказать полную обособленность украинского народа от русского, против которого они всегда будто бы боролись вместе с поляками. По их уверению, Украина до сих пор еще находится под игом России, от которого ее следует во что бы то ни было освободить, но этой цели можно достигнуть и образовать затем отдельное украинское государство лишь с восстановлением Польши»²¹. Интересно, что, по мнению автора записки, украинцы связывают свои надежды с созданием независимого польского государства, хотя фактически в программных документах Украинская Национально-Демократическая партия (УНДП) и работах основных участников украинского движения подобный тезис не выдвигался. Версия дипломата, очевидно, была продиктована традиционным взглядом на украинское движение как на плод «польской интриги».

В завершение своего обзора Свербеев особо подчеркивал то значение, которое украинское движение имело для России: «...для нас украинская партия и вызываемое ей движение представляет без сомнения несравненно больший интерес, чем мирная политика Русско-народной партии». Объяснял это он тем, что «будучи движением революционным, оно всячески старается содействовать подпольным силам, действующим у нас на родине»²².

Поверенный в делах отмечал, что российское посольство уже обращало внимание на подобную опасность, в частности напоминал об инициативах прежнего посла Капниста, который «подробно остановился на этом вопро-

се в целом ряде своих депеш и не раз указывал Австро-Венгерскому правительству на необходимость как с точки зрения собственных австрийских, так и наших интересов парализовать сказанное движение». Однако со стороны австрийских властей реальных шагов в этом направлении сделано не было, «и украинофилы продолжают до сих пор вредную для нас деятельность, центром кой, после перенесения ее из Буковины, является Лемберг»²³.

Таким образом, видя в украинском движении результат целенаправленных действий австрийского правительства, автор аналитической записи, тем не менее, отмечал и активность, прежде всего в популяризации своих идей, самих украинцев. При этом основным компонентом украинской идеологии Свербеев считал ее антирусскую направленность.

Как уже говорилось выше, в материалах российских дипломатов, посвященных анализу деятельности украинских партий Австро-Венгрии, практически не отмечаются какие-либо региональные различия. Частично это объясняется тем, что украинские лидеры стремились к консолидации украинского движения и не допускали каких-либо противоречий между представителями Буковины и Галиции. Однако очередной русский посол в Вене Н. Н. Гирс все же находил различия между буковинскими и галицкими украинцами. В одном из своих донесений он отмечал, что «первые гораздо малочисленнее, у них всего 6 представителей в парламенте, но их положение гораздо более выгодное... они пользуются покровительством правительства благодаря доверию, которое приобрел их лидер, депутат Василько»²⁴.

Гирс писал, что буковинские украинцы обычно занимают более консервативные позиции, тогда как галичане отличаются крайне радикальными убеждениями. Основную причину такого различия посол видел в том, что «галицким украинцам, которые в большинстве состоят из крестьян и низшего класса интеллигенции, приходится все время сталкиваться в борьбе за существование с более консервативными польскими классами, которые держат в своих руках всю политическую и экономическую жизнь страны»²⁵.

В 1910—1914 гг. основные усилия украинских политиков были направлены на достижение двух целей — реформу избирательного закона в галицийский сейм и создание отдельного русинского, т. е. фактически украинского, университета во Львове. Параллельно с этим часть украинцев, по преимуществу представителей Буковины, вели активную борьбу против русофильского движения в Буковине, Галиции и Угорской Руси, используя рост антirоссийских настроений в Австро-Венгрии.

И создание университета, и провинциальная избирательная реформа имели большое значение для самих украинцев и для их противников. Создание университета давало возможность активно развивать и популяризовать украинскую идею как в Австро-Венгрии, так и за ее пределами, прежде всего в Поднепровье. Реформа сейма, в свою очередь, дала бы украинцам рычаги управления краем и могла стать первым реальным шагом на пути к созданию отдельной «русской» провинции, включающей Восточную Галицию и Буковину.

Польско-украинское противостояние в университете вопросе достигло апогея в 1910—1912 гг. По мнению российских наблюдателей, позиция центральных властей, от которых и зависело в итоге решение проблемы, определялась с политическим расчетом. Необходимость сохранить некое политическое равновесие в Галиции, с одной стороны, и не допустить усиления здесь пророссийских настроений, с другой, заставляли приложить все возможные усилия для урегулирования конфликта.

К концу 1912 г. правительству удалось достичь соглашения между украинским и польским парламентскими клубами. Сообщая о результатах переговоров, Н. Н. Гирс отмечал некоторые различия в польских и украинских формулировках, но считал все же вопрос о создании университета принципиально решенным²⁶.

Отношение российских дипломатов к названным вопросам неодинаково. Изменение существующей избирательной системы в Галиции и тем самым усиление украинского влияния на внутреннюю жизнь края было, с точки зрения российских наблюдателей, все же менее опасным и вредным для России, нежели учреждение украинского университета, который мог бы стать, и, скорее всего, стал бы рассадником украинского сепаратизма. Возможно, именно поэтому университетский вопрос привлекал значительно больше внимания и получал гораздо больше оценок с их стороны. При этом оценки российских представителей характера и значения украинского университета менялись. Если вначале идея создания высшего учебного заведения имела, по мнению российских дипломатов, исключительно антипольский характер, то с 1912 г., когда еще более усилилась напряженность в отношениях с Австро-Венгрией, университет стал восприниматься как представляющий немалую опасность и для России. У российских наблюдателей не возникало сомнений, что «самостоятельный русинский университет во Львове с преподаванием на малороссийском наречии, которое

лидеры мазепинцев стараются возвести в степень литературного языка»²⁷ станет рассадником украинского сепаратизма. Гирс отметил в своем донесении, «что учреждение такого высшего учебного заведения в столице Червонной Руси было бы для интересов императорского правительства крайне нежелательным, так как могло бы в будущем послужить могучей опорой растущему у нас украинскому сепаратизму и привлекло бы к себе симпатии нашей малорусской квази-интеллигенции». По его прогнозу «рассадник “украинского” просвещения, конечно, не имел бы иных целей, кроме политических и притом революционных по отношению к нашему отечеству, к коему здешние мазепинцы питают прямо-таки фанатическую ненависть и в этом смысле стараются перещеголять даже самих поляков»²⁸.

Говоря о значении украинского университета, Н. Н. Гирс еще раз подчеркнул, что, с одной стороны, «его создание... слаживает некоторые трудности внутреннего характера», а с другой — «наносит прямой и, как здесь убеждены, очень чувствительный удар централизационной внутренней политике России»²⁹. Сам посол полагал, что этот последний расчет австрийского правительства не имел под собой серьезных оснований. Он признавал крайнюю нежелательность создания такого учебного заведения «близ нашей границы», поскольку, «каковы ни будут научные достоинства этого университета, он главным образом станет центром сепаратистической политической пропаганды, могущей, особенно при шумном, слишком резком к ней отношении наших властей, производить самое вредное действие на умы населения наших юго-западных губерний»³⁰.

Если Гирс настаивал на том, что опасность, которую проектируемый университет будет представлять для России, сильно преувеличивается как в Вене и Львове, так и в Петербурге, то поверенный в делах посольства Н. А. Кудашев склонен был оценивать перспективу создания украинского университета как крайне нежелательную. Будучи активным противником украинской идеи, он писал, что «нетрудно будет себе представить, во что обернется такое quasi-научное учреждение, как высшая украинская школа во Львове, если она в самом деле возникнет. В умелых руках австрийского правительства и, конечно, тех же поляков, она будет орудием борьбы с Россией и со всем русским»³¹. По плану венского правительства практическая работа по созданию украинского университета должна была начаться в середине 1914 г. Разразившаяся летом этого года война не позволила осуществиться этим планам и подтвердить или опровергнуть предположения

российских дипломатов относительно влияния университета на украинское движение в Галиции и Малороссии.

Дальнейшее усиление напряженности международной обстановки в 1912—1914 гг. привело к тому, что политическая ситуация в восточнославянских землях Дунайской империи стала оказывать возрастающее влияние на отношения России и Австро-Венгрии. В это время в российских правящих кругах все активнее начинает обсуждаться вопрос о целесообразности или даже необходимости оказания поддержки, причем не только моральной, но и финансовой, русофильским организациям в Габсбургской монархии. Одновременно и в Вене все чаще расценивали украинское движение как возможного союзника в борьбе против России. В удовлетворении части требований украинцев в Галиции австрийские власти видели теперь не только способ сглаживания национальных противоречий, но и возможность сделать «Галицию, — по словам германского исследователя А. Миттера, — центром притяжения всей украинской национальности», не исключая «более 20 млн живущих в России украинцев... которых стремились сделать опорой Дунайской монархии в случае ее конфликта с Россией»³².

Подобное желание не осталось незамеченным российскими дипломатами. Они напрямую связывали заигрывание венских властей с украинскими политиками с конфликтными моментами в двусторонних отношениях. Так, в период Боснийского кризиса 1908 г. австрийское правительство, по выражению уже упоминавшегося поверенного в делах посольства в Вене Свербеева, «сочло необходимым задобрить враждебный нам элемент на нашей границе и идет навстречу украинофильским вожделениям»³³.

Наиболее пристальное внимание российских представителей привлекали заявления ряда украинских деятелей о возможности объединения украинских земель под скипетром австрийского императора. Хотя корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства С. П. Колосов утверждал, что «во время аннексионного кризиса Эренталь гораздо больше рассчитывал на поддержку поляков, чем на украинцев», именно тогда «стали серьезно развиваться таинственные надежды на Галицию, Волынь, Украину. Украинские вожди с особой старательностью поддерживают эти надежды в Вене, распространяя самые смелые вести из России»³⁴. Такие проекты несомненно вызывали интерес и в Вене, прежде всего в тех кругах, которые открыто стремились к войне с Россией и с которыми традиционно связывалось имя наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда³⁵.

Профессиональные дипломаты с обеих сторон стремились не обострять отношений без какой-либо необходимости. Но в 1908–1914 гг. возросла активность представителей славянских общественных организаций. Об опасности, представляемой украинским движением для России, неоднократно писал и говорил один из наиболее активных и авторитетных деятелей славянского движения, создатель и руководитель «Галицко-русского общества» граф В. А. Бобринский. Всячески поддерживая русофильское движение в Австро-Венгрии, он видел в украинцах лютых врагов русской идеи. В 1913 г., когда преследования «русского элемента» в Австро-Венгрии усилились, он направил в МИД докладную записку, в которой подробно изложил свое понимание задач российской политики в восточнославянских землях Австро-Венгрии или, как их все чаще стали называть, Прикарпатской Руси.

Подчеркивая, что украинское движение пользуется постоянной поддержкой австрийских властей, Бобринский прямо указывал на то, что «в Австрии сильно рассчитывают на украинский народ в России в случае войны с нами»³⁶. Более того, особое внимание Бобринский обращал на активную поддержку украинцев не только Веной, но и Берлином. В своей записке он привел данные о денежных субсидиях, получаемых украинцами из Германии. По сведениям Бобринского, на выборы «украинцы получили из Германии 230 000 марок», причем «денежную помощь из Берлина получают мазепинцы не только в Галиции, но и в России». Дипломаты опасались принимать на веру сообщения польской прессы о финансировании украинских партий Германией. Не связанный профессиональной этикой Бобринский привел сведения польской газеты «Kurier Lwowski» за май 1910 г., что «немецкий секретный агент Раковский, недовольный своим начальством, поместил в газете разоблачения, в которых указывалось, сколько получили пособия через него от германского правительства различные украинские учреждения, в том числе “Рада” в Киеве». В подтверждение этих данных, Бобринский писал, что «наши консулы и секретари консульства во Львове могут установить, что германский консул во Львове всегда находился и находится в постоянных и почти нескрываемых сношениях с вождями украинской партии, во главе которых стоит М. Грушевский»³⁷. Призываая бороться с украинским злом не только в России, но и за ее пределами, В. А. Бобринский заявлял, что «защита русского дела на Днестре и Сане есть защита его на Днепре».

Интерес Берлина к возможности использовать против России украинское движение отмечали и дипломаты, подчеркивавшие, что «не доверяя России и опасаясь ее, Германия видела в революционных тенденциях украинцев, стремящихся к объединению со всей нашей Малороссией, своего естественного союзника»³⁸. Тема отношения Германии к украинскому движению в Австро-Венгрии и России еще мало изучена. Однако в литературе отмечается рост интереса правящих кругов Германии к антироссийским настроенным партиям по мере усиления напряженности в отношениях России с центральными державами. С одной стороны, это определялось возможностью использовать его против России, с другой — возможностью ослабить польское движение в Австро-Венгрии и, следовательно, в самой Германии. Германское правительство старалось не демонстрировать явных симпатий к украинской идее и не поддерживать украинские организации открыто. Это могло привести к осложнениям в австро-германских отношениях, поскольку расценивалось бы как вмешательство во внутренние дела Габсбургской монархии. Интересам германского правительства более всего отвечало урегулирование польско-украинских отношений с тем, чтобы опираться в случае военного конфликта на оба эти движения³⁹.

Австрийские власти умело использовали антироссийский пафос деятелей украинского движения. В моменты обострения австро-российских отношений со стороны официальной Вены особенно часто раздавались похвалы украинской лояльности. Так, в 1912 г., в разгар балканских событий, австрийский император весьма благожелательно отзывался о деятельности украинских депутатов. Посол Гирс счел это демонстрацией, поскольку «как бы не были умеренны выражения, в которых император Франц Иосиф высказал свое одобрение поведению украинцев, обращение к ним его императорского величества едва ли оправдывалось прекращением ими обструкции военным законам: за такое прекращение украинцы получили удовлетворившие их, по-видимому, заверения правительства по университетскому вопросу»⁴⁰.

Анализируя позицию официальной Вены, Гирс писал: «...остается допустить, что поощрение украинцев как партии, открыто высказывающей свою вражду к России, находится в связи с общими настроениями в Австрии, не слишком дружелюбными к нам». По его словам, в последние дни «в газетах и журналах все чаще появляются статьи, разъясняющие публике, что такое украинцы, а что малороссы. При этом делаются самые неожиданные, но не лишенные находчивости подтасовки общезвестных историчес-

ких фактов. От чтения этих статей остается впечатление, будто Малороссия своего рода Польша, покоренная Россией окраина, не примирившаяся со своею неволей и ждущая лишь случая, чтобы освободиться от русского владычества⁴¹. Особое внимание Гирс обратил на то, что подобные статьи, не редкие для галицийской прессы, появлялись в эти дни в таких близких правительству органах, как, например, «Oesterreichische Rundshau».

Посол неоднократно подчеркивал, что, «поощряя украинофильство в Галиции, австрийское правительство, вероятно, думает создать для нас серьезные затруднения в будущем»⁴². Гирс высказывал соображение, что, не имея возможности вмешиваться во внутренние дела Габсбургской монархии, она, тем не менее, может существенно ослабить позицию украинцев, «не слишком подчеркивая в прессе враждебного отношения к России галицких украинцев: это лишь поощряет австрийцев к удовлетворению их домогательств»⁴³.

Поддерживая «умеренных» украинцев как противовес росту прорусских тенденций, в Вене стремились не обострять отношений с Россией. Сохраняя *status quo*, австрийские власти использовали украинские выступления от случая к случаю, когда надо было напомнить России о возможности привлечения на сторону Дунайской монархии части ее подданных. Непосредственного же вмешательства украинских политиков в австро-российские отношения австрийским МИДом не поддерживалось. В свою очередь, украинские политики стремились повлиять именно на межгосударственные отношения или, по крайней мере, продемонстрировать такие намерения.

Группа украинских деятелей, в том числе депутатов рейхсрата, основной своей задачей считавших развитие украинской идеи непосредственно в австрийских землях и на Австро-Венгрию и Германию возлагавших свои надежды, была основным проводником антироссийских идей. В значительно меньшей степени они проявляли интерес к распространению украинских идей в российской части Украины. Характерно, что еще в 1908 г., желая подчеркнуть симпатии к Габсбургам не только галицийских и буковинских украинцев, но и их малороссийских соплеменников, известный украинский деятель К. Трилëвский заявлял, что центр украинского движения, «находящийся теперь в Киеве, может быть перемещен во Львов»⁴⁴.

Один из лидеров этой группы Н. Василько, еще недавно заверявший русского консула в Черновцах в том, что лично он является искренним другом русского народа⁴⁵, занял особенно воинствующую позицию. Н. Н. Гирс в одном из своих донесений подробно передал содержание речи Василько,

который «заявил, что он приветствует стремление австро-венгерского правительства поддерживать хорошие отношения с Россией в интересах сохранения общего мира, но он должен объявить себя врагом существующего в России государственного строя, так как под покровительством русского правительства в Галиции происходит русская пропаганда среди местных украинцев»⁴⁶. Василько обвинил российские власти в поддержке русофильских настроений среди местного населения с целью «увлечь его на путь национального и государственного соединения с русским народом, с которым украинцы ничего общего не имеют». Оратор выразил надежду, что австрийское правительство предпримет самые энергичные меры против русской пропаганды в Галиции и Буковине.

Сочтя, что «подобная речь представителя партии, пользующейся поддержкой австрийского правительства, не может способствовать улучшению отношений между обоими государствами», Гирс обратился к временному управляющему Министерством иностранных дел барону Мюллеру с просьбой передать министру сколь он «поражен и огорчен речью г-на Василько, которая отнюдь не может способствовать улучшению отношений между обоими правительствами, к которому, насколько мне известно, стремиться г-н Эренталь»⁴⁷. Несмотря на то что представитель министерства с сочувствием выслушал слова российского посла и заверил его, что глава австрийского МИДа А. Эренталь огорчен провокационной речью депутата Василько не меньше его, «в газетах появилось известие о том, что император Франц Иосиф в Будапеште на приеме... обратился к г-ну Василько и благодарил его за патриотическую деятельность в Делегациях»⁴⁸.

Украинские деятели, продолжая демонстративно вести антироссийскую агитацию, действительно активно использовали парламентскую трибуну для популяризации своих взглядов. Особенно это стало заметно накануне войны 1914 г., когда в политике Австро-Венгрии возобладали антирусские тенденции. Наиболее популярной формой были выступления и интерpellации (запросы) украинских депутатов в рейхсрете о политике России в отношении австрийских «русских» владений и действиях российских представителей в Австро-Венгрии.

Примером такого выступления служит речь Ю. Романчука посвященная русской агитации в Галиции⁴⁹. Будучи одним из наиболее умеренных украинцев, Романчук заявил, что русины имеют полное основание желать добрых отношений Австрии с Россией, но в российских газетах стало заметным враждебное Австрии течение, имеющее целью внушить русинам,

что они не составляют отдельной народности, а должны соединиться с русскими и перейти в православие. Депутат подчеркнул: «...эта пропаганда причиняет в Галиции немалый вред, тем более что в Галиции существует рукофильская партия, которая желает слиться с русскою национальностью вследствие недостатка веры в самое себя и вследствие способа обращения с нею правительства и господствующей партии».

В октябре 1912 г. произошел сходный инцидент, вызвавший недовольство не только представителей дипломатического ведомства, но также военного агента в Австро-Венгрии Занкевича. На заседании парламентских делегаций один из украинских представителей С. Смаль-Стоцкий, выступил с обвинениями в адрес России и российских представителей в Австро-Венгрии. Он обращал внимание военного министра на полученные им сведения о продолжающейся пробной мобилизации русских войск у австрийской границы. Занкевич почти полностью привел слова Смаль-Стоцкого: «Россия в широких размерах мобилизует свои силы в Галиции, Буковине, северной Венгрии, что представляет серьезную опасность для монархии: целое войско русских шпионов и агентов разгуливает по этим землям. Такая пропаганда идет со времени поездки в Галицию члена русской Государственной думы гр. Бобринского»⁵⁰. Австрийский военный министр Ауффенберг не стал отрицать информации Смаль-Стоцкого, а, напротив, подтвердил, что военное министерство располагает подобными же сведениями. В заключение министр выразил сожаление, что подобное явление имеет место и что армия может сделать лишь очень немногое для борьбы с этим явлением, однако компетентным властям следовало бы обратить серьезное внимание на борьбу с указанной опасностью. И Гирс, и Занкевич немедленно отреагировали и на обвинения Смаль-Стоцкого, и, в особенности, на слова военного министра Ауффенberга. Посетив помощника начальника канцелярии военного министра, Занкевич заявил, что «последняя речь генерала Ауффенberга произвела неприятное впечатление на нашего посла. Посол убежден, что такое же впечатление она произведет и в России вообще, тем более что австрийская пресса, несмотря на официальное опровержение с нашей стороны продолжает обсуждать выдумку о будто бы сказанной нашим военным министром воинственной речи по поводу Австро-Галиции»⁵¹. Н. Н. Гирс, посетив нового австрийского министра иностранных дел Л. Берхтольда, также говорил о негативном впечатлении, произведенном на него не столько выступлением «мазепинского» депутата, сколько ответом военного министра. Посол высказал убеждение, что такой инцидент ни в

коей мере не может способствовать улучшению отношений двух держав⁵². Со стороны австрийских властей последовало формальное выражение сожаления, однако Гирс пришел к выводу, что антироссийские высказывания ряда украинских представителей находят поддержку в австрийских верхах.

По мере роста напряженности в австро-российских отношениях украинские представители все активнее заявляли о своем негативном отношении к России, нередко прямо вмешиваясь в сферу компетенции австрийского министерства иностранных дел. В апреле 1914 г. депутаты Василько и Левицкий направили министру иностранных дел Л. Берхтольду запрос по поводу обложения в России особой таможенной пошлиной ввозимых из Галиции книг и газет на малороссийском языке⁵³. Эти же украинские депутаты направили Берхтольду еще один запрос. Поводом к нему стали слова российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова. В своей речи в Государственной думе в марте 1914 г. Сазонов выразил надежду, что австрийское правительство не допустит, чтобы замеченное последнее время среди антирусски настроенных элементов в Галиции враждебное движение, стремящееся осложнить обстановку в русских пограничных губерниях, нарушило добрососедские отношения двух держав⁵⁴. Левицкому и Василько повод заявить, что «в Галиции не существует русофобского движения и что напротив того, из соседнего государства ведется русофильская и австрофобская агитация». Сазонов обвинялся в том, «что противодействие этому движению министр считает русофобией, с одной стороны, отождествляя с этим себя самого, с другой, требуя его спокойного допущения австрийским правительством». Далее депутаты указывали, что «слова русского министра можно понять и в том смысле, что стремление нашего народа к культуре и экономическому развитию Галиции он называет русофобией, потому что оно противоречит желанию России, и требует как условие дружбы обеих сторон противодействия этому стремлению»⁵⁵. Украинцы обратились к министру иностранных дел графу Берхтольду с требованием разъяснений по данному вопросу.

«Те разъяснения, которые я дал комиссии делегаций о наших отношениях с Россией, делегаты Левицкий и Василько признали недостаточными, — констатировал Берхтольд и продолжал. — Возможность проявления влияния России на характер наших внутренних отношений естественным образом исключается, поэтому все высказанные в этом смысле опасения необоснованы»⁵⁶. В конце Берхтольд заверил украинских депутатов, что ав-

стрийское правительство с величайшим интересом относится к культурным достижениям австро-украинцев.

Весной 1914 г. в австро-венгерском рейхсрате прозвучали новые обвинения в адрес России. По сообщению посла Н. Н. Шебеко, «большинство ораторов резко критиковали заявления Берхтольда касательно отношений Австро-Венгрии к России. При этом указали на усиление вооружения России, на антиавстро-скую агитацию в Галиции и Буковине, а также на наводнение, будто бы, страны целой армией русских шпионов, как на весьма тревожные симптомы, противоречащие заявлениям министра иностранных дел»⁵⁷. Граф Берхтольд вновь не отрицал «прискорбного факта антиавстро-ской агитации в Галиции», заверив, что «правительство со своей стороны зорко следит за этим движением, источник коего кроется в известных политических течениях в соседнем государстве»⁵⁸. В качестве примера министр сослался на недавний процесс против деятелей Русской народной партии во Львове. По мнению Берхтольда, российское правительство, которое неоднократно заявляло о своей непричастности к пропаганде, действительно отношения к ней не имеет. Такая позиция, характерная для всего австро-венгерского руководства, позволяла ему, поощряя антироссийские настроения в обществе, не допускать чрезмерного обострения отношений с Россией.

Таким образом, по мере развития украинского движения в Австро-Венгрии отношение к нему российских дипломатов подвергалось определенной корректировке. Оценка движения как революционного, социалистического уступила место восприятию движения прежде всего как движения националистического, сепаратистского. Особое беспокойство вызывала перспектива использования украинской идеи для привлечения симпатий малороссийского населения империи Романовых в случае военного конфликта с Австро-Венгрией.

В годы, непосредственно предшествовавшие Первой мировой войне, особое значение приобрела явная антироссийская направленность украинского движения, способного ослабить влияние России в восточнославянских землях Австро-Венгрии, а также привлечь часть украинского движения Российской империи. Именно с точки зрения возможной угрозы целостности Российского государства и оценивалась главным образом деятельность украинских партий.

Рассматривая рост украинского движения как крайне нежелательный для России, МИД, тем не менее, не отступал от своей традиционной поли-

тики невмешательства во внутренние дела Австро-Венгрии, считая, что активное противодействие неминуемо приведет к дальнейшему ухудшению австро-российских отношений.

Примечания

¹ Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX—XX вв. М., 2001. С. 33.

² Там же. С. 6.

³ Partacz Cz. Od Badeniego do Potockiego: Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888—1908. Toruń, 1996. S. 41—42.

⁴ Миллер А. И. Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 68—74.

⁵ Бестужев И. В. Отношения России и Австро-Венгрии перед I мировой войной // Европа в новое и новейшее время. М., 1968. С. 556—569.

⁶ Донесение русского консула в Черновицах 26.08.(8.09.) 1903 г. — Архив Внешней политики России. Ф. 155. Оп. 456. Ч. 1—4. 1903 г. Д. 29. Л. 87—93.

⁷ В. Капнист — В. Оболенскому 23.09.(6.10.) 1903 г. — АВПРИ. Ф. 155. Оп. 456. 1903 г. Д. 29. Л. 5.

⁸ В. Капнист — В. Ламздорфу 18.11.(1.12.) 1903 г. — АВПРИ. Ф. 155. 1903 г. Оп. 456. Д. 29. Л. 42.

⁹ В. Капнист — В. Ламздорфу 14(27).12. 1903 г. — АВПРИ. Ф. 155. Оп. 456. 1903 г. Д. 29. Л. 64.

¹⁰ В. Капнист — В. Ламздорфу 14(27).12. 1904 г. — АВПРИ. Ф. 155. Оп. 456. Д. 29. Л. 96—97.

¹¹ В. Капнист — В. Ламздорфу 23.03.(5.04.) 1904 г. — АВПРИ. Ф. 155. Оп. 456. Л. 111—115.

¹² Там же.

¹³ Доклад В. Ламздорфа. — АВПРИ. Ф. 155. Оп. 456. Д. 29. Л. 122—124.

¹⁴ Partacz Cz. Op. cit. S. 158.

¹⁵ Л. П. Урусов — А. И. Извольскому 31.05.(13.06.) 1907 г. — АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1907 г. Д. 133. Л. 86—88.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Записка бывшего консула во Львове Пустошкина «19 лет среди поляков» 1909 г. — АВПРИ. Ф. 138. Оп. 474. Д. 289/291. Л. 8—12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Донесение С. Свербеева А. П. Извольскому 15(28).05. 1908 г. — АВПР. Ф. 133. Оп. 470. Д. 136. Л. 177—180.

²⁰ С. Свербеев — А. П. Извольскому 15(28).05. 1908 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177—180.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Н. Н. Гирс — А. А. Нератову 22.06.(5.07.) 1911 г. — АВПРИ. Ф. 133. 1911 г. Д. 6. Л. 137—140.

²⁵ Там же.

²⁶ Н. Н. Гирс — С. Д. Сазонову 18(31).12. 1912 г. — АВПРИ. Ф. 133. 1912 г. Д. 124. Л. 131—132.

²⁷ Н. Н. Гирс — С. Д. Сазонову 24.05.(6.06.) 1912 г. — АВПРИ. Ф. 133. 1912 г. Д. 124. Л. 64.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Кудашев — А. А. Нератову 24.10.(6.11.) 1913 г. — АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 14. Л. 52—54.

³² *Миттер А.* Польский вопрос в отношениях Германии с Австро-Венгрией и Россией // Исследования по истории германского империализма. М., 1978. С. 214.

³³ С. Свербеев — А. П. Извольскому 9(22).12. 1908 г. — АВПР. Ф. 133. Оп. 470. Д. 136. Л. 339—340.

³⁴ Записка С. П. Колосова 5(18).07. 1912 г. — АВПРИ. Ф. 138. Д. 744. Л. 213—215.

³⁵ Записка В. Сватковского 22.04.(2.05.) 1914 г. — АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 158. Л. 36.

³⁶ Докладная записка гр. В. А. Бобринского 26.05. 1913 г. — АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 152/118. Л. 5—32.

³⁷ Там же.

³⁸ С. Свербеев — А. И. Извольскому 28.05.(10.06.) 1908 г.— АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177—180.

³⁹ *Миттер А.* Указ. соч. С. 206.

⁴⁰ Н. Н. Гирс — С. Д. Сазонову 16(29).06. 1912 г. — АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 73—75.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Записка С. П. Колосова 5(18).07. 1912 г. — АВПРИ. Ф. 138. Д. 744. Л. 213—215.

⁴⁵ Донесение консула в Черновицах Доливо-Добровольского 4(11).11. 1903 г. — АВПРИ. Ф. 155. 1—4. Оп. 456. 1903. Д. 29. Л. 41.

⁴⁶ Н. Н. Гирс — С. Д. Сазонову 16.02.(1.03.) 1911 г. — АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1911 г. Д. 6. Л. 69.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 133. 1912 г. Д. 124. Л. 59—61.

⁵⁰ Рапорт военного агента в Австро-Венгрии Занкевича 11.10. 1912 г. — РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7305. Л. 71—72.

⁵¹ Там же.

⁵² Н. Н. Гирс — С. Д. Сазонову 4.11. 1912 г. — АВПРИ.

⁵³ Н. Н. Шебеко — С. Д. Сазонову 17(30).04. 1914 г. — АВПР. Ф. 133. 1914 г. Д. 158. Л. 2—4.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Секретная телеграмма Н. Н. Шебеко 27.04.(10.05.) 1914 г. — АВПР. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 163. Л. 19—20.

⁵⁸ Там же.

Проекты русско-румынского разграничения в Буковине в годы Первой мировой войны

Проблемы русско-румынских отношений в годы Первой мировой войны освещались в работах Ф. И. Нотовича, В. А. Емеца, в монографии и ряде статей В. Н. Виноградова¹. Исследование этих проблем помогло проследить ход дипломатической борьбы за вступление Румынии в войну, эволюцию внешнеполитической ориентации ее правящих кругов. В работах отечественных исследователей советского периода была определена сущность позиций правительств по вопросам о судьбе территорий, входивших в состав Австро-Венгерской империи, в том числе и Буковины. Россия предлагала Румынии разделить край по «этнографическому принципу» (Северная Буковина, населенная в основном украинцами, отходит к России, Южная, населенная в основном румынами, — к Румынии). Румынское же правительство, ссылаясь на «исторические права», требовало всю Буковину.

Проекты русско-румынского разграничения в Буковине, обсуждавшиеся в Румынии в годы «вооруженного выжидания», не были предметом специального изучения отечественной историографии. Цель настоящей статьи — детально проследить эволюцию позиций России и Румынии, показать приемы и методы, использовавшиеся сторонами в процессе переговоров.

В начале Первой мировой войны Румыния оказалась в выгодном положении: ее правящие круги рассчитывали реализовать планы территориального расширения с наименьшими потерями и наибольшей пользой, выждав удобный момент для вступления в вооруженную борьбу. Обе воюющие группировки, требуя военного выступления Румынии, обещали ей крупные вознаграждения за счет противника².

Наметившееся накануне войны русско-румынское сближение³ побудило российскую дипломатию сделать попытку привлечь Румынию к участию в войне на стороне Антанты. В начале августа 1914 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов сообщил союзникам о переговорах с румынским посланником К. Диаманди, в ходе которых был выработан проект соглашения. Проект включал обязательство Румынии «оказать всеми своими военными силами содействие операциям России против

Австро-Венгрии». В свою очередь, Россия принимала на себя обязательство не прекращать войны против Австро-Венгрии до тех пор, пока «области Австро-Венгерской монархии с румынским населением не будут присоединены к Румынии»⁴. Однако российские предложения, какими бы заманчивыми они ни были, не смогли заставить румынскую элиту сделать в тот момент решительный шаг⁵.

Отклонив предложение России, румынское правительство в начале сентября предприняло попытку выяснить, не может ли оно получить «компенсации в виде австрийских территорий с румынским большинством населения» в обмен на обязательство сохранять нейтралитет до конца войны⁶. Пытаясь вести «игру на двух столах», в эти же дни румынские правящие круги обсуждали с Центральными державами вопрос об уступке Румынии района Сучавы (Южная Буковина), обещая выступить на стороне австро-венгерского блока (по существу, это был дипломатический блеф)⁷. В середине сентября в условиях быстрого продвижения русской армии по территории Буковины переговоры с Берлином и Веной утратили смысл.

Петроград предложил румынскому правительству занять часть Буковины. Идея исходила от российского посланника в Бухаресте С. А. Поклевского, который 14 сентября писал: «Было бы теперь полезным и своевременным конфиденциально предложить румынскому правительству занять румынскими войсками ту часть оккупированной нами Буковины, которая заселена румынами»⁸. Это предложение, по мнению посланника, рассеяло бы возможные опасения в Бухаресте о том, что «Россия пожелает сама присоединить к себе некоторые румынские области Австрии»⁹.

Согласовав предложение с военным ведомством, министр иностранных дел России поручил 16 сентября 1914 г. посланнику в Бухаресте официально уведомить румынское правительство о том, что «заняв часть Буковины, Россия сделала первый шаг на пути освобождения этой провинции от австрийского владычества, освобождения, которого единодушно желают русский и румынский народы. В силу этого императорское правительство вновь обращается к королевскому правительству, призывая его к нему присоединиться в целях скорейшего достижения общей цели, и предлагает ему занять, с своей стороны, без промедления Южную Буковину и Трансильванию». Дислокацию российских и румынских войск в Буковине предлагалось установить по договоренности между главнокомандующими обеими армиями на основании исключительно военных соображений, нисколько не предрешая последующего разграничения,

которое, как указывалось в заявлении, «будет в свое время произведено по соглашению между правительствами сообразно с этнографическим составом населения»¹⁰.

С. Д. Сазонов предписывал посланнику в Бухаресте разъяснить премьер-министру И. И. К. Брэтиану, что, «после того как главные австрийские силы уже разбиты, занятие Южной Буковины и Трансильвании не потребует значительного количества войск»¹¹. Россия призывает Румынию «взять то, что сейчас ей можно взять безо всякого усилия»¹². Министр предложил посланнику придать широкую огласку в Румынии сделанному Россией заявлению, если, конечно, сочтет это возможным¹³. «Необходимо, — писал С. Д. Сазонов, — чтобы народ и армия знали, что Россия, своими победами создавшая самые благоприятные условия для осуществления давнейшей мечты румын, сама пригласила бухарестское правительство занять означенные области почти без всякого усилия и что если Румыния не воспользуется этим, то вина за это падет исключительно на ее нынешнее правительство»¹⁴. Военное ведомство одобрило предложение С. Д. Сазонова. По мнению директора дипломатической канцелярии при ставке Н. А. Кудашева, это затруднило бы «всегда возможный в будущем поворот Румынии на сторону» австро-венгерского блока¹⁵.

Русские дипломаты даже подготовили проект совместной декларации России, Франции и Англии о поддержке Румынии в случае возможного нападения на нее Болгарии, если румынское правительство примет решение занять часть Буковины и Трансильвании¹⁶. Проект остался не осуществленным, так как бухарестский кабинет отказался принять предложение России, равнозначное немедленному объявлению войны Австро-Венгрии и Германии. По этой причине С. А. Поклевский счел нежелательным придавать русскому предложению широкую огласку. Тем не менее, как писал 24 сентября директор канцелярии министерства иностранных дел России М. Ф. Шиллинг, «сделанное нами предложение оказалось весьма полезным, наглядно показав румынам, что наше движение в Буковину не угрожает их национальным вожделениям»¹⁷. Принятые русскими властями в Буковине административные меры произвели в Румынии благоприятное впечатление. С. А. Поклевский сообщал из Бухареста, что известия о победах русских и французов вызвали «взрыв энтузиазма и многолюдные манифестации»¹⁸.

Несмотря на отказ Бухареста принять предложение России, русско-румынские переговоры продолжались. В письме к С. А. Поклевскому

С. Д. Сазонов отметил: «Необходимо не отталкивать Румынию и не порывать нити переговоров с нею, но и не спешить с выдачей положительных обязательств в обмен на голословные обещания»¹⁹. Во второй половине сентября С. Д. Сазонов вместе с румынским посланником К. Диаманди выработали проект соглашения, по которому Россия обязалась признать за Румынией право присоединить населенные румынами области Австро-Венгерской монархии «в удобный для нее (Румынии. — И. Б.) момент». Румыния же приняла на себя обязательство сохранять благожелательный по отношению к России нейтралитет до дня занятия указанных территорий²⁰. Следует заметить, что державы Антанты не собирались оставлять за Румынией права определять момент ее выступления исключительно в соответствии с ее собственными интересами. По этому поводу французский министр иностранных дел Т. Делькассе писал: «Здравый смысл и справедливость не допускают, чтобы румынское правительство этим подходящим моментом сочло момент, который знаменует конец войны. Раздел приобретений предполагает общность усилий для их достижения»²¹. Дипломатия Антанты отнюдь не намеревалась «даром» предоставить румынам возможность национального объединения, «плата» состояла в том, чтобы Румыния взяла на себя долю жертв и материальных потерь. В Бухаресте это прекрасно понимали. Относительно Буковины в проекте было сказано, что основой разграничения между русской и румынской частями «явится принцип этнографического большинства населения»²².

С. Д. Сазонов сообщил 26 сентября текст проекта С. А. Поклевскому, указывая, что в случае согласия румынского правительства соглашение могло быть подписано в Петрограде путем обмена нот с румынским посланником²³. 28 сентября 1914 г. Поклевский передал в Петроград просьбу премьер-министра Румынии определить границу в Буковине между русской и румынской частями по р. Прут²⁴. Русское правительство отказалось признать Прут будущей русско-румынской границей на Буковине.

В окончательном тексте документа (обмен нотами произошел 1 октября 1914 г.) было указано: «Что касается специально Буковины, то принцип большинства населения будет служить основанием для разграничения территорий, которые должны быть присоединены к России или к Румынии. Это разграничение будет проведено после специального изучения вопроса на месте. С этой целью будет назначена смешанная комиссия, которая будет снабжена инструкциями, составленными в примирительном духе, одушевляющем оба правительства»²⁵. Сообщая С. А. Поклевскому об об-

мене нотами с румынским посланником, С. Д. Сазонов подчеркнул, что в Буковине разграничение будет произведено «на началах численного преобладания той или другой народности»²⁶. В данном вопросе министр иностранных дел последовательно придерживался позиции, отвечавшей национальным устремлениям населения Буковины.

Попытка румынского правительства, воспользовавшись сложностью этнической ситуации в Буковине, определить будущую границу по р. Прут не удалась. Следуя настоятельным советам Ставки, русские дипломаты предпочли отложить вопрос о конкретной линии границы.

В обсуждении проблем, связанных с разделом Буковины между Россией и Румынией, принимали участие представители русских военных кругов. По указанию Николая II в середине сентября в Буковину был командирован старший секретарь дипломатической канцелярии при Ставке Муравьев. Основная задача Муравьева заключалась в выяснении наиболее желательного контура будущей границы в Буковине²⁷. Его отчет о поездке и донесения сыграли существенную роль в определении позиции русского правительства. По его мнению, самым оптимальным являлся вариант, предусматривающий проведение границы в Буковине в основном по р. Сучава²⁸.

В октябре 1914 г. военное положение ухудшилось, и русские войска вынуждены были оставить Буковину. Репрессивные меры австро-венгерских властей вызвали возмущение в Румынии. Известия из Буковины пробудили у многих враждебные по отношению к Австро-Венгрии настроения.

Взятие г. Сучава и занятие всей Буковины русскими войсками в декабре 1914 г. вновь поставило на повестку дня русско-румынских отношений вопрос о Буковине. В печати и даже в румынских военных кругах шла «непрестанно речь о приготовлениях к выступлению против Австро-Венгрии»²⁹. Русские дипломаты в своих донесениях отмечали, что в общественном мнении Румынии укрепляется доверие к России и что у здания русской миссии проходят дружественные манифестации³⁰.

26 декабря 1914 г. директор дипломатической канцелярии при Ставке Н. А. Кудашев по просьбе верховного главнокомандующего просил министерство иностранных дел указать «желательные пределы, которыми надлежало бы ограничить сферу нашей администрации в Буковине, не предрешая вопроса об окончательном ее разграничении с Румынией»³¹. В ответ С. Д. Сазонов высказал мнение, что гражданское управление «предпочитительно ввести лишь в той части, которая будет окончательно за нами за-

креплена. Для определения границы этой части следует принять во внимание этнографические, стратегические и экономические условия, о коих всего лучше можно судить на месте. Согласно имеющемуся в министерстве материалу казалось бы, что таковой границей могла бы считаться линия реки Сучавы с отклонением к югу, начиная от ее истока, далее на запад, согласно записке Муравьева»³².

Выяснив к концу 1914 г. в общих чертах этническую ситуацию в области, правительство России в начале 1915 г. сочло возможным вновь предложить Румынии занять Южную Буковину. Однако попытка С. А. Поклевского «осторожно затронуть» этот вопрос в разговоре с И. И. К. Брэтиану 9 февраля закончилась неудачей. Выразив сожаление по поводу оставления русскими войсками этой провинции, Брэтиану ответил, что «лишь в случае войны выставит заслон со стороны Буковины»³³.

Таким образом, дважды (в сентябре 1914 г. и феврале 1915 г.) Бухарест отверг предложение правительства России занять область, на которую претендовали румынские правящие круги. В России постепенно утвердилось мнение, что «цель Румынии овладеть Трансильванией и Буковиной, не принося жертв. Для достижения этой цели она намерена выжидать момента, когда австро-германские армии будут истощены и Румынии возможно будет занять Трансильванию и Буковину без боя и с наименьшими расходами»³⁴.

После вторичного отказа румынского правительства вступить в Буковину военное ведомство России заняло особую позицию в отношении русско-румынского разграничения. Решающую роль в ее определении сыграли результаты миссии полковника Генерального штаба А. А. Самойло, получившего в феврале 1915 г. приказ объехать Южную Буковину с целью выяснения желательной со стратегической точки зрения для России границы. Вывод его заключался в том, что следует присоединить всю Буковину, не уступая ничего Румынии³⁵. Это мнение разделял командующий русскими войсками в Буковине командир 30-го армейского корпуса Вебель³⁶.

20 марта в министерстве иностранных дел состоялось совещание по вопросу о Буковине, на котором полковник А. А. Самойло изложил уже известную нам точку зрения военных кругов. С. Д. Сазонов возражал, обосновывая свою позицию тем, что «1) мы связаны известными обязательствами по отношению к Румынии, идущими вразрез с подобными требованиями, и 2) он придает слишком большое значение сохранению на будущее время добрососедских отношений с Румынией, чтобы допустить

неизбежное столкновение с последней на почве спора из-за тех земель с румынским населением, на которые вправе претендовать румыны»³⁷.

Твердая позиция С. Д. Сазонова, основанная на приверженности этнографическому принципу при разграничении в Буковине, вызвала недовольство представителей военного ведомства. Они сделали попытку обратиться непосредственно к царю. 30 апреля 1915 г. в записке начальника штаба верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевича были изложены соображения по вопросу об установлении будущей границы в Буковине между Россией и Румынией с точки зрения военных кругов³⁸.

Этнографический принцип русско-румынского разграничения в Буковине, зафиксированный соглашением 1914 г., как будет показано ниже, в еще большей степени не устраивал румынскую политическую элиту. К этому времени она уже выработала программу будущих «приобретений»³⁹.

В конце марта 1915 г. румынское правительство официально заявило в Лондоне о решении выступить на стороне Антанты. Так как английский кабинет отказался вести переговоры о вступлении Румынии в войну за спиной России, румынскому правительству пришлось обратиться в Петроград⁴⁰. Начался новый этап русско-румынских переговоров о разделе Буковины. Содержание его можно кратко охарактеризовать так: при определении границы в Буковине Румыния настаивала на отказе от этнографического принципа, союзники оказывали давление на Петроград, добиваясь уступок, а министерство иностранных дел России, находясь между молотом и наковальней (Бухарестом и союзниками), медленно сдавало свои позиции.

1 мая 1915 г. Поклевский сообщил о пожеланиях румынского правительства провести будущую границу в Буковине по Пруту. Не отрицая, что «такая граница нарушила бы принцип национальности (курсив наш. — И. Б.)», И. И. К. Брэтиану заявил С. А. Поклевскому: «румынское правительство придает первостепенное значение границе Прута в Буковине и Тиссы в Банате, и... в случае... отказа от предоставления Румынии линии этих рек он лично не возьмет ответственности за участие Румынии в войне и предпочтет сохранить нейтралитет»⁴¹. То же румынский премьер заявил и союзникам России⁴².

3 мая 1915 г. румынский посланник в Петрограде К. Диаманди передал министру иностранных дел России официальное предложение своего правительства «немедленно выступить против Австрии, если державы

согласятся вперед признать за Румынией право на присоединение части Австро-Венгрии в пределах, указанных Бухарестом⁴³.

Однако это не соответствовало русско-румынскому соглашению от 1 октября 1914 г.⁴⁴ С. Д. Сазонов не скрыл от посланника своего удивления по поводу неумеренных притязаний Румынии и твердо отвечал, что Россия не может согласиться ни на линию Прута в Буковине, ни на предоставление Румынии всего Баната. Он напомнил, что между Россией и Румынией существует соглашение, в соответствии с которым будущее распределение земель зависит от состава населения, и заявил, что, по его мнению, следует придерживаться именно этого начала. В высшей степени характерен ответ Диаманди, будто соглашение «имело в виду нейтралитет Румынии, между тем как *за военное содействие Румыния вправе получить нечто большее* (курсив наш. — И. Б.)»⁴⁵. Иными словами Брэтиану⁴⁶ и Диаманди заявили: если хотите нашего участия в войне, то откажитесь от этнографического принципа в определении будущих границ. В конфиденциальных беседах с дипломатами Антанты румынские представители не скрывали, что за «дополнительный риск» вступления в войну в согласованный с державами Антанты срок они желают получить расширение территории, которое учитывало бы не только этнографические соображения.

Союзники России признали требования Румынии «чрезмерными»⁴⁷, поскольку они касались территорий, населенных украинцами и сербами. Однако Лондон и Париж, поначалу поддерживавшие Петербург, затем, по мере ухудшения военного положения России, стали оказывать на нее давление с целью удовлетворения румынских притязаний⁴⁸. Используя неблагоприятное военное положение России и изменение позиции ее союзников, румынские правящие круги прибегли на переговорах к непрятому шантажу.

В Петрограде с самого начала считали, что, предъявляя чрезмерные территориальные требования, Брэтиану намеревается свалить вину за возможную неудачу переговоров на неуступчивость России⁴⁹. Не желая подавать для этого повода, русская дипломатия пыталась найти выход. В первых числах мая С. Д. Сазонов заявил: «Россия не может никогда принять Прут как северную границу; пойти на это значило бы отдать Румынии русское население, которое желало быть присоединенным к русской империи». Вместе с тем он выразил готовность «постараться найти подходящую границу путем взаимных уступок»⁵⁰, объем которых указывался в записке, составленной в Ставке верховного главнокомандующего 11 мая

1915 г.⁵¹ Однако Брэтиану не обнаружил никакого желания достичь компромиссной договоренности. С его стороны одно за другим следовали заявления посланникам Антанты, что Румыния не выступит, если не будут гарантированы требуемые ею границы⁵².

14 мая 1915 г. С. Д. Сазонов направил С. А. Поклевскому для вручения румынскому правительству памятную записку с вариантом детально-го разграничения между Россией и Румынией по линии р. Сучава. Министр иностранных дел писал: «Я по-прежнему придаю значение налажению между Россией и Румынией прочных добрососедских отношений»⁵³, од-нако «нельзя требовать, чтобы мы для этого пожертвовали своими сопле-менниками и справедливыми чаяниями» сербского народа только потому, что Брэтиану «вздумалось широко очертить вожделения Румынии, кото-рая еще недавно и не мечтала о подобных приращениях»⁵⁴.

18 мая румынский премьер-министр сделал Петрограду неожиданное заявление о том, что Румыния предполагает «со временем» занять австро-венгерские провинции с румынским населением, на основании соглаше-ния от 1 октября 1914 г.⁵⁵ Таким образом, не связывая себя обязательством вступления в вооруженную борьбу, Брэтиану надеялся в конце войны воспользоваться ее плодами без всяких усилий. С. А. Поклевскому пришлось разъяснить главе румынского правительства истинный смысл согла-шения от 1 октября 1914 г., которое, как отметил посланник, «носит чисто переходный характер к соглашению о военной кооперации»⁵⁶. По поводу демарша румынской дипломатии директор канцелярии министерства иностранных дел России М. Ф. Шиллинг писал 8 июня, что Брэтиану не-однократно злоупотреблял готовностью русского правительства не огла-шать сделанных Румынией предложений, значение же достигнутой в ок-тябре 1914 г. договоренности «было им совершенно извращено с целью оправдать свою политику»⁵⁷.

Требования румынской дипломатии нашли известную поддержку у французского министра иностранных дел Т. Делькассе, который 19 мая в качестве «среднего решения» предложил русскому правительству при-знать р. Серет будущей русско-румынской границей в Буковине⁵⁸. Усту-пая настойчивому најиму союзников, С. Д. Сазонов дал формальное со-гласие на предложение Делькассе⁵⁹. Однако румынское правительство не удовольствовалось и этой уступкой, о чем Брэтиану заявил 22 мая фран-цузскому посланнику Блонделю⁶⁰. Румынский совет министров отверг это предложение и одобрил решение Брэтиану добиваться в качестве гра-

ницы линии Прута. В румынской печати появились сообщения о ведущихся в Петрограде переговорах, в которых России приписывалась неуступчивость, комментировавшаяся, по сообщению С. А. Поклевского, «в довольно враждебном тоне»⁶¹.

Несогласованность, противоречия между союзниками по Антанте укрепляли надежды румынской дипломатии на то, что Россия будет вынуждена пойти на дальнейшие уступки⁶². Так в действительности и произошло. Во время тяжелых неудач на Восточном фронте, когда русская армия вела борьбу с силами Германии, Австро-Венгрии и Турции, Англия и Франция решили принести в жертву интересы России в Буковине, чтобы добиться немедленного выступления Румынии на стороне Антанты⁶³. С этой целью они усилили давление на Петроград.

В конце мая 1915 г., когда русские войска, отступая из Галиции и Польши, оставили Буковину, изменилась и позиция военного ведомства России, которое ранее не придавало особого значения военной поддержке со стороны Румынии. В письме верховного главнокомандующего С. Д. Сазонову от 7 июня говорилось, что с чисто военной точки зрения «выступление Румынии при теперешней обстановке на театре военных действий является весьма желанным» и что «если будет признано пойти на уступки, то только при условии немедленного выступления Румынии, при котором эти уступки могут найти себе оправдание»⁶⁴. Мнение ставки оказалось решающим. Во время доклада С. Д. Сазонова 8 июня Николаю II в Царском Селе было решено «сделать еще новые уступки румынским требованиям»⁶⁵ с тем, чтобы добиться вступления Румынии в войну.

На следующий день, 9 июня, Сазонов просил посланника в Бухаресте выяснить, «через сколько дней после того, как состоится соглашение, мы можем рассчитывать на объявление Румынией войны Австро-Венгрии». Только в случае немедленного (через несколько дней) выступления Румынии Россия пойдет на «значительную жертву, а именно: принять в Буковине... границу с уступкой Румынии города Черновцев»⁶⁶.

Поскольку Россия согласилась пойти на удовлетворение румынских требований, с 9 июня главным в переговорах стал вопрос о моменте выступления Румынии. Взамен территориальных уступок Россия добивалась быстрейшего вступления Румынии в войну на стороне Антанты, а Бухарест всячески оттягивал решение вопроса. «Расчет понятен: заручившись нашими уступками, потом тянуть дело под предлогом военного соглаше-

ния, пополнения запасов и т. д.»⁶⁷, — писал в эти дни Н. А. Кудашеву М. Ф. Шиллинг.

21 июня С. Д. Сазонов предложил румынскому правительству принять обязательство выступить против Австро-Венгрии не позже, чем через пять недель. Он писал: «Россия, со своей стороны, выказала крайнюю говорчивость, отступив даже от этнографического начала при проведении будущего разграничения... Само собой разумеется, что если ... Румыния все-таки в установленный срок не выступит, то все сделанные нами предложения относительно будущих разграничений отпадут»⁶⁸. В ответ Брэтиану выразил глубокую радость по поводу предоставления Румынии «Буковины по Прут с городом Черновцами», но продолжал торговаться относительно Баната, а также срока будущего выступления⁶⁹.

Чтобы «не порывать переговоров, не исчерпав всех средств к привлечению Румынии»⁷⁰, русское правительство, по соглашению с Францией и Англией от 10 июля 1915 г., приняло решение полностью удовлетворить все требования Брэтиану, а именно: уступить Румынии Буковину по Прут, Угорщину по Тиссу и весь Банат под непременным условием выступления Румынии не позже, чем через пять недель со дня подписания политического соглашения⁷¹. Однако внешнеполитическая активность Бухареста угасала по мере ухудшения дел на фронте.

Видя нежелание Брэтиану брать на себя конкретные обязательства, министерство иностранных дел России попыталось найти поддержку у союзников по Антанте. 14 мая 1915 г. оно обратилось к французскому, английскому и итальянскому посольствам с памятной запиской. В ней отмечалось, что уступки Бухаресту были сделаны «в целях обеспечения помощи Румынии именно в настоящее время. Поэтому, если цель никоим образом не может быть достигнута, представляется излишним давать в Бухаресте обещания уступок, которые не имели бы других последствий, кроме возбуждения недовольства русского общественного мнения и горячих протестов Сербии»⁷².

В беседе с К. Диаманди 8 июля М. Ф. Шиллинг заметил, что Брэтиану «сеет семена будущих распрея между румынами и теми, кто является их естественными союзниками»⁷³.

Все уступки, сделанные Бухаресту, оказались напрасными, румынская элита не торопилась вступать в вооруженную борьбу. Политическое соглашение Румынии с Антантою должно было быть выработано посланником России в Бухаресте совместно с Брэтиану, одобрено другими со-

юзными державами и затем подписано представителями всех сторон⁷⁴. Премьер-министр Румынии остался верен своей тактике. Сославшись на противодействие коллег по кабинету, он отказался подписать составленное на его условиях соглашение⁷⁵. 21 августа 1915 г. четырехмесячные интенсивные переговоры с Румынией были приостановлены. В этот же день Брэтиану заявил, что считает «окончательно установленной» договоренность с российским правительством и его союзниками относительно румынских территориальных притязаний⁷⁶. Российскому посланнику он сказал, что рассматривает неподписанное соглашение как существующее и будет в соответствии с этим поступать в будущем⁷⁷. От русской стороны на данное заявление не последовало ни согласия, ни возражений.

С юридической точки зрения переговоры 1915 г. не имели результата. «Договоренность», в существовании которой румынский премьер-министр пытался убедить правительство России, была его односторонней трактовкой ситуации. На деле же соглашение не было заключено, а устные обязательства Брэтиану остались невыполнеными.

В конце 1915 — начале 1916 г. после разгрома Сербии и вступления в войну Болгарии создались более благоприятные условия для деятельности австро-германских представителей в Румынии. Распространились слухи о том, что Германия предложила румынскому правительству Буковину за одно лишь соблюдение нейтралитета⁷⁸. М. Ф. Шиллинг справедливо считал подобное предложение «весома сомнительным»⁷⁹. Представители Центральных держав неохотно давали Румынии обещания территориальных уступок, полагая, что вопрос о вступлении ее в войну решается «на поле боя», т. е. зависит от того, на чью сторону склонится военное счастье. Ориентация на Антанту сулила румынским правящим кругам несравненно большие выгоды.

31 октября 1915 г. С. А. Поклевский высказал мнение, что время зондирования почвы прошло и нужно «прямо вести переговоры о вступлении Румынии»⁸⁰. Брэтиану выразил пожелание, чтобы таковому предшествовало подписание не только политического соглашения, но и военной конвенции⁸¹. В конце января 1916 г. военным агентом России в Румынии был назначен полковник Генерального штаба А. Татаринов, которому поручили «выяснить вопрос об искренности намерения» Брэтиану заключить военное соглашение и установить его основы⁸².

Решающее влияние на ход переговоров о вступлении Румынии в войну оказалось, как справедливо отметил В. Н. Виноградов, наступление

русской армии на Юго-Западном фронте («Брусиловский прорыв»)⁸³. В конце июня переговоры вступили в заключительную стадию. 8 августа 1916 г. был окончательно составлен проект политического соглашения между Россией, Великобританией, Францией, Италией, с одной стороны, и Румынией — с другой⁸⁴. В нем нашли отражение результаты обмена мнениями и зафиксированы уступки, выторгованные румынским правительством в 1915 г.: в Буковине будущей границей между Россией и Румынией обозначена р. Прут. 17 августа были подписаны политическое соглашение и военная конвенция, а через 10 дней Румыния вступила в войну⁸⁵.

Итак, вопрос о разделе Буковины с начала Первой мировой войны занимал существенное место во взаимоотношениях Петрограда и Бухареста. Он был тесно связан с ходом военных действий, а также с судьбой других территорий, на которые претендовали правящие круги Румынии.

Соглашение от 1 октября 1914 г. исходило из необходимости раздела Буковины между Россией и Румынией, но оставляло открытым вопрос о конкретной линии границы. Основой будущего разграничения являлся этнографический принцип, который, несмотря на давление военных кругов, оставался сутью позиции русского правительства по данному вопросу. Объективно такое решение соответствовало национальным чаяниям народов, населявших Буковину.

Используя военные неудачи Антанты, румынская дипломатия в 1915 г. выдвинула территориальные требования, ничего общего не имевшие с этнографическим принципом. Тем не менее по договору 1916 г. румынские правящие круги получили от Антанты признание своих geopolитических амбиций.

Примечания

¹ Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.; Л., 1946. Т. 1; *Он же*. Бухарестский мир 1918 г. М., 1959; Емец В. А. Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915—1916 гг.) // Исторические записки. М., 1966. Т. 56.; Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969; *Он же*. Внутриполитическая борьба в Румынии накануне ее вступления в первую мировую войну // Новая и новейшая история. 1962. № 6; *Он же*. Вступление Румынии в первую мировую войну и разногласия в стане Антанты // Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976. Вып. 2; *Он же*. Об участии Румынии в первой мировой войне // Вопросы истории. 1982. № 8.

² См.: Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны... С. 43; Царская Россия в мировой войне. Л., 1925. Т. 1. С. 147—148, 152.

³ О русско-румынских отношениях накануне войны см.: Агаки А. С. Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX — начале XX в. Кишинев, 1976; Кросс Б. Б. Вступление Румынии во вторую балкансскую войну и русская дипломатия // Ученые записки Ленинград. пед. ин-та. Л. 1971. Т. 502.; *Он же*. Предпосылки русско-румынского сближения накануне первой мировой войны // Там же; *Он же*. Русская дипломатия и Румыния накануне первой мировой войны // История СССР. 1971. № 4; *Он же*. Русско-румынские дипломатические отношения накануне первой мировой войны // Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М., 1976. Вып. 2.; и др.

⁴ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительства. 1878—1917 гг. (Далее: МОЭИ). М.; Л., 1935. Сер. 3. Т. 6. Ч. 1. № 22. С. 21.

⁵ Нотович Ф. И. Бухарестский мир... С. 24—29.

⁶ Царская Россия в мировой войне. Л., 1925. Т. 1. С. 157.

⁷ См.: Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба... С. 252—257.

⁸ Царская Россия в мировой войне. С. 160.

⁹ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. № 258. С. 252.

¹⁰ Царская Россия в мировой войне. С. 161.

¹¹ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. Прим. 2 к № 263. С. 257.

¹² Царская Россия в мировой войне... С. 163.

¹³ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. Прим. 2 к № 263. С. 257.

¹⁴ Там же. № 282. С. 276—277.

¹⁵ Там же. Прим. 4 к № 258. С. 253.

¹⁶ Там же. № 288. С. 282—283.

¹⁷ Там же. Прим. 2 к № 282. С. 277.

¹⁸ Там же. Прим. 1 к № 282. С. 277.

¹⁹ Царская Россия в мировой войне... С. 158.

²⁰ Там же. № 41. С. 166.

²¹ МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. С. 19. Обстоятельный анализ соглашения, его возможных последствий см.: Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны... С. 122—130.

²² Царская Россия в мировой войне... С. 166.

²³ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. № 317. С. 313.

²⁴ Царская Россия в мировой войне... С. 166.

²⁵ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. № 340. С. 342.

²⁶ Царская Россия в мировой войне... С. 167.

²⁷ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. Прим. 3 к № 258. С. 252.

²⁸ Там же. Ч. 2. Прим. 2 к № 694. С. 267.

²⁹ Царская Россия в мировой войне... С. 176.

³⁰ МОЭИ. Т. 7. Ч. 1. Прим. 4 к № 319. С. 413.

³¹ Там же. Т. 6. Ч. 2. Прим. 1 к № 694. С. 267.

³² Там же. № 694. С. 267.

³³ Там же. Т. 7. Ч. 1. № 165. С. 217.

³⁴ Царская Россия в мировой войне... С. 171.

³⁵ МОЭИ. Т. 7. Ч. 1. № 210. С. 277—282.

³⁶ Там же. Прим. к № 210. С. 277—278.

³⁷ Там же. № 401. С. 528—529.

³⁸ Там же. Ч. 2. № 649. С. 303—306.

³⁹ Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны... С. 32.

⁴⁰ Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба... С. 470—471.

⁴¹ Царская Россия в мировой войне... С. 181—182.

⁴² МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. Прим. 1 к № 654. С. 314.

⁴³ Там же. № 672. С. 335—336.

⁴⁴ Там же. № 669. С. 333.

⁴⁵ Там же. № 672. С. 336.

⁴⁶ Ведение внешней политики страны было на деле исключительно прерогативой премьер-министра, его дипломатическая деятельность являлась по существу бесконтрольной.

⁴⁷ Царская Россия в мировой войне... С. 181.

⁴⁸ Подробно о политике союзников России на этом этапе русско-румынских переговоров см.: Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба... С. 469—539.

⁴⁹ МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. № 696. С. 370.

⁵⁰ Там же. Прим. 2 к № 696. С. 370.

⁵¹ Там же. № 734. С. 410—411.

⁵² Там же. № 753. С. 442.

⁵³ Там же. № 757. С. 448—449; Царская Россия в мировой войне... С. 186—188.

⁵⁴ МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. № 758. С. 449—450.

⁵⁵ Царская Россия в мировой войне... С. 189.

⁵⁶ МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. № 783. С. 476.

⁵⁷ Там же. Т. 8. Ч. 1. Прим. 5 к № 151. С. 190.

⁵⁸ Царская Россия в мировой войне... С. 190.

⁵⁹ МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. № 796. С. 487—488.

⁶⁰ Там же. № 814. С. 508.

⁶¹ Царская Россия в мировой войне... С. 191.

⁶² Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба... С. 484.

⁶³ Там же. С. 491.

⁶⁴ МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. № 78. С. 111.

⁶⁵ Там же. № 81. С. 113.

⁶⁶ Там же. № 83. С. 114—115.

⁶⁷ Там же. № 119. С. 152.

- ⁶⁸ Там же. № 151. С. 188—189.
- ⁶⁹ Там же. № 170. С. 207—208; № 185. С. 226—228.
- ⁷⁰ Там же. Прим. 4 к № 151. С. 188.
- ⁷¹ Царская Россия в мировой войне... С. 198—199.
- ⁷² МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. № 310. С. 397—398.
- ⁷³ Там же. № 381. С. 493.
- ⁷⁴ Царская Россия в мировой войне... С. 199.
- ⁷⁵ Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны... С. 139.
- ⁷⁶ История Румынии. 1848—1917. М., 1971. С. 540.
- ⁷⁷ МОЭИ. Т. 8. Ч. 2. № 552. С. 118.
- ⁷⁸ Там же. Т. 9. Прим. 1 к № 457. С. 476; Т. 10. № 68. С. 71; № 204. С. 209.
- ⁷⁹ Там же. Т. 10. № 204. С. 209.
- ⁸⁰ Виноградов В. Н. Об участии Румынии в первой мировой войне... С. 61.
- ⁸¹ МОЭИ. Т. 9. № 123. С. 116.
- ⁸² Там же. Т. 10. № 126. С. 135; № 331. С. 360. Подробно о миссии А. Татаринова см.: Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны... С. 149—150.
- ⁸³ Виноградов В. Н. Об участии Румынии в первой мировой войне... С. 61.
- ⁸⁴ Царская Россия в мировой войне... С. 224.
- ⁸⁵ Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. II. С. 50—51.

Восточная Галиция на историческом перепутье. 1910 — начало 1920-х годов

С началом Первой мировой войны вопросы национально-территориального размежевания в Европе приобретают особую актуальность. В этот период из категории научных и общественно-политических проблем они переходят в плоскость межгосударственных отношений.

В настоящей статье речь пойдет прежде всего об основных особенностях национально-политического развития и связанной с ним национально-этнической идентичности коренного населения Восточной Галиции, а также перспективах единства славянского населения этого края и России в начале XX в.

В отечественной литературе известны два взаимоисключающих подхода к национально-политической истории Восточной Галиции рассматриваемого периода. Согласно одному из них, восточнославянское население края — часть малорусской ветви русского народа, а территория Восточной Галиции — часть русской национальной территории. Согласно другому, это население — часть украинского народа, а Восточная Галиция, соответственно, принадлежит к украинской национальной территории. Первый существовал в дореволюционный период, второй получил распространение с 1920-х годов, монопольно господствуя и поныне. Происхождение и сущность противоречия между этими подходами мало изучены до сих пор.

Основные причины такого положения дел — политическая цензура, существовавшая до недавнего времени и защищавшая господствующую (фактически единственно признанную) концепцию, принятую в советский период. Имевшая мощную идеологическую базу в СССР, вторая из названных концепций подкрепляется и политической конъюнктурой, сложившейся в последние годы, после распада СССР и становления независимости Украины.

Целью настоящей статьи является рассмотрение сути и причин расходления концепций на основе сопоставления прежде всего неопубликованных ранее документальных источников — материалов из архивов дореволюционного российского МИДа (в частности, Особого политического отдела), отражавшего официальную позицию России по вопросам

национально-политической ситуации в Галиции, с одной стороны, и советских партийных документов — протоколов Политбюро ЦК РКП(б), а также опубликованных государственных документов, дающих представление о позиции советского руководства — с другой. Материалы Особого политического отдела российского МИДа вызывают значительный интерес прежде всего самой подборкой наиболее важных, «ключевых» для осмыслиения рассматриваемой темы документов. Многие из них к тому же проходят под грифом «секретно», что говорит в пользу их большей достоверности. Из советских документов партийные материалы — первооснова для осмыслиения позиции руководства по национально-территориальным проблемам Восточной Галиции.

Дореволюционная документальная база по исследуемому вопросу значительно обширнее, чем доступные архивные документы советского периода, что сказалось и на структуре настоящей статьи. Если реконструируемая «ткань» дореволюционного периода достаточно «плотная», «насыщенная», «прочная», то вторая, советская часть асимметрична: меньше «по размеру», значительно «тоньше», с «белыми пятнами», частично восполненнымми литературой, в которой, впрочем, национально-политическая история Восточной Галиции рассматривается в основном с позиций революционной борьбы.

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. к Австрии отошли районы, которые и составили позже австрийскую провинцию Галицию. Восточную часть Галиции населяло униатское по вероисповеданию население, которое в соответствии с глубокой исторической традицией «считает и называет себя русским ("русский", "русин"), а в литературе часто обозначается как "русины"¹. Западную часть Галиции населяло преимущественно католическое население, относимое на основе вероисповедания к польскому. Исторически сложившееся господство польского помещичьего землевладения на всей территории Галиции явилось важным фактором формирования этносоциальной ситуации в крае. Господство польского элемента в экономической и политической жизни всей Галиции было фактически безраздельным и исключительным сверху донизу, чему способствовала политика, проводимая в крае правящими кругами империи. Для русинов, представленных практически лишь малоземельным крестьянством и униатским духовенством (в основном низшим), место в социально-классовой структуре и этно-религиозная принадлежность являлись почти тождественными понятиями. Укрепляя позиции австрийского

элемента в сфере высшего управления в крае, австрийские правящие круги не противодействовали ассимиляторским устремлениям польских господствующих классов в отношении коренного восточнославянского населения — русинов. В то же время, учитывая непримиримую позицию польских помещиков и аристократии по отношению к этно-религиозным и социальным интересам русинов, а также рост социально-классовых противоречий между господствующими социальными слоями в Галиции (почти исключительно польскими по национальному составу) и крестьянским населением (как униатским, так и католическим), австрийские правящие круги добились разделения галицкого населения на два обособленных этно-религиозных лагеря.

Сравнительно низкий уровень национального самосознания населения всей Галиции, где вероисповедание выступало ведущим критерием национальной принадлежности населения, свидетельствует о незавершенности процессов национальной консолидации в крае. Сохранилась самобытность этноязыковых групп как среди католического населения — галицкие мазуры, гурали (горали), краковяки (краковяне), так и среди униатского населения — лемки, бойки, гуцулы, подоляне и т. д. Униатское население являлось продолжением восточнославянского этнического массива Подолии, Волыни, Холмщины в границах России. В научной литературе термин «русины» закрепился за восточнославянским населением Австро-Венгрии (австрийские провинции Галиция, Буковина, а также венгерская — Угорская Русь), именуемым также в работах некоторых исследователей малороссами.

Накануне войны

Интерес к Галиции в России со стороны внешнеполитического (как и военного) ведомства начал проявляться еще непосредственно перед войной. В папках Особого политического отдела российского МИДа представлены достаточно полные сведения о национально-социальной ситуации и внутриполитическом развитии Галиции как накануне, так и в ходе войны.

В депеше из Вены российского представителя князя Урусова от 29 мая (11 июня) 1910 г. приводится приблизительная численность русских в крае, говорящих на малороссийском (т. е. невеликорусском) наречии, — около 3 млн человек. Это население «сознавало себя принадлежащим к

семье Великого Русского народа» и признавало свою национальную и культурную связь с Россией².

О принадлежности к русской национально-этнической общности коренного населения Восточной Галиции свидетельствуют все предвоенные (как и военные) документы. Так, в докладной записке в МИД члена Государственной думы графа В. А. Бобринского от 26 мая 1913 г., изучавшего в течение 5 лет ситуацию в крае и лично посетившего Восточную Галицию в предвоенный период, констатируется, что в Галиции проживает коренного русского населения: в восточной части — 3 500 000 чел., в западной — 200 000 чел. Местные русские относятся к малороссийской ветви русского народа³. То же находим в депеше гофмейстера М. Н. Гирса из Вены, данных П. Казанского предвоенного и военного времени и др.⁴ Надо сказать, что такая этническая атрибуция коренного населения Восточной Галиции не составляла тайны для широкой общественности стран Европы и России. Согласно принятой как в отечественной, так и в зарубежной науке классификации, среди восточнославянского населения выделялись белорусы и малороссы, относимые тогда, наряду с великорусами, к русскому населению⁵. К малороссам причислялись и русины — коренное население «закордонной Руси», т. е. восточнославянских земель в составе Австро-Венгрии⁶. Согласно всероссийской переписи населения 1897 г., например, русское население подразделяется на великорусов, малороссов, белорусов и языки, соответственно, — великорусский, малорусский, белорусский⁷. В австро-венгерских переписях, в том числе последней 1910 г., коренное восточнославянское население на основе родного языка обозначается как русское⁸.

Немногочисленные украинские авторы того времени, деятельность которых носила более общественно-политический, нежели научный характер, также говорят о русинах-малороссах, отождествляя их, однако, с украинским населением. Так, один из идеологов украинского культурно-политического течения М. Грушевский, российский подданный, перешедший на австрийскую службу в Восточной Галиции, констатирует: «В Галичине (Восточной Галиции. — В. С.) по старой традиции термины — Русь, русин, русъкий обозначают национальность малорусскую (украинскую по принятой теперь терминологии)⁹. Ему вторят тогдашние украинские деятели в России, говоря о русинах Галиции как “об общеукраинском населении с Россией”¹⁰. Украинские советские авторы относят Восточную Галицию к западно-украинским землям, а ее коренное насе-

ление — к украинцам, избегая термина “русины” и заменяя его обычно на “галичане”¹¹.

Если высшее униатское духовенство, тесно связанное с польскими общественно-политическими, католическими кругами и во многом зависимое от них, стремилось укрепить позиции униатства, максимально приблизить его к католицизму, то широкие массы крестьян-униатов и низшее духовенство (мало чем отличавшееся по социальному уровню от крестьян) тяготели к православию. В документах отмечается, что, хотя официально галицкие русские и относились к униатам, «простой народ считает себя православным»¹². В связи с этим весьма интересно послание обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера к министру иностранных дел С. Д. Сazonovу 17 декабря 1913 г. под грифом «Весьма секретно», в котором он просит оказать материальную помощь православным священникам и иеромонахам в Галичине и Угорской Руси, подчеркивая, что там «движение от унии к православию идет быстрыми шагами вперед, а следовательно, растет и потребность в священниках»¹³. Об этом же неоднократно свидетельствует в своих записках накануне войны в МИД России В. Бобринский. Он подчеркивает, что «за последние десять — тридцать лет многие села и даже округа Галичины и Угорской Руси открыто порвали с Унией и вернулись в лоно православной церкви»¹⁴, а старшее поколение униатского духовенства «явно тяготеет к православию»¹⁵. Униатское же население Лемковщины (историко-географическая область в Западной Галиции) «сплошь готово перейти в православие... как только будет достаточно священников»¹⁶. Высшее же униатское духовенство во главе с епископом графом А. Шептицким при поддержке Вены стремилось остановить этот процесс перехода униатов «в схизму» (православие)¹⁷. В Галиции «православие преследуется беспощадным образом, ни во Львове, ни в Галиции нет ни одного православного храма»¹⁸. Тенденция к религиозному единению русин с Россией проявилась с особенной силой после начала войны и вступления русских войск в Галицию.

Из документов следует, что понятие «украинофил», «украинец» возникло в Галиции и Буковине во второй половине XIX в. Украинофильство, украинство выросло из украинофильского литературно-культурного течения конца 60-х годов XIX в., не имевшего сколь-нибудь прочного влияния и корней в крае, но поддержанного политиками Вены и польскими политическими деятелями в своих целях. Украинофильское политическое течение было инспирировано австрийскими властями при со-

действии польских политических кругов, дабы «обосновать русских в Галиции и Буковине от их единоплеменников в соседней империи». В секретной записке коллежского асессора П. Казанского от 11 августа 1913 г. о русском влиянии в Галиции говорится о том, что центральная австро-венгерская власть «искусственно создала и поддерживает среди малороссов так называемую украинскую партию. Образовавшаяся из чисто литературного направления, питавшегося несбыточной мечтой о воссоздании старой “самостийной” Украины, партия украинцев, благодаря субсидиям венского правительства превратилась в двадцатом столетии в могущественную политическую организацию, располагающую газетами, книжными магазинами, множеством народных читален (Общество “Просвіт”) и сельских кооперативных учреждений. При помощи своих сельских учреждений украинская организация привлекла на свою сторону многих малороссов-крестьян, а в последнее время начала производить даже попытки распространить свои политические утопии в наших малороссийских губерниях». Австрийское правительство произвело «раскол среди малороссов образованием украинства, одинаково враждебно относящегося к полякам и России»¹⁹. Все дело народного просвещения австрийское правительство передало «в руки поляков и украинцев», и преподавание русского языка отсутствует повсеместно²⁰. Относительно же создаваемого в Галиции украинского литературного языка в документах отмечается, что в нем грамматическое правописание (весьма близкое к русскому литературному языку) заменено фонетическим, и существуют планы перехода правописания с кириллицы на латиницу²¹.

Этому описанию созвучны сведения, приводимые об украинофильстве русским филологом В. И. Кельсиевым, посетившим Галицию в середине XIX в. До своего приезда в Галицию автор, по его собственному признанию, был «искренним украинофилом», но в ходе пребывания в крае кардинально поменял свои убеждения. Он свидетельствует, что галицкие русины-малороссы говорят по-малорусски, «по-хохлатски»²², «западным наречием, более близким к нашему книжному языку, чем украинский» (язык Поднепровья. — В. С.)²³. После польского восстания 1846 г. «Вена была глубоко благодарна здешним русским за выручку»²⁴. Правительство разрешило изучать в гимназиях русский язык, появилась своя литература, журналы²⁵. Но соседство с поляками и немцами удерживало этот язык в «доломоносовских формах»²⁶. Волей-неволей русские пишут варварским языком, несовершенство которого осознают са-

ми²⁷. «Смешайте этот малорусско-латинский синтаксис с народным великорусским — и вы придетете к чисто литературному языку»²⁸. Литературный же язык с его церковнославянской примесью слаживает различия обоих наречий — южнорусского и великорусского — «и действительно должен быть общим для обоих русских племен»²⁹, пишет Кельсиев. Он считает, что если убрать польское и немецкое влияние, язык русинов «сведется прямо на язык наших летописей и будет разниться от северных русских наречий только произношением некоторых гласных»³⁰. Тем более, что современный русский литературный язык в России возник, по его признанию, едва ли не при преобладании малорусских наречий, а русские писатели XVIII в. на девять десятых — южнорусы³¹. Русские в Галичине говорят и пишут по-своему, но приняли орфографический принцип письменного языка, поэтому «и мы можем понимать их, и они выучиваются читать по-нашему»³². Кельсиев полагает, что северорусы и малорусы находятся «в том периоде, когда могут слиться и разделиться без особых усилий. Но нужно ли и стоит ли разделяться?»³³ Представители же польских политических кругов требуют очистить Русь и русский язык в Галиции от всякого москальства, русскую азбуку изгнать из школы, «а ввести латинскую и писать тем языком, которым народ говорит, с соблюдением всех особенностей его произношения»³⁴. Украинофилы, в свою очередь, считают, что, поскольку население края не знает русского «книжного» языка, следует принять фонетическое правописание, так называемую «кулишёвку»³⁵. Согласно Кельсиеву, принятие «кулишёвки» означает заново начать историю южнорусов³⁶. В итоге, подчеркивает он, «украинство есть отрешено от истории во имя ультрачистоты провинциального говора. Оно оборвалось в Галиции именно по своей исключительности, потому что оно отрицает прошедшее южнорусского народа и отрезывает его не только от нас, но и от всего славянства»³⁷. «Из языка хохлов, — подчеркивает Кельсиев, — также легко создать особый язык, как из языка пошехонцев, богомазов, архангельских кровельщиков и т. д. и т. д., создать особое наречие. Назначьте мне любой великорусский уезд — через полгода я разовью вам наречие этого уезда в особый литературный язык, ничем не похожий на наш общерусский»³⁸. В Галиции «украинофильство есть, а идеи украинофильской нет, да и быть не может», — продолжает Кельсиев³⁹. «Ни в кои веки Малороссия не встанет против Русского государства, — заключает он, — как ни в кои веки Прованс не отделится от Франции»⁴⁰. Украинофильство, может быть, и

могло бы развиться в Галиции, рассуждает Кельсиев, «но украинство явилось в Галичине в образе повстанцев, католиков и шляхты, студентов, которые кричали о союзе Руси с Польшей и которые думали влиять на здешних священников восстановлением унии. Уважение они к себе потеряли и доверие утратили»⁴¹. «Украинофильство, рассказывают здесь, вышло из России, до шестидесятых годов о нем никто здесь и понятия не имел», и вскоре пришло в упадок⁴².

Документы свидетельствуют, что развитие украинского литературного течения в культурно-политическое в конце XIX в. связано с именем М. Грушевского, вложившего много сил и личных средств в развитие украинской идеи в Галиции⁴³. Австро-венгерская среда стала весьма благоприятной почвой для семени украинства, привнесенного из российской Украины. В депеше Гирса из Вены от 22 июня (5 июля) 1911 г. читаем: «Украинское движение (политическое. – В. С.), как известно, возникло в Австрии в начале 80-х годов, причем оно, собственно говоря, было занесено туда из России, но в Австрии, поддерживаемое, с одной стороны, правительством как средство бороться против польского влияния, с другой стороны, теми же поляками как противовес могущему возникнуть русскому движению и как способ получить влияние в русской Украине»⁴⁴. Предвоенные документы содержат сведения о том, что мазепинцы в Галиции получали указания и значительные субсидии из фондов австрийского и германского правительства и даже из России⁴⁵.

Насколько же сильны были позиции украинофилов в Галиции накануне войны? Социальной базой движения являлась прежде всего интеллигенция, высшее униатское духовенство. В крестьянскую среду оно лишь начинало проникать⁴⁶. Бобринский в связи с этим писал: «Можно считать, что ныне две трети интеллигентии исповедуют (отчасти искренно, отчасти притворно) украинское учение и лишь одна треть осталась верной исконным началам русского народа и неразрывно с ним связанный православной вере». Ему вторил корреспондент «Нового времени» в Вене Д. Г. Янчевский, утверждавший в письме от 9 мая 1913 г.: «Некоторые видные мазепинцы прямо заявляют, что они станут русскими лишь только увидят в Галиции [носителя] русского языка»⁴⁷. Составители докладной записки Бобринского о ситуации в Галиции свидетельствуют, что «Янчевский верно подметил настроение многих вождей украинства, людей свое-корыстных и продажных». «Как ни искусственно и ни поверхностно украинство Восточной Галиции и Буковины (в Лемковщине и в Угорской

Руси украинства пока совершенно не существует), — отмечают они, — все же мы не можем к нему оставаться равнодушным, так как оно питает такое же болезненное движение среди радикальной интеллигенции и даже среди части духовенства нашей Малороссии». Считая идею «самостийной» или даже автономной Украины, проповедуемой в Австрии, «бессмысленной фантазией», составители записки уверены, что «украинское мазепинство и у нас в России приносит много вреда, губит много молодых сил и ослабляет мощь единого русского народа». Указывается, что в Австрии сильно рассчитывают на украинскую идею в России в случае войны. «Мы положительно утверждаем, — продолжали аналитики, — что украинство почти не коснулось крестьянства. Для карпато-русского крестьянина австро-венгерский император является временным обладателем... в его сознании Белый Царь есть его природный русский и православный государь». Авторы записки свидетельствуют, что даже украинские агитаторы называют местных крестьян «руськими людьми», «руським народом», не решаясь произносить слов «Украина» или «украинский». «Имя же Мазепы в Галиции, как и в нашей Малороссии, — пишут составители, — у крестьян служит синонимом негодяя или христопропавца... Для нас, близко знающих Прикарпатье, совершенно очевидно, что подавляющее большинство крестьян стоит и будет стоять за русское единство... И беспокоит нас не крестьянство. Нам страшно за интеллигенцию, а без образованных русских людей и крестьянство через какие-нибудь 30—50 лет погибнет для русского дела»⁴⁸.

Помимо активной поддержки правительства, одна из причин роста украинского движения — его социальный радикализм, не останавливающийся перед «насильственным отчуждением крупной земельный собственности». Документы объясняют это тем, что «галицким украинцам, которые в большинстве состоят из крестьян и низшего класса интеллигенции, приходится все время сталкиваться в борьбе за существование с более консервативными польскими кланами, которые держат в своих руках всю политическую и экономическую жизнь страны». Не случайно «поляки увидели опасность для всего политического строя Галиции»⁴⁹.

Социал-радикализм украинофилов вызвал обеспокоенность не только у поляков в Галиции, но и у представителей властных структур в России. Последние считали, что «украинофильская партия это социал-революционный очаг на нашей границе»⁵⁰. Поддерживая русское дело в

Галичине, «мы работаем для нашей национальной самообороны, независимо от вопроса государственного воссоединения с нами Червоной Руси»⁵¹.

Русская идея в Галичине имела свои исторические корни. На основе глубокой исторической традиции в XIX в. сложилось культурно-политическое течение, получившее название «русофильство», или «московофильство», обозначаемое в документах и как «русская партия». Документы говорят о том, что русская партия возникла на основе естественного русофильства населения Галицкой Руси, более-менее отчетливо проявляясь как политическое течение с появлением национальной интеллигенции, связывающей национальные интересы русин с Россией. В отличие от социал-радикалов украинофилов, русское движение придерживалось в целом умеренных взглядов относительно социально-политического развития общества и твердо ориентировалось на «национальное и культурное единство всех трех русских племен велико-, бело- и малорусского»⁵².

Первый в историографии опыт дать цельное изложение истории русского движения в Галичине на протяжении последних двух столетий был предпринят в работе Н. М. Пашаевой⁵³. На август 1913 г. «численность русской партии определить довольно трудно, — пишет она, — но с вероятностью следует предположить, что в настоящее время приблизительно половина малороссийского населения Галиции принадлежит или сочувствует русской партии, остальные малороссы примыкают к украинцам и полякам»⁵⁴. (Во многих других документах подчеркивается русофильство подавляющего большинства крестьян Галиции⁵⁵.) Русофильская партия возглавлялась той частью интеллигенции русинов, которая не примкнула к украинофилам, но «эта треть, страшно угнетаемая властями, нравственно гораздо сильнее украинцев, ибо в своих руках она естественно собрала все, что сильно духом и убеждением, все, что независимо и неподкупно»⁵⁶.

Стремление русофилов обеспечить признание за русинами права на самостоятельное национальное развитие в соответствии с исторической традицией с самого начала встретило противодействие со стороны польских политических кругов, рассматривавших русинов как часть «исторической польской народности». Как следует из документов, после «галицийской резни» 1846 г. австрийские правящие круги признали полезным для себя не препятствовать национально-культурному развитию карпаторусов Галиции, используя их в качестве противовеса идеям восстановления независимой Польши. Однако вскоре в Вене сочли опасным для Габс-

бургской монархии «духовное и племенное родство такого многочисленного населения... с Россиеей». И в противовес развитию русской национальной идеи и русской партии, австрийское правительство при поддержке польских политических кругов из слабого украинофильского культурно-литературного течения создало политическую партию. По мере ее укрепления польские верхи увидели для себя социальную и политическую опасность со стороны украинофильства и пошли по пути «более терпимого отношения к Русской народной партии». «Однако русское движение, — как указывается в документах, — получило, благодаря поддержке из России и присутствию во главе его способных деятелей, как Марков и Дудыкевич, большое развитие, и вызвало опасение, как со стороны поляков, так и со стороны австрийского правительства». Последнее, видя в нем проявление «русского ирредентизма», прибегло по отношению к нему «к самым строгим репрессивным мерам». Поляки же поддержали в этом правительство, опасаясь усиления русских. Они постарались «вызвать разногласия среди русских». Им удалось договориться «с более умеренной русской группой», объединявшейся вокруг газеты «Галичанин», которая была готова довольствоваться признанием русской национальности в Австрии, и «отделить ее от остальных русских». Другая, большая часть русской партии, группировавшаяся вокруг газеты «Прикарпатская Русь», была более радикальна в вопросах национального самоопределения и вела постоянную «ожесточенную полемику с “Галичанином”». «Таким образом, русские в Галиции, разъединенные между собой, не могли устоять против натиска правительства, поляков и украинцев, и им удалось провести всего одного депутата в Рейхсрят». В то же время, как писал накануне войны Гирс, «поражение это... не может уничтожить русского движения в Галиции, являющегося результатом естественного пробуждения национального чувства среди русского населения. Наоборот, оно может привести к его усилению и большей сплоченности, так как русские люди убедятся, что им следует рассчитывать только на себя и на поддержку из России»⁵⁷.

Российская общественность к началу XX в. была крайне слабо осведомлена о перипетиях социально-политической и культурной борьбы своих сограждан за национальную самобытность в Галиции⁵⁸. Лишь после посещения края в 1910-е годы российскими общественно-политическими деятелями во главе с графом В. Бобринским в Петербурге было

учреждено Русско-галицкое общество и началась материальная (денежные субсидии) и моральная (культурно-просветительного характера) поддержка местного русского культурного течения, правда, довольно ограниченная. «Этот небольшой край, — свидетельствуют документы, — с двумястами тысяч жителей является оплотом русского дела в Галиции — тут украинцев можно пересчитать по пальцам — это несколько священников и учителей»⁵⁹. Однако средств для развития русских культурных и экономических организаций не хватает (при том, что югославянам, например, из России поступают громадные суммы)⁶⁰, а украинские кооперативы, субсидируемые австрийским правительством «благоденствуют и вербуют новых членов».

Во всех изученных нами предвоенных документах МИДа подчеркивается, что речь может идти только о культурно-просветительной и экономической поддержке русского населения в Галиции и Буковине, но не о политической. «Конечно мы не должны и не можем официально поддерживать это движение, ни развивать среди населения надежды на отделение от Австрии»⁶¹, — писал Урусов. «Иначе при теперешней политической обстановке может только пострадать от преследований австрийского правительства русское население»⁶², — вторил ему Гирс. Хотя Россия, безусловно, была заинтересована в сохранении и развитии русофильства среди населения пограничных территорий Австро-Венгрии, в документах нигде не прослеживается стремления правящих кругов России к объединению «всех русских земель» с Россией или обеспечению торжества русской идеи в австрийской Галиции. Для правящих кругов России социальные и государственные ориентиры оказались превыше собственно национальные (русские), что получило отражение во внешней политике государства как в предвоенный период, так и во время начавшейся войны.

* * *

Культурно-политическое течение украинофилов (украинцев) выросло в Восточной Галиции из литературно-культурного течения конца 60-х годов XIX в., не имевшего сколько-нибудь прочного влияния и корней в kraе. Оно было преобразовано в культурно-политическое течение и использовано венскими и польскими политическими кругами с целью обособить русинов Галиции и Буковины от их единоплеменников в России. Социальную базу украинофилов составила большая часть интеллигенции русинов, высшее униатское духовенство. В крестьянскую среду укра-

инофильство лишь начало проникать, причем рост его влияния в ней был обусловлен не национально-культурными потребностями, а социальным радикализмом украинофильства, не исключавшего насилиственный передел земельной собственности.

Российская общественность в целом была слабо осведомлена о национально-политической ситуации в Восточной Галиции.

Хотя в России никогда не угасала память о древнерусском наследии в Карпатах⁶³ в 1910–1913 гг. у Петербурга не было планов присоединения Восточной Галиции к России. Россия не была готова к войне с центральными державами и не желала каких-либо обострений в отношениях с Веной из-за Галиции⁶⁴. Российский МИД колебался в определении своей позиции по галицийскому вопросу. Похоже, возможность осуществления территориального переустройства Восточной Европы застала его врасплох.

Первое вступление русских войск в Галицию

Идеи национально-территориального размежевания в ходе начавшейся войны могли служить средством реализации и формой прикрытия geopolитических интересов воюющих сторон. Для России, например, был важен выход к Карпато-Дунайскому региону, для австро-германцев — доступ к Черноморскому бассейну. В этих целях соперниками был реанимирован и польский вопрос*, и вопрос о единстве малорусского (или украинского) этноса в пределах России или же под австро-германским контролем**. Однако, планы территориального переустройства и соотношение их с национальным вопросом определялись и корректировались ходом военных действий.

Для ведения боевых действий с Австро-Венгрией в России был создан Юго-Западный фронт. Уже 5–6 (18–19) августа 1914 г. начались ак-

* Позиция России, предполагавшая объединение всех польских земель в своих границах, выгодно отличалась от планов Германии и Австро-Венгрии, которые не могли обещать подобного, не задевая интересов друг друга. В самом начале войны, 14 августа 1914 г., Верховный Главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич обратился к полякам с воззванием, которое провозглашало одной из задач войны объединение всех польских земель под властью России.

** С этой целью культивировались различные национальные идеи, — соответственно, общерусского или общеукраинского характера.

тивные боевые действия. 3-я и 8-я армии под командованием генералов Н. В. Рузского и А. А. Брусилова развернули наступление в Галиции. Австро-венгерские соединения начали общий отход на Городецкую позицию западнее Львова. 20 августа (2 сентября) русские заняли Галич, а 21 августа (3 сентября) вошли во Львов. Под угрозой полного окружения австрийцы в ночь на 30 августа (12 сентября) начали общий отход всех армий за р. Сан. Город-крепость Перемышль был осажден русскими (взят в начале 1915 г.). Русские войска заняли почти всю территорию Галиции.

Успехи русских армий в Галиции потребовали конкретизировать задачи российской политики в отношении занятых областей. Уже через несколько дней после начала успешного продвижения русских войск в Галиции, 11 августа 1914 г., в штаб Юго-Западного фронта был направлен наказ Министерства иностранных дел. В нем предписывалось предупредить войсковые части, что население занимаемых областей Галиции и Буковины «состоит в большинстве из русских», в связи с чем необходимо особенно гуманное отношение к мирным жителям, а также пленным, среди которых могло быть немало славян⁶⁵. Более того, в наказе подчеркивалась желательность оказания помощи населению «как русскому, так и польскому, чтобы привлечь его на нашу сторону». Эта политическая линия российских властей по отношениям к мирному населению находит свое подтверждение в многочисленных документах рассматриваемого периода.

Наказ обязывал временно приостановить деятельность всех существующих в занятых областях общественных организаций, а войскам охранять их имущество (в том числе и антироссийских организаций).

В наказе предписывалось проявлять непримиримое отношение к украинским политическим организациям. Пункт об «украинском сепаратистском движении» гласил: «Отнюдь не может быть допущено какое бы то ни было проявление этого движения как подрывающего единство русского племени. Искусственно созданное австрийским правительством в целях борьбы против всего русского в Галиции и Буковине, движение не может быть ни в коем случае терпимым. В Галиции, Буковине и Угорской Руси — одно русское население (а не разные рутены или русины). В этом отношении не следует признавать также существование отдельного “украинского” наречия (украинской “музы”)»⁶⁶. Надо сказать, что российские власти и тогда не выступали против признания местного наречия как такового. Речь идет о местном «украинском литературном языке»,

или «украинской муве», распространение которой было тесно связано с идеями украинофильства.

Наказ предписывал крайне осторожное и уважительное отношение ко всем конфессиям. Он предполагал идти навстречу желаниям униатов принять православие, «однако, отнюдь не должно быть применяемо насилиственное обращение». Это же касалось и местных католиков⁶⁷.

Тогда же, в середине августа, в МИДе был подготовлен проект временного положения об управлении областями Австро-Венгрии, занятых по праву войны. Проект предусматривал образование на территории Галиции генерал-губернаторства, глава которого — генерал-губернатор — был наделен широкими полномочиями. Проектом предусматривалось проведение скорее осторожной, нежели активной политики, при этом в ней не просматриваются четкие национально-политические ориентиры. Предполагалось оставить в силе все местные (т. е. австрийские) законы до специального распоряжения генерал-губернатора. Официальным языком объявлялся русский, но генерал-губернатор мог разрешить пользоваться и местными языками (т. е. малорусским, польским, немецким). Помощь населению оказывалась без различия общественного состояния, национальности и вероисповедания⁶⁸. 19 августа проект был утвержден Верховным Главнокомандующим. Генерал-губернатором Галиции стал граф Г. А. Бобринский.

Судя по отношению российских оккупационных властей и русских войск к населению края, наказ МИДа от 11 августа был принят к исполнению. Если при вступлении русских войск в Галицию настроение населения было сдержанно выжидательным⁶⁹, то по мере закрепления русской армии в крае позиция населения становится более определенной.

Даже по сведениям, исходящим от украинских кругов, явно враждебных России, следует, что русские «войска и военное начальство оставили в населении всех национальностей и вероисповеданий самые отрадные воспоминания, которые не только не сглаживаются с течением времени, но становятся все более и более яркими... Русские войска вступили во Львов с пением малорусских песен, т. е. тех же украинских, население приняло их таким образом не как победителей, а как освободителей. Поведение солдат одобряется всем населением безусловно. Неизбежные случаи насилия были ничтожны. Поведение военного начальства отличалось всегда полной терпимостью, как в национальном, так и в религиозном отношении»⁷⁰. Офицеры старались говорить с населением на местном

наречии. Военные власти были готовы допустить деятельность даже украинских газет⁷¹.

При вступлении же русских войск в Западную Галицию, как свидетельствуют очевидцы в российских источниках, прием был радушным «среди самых различных слоев населения. Даже польские крестьяне... встречали русские войска с радостью, как освободителей от помещичьего гнета». И если польская интеллигенция смотрела «косо», то польские помещики, ксендзы, учителя были, зачастую, настроены благожелательно. «Что же касается до хлопов (крестьян-поляков), то их отношение к русским войскам не оставляло желать лучшего». Исключения лишь подтверждали правило. Крестьяне-поляки «чистосердечно жаловались» на свое житье, «на свое крайнее безземелье, на свою полную, часто кабальную зависимость от панов-помещиков». Во многих деревнях «крестьяне с завистью говорили о сравнительно лучшем положении их братьев, польских крестьян в России»⁷².

По сведениям украинских источников, в начале русской оккупации Галиции «настроение всего населения обеих национальностей (русской и польской. — В. С.)» по отношению к России было таково, «что в Вене серьезно задумывались над тем, стоит ли вообще отстаивать Галицию, население которой уже потеряно для Австрии и вообще не оправдало возлагавшихся на него надежд»⁷³.

Как отмечал в своем отчете по управлению краем Г. А. Бобринский, с началом войны началась усиленная политическая деятельность «украинцев», которые призывали всех малорусов к восстанию против России, образовывали «сечевые» и «стрелецкие» отряды, вошедшие в состав австро-венгерской армии⁷⁴. Поляки же, по оценке Бобринского, к приходу русских войск отнеслись весьма сдержанно, выжидая, какое направление примет русская политика в Галиции. Они разделились на два лагеря — германофильский и славянский. Евреи «не могли благожелательно относиться к занятию этого края Россией, законодательное и общественное мнение которой не обещало им того положения, которое они занимали в Галиции. В политическом отношении поэтому евреи примкнули к тем украинским и польским партиям, которые были России враждебны»⁷⁵. Среди арестованных и высланных российскими властями из прифронтовой полосы за шпионскую и диверсионную деятельность евреи абсолютно преобладали⁷⁶. Впрочем, еврейское население не проявляло открытой неприязни к российским военным и гражданским властям⁷⁷.

Завоевание доверия возможных будущих подданных Империи без различия социального положения, национальности и вероисповедания явилось принципиальной политической линией российских властей в крае. Исключение составляли лишь деятели украинского политического движения, само существование которого было неприемлемо для российских властей.

По мере военных успехов русских войск в Галиции в 1914–1915 гг. конкретизировались и планы территориальных притязаний России. Петербург (Петроград), стремившийся использовать «польский фактор» в борьбе с центральными державами, не мог не считаться с интересами польской элиты Галиции. В связи с этим для российских правящих кругов, строивших планы «слияния края с империей», важным являлся вопрос разграничения сфер российских и польских интересов в занятых областях. Свое выражение «программа разграничения» в самых общих чертах получила в заявлении Бобринского от 10 сентября 1914 г. во время его встречи с делегацией польской общественности в занятом русскими войсками Львове. Делегации было дано понять, что восточная Галиция и Лемковщина рассматриваются как «коренные русские области» и являются бесспорным достоянием России. Там будут введены русская система законодательной и исполнительной власти, русский язык в качестве официального и т. д.⁷⁸ Что касается Западной Галиции, населенной в основном католиками- поляками, то по мере занятия ее русскими войсками, предполагалось «применять начала, объявленные в воззвании Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича польскому народу»⁷⁹. Предложение создать второе генерал-губернаторство на западе с польским меньшинством поступило в МИД от русских военных властей в Галиции еще 10 сентября 1914 г. При этом рубежи разделения Галиции на восточную (русскую) и западную (польскую) не оговаривались. Так же осторожно была сформулирована программа территориальных притязаний России ее министром иностранных дел С. Д. Сазоновым послам союзных держав⁸⁰. Как видим, речи нет о Буковине и Угорской Руси (также населенных русинами), куда русские войска пока не вошли. Вообще, создается впечатление, что в России не были готовы к таким масштабным успехам наступающих русских армий в Галиции.

Занятие русскими войсками всей Восточной и большей части Западной Галиции позволило вглубь приступить к реализации планов «слияния края» с империей. Особенности политики царских властей в Восточной Галиции накануне и в годы Первой мировой войны рассматриваются

в монографии Ю. А. Бахтуриной, одной из первых работ по данной проблематике⁸¹. Еще 1 сентября 1914 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н. Янушкевич откомандировал во Львов камергера Базили для изучения и оценки обстановки. Как следует из докладной записки Базили от 16 сентября, для осуществления интеграции края с империей национально-политическая ситуация в нем складывалась довольно благоприятная. В частности, Базили отмечал: «Русская крестьянская масса, составляющая около 65% населения Восточной Галиции, нам несомненно симпатизирует. Говоря об отношении ее к нам, нельзя, впрочем, не считаться с долголетней работой против нас украинцев. Для искренения их влияния и, вообще, в целях сразу привлечь доверие населения необходимо ныне же на деле доказать благожелательность и заботливость русской власти по отношению к Галичине, так долго ожидавшей воссоединения с Россией»⁸². В записке подчеркивается необходимость действенной помощи населению, в том числе ассигнований, которые безусловно оккупятся⁸³.

Относительно украинцев Базили указывал, что вожди украинофильства бежали с австрийцами, а деятельность украинских организаций, школ, печати российские власти прекратили (в том числе «Просвіти», — главного органа борьбы против России в сфере культуры). «Будучи лишь орудием созданным венским правительством и не имея никаких реальных оснований в русском населении Галиции, украинство, по-видимому, — считал Базили, — замрет само собою, если мы не допустим, чтобы его питали поляки»⁸⁴. В связи с этим интересны сведения, приводимые начальником Бродского уезда Восточной Галиции Б. Н. Евреиновым. «Из моих разговоров с крестьянами, — сообщал он, — я мог усвоить лишь то, что они никакого представления не имеют о сущности украинства или мазепинства»⁸⁵.

«По-видимому, более умеренная часть поляков, — писал Базили, — довольно легко примирится с необходимостью отказа от притязаний на Восточную Галицию, если они убедятся, что их пожеланиям дано будет удовлетворение в землях с действительно польским населением, и в частности в Западной Галиции»⁸⁶. В области религиозной чиновник рекомендует «не спешить с обращением униатов в православие», чтобы не давать повода использовать это против русских властей в крае: «При умелой и осторожной тактике с нашей стороны народ, сам того не осознавая, вернется в лоно православия, из которого темные массы и не считают себя вышедшими, и униатство исчезнет само собой»⁸⁷. Б. Н. Евреинов в апреле

1915 г. также советовал не торопиться с переходом униатов в православие до конца войны: «Тогда униатство упразднилось бы совершенно само собою, так как для простого народа, для которого главную роль играет внешняя обрядовая сторона, разницы между униатской обрядностью и православной почти нет, догматы же его мало интересуют»⁸⁸.

Надо сказать, что добровольный массовый переход униатов в православие начался в период русской оккупации края⁸⁹. Лучших русских священников австрийцы увеличили, украинские бежали сами. Население без пастырей просит у русских властей православных священников. Власти отреагировали немедленно, и «незаметно униатские приходы один за другим переходят в православие». Среди оставшихся русских униатских священников есть такие, «которые открыто заявляют о своей готовности перейти в正宗 православной церкви»⁹⁰.

Получив докладную записку Базили, Янушкевич 19 сентября направляет в МИД письмо, в котором просит сообщить правительственный точку зрения по некоторым возникшим вопросам. Среди важнейших из них — польский вопрос, и в частности, выработка методов управления для Западной Галиции⁹¹. Другим вопросом является судьба русских наречий в Галиции⁹². Янушкевич выступает против украинских газет, украинского языка, в том числе в школах. В то же время он ратует за использование местного русского наречия и форм разговорного языка в крае «в духе вполне нам желательном», поскольку они не являются «орудиями политической против нас борьбы»⁹³. Как видим, здесь четко разделяются созданный на основе местных наречий «украинский язык» (средство национально-культурного отделения галицких малороссов от великорусов и белорусов, считавшихся единым народом) и собственно местные наречия, говоры, которые при соответствующей литературной обработке не противоречат основам устного и письменного русского литературного языка. (На это же указывали и тогда, и позже русские ученые-филологи⁹⁴.) «Определение правительственной точки зрения необходимо и в вопросе религиозном», — писал Янушкевич. После присоединения Галиции к России он считал также крайне важным решение земельного вопроса⁹⁵.

Резкий контраст политике российских властей в Галиции составили действия австрийских властей по отношению к своим же подданным, заподозренным в русофильстве. Террор австро-венгерских властей против русофилов во время войны принял формы массового геноцида, причем

большинство репрессированных были крестьянами. Террор затронул и польское население Галиции, которое подозревали в измене⁹⁶.

Вопрос массового антирусского геноцида в Карпатах практически не нашел отражения в литературе. А между тем его изучение имеет не только научное, но и большое общественно-политическое значение. Как свидетельствуют очевидцы, «над виновниками и вдохновителями преступлений никогда не состоялся суд... об этих преступлениях общественность мира почти ничего не знает... Совершались эти преступления в отношении... той части населения, которая называла себя русинами, руснаками или русскими и являлась автохтонным населением родной земли». Имела место «сплошная полоса неразборчивого в средствах бессистемного террора, через которую прошло поголовно все русское население Прикарпатья»⁹⁷. Австрийские власти рассматривали приверженцев русофильской ориентации как сторонников антигосударственного движения. Власти заранее, еще до войны, готовились использовать обострение отношений с Россией как повод к их разгрому. В начале 1912 г. администрацией на местах собирались данные о процентном распределении населения уездов по принадлежности к политическим партиям: 1) радикально-русофильской (партия В. Ф. Дудыкевича), 2) умеренно-русофильской (старорусской), 3) украинофильской. В ответ поступали сообщения о том, что «нет большой разницы между радикальными и умеренными русофилами, поэтому отличить одних от других невозможно».

С началом войны последовали массовые аресты русофилов — и по составленным заранее спискам, и без всяких списков. Аресты начались сразу в день объявления мобилизации. Галицкий наместник разослал инструкцию-телеграмму: «Всех арестованных политически заподозренных неблагонадежных русофилов и т. п., поскольку они еще не преданы военному суду, выслать немедленно во львовскую тюрьму; арестовать всех, кто только подозрителен»⁹⁸. Доносчикам платили по 10 крон за каждого русофила⁹⁹. После первых же успехов русских войск машина австрийского террора быстро набирала обороты. В приказе военного коменданта Львова от 15 августа 1914 г. под грифом «Строго секретно» говорилось о том, что русские войска «произвели на русофильское население Восточной Галичины, находившееся уже издавна в изменнических отношениях с Россией, огромное впечатление». В связи с этим он рекомендовал расстрел во Львове хотя бы 100 человек, избрав судей, которые, с одной сто-

роны, могли бы «освободить себя от ненужного формализма, с другой же стороны, будучи лишены всякой чувствительности, иметь в виду одно только благо государства»¹⁰⁰. Генерал Римль — один из комендантов Львова подчеркивал: «Если вообще возможно русских... исправить... то это возможно единственно при применении средств беспощадного террора... Проявляющиеся часто взгляды на партии и лица (“умеренные и русофилы”), принадлежат к области сказок; мое мнение подсказывает мне, что все “русофилы” являются радикальными и что следует их беспощадно уничтожать». Только «украинцы являются друзьями Австрии и под сильным руководством правительственные круги могут сделаться честными австрийцами». При этом генерал вынужден был с сожалением отметить: «Пока что украинская идея не совсем проникла в русское простонародье, тем менее замечается это в Российской Украине»¹⁰¹.

Драматизм ситуации был в том, что русины, считавшие себя русскими или украинцами, составляли один и тот же этнос и отличались друг от друга лишь своей национально-политической ориентацией. Главком австрийской армии эрцгерцог Фердинанд издал даже приказ о необходимости поставить в известность войска относительно отличий понятий «русин» и «украинец»¹⁰². Между тем, по оценке российской прессы галицко-русские деятели «действовали также на законной почве, как и другие труженики многочисленных австрийских народов. Но их несчастье заключается в том, что в их жилах течет русская кровь, и за это одно австрийский суд решил истребить их с лица земли»¹⁰³.

В силу естественного русофильства большинства русинов масштабы бесконтрольного террора австрийских гражданских и военных властей приобрели гигантские размеры — десятки тысяч убитых. С точки же зрения австрийского военного правосудия «в Австро-Венгрии никогда не было, нет и быть не может никакого русского народа, а есть лишь один верноподданный “украинский” народ. Поэтому кто лишь осмеливается признавать себя русским и употреблять русский литературный язык, уже тем самым совершают тяжкое государственное преступление»¹⁰⁴. В районах отступления австро-венгерских войск достаточно было крестьянам «при допросе офицера-мадьяра или немца, не понимающего совершенно русского языка, пролепетать фатальную фразу, что они всего только бедные русины», и их казнили. Трагической судьбы не избежали и целые селения, обвиненные в русофильстве¹⁰⁵. Петроградская газета «Речь» свидетельствовала,

что жандармам на местах приказано не церемониться, и они, «по-своему усмотрению, казнили всех заподозренных в симпатиях к русско-галицкому движению»¹⁰⁶. Были и случаи пыток перед казнью, в том числе врачей, юристов, писателей, художников (крестьян же убивали целыми десятками), имущество разграблялось. Еще более жестоко вели себя военные австрийские власти. Как показал свидетель — местный житель И. Н. Волк, в селе «всех вешали одной и той же самой петлей. По истечении пяти минут повешенного снимали и тут же, по приказанию присутствующего врача, пробивали штыком»¹⁰⁷. По свидетельству студента С., после боев у Гнилой липы и Николаева, «ныне нет села, где не было бы повешенных, зверски изувеченных, изнасилованных». В ряде местностей «были уничтожены дотла все села и деревни, истреблены и сожжены все дома, имущество разграблено и жители до единого перебиты... “Сведения о расправах” невозможно, хотя бы вкратце, зарегистрировать, — им нет конца». Женщин и девушки насиловали на глазах мужчин и отдавали в войсковые простиутки¹⁰⁸. В материалах очевидцев приводятся и фотографии повешенных в присутствии австрийской администрации детей¹⁰⁹.

Те же, кому «повезло» и их не казнили сразу, были отправлены в тюрьмы и концлагеря — Гнас, Эстергом, Оберголляйбрун, Экцендорф, Шатмар-Немети, Мискольч, Терезин и др., которые вскоре превратились в пункты физического уничтожения людей¹¹⁰. Самым известным был концлагерь Талергоф в Австрии, в котором имелись женские и детские бараки, и зимой 1914—1915 гг. каждый день умирало до 20—25 человек¹¹¹. По данным Российской администрации, с августа 1914 г. по июнь 1915 г. было арестовано и заключено в тюрьмы не менее 40 тыс. человек¹¹², а вероятно, и более, в одном Талергофе находилось свыше 30 тыс. узников. Уничтожено было не менее 60 тыс. человек мирного населения только в Восточной Галиции¹¹³. Общие же потери населения края, включая миграцию, составили до 0,5 млн. человек. Но хотя население опасалось «возвращения австрийцев и возмездия с их стороны» за свое русофильство, а «москофильская интеллигенция вообще малочисленная сильно поредела»¹¹⁴, все-таки большинство не боялись австрийского террора^{115*}. Однако,

* В 1917 г. под давлением неопровергимых фактов австрийское правительство было вынуждено осудить австрийский геноцид 1914—1916 гг. В парламенте были оглашены сведения о свыше 60 тыс. расстрелянных и повешенных и не менее 100 тыс. умерших в лагерях от истощения и эпидемий.

не все русины подозревались и преследовались австрийскими властями. Украинофилы и все украинские партии (т. е. русины австрофильской ориентации), напротив, пользовались постоянной поддержкой со стороны австрийских властей. Последние культивировали украинофильство в качестве средства для решения как внутриполитических, так и внешнеполитических задач. Австрийское правительство успешно использовало условия войны для насильтственного утверждения украинства как в Галиции, так и на занятых территориях России. Галицкие украинцы, находя в австро-германских покровителях опору для своего культурно-политического развития, в свою очередь, способствовали антирусским усилиям австрийских властей, открывающим простор украинизации края. В этом их цели полностью совпадали.

Очевидцы единодушны в том, что прикарпатские «украинцы были одним из главных виновников народной мартирологии карпаторусского населения во время войны» и «сыграли постыдную, подлую роль в отношении карпаторусского народа»¹¹⁶. Они заваливали доносами канцелярию военного коменданта Львова и канцелярии штабов корпусов. Почтовые чиновники свидетельствуют, что еженедельно поступали сотни писем украинцев к полицейским и военным властям. Не отставала и украинская пресса («Діло», «Руслан»), печатая «целые фельетоны о том, как вешали и расстреливали русских крестьян в провинции... и во Львове»¹¹⁷. Один из активных украинцев адвокат Феодор Ваньо из Золочева говорил: «Кто употребляет русский язык, не может быть хорошим австрийцем, хорошими австрийцами являются лишь украинцы»¹¹⁸. Военные формирования украинцев — «украинские сичевые стрельцы» — непосредственно принимали участие в массовом терроре против карпато-русов (среди украинцев искусственно прививались такие атрибуты казачества, как сечь, курень и т. д., совершенно чуждые Галиции). На Лемковщине украинцы были не местными, а пришлыми из Восточной Галиции, «их-то наши крестьяне... боялись больше мадьяр». В Турчанском уезде слово «украинец» «считалось кровной обидой, обиженный сейчас отвечал “ты сам украл, ты сам злодей”»¹¹⁹. Советские же украинские авторы, отождествляя всех русинов с украинцами, т. е. подменяя политическую принадлежность национальной, утверждают, что пострадало от австрийского террора украинское население края, что не соответствует действительности¹²⁰.

Кроме украинцев, вдохновителем кровавого террора “была значительная часть галицких поляков”¹²¹. Не остались в стороне и еврейские австрофилы¹²².

Деятельность российской администрации в Галиции была подчинена двум основным задачам: способствованию военной победы России и подготовке “ко времени мирных переговоров слияния края с империей в политическом и национальном отношениях”. Если выполнение первой задачи сводилось к тыловому обеспечению армии и поддержанию порядка, то вторая задача была более сложной. Русофильская ориентация большинства населения Галиции, наличие массовых организаций москофилов, стремившихся к сотрудничеству с российской администрацией, казалось, являлись гарантией осуществления политики российских правящих кругов по закреплению края за Россией. Австро-венгерский геноцид своей жестокой антирусской направленностью также склонял коренное население края в пользу России. Один из известных галицко-русских деятелей Д. Вергун писал в декабре 1914 г.: «Галицко-русское население, сравнивая свои порядки при австрийском владычестве с порядками в смежных губерниях России, ничего так пламенно не желало, как того, чтобы пришли русские войска и водворили у него такой строй, какой... в губерниях Волынской, Подольской и Бессарабской... Хуже всего приходилось русскому и польскому простонародью, которое поэтому втайне вздыхало по “москалям”... В представлении галичан русская власть была всегда представительницей того царя, который освободил крестьян от крепостной зависимости с наделом землею, а не без земли, как это делали австрийские “цесари”»¹²³.

Однако российские правящие круги в осуществлении своей политики рассчитывали прежде всего на господствующие в социально-экономическом отношении слои населения края, в частности на польских помещиков. В Петрограде польское помещичье землевладение рассматривали как интегральную часть всей государственной системы Российской империи. Поэтому «естественное русофильство крестьян» Галиции (не в последнюю очередь связывавших свои симпатии к России с решением социально-экономических проблем) не могло быть использовано российской администрацией в полной мере в качестве фактора «слияния края с империей». Как отмечал Г. А. Бобринский, управление генерал-губернаторством «должно быть основано на русских началах», однако «без коренной ломки существующего строя»¹²⁴. Российской администрацией были сохранены система австрийского законодательства, все польские и австрийские чиновники, выразившие желание сотрудничать с российскими властями, и

даже прежнее административно-территориальное деление. Крайне осторожно они относились к земельной собственности польских помещиков, даже тех, кто открыто выступал против России. (Последние через международные организации добились сохранения прав на земельную собственность в занятых русскими войсками районах.) Как отмечал Бобринский, нежелательно «наносить без нужды материальный ущерб будущим поданным империи»¹²⁵. Такая предусмотрительность приносила свои плоды. Если при вступлении русских войск в Галицию отношение польской общественности к российской администрации «характеризуется политикой выжидания и в связи с этим крайней конспиративностью»¹²⁶, то уже через несколько месяцев положение меняется. 9 февраля 1915 г. из администрации генерал-губернатора была направлена в МИД докладная записка по польскому вопросу. В ней, в частности, отмечалось, что польское общество разделилось на два лагеря. Поддерживали русскую армию возглавляемые национал-демократами (эндеками) националистические круги¹²⁷. Они были готовы на отказ от главенства в Восточной Галиции в обмен за сохранение сословных прав и при непременном условии образования единой Польши¹²⁸. Эндеки были враждебны к социалистам и украинцам и пользовались поддержкой чиновничества, мещанства, университетских кругов, около половины крестьян Западной Галиции и всего польского крестьянства Восточной, ксендзов и крупных землевладельцев Восточной Галиции¹²⁹. Бобринский также подтверждал сведения о русофильских позициях большей части польского общества Галиции в конце 1914 — начале 1915 гг., когда военные и политические позиции России в крае считались наиболее прочными¹³⁰.

В Западной Галиции, более однородной по своему национальному составу, среди польского населения сложился проправительственный блок, связавший «свою судьбу с германизмом». Он опирался на крупных землевладельцев, аристократию, соединенную узами родства с австрийским двором. К нему примкнули так называемые старые демократы, а также все радикальные и социалистические круги¹³¹.

Если по наиболее принципиальным вопросам русско-польских взаимоотношений у польских русофилов с российской стороной расхождений не было, то некоторые из требований польской общественности считались российскими властями неприемлемыми. Это касалось статуса польского языка, системы образования, вероисповедания, а также законода-

тельства, административной автономии и внутреннего устройства будущей Польши¹³². Было отклонено и ходатайство о средствах для обеспечения сельскохозяйственного производства в поместьях польских помещиков¹³³. Беспокоили русофильские польские круги и перспектива хотя бы временного вхождения уездов Западной Галиции в состав генерал-губернаторства, а также принятие российскими властями в марте 1915 г. постановления, согласно которому в суде на территории всей Галиции официальным признавался русский язык и «его местные поднаречия», польский же допускался лишь временно¹³⁴.

Относительно будущего Галиции российские власти предполагали, что в состав генерал-губернаторства войдут четыре губернии, одна из которых — Перемышльская — «будет обнимать самый западный рубеж русского племени, включая и так называемую Лемковщину». В Западной же Галиции будут образованы две польские губернии — Тарновская и Краковская, которые впоследствии планировалось присоединить к Царству Польскому¹³⁵. К июню 1915 г. территория русского генерал-губернаторства в Галиции и Буковине подразделялась на четыре губернии: Львовскую, Тернопольскую, Перемышльскую и Черновицкую. В состав Перемышльской губернии входили и шесть уездов Западной Галиции — Проворский, Ланьцутский, Решевский, Колбушовский, Нисковский, Тарнобжегский. Последнее шло вразрез с чаяниями польских русофильских кругов, и без того не вполне удовлетворенных политикой российских властей в Галиции. Впрочем, по данным Российской жандармерии, стремление польских деятелей оказаться полезными России «едва ли надо учитывать как действительное направление» польской общественности, поскольку факты «дают указание на легкую изменчивость чувств» польских кругов, что подтвердилось при отступлении русских войск из Галиции летом—осенью 1915 г.¹³⁶

Важную роль для российской администрации играли ее взаимоотношения с московофильскими русинскими организациями. Деятелями русского Прикарпатья еще в конце июля 1914 г. был создан в Киеве Карпато-русский освободительный комитет (К. Р. О. К.). После вступления русских войск в Галицию он передал свои полномочия Народному совету Галицкой Руси (Русский народный совет — РНС). Галицко-русские деятели с энтузиазмом встретили русские войска, выразив готовность содействовать политике «слияния края с империей» на русских началах. Казалось бы, что

и взаимоотношения РНС с российской администрацией, и дело нового «обустройства» Галиции будут успешными. Однако в действительности все оказалось сложнее. В силу особенностей развития москофильства его представители обнаружили себя большими «русофилами», нежели российские власти в Галиции, для которых польский вопрос, а не русский являлся важнейшим для осуществления своей политики в крае. Москвофилы же не без оснований считали, что для национального возрождения карпато-русских земель необходимо ликвидировать политическое и экономическое господство польского меньшинства. Они настаивали хотя бы на частичной передаче земель польских помещиков малоземельному русскому крестьянству, во всяком случае тех помещиков, которые открыто выступали против России и бежали с австрийскими войсками¹³⁷. Москвофилы предлагали исключить из системы управления и судебных органов «вчераших поработителей» и определить на их место местных русских деятелей. Они предлагали российским властям поддержать начавшийся массовый переход униатов в православие, а пропольскую и проукраинскую церковную иерархию сменить «русскими местными церковными деятелями»¹³⁸. Москвофилы добивались признания официальным языком в Прикарпатской Руси (Восточной Галиции) только русского, в том числе и в правительственные школах, предлагали открыть курсы русского литературного языка для местных чиновников. Впрочем, в начальных школах они считали возможным сохранить хотя бы на первых порах малорусское наречие. Украинские же школы должны быть решительно запрещены, поскольку само их существование есть «посягательство на наше национальное единство». Отмечалось, что буквально каждая страница украинских учебников проникнута ненавистью к России, а создание русских школ не представляет никаких затруднений, поскольку этого требуют «сами крестьяне всех национально сознательных сел»¹³⁹. Подчеркивалось также, что отчуждению Галиции от русских земель способствует «тесное сплетение украинской проблемы с униатством»¹⁴⁰. Полонизаторские и украинофильские устремления, считали москофилы, поддерживались почти всей печатью России, а российская администрация не принимала «почти никаких мер по устроению галицко-русского крестьянства, заботы о котором должны составлять первую задачу наших властей»¹⁴¹. Впрочем, как в среде военных, так и в среде гражданских властей в Галиции осознавалось отсутствие в политике российской администрации (в отличие

от австрийской) четких национальных ориентиров¹⁴². Понимал это и сам Бобринский. По свидетельству Н. Евреинова, Бобринский сказал ему в конце 1914 г., что русским управлением недовольны все основные национальные группы населения: «поляки потому, что утратили свое первенствующее положение, русские потому, что не приобрели того преобладания, на которое рассчитывали»¹⁴³.

Нельзя, конечно, сказать, что российская администрация вовсе не пыталась проводить политику «слияния края» на «русских началах». Просто понимала она это иначе, чем руководство РНС и национально ориентированные общественно-политические круги в самой России. Собственно национальный аспект российской политики в крае оказался подчиненным социальному и экономическому, что и предопределило непоследовательность и нерешительность национальной политики. Польское помещичье землевладение в целом сохранило свои позиции. Процесс добровольного перехода униатов в православие, принявший весьма значительные размеры¹⁴⁴, былпущен фактически на самотек. Переход допускался при наличии не менее 75% добровольцев по селам и Бобринский даже «осаживал» наиболее рьяных сторонников форсирования¹⁴⁵. В учебных заведениях русский язык вводился прежде всего на основе ходатайства местного населения. Российская администрация покровительствовала московофильским печатным изданиям. Оказывалась материальная помощь населению (обустройство беженцев, текущая экономическая помощь, отпуск посевного материала)¹⁴⁶.

Более решительно российская администрация проводила политику в украинском вопросе. С приходом русских войск активизировалась деятельность украинцев, «призывавших весь малорусский народ к восстанию против России». Униатского митрополита А. Шептицкого уличили, «как самого главного и выдающегося руководителя мазепинского движения не только в Галичине, но и в Российской Украине». Было документально доказано, что М. Грушевский «являлся не только руководителем мазепинского “культурно-национального” движения в Галичине, но и покровителем русских мазепинских элементов вроде Н. Зализняка, Вл. Дорошенко и многих других». Обнаружено много документов, «освещавших вопросы мазепинского движения в целях отторжения Российской Украины и присоединения ее к Австро-Венгрии»¹⁴⁷. В связи с этим гонениям подверглись представители высшего униатского клира.

Одно из проявлений непоследовательности и несогласованности действий российской администрации в Галиции – резкий контраст между политикой военных властей и гражданской администрации. Последняя просто оказалась не готова к выполнению поставленных задач. Часто не был удачен и подбор кадров. Однако едва ли не самой существенной причиной указанного контраста являлись злоупотребления чиновников¹⁴⁸. «Подкуп! На всё такса, даже на безнаказанное шпионство», – доносили русские агенты. Воскресение надежд Берлина и Вены на украинцев в Восточной Галиции не в последнюю очередь обусловливалось характером действий российской администрации¹⁴⁹. Сам Бобринский был вынужден признать неудачным подбор чиновников для управления краем¹⁵⁰. Российским источникам вторят польские. С. Грабский отмечал недостаток квалификации, грубость чиновников, отсутствие единства действий в администрации на местах¹⁵¹.

Тем не менее даже украинские источники подтверждают, что русский военный режим оставил у населения добрые воспоминания, а после русских «в Галицию вступили мадьярские войска, отличающиеся чисто азиатской жестокостью». Самое благоприятное впечатление произвело то, что русские войска «за все щедро платили населению»¹⁵². После отступления русских русофильски настроены были евреи Галиции, «чающие возвращения русских, как манны небесной»¹⁵³. Это, между прочим, были вынуждены учесть австрийцы, которые «при своем возвращении не хотели испортить отношения с избалованным русскими населением и потому такжесыпали деньгами»¹⁵⁴. Российские военные, в свою очередь, свидетельствовали в 1916 г., что большинство русских галичан и буковинцев по-прежнему стихийно тяготеют к России.

Редкое единодушие источников и российских, и польских, и украинских, и московофильских позволяет констатировать, что несмотря на все перипетии военного времени, издержки российского управления в первый период оккупации, карпато-русское население в массе своей сохранило верность национально-русскому единству и веру в торжество единения с Россией. Так, например, в донесении к польскому наместнику в Галиции староста Рава-Русского повета в 1919 г. отмечал, «что на сегодняшний день жалеют селяне о том, как говорят, времени, когда тут после российского наступления правили россияне, и, как они говорят, это были наши люди»¹⁵⁵.

В конце апреля — июне 1915 г. под давлением превосходящих сил германо-австрийских войск русские армии вынуждены были оставить Галицию. Летом—осенью 1915 г. они отошли также с территорий Царства Польского, Литвы, части Белоруссии и Волыни. 29 апреля 1915 г. Бобринский издал распоряжение о принудительной эвакуации тех, кто мог носить оружие, во избежание использования их австрийцами против России. 24 мая распоряжение было отменено, «но, несмотря на это, десятки тысяч местных жителей продолжали покидать Галицию по собственной инициативе, отчасти боясь репрессий со стороны австрийских властей за доброжелательное к нам отношение, а отчасти не желая расставаться с угонявшимся скотом», писал Бобринский в своем отчете¹⁵⁶. Россия оказалась не готовой к приему и обустройству карпато-русских беженцев¹⁵⁷. Галичане покидали родину сотнями тысяч, переезжая в Волынскую, Подольскую, Бессарабскую губернии, где им было обещано полное обеспечение¹⁵⁸. Но на местах, особенно в Волынской губернии, не были готовы к такому наплыву беженцев. Им отказали даже в российском подданстве и помощи в совершенствовании русского языка. Надо сказать, что в отличие от российских властей, австрийские, напротив, проявляли заботу о культурно-просветительном воспитании украинской молодежи. Карпато-русы же в России, например в Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону¹⁵⁹, подвергались давлению, в том числе информационной травле со стороны украинофилов.

Русское отступление и изменение национально-политической ситуации в крае. Вторичное овладение Галицией

Отступление русских войск из Галиции, издержки политики российских властей, разгром австрийцами русофильских организаций и террор против карпато-русов, эвакуация многих из них в Россию — все это расчищало почву как для усиления полонизации, так и для укрепления позиций украинцев. Русские военные источники отмечают, что часть галичан после возвращения австрийцев «в прочность русского возвращения не верят и, чтобы обезопасить себя от возможной мести австрийцев, тысячами спасаются переходом в католичество»¹⁶⁰.

Весьма интересную картину изменившегося положения украинцев в Галиции после отступления русских войск рисуют в начале 1916 г. источники, исходящие из самих украинских кругов. Они, в частности, сообщают, что «раздел Галиции на Восточную и Западную, или на украинскую и польскую, решен на последнем Коронном совете... Решение это

держится в тайне, чтобы не раздражать поляков, но вожди последних уже осведомлены». А поскольку польские национал-демократы в обмен на объединение этнографической Польши признали Восточную Галицию за Россией, «между поляками и украинцами происходит жестокая борьба: глухая в Галиции и явная на Волыни. В Восточной Галиции же польское влияние «подрезано». Австрийский военный наместник генерал Колар осторожно, но решительно поддерживает украинцев. Сельские старосты-поляки замещены украинцами, «в обращении с восточно-галицким населением и местными чиновниками наместник объясняется только по-украински, чего раньше никогда не бывало»¹⁶¹. Украинцы расширяют свою деятельность и на занятой немцами Волыни. И если поляки там «пытаются воспользоваться уходом масс населения для полонизации обратившихся почти в пустыню местностей», то и украинцы «не дремлют», открывая свои школы (например в Луцке). Украинские деятели «ищут опоры в войске, в котором украинский элемент силен»¹⁶². На политику украинизации и белорусизации, проводимую немцами на оккупированных землях, указывали в конце 1916 г. и деятели РНС. Они констатировали, что немцы признали там малорусское и белорусское наречие отдельным от общерусского и включили в школьное преподавание, а украинцев и белорусов объявили «самостоятельными национальностями». Во всех австрийских и германских лагерях для военнопленных насаждался культурно-национальный сепаратизм¹⁶³.

В Австрии знают, что Германия начинает выдыхаться и результаты войны «вряд ли будут решительными». Поговаривают даже, что при заключении мира возможны территориальные уступки России с компенсацией Австрии за счет Италии. Однако ни Будапешт, ни Берлин не допустят уступки Восточной Галиции России. Для Будапешта украинизированная Восточная Галиция — защита от России, для Германии это плацдарм для наступления на Россию. Венгры считали возможным, в крайнем случае, уступку России части Галиции до Днестра. В то же время в украинских политических кругах Галиции начал обсуждаться вопрос, как быть с украинством в случае победы России? Быть ли до конца с австрийцами или попытаться добиться своих национально-политических целей (пусть и в более скромных размерах) с Россией и в России? Дело в том, что надежды на захват австро-германцами всей Малороссии сильно ослабли. Даже если австрийцы удержат оккупированную ими Волынскую губернию, то «украинское или малорусское тело будет по-прежнему разрезано». Если же

Галиция отойдет к России, то «Украина будет совокупна», хотя права последней в России и меньше, чем могли быть в Австрии¹⁶⁴.

В связи с приведенными размышлениями весьма любопытно свидетельство арестованного австрийскими властями и посаженного в краковскую тюрьму прикарпатского русофилы-священника о. Гавриила Гнатышака. В камере в начале 1915 г. у него состоялась беседа с попавшим туда по ошибке одним из видных украинофилов. Выразив удивление, что о. Гавриил остался жив несмотря на то, что украинская «высокая рада» еще до войны приговорила его к смертной казни за русофильство, он предложил о. Гавриилу не оговаривать друг друга в случае победы «москалей» или, соответственно, австрийцев. На вопрос о. Гавриила, что же будет с вашей Украиной после победы России, его собеседник ответил: «Отче, этим меньше всего мы беспокоимся. Под Украиной уже есть почва. Мы воспитали нашу молодежь в украинском духе, а наши женщины пропитаны любовью к Украине. Мы всегда использовали то, что служило нашим целям, и если Россия нами завладеет, мы станем лучшими “москалями”, чем вы. Мы постараемся захватить в свои руки все общества, все ведомства, перейдем в православие скорее вас, ибо между вами, особенно среди вашего духовенства, есть немало противников православия. Мы представим вас как неблагонадежных и пожертуем нашими женщинами, которые поймут свою задачу, проторят нам путь в среде высоких чиновников и привьют им идею Украины так сильно, что в благоприятное и подходящее время они сами нам Украину создадут»¹⁶⁵.

Надо сказать, что в российских политических кругах уже начиналось переосмысление приоритетов национальной политики в Галиции. Так, в записке российского аналитика В. Сватковского, составленной в апреле 1916 г. на основе секретных сведений украинских источников, рекомендовалось сделать управление Галиции, после ее вторичного занятия, чисто военным до победы. В этом случае «некоторые заявления» в пользу украинцев («хотя бы в самых скромных рамках») способствовали тому, что они не встретили бы русские войска враждебно¹⁶⁶. Автор допускает под военным надзором даже деятельность украинских учреждений культурного характера и школ. Предусматривается контакт «с умеренными и наименее враждебными нам украинцами» как в России, так и в Галиции. Сватковский ссылается на украинских деятелей, более близких «к российским властям оттенков», которые «говорят с некоторой циничностью», дескать, пусть Россия установит в Восточной Галиции после войны «тот режим,

который ей заблагорассудится: украинский или общерусский. В последнем случае украинцы много потеряли бы, но зато выиграли бы “в смысле объединения и т. д.”. Автор не исключал возможности украинской автономии. Это позволило бы избежать возможного протеста со стороны украинцев по поводу присоединения Восточной Галиции к России, поскольку “весьма возможно, что этот протест вызовет для нас немалые затруднения даже в лагере наших союзников, которые, как показал опыт последних месяцев, весьма чувствительны к подобным вопросам”¹⁶⁷. Сватковский считал, что и после вытеснения австро-германцев из Царства Польского и этнографической Литвы, “где уже введены немцами культурные автономии, можно сохранить главные формы этих автономий, чтобы не было протестов населения в европейской печати и на мирном конгрессе”¹⁶⁸.

В мае 1916 г. войска Юго-Западного фронта под командой генерала Брусилова начали наступление против австро-венгерских войск в Галиции. Прорвав оборону противника, они перешли в решительное наступление, которое продолжалось в течение всего лета. Последствия его для австро-германского блока были крайне тяжелыми. Австро-Венгрия была фактически сокрушена. Русские войска вновь заняли ряд районов Галиции и Буковины. По данным осведомительного статистического отдела МИДа от 14 августа 1916 г., «по мере наступления русских войск и отступления австрийцев начинают, по-видимому, повторяться печальные истории 1914 г. с массовыми арестами русских крестьян и оставшихся кое-где интеллигентов, с расстрелами и доносами»¹⁶⁹. Одним из следствий продолжавшегося антирусского террора было укрепление в крае позиций украинцев, которые развивали интенсивную деятельность и на международной арене. Уже в августе Украинский народный совет в Вене постановил обратиться к цивилизованному миру с протестом против, якобы, преследований российскими властями украинцев в Буковине и занятой русскими войсками части Галиции. Австрийские миссии за границей также распространяли слухи о преследовании украинцев, чтобы поднять против России украинцев в еще не занятых ею областях¹⁷⁰.

В российских политических кругах понимали, что национально-политическая обстановка в Галиции в 1916 г. изменилась по сравнению с 1914—1915 гг. Уже в начале наступления Брусилов высказался за то, чтобы упростить порядок управления в Галиции, поскольку в крае нет “и половины того, что мы нашли в первую оккупацию”, сократить штаты, “со-

вершенно исключить всякую политику”, оставить решение религиозного и школьного вопросов на послевоенное время. Теперь же ограничиться обеспечением порядка и спокойствия¹⁷¹. Москвофилы же настаивали, чтобы при российских властях в Галиции были представители РНС, в противном случае российские войска будут встречать или “беспомощная масса русского простонародья, лишенная своих интеллигентных представителей, или те, к кому благоволили австрийские власти”. Выразителями же местных интересов в этом случае неизбежно будут выступать поляки¹⁷². Российские аналитики рекомендовали относиться к идеям РНС осторожно, поскольку, по их мнению, москофилы Галиции и Буковины «не всегда умеют отрешиться ради государственных интересов от своих партийных чувств и точек зрения»¹⁷³.

Касаясь украинского вопроса, аналитики отмечали, что «большая часть интеллигенции в Галиции и Буковине заражена украинофильским движением. Движение это направлено против России и никакие послабления в борьбе с его проявлениями недопустимы. В Галиции и Буковине существует много людей, называющих себя украинцами, но не имеющих определенных политических убеждений и склонных лишь идти за господствующим течением». По отношению к ним следовало бы занять выжидательную позицию и изучить ситуацию, «поскольку в будущем возможно возникновение новых направлений мысли, примиренных с русской государственной идеей». Необходима «экономическая политика, защищающая интересы русских малоимущих классов», ввиду неизбежного «столкновения интересов русско-украинской массы с притязаниями поляков в Восточной Галиции». Следует уже сейчас решить, что можно пообещать последним в плане будущего устройства Западной Галиции и Царства Польского. Религиозный же вопрос следовало бы отложить до конца войны¹⁷⁴. Правящие круги царской России до самого краха самодержавия занимали непримиримую позицию по отношению к украинофильскому движению не только за его австрофильскую ориентацию (к польским австрофилам отношение было иным), но прежде всего за то, что само существование этого движения угрожало единству русского народа и целостности Российской государственности.

Торжество украинофилов

С гибеллю самодержавия и приходом к власти Временного правительства в российской политике произошли изменения, которые сказалось

и в Галиции. Хотя Временное правительство, как и его предшественники, ратовало за ведение войны до победного конца, за «единую и неделимую Россию», оно уже не могло игнорировать лозунг права наций на самоопределение. Еще в конце января 1917 г. приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего, языками судопроизводства, наравне с русским, в Галиции признавались «все местные славянские языки», а в Буковине — также румынский¹⁷⁵. В правящих кругах новой России осуждалась прежняя политика царизма в Галиции в национальном и религиозном вопросах¹⁷⁶.

Создание в Киеве украинскими буржуазными и мелкобуржуазными партиями в марте 1917 г. Украинской Центральной Рады во главе с М. Грушевским, С. Петлюрой, В. Винниченко и легализация в России при попустительстве Временного правительства украинского национально-политического движения вносило, естественно, корректиды в политику официальных властей России и по украинскому вопросу в Галиции. В частности, устанавливались контакты с украинскими группировками в этом крае, наиболее склонными к сотрудничеству с российскими властями. Получило официальное признание название «Украина» и «украинцы» применительно к малорусским губерниям и их населению.

В марте на заседании Временного правительства был рассмотрен вопрос об упразднении генерал-губернаторства и о введении в Галиции и Буковине «нового гражданского управления на началах, соответствующих постановлениям гаагской конференции о порядке управления в занятых во время войны неприятельских территориях». Во главе нового управления был поставлен комиссар Д. И. Дорошенко¹⁷⁷. В середине апреля он обговорил с министром иностранных дел П. И. Милюковым ход «предстоящей реформы в этих областях и восстановление населения в принадлежащих ему правах на самоуправление, суд и церковное управление»¹⁷⁸. Поскольку ранее были ограничены в указанных правах польские круги и лишены их украинцы, становятся понятными основные национальные приоритеты в политической деятельности новых властей в Галиции, что довольно скоро начало приносить свои плоды. Уже 27 мая (9 июня) 1917 г. российский поверенный в делах в Берне шлет секретную телеграмму в Петроград о том, что «украинское большинство Галиции и Буковины (речь идет об украинофилах — В. С.) решительно склоняется к присоединению этих областей к России, но считает необходимым, чтобы этого громко требовали русские украинцы»¹⁷⁹. 3 июля 1917 г. Центральная Рада заяв-

ляет, что полностью и безоговорочно поддерживает Временное правительство.

Нечего и говорить, что положение в России организаций РНС стало радикально меняться. С падением самодержавия исчезли силы, поддерживавшие РНС в его стремлении сохранить историческую традицию единства русского народа. Судя по документам, новая Россия отреклась от москофилов как союзников в осуществлении внутри- и внешнеполитических задач. В официальной прессе беженцев из Галиции в Ростове-на-Дону именуют уже «украинцами из Галичины», хотя в тексте речь идет о собрании русских галичан¹⁸⁰. В резолюции этого собрания, на котором присутствовало до 3 тыс. делегатов, было решено «радостно приветствовать возвращение в России народовластия и свободу национального самоопределения», просить «Временное правительство, Совет рабочих и солдатских депутатов освободить Прикарпатскую Русь (Галичину, Буковину и Угорскую Русь) от австрийского абсолютного гнета и присоединить к великорусской демократической республике», предоставив возможность быть причастными к «объединению Русской земли», но при этом «самым решительным образом протестовать против захватнических стремлений и действий украинцев вообще и в частности против обнаруженных уже нами по отношению к инакодумающим уроженцам Прикарпатской Руси, к русским галичанам, буковинцам и угророссам, к их национальным и культурным учреждениям», просить оказать РНС «содействие в организации и устройстве им карпато-русских беженцев и военнопленных в России»¹⁸¹.

Буквально крик души звучит в телеграмме на пяти бланках, отправленной РНС в Петроград высшим руководителям России, от имени людей, страдавших и боровшихся за идею русского единства и оставшихся верными ей и после изменения политической конъюнктуры. Похоже, эта идея уже и в России становилась неуместной. В телеграмме сообщается, что комиссар Временного правительства в Ростове-на-Дону Зеелер, ссылаясь на распоряжение князя Урусова, 29 марта без всякого предварительного дознания «устрианил избранный галичанами в феврале 1914 г. Русский народный совет Прикарпатской Руси от всякой деятельности» и, изъяв все бумаги, средства, переписку, имущество, привезенные из Австрии, опечатал помещения. Причем причиной этих мер называются доносы украинцев. РНС просит отменить мероприятия ростовского комиссара и заве-

рят в своей лояльности к Временному правительству и новому строю¹⁸². Несмотря на то, что Временное правительство, делавшее ставку на украинские организации, взяло курс на политическую изоляцию РНС, галицко-русские деятели продолжали бороться за воссоединение своих земель с Россией. Россия была для них ценностью постоянной, независимой от смены властей. 18 мая 1917 г. собрание русских беженцев из Галиции, Буковины и Угорской Руси в Петрограде препроводило руководству России резолюцию, в которой говорилось, что, обсудив Декларацию Временного правительства и воззвание к народам всего мира Совета рабочих и солдатских депутатов, «в связи с судьбой Прикарпатской Руси», оно выразило пожелание «видеть Галичину, Буковину и Угорскую Русь соединенной с великой Российской демократической республикой» — это «явится лишь актом восстановления русским революционным народом справедливости и долга по отношению к малорусской народности»¹⁸³.

За воссоединение карпато-русских земель с Россией ратовали не только беженцы в Россию, но и эмигранты в другие страны мира. 21 мая 1917 г. было опубликовано обращение русинов США к русскому правительству с просьбой «освободить русинов от венгерского ига и присоединить их к свободной России»¹⁸⁴.

В начале 1917 г. вопрос о статусе Восточной Галиции интенсивно обсуждался между польскими и украинскими галицийскими кругами с участием австрийцев. Речь шла о возможной автономии в рамках Австро-Венгрии или будущей Польши¹⁸⁵.

В середине июня 1917 г. русские войска в Галиции предприняли очередное наступление, которое вначале развивалось успешно, но затем в результате австро-германского контрудара они стали быстро откатываться назад. Фронт был прорван, и к середине июля противник отбросил русские войска далеко за исходные рубежи, заняв всю Галицию. В конце июля управление комиссара по делам Галиции и Буковины было эвакуировано в Киев и через несколько недель упразднено¹⁸⁶. После провала наступления и ухода из Галиции Россия уже не могла проводить активную политику в отношении карпато-русских земель. Российские дипломатические представители за границей даже просили указаний Петрограда относительно того, насколько желательно поощрение требований со стороны заграничной русинской общественности о воссоединении карпато-русских земель с Россией¹⁸⁷.

В этот период, похоже, лишь карпато-русские деятели продолжали активно отстаивать идею русского национального и государственного единства. Телеграмма в Петроград совета Галицко-русского общества (не ранее сентября 1917 г.) требовала «внести инструкцию делегатам Временного правительства на Парижскую союзническую конференцию», в которой бы отстаивалось право самоопределения пятимиллионного карпато-русского населения Австро-Венгрии¹⁸⁸. Подобная просьба содержится также в телеграмме галицко-русской колонии в Петрограде от 23 октября 1917 г. министру иностранных дел¹⁸⁹. Это было накануне свержения Временного правительства и победы Советской власти в России.

«Декларация прав народов России» провозглашала равенство и суверенность народов, право на самоопределение вплоть до отделения, отмену всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и национальных групп. Применительно к Галиции это означало отказ от прежних планов ее присоединения к России и государственного покровительства идеи русского национального единства. Разгром московофильских организаций в Галиции, распуск их в России и торжество украинцев к концу войны в Галиции, а также легализация их деятельности в России объективно способствовали перелому в борьбе русских и украинских начал в Галиции в пользу последних. Однако перспектива победы украинофильства определялась не только сложившейся конъюнктурой национально-политической борьбы.

Еще до начала Первой мировой войны обозначилась связь украинского вопроса с социалистическими идеями. Очевидно поэтому, что в русско-украинском противостоянии в Галиции симпатии российских революционеров были на стороне украинофилов. Москвофилы же могли рассматриваться ими преимущественно как союзники российских консервативных сил. В работах Ленина по национальному вопросу периода Первой мировой войны шла речь об украинцах как самостоятельной национальности и их самоопределении как одной из задач революционного движения¹⁹⁰.

На укрепление позиций украинофилов в Галиции, безусловно, оказало свое влияние активизация в 1917 г. украинского политического движения в России. Почти сразу после победы Советской власти в России Центральная рада декларировала образование Украинской Народной Республики (УНР). В третьем универсале Центральной рады от 7(20) ноября

1917 г. провозглашалось, что «отныне Украина стала Украинской Народной Республикой». Однако и тогда Рада продолжала стоять на почве единства российской государственности, ратуя за то, «чтобы вся Российская Республика стала Федерацией равных свободных народов»¹⁹¹. 4 декабря 1917 г. правительство Советской России признало независимость Украины, согласившись на ее отделение или установление с ней федеративных отношений. 12 декабря 1-й Всеукраинский Съезд Советов квалифицировал Украинскую республику «как федеративную часть Российской республики».

4 февраля Центральная рада в своем четвертом универсале провозгласила «полную независимость» от России. 5 февраля на совещании министров иностранных дел Германии и Австро-Венгрии было решено рассматривать Украину как отдельное от России государство. Делегация УНР была приглашена германо-австрийцами для переговоров, и 9 февраля они подписали с ней договор. По этому договору, к Украине отходила Холмщина, а Рада признавала Восточную Галицию и Буковину «коронным краем» Австрии. Советские украинские власти заявили, что будут «стремиться к созданию таких условий, при которых весь украинский народ, живущий на Украине, в Галиции, Буковине и Венгрии, независимо от разделяющих его ныне границ, мог бы жить как единое целое»¹⁹². Это, пожалуй, одно из первых заявлений советской стороны, где вслед за германо-австрийцами и Центральной радой украинцы рассматриваются как отдельный, единый народ. По договору между Советской Россией, Германией и ее союзниками Украина признавалась независимым государством (в границах третьего универсала) и была оккупирована германо-австрийцами.

Центральные советские власти в Москве выступили против того, чтобы возникшие на юге России Донецко-Криворожская и Крымская советские республики входили бы, как они хотели, в состав России, настаивая в сложившихся условиях на их единстве с Украиной. Ленин просил Орджоникидзе «убедить донецких и крымских товарищев в том, что весь ход событий диктует необходимость совместной с Украиной обороны»¹⁹³. О национальной аргументации не было и речи. Советское правительство использовало национальный вопрос лишь как средство для достижения социальных и политических задач.

Приход к власти в России Советов, их радикальная социально-экономическая политика оказали свое влияние и на Восточную Галицию. В донесении грабовского жандармского отдела краевого управления Австро-Венгрии в апреле 1918 г. сообщается о беженцах-галичанах, вернувшихся

из России: они «говорят только по-российски» и утверждают, что «тут же будет так, как в России»¹⁹⁴. Вопросы национального развития волновали русинов-галичан значительно меньше. Комендант жандармерии Галиции и Буковины генерал-майор Фишер в своем донесении от 22 июля 1918 г. сообщает, что «селянство в основном меньше интересуется национальным вопросом, чем социальным, хотя довольно заметен прогресс в усилении национального самосознания, особенно со временем последнего переворота в России»¹⁹⁵.

В конце 1918 г. Австро-Венгерская империя рухнула. Интересно, что в возвании Всероссийского ЦИК, СНК и Московского Совета к народам бывшей Австро-Венгрии говорится о русинах, а не об украинцах¹⁹⁶. Это, вероятно, объясняется антиавстрийской направленностью документа (украинцы были, в отличие от остальных русинов, австро- и германофилами). Позиция советского руководства по галицийскому вопросу в конце 1918 г. предусматривала его решение путем самоопределения населения края¹⁹⁷.

В ноябре 1918 г. власть в Восточной Галиции без какой-либо борьбы перешла в руки украинцев. Это и неудивительно. До конца верные габсбургам украинские политические круги получили власть в крае, когда австро-венгерская администрация уже не могла управлять. Во Львове была провозглашена так называемая Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР). Ее высшим представительным органом стала Национальная Рада, возглавленная доктором Е. Петрушевичем, членом Украинской радикальной партии. Национальная Рада, как и правительство ЗУНР (державный секретариат), были образованы при участии всех украинских, причем только украинских политических партий и группировок. Абсолютное большинство в Национальной Раде составили национал-демократы, радикалы, отчасти социал-демократы¹⁹⁸.

С первых же дней возникновения ЗУНР подверглась агрессии со стороны Польши. Началась польско-украинская война (ноябрь 1918 г. – июнь 1919 г.), закончившаяся победой Польши и оккупацией всей Восточной Галиции польскими войсками. Заметим, что украинцам удалось организовать упорную оборону против польского агрессора, заставляя его держать от 60% до 80% своих войск на украинском фронте в Галиции. Только с прибытием польских формирований из Франции, Польша сумела вытеснить украинские войска с территории Галиции. Упорство украинской обороны объясняется, с одной стороны, тем, что за годы мировой

войны украинцы при поддержке австро-германцев сумели создать сильные военно-политические структуры, с другой, — поддержкой крестьянским населением края антипольской борьбы, так как победа Польши не сулила никаких благоприятных перемен в решении аграрного вопроса. Позже (июнь 1920 г.) галицийские коммунисты в докладной записке ЦК РКП(б), характеризуя позицию селян в период польско-украинской войны, указывали, что «кулацкого элемента, можно сказать, совсем нет», и «борьба галичан шла под лозунгом за землю и волю», поскольку «все крупное земельное землевладение находилось исключительно в руках польской шляхты, весь административный аппарат в руках польской бюрократии. Война, отмечается в документе, «затемняет классовое самоопределение пролетариата и принимает национальную окраску. Мелкая галицкая буржуазия (т. е. украинская. — В. С.) использовала революционный настрой масс и идентифицировала социальную борьбу с национальной, что было нетрудно сделать потому, что почти весь польский элемент Восточной Галиции (бюрократия и крупные помещики) были врагами и социальными и национальными». Галичане эмигрируют на Украину, где «они становятся предметом разной спекуляции: Петлюры, Петрушевича, Деникина, разных “русояпов” (видимо, имеются в виду москофилы. — В. С.)»¹⁹⁹.

Однако, антипольская борьба русинов Галиции под руководством украинских деятелей еще не означала победы украинофильских идей и отказа галичан от пророссийских симпатий. Об этом свидетельствовала польская администрация летом 1919 г., указывая, что селяне помнят о периоде русской оккупации и взаимопонимании с россиянами, говорят о них, что это были “наши люди”²⁰⁰.

В конце 1918 — начале 1919 г. между приднестровскими и приднепровскими украинцами заключаются соглашения об объединении «Украины Галицкой» и «Великой Украины». Правительство ЗУНР стало играть роль краевого центра УНР. В январе 1919 г. составной частью территории ЗУНР были объявлены Буковина и Закарпатье. Военные силы «Великой Украины» были разгромлены Советами весной 1919 г. Теснимая поляками ЗУНР пыталась лавировать, ведя переговоры и с Антантоой, и с Советами, однако отказалась от советских предложений (март, май 1919 г.) об организации общего фронта против Польши²⁰¹.

В оккупированной Восточной Галиции польские власти перешли к открытой полонизации. При пересылке корреспонденции, например, за-

прещалось даже писать «по-русски»²⁰². Закрывались русские школы, инвентарь передавался польским учебным заведениям²⁰³.

Ведя борьбу с украинцами в Восточной Галиции, Польша пыталась обосновать свои притязания на ее территорию на международной арене. Однако страны Антанты, организаторы открывшейся в начале 1919 г. Парижской мирной конференции, предполагали связать судьбу восточных польских границ прежде всего с решением так называемого русского вопроса. Они ратовали за восстановление России силами белого движения, лидеры которого рассматривали «Галицкую Русь» как неотъемлемую часть России²⁰⁴. Но в политической игре допускалась и возможность сохранения Советской России. За основу польско-российского размежевания был принят этнический принцип. На конференции были выработаны два варианта линии разграничения в Галиции: к западу от Львова и нефтяной зоны (линия «А») и к востоку от них (линия «В»). Судьба Львова определялась не этнической ситуацией в крае как таковой, а будущей государственной принадлежностью Восточной Галиции (в составе Польши или вне ее)²⁰⁵. В августе была принята граница на базе линии «А», но конференция воздержалась тогда от окончательного решения.

При решении вопроса о статусе и границах края его национально-политические особенности учитывались всеми заинтересованными сторонами. Коренное население традиционно рассматривалось как часть русской этнической общности, где русины — понятие национальное, украинцы же — понятие политическое. На конференции отмечалось, что большинство населения Восточной Галиции настроено решительно антипольски²⁰⁶, и русины «имеют намерение присоединиться к России»²⁰⁷. Подчеркивалось, что для прекращения польско-украинской войны необходимо «удаление чуждых элементов — украинцев и немцев, в то время как автохтонное население — русские и поляки, предоставленные сами себе, должны сами легко достигнуть соглашения»²⁰⁸. На конференции предполагались переговоры с польскими, украинскими и русинскими представителями²⁰⁹. Наметились расхождения «между румынами и чехами относительно карпаторусов и украинцев»²¹⁰. Чехословакия «не поддерживала украинского сепаратизма»²¹¹. Польские представители указывали, что, «если партия русинов-украинцев Восточной Галиции хочет создать независимое государство, то может рассчитывать исключительно на своих членов»²¹². Отрицая возможность существования жизнеспособного укра-

инского государства в Галиции, они напоминали, что против «русинско-украинской партии» выступает «русинско-российская партия», причем первая из них «не может также найти опору на Украине (Россия Южная), население которой не мыслит об отделении от России»²¹³. С этим был согласен и премьер-министр Великобритании, заявивший на конференции в мае: «Украины не существует. Она была вымышлена немцами. Есть Малороссия»²¹⁴.

Лидеры белого движения, в свою очередь, считали, что над Днепром нет украинцев, а есть малороссияне, в Восточной Галиции же — «западные русские»²¹⁵. В советских документах (материалы информационного отдела при Наркомнаце) также различаются русины и украинцы²¹⁶. Принципиальное решение национально-территориальных вопросов советское руководство по-прежнему видело в самоопределении населения. Заметим, что в случае с Восточной Галицией последнее, вероятнее всего, приняло бы советскую сторону, но не польскую.

Весьма важным моментом для национально-политического развития Восточной Галиции было возникновение в начале 1918 г. коммунистических организаций в крае, ориентировавшихся на большевиков России. Традиционный социальный радикализм галицийского украинофильства создавал благоприятную почву для становления прокоммунистического движения в крае с выраженной национальной окраской. В феврале 1919 г. в Станиславове оформилась единая Коммунистическая партия Восточной Галиции (КПВГ), которая установила связи с Советской Россией. В документах КПВГ русины обозначаются австрийским термином «рутины» и, по сути, отождествляются с украинцами, т. е. принимается австро-германский взгляд на национальную атрибуцию восточнославянского населения. Руководство КПВГ ратовало за независимую Восточную Галицию с целью использовать ее как плацдарм для революционирования всей Галиции и создания просоветского фронта с Польшей, Румынией, Венгрией, имея в виду перспективу дальнейшего расширения советской территории²¹⁷. При этом идеи украинофильства не противоречили перспективам советского социалистического строительства в регионе. Москвофильство же с его общерусской идеей и умеренными социально-политическими устремлениями становилось враждебной силой. Как показал ход дальнейших событий, в Москве (как, естественно, и в Киеве) полностью солидаризировались с предложенной трактовкой национально-политического самоопределения Восточной Галиции.

В марте 1919 г. принимается решение Коммунистической партии Украины (КП(б)У), образованной в июле 1918 г., об усилении своего влияния в Восточной Галиции. В апреле в Киеве было создано Галбюро при ЦК КП(б)У, а 1 июня Комитет Коммунистической партии Восточной Галиции и Буковины. 28 октября Оргбюро ЦК КП(б)У образовало Оргбюро этой партии, а в феврале 1920 г. Галбюро было создано и при ЦК РКП(б). 23 апреля 1920 г. в Киеве на конференции галицких и буковинских коммунистов был избран Галоргком при КП(б)У. Галоргком через Галбюро постоянно информировал ЦК РКП(б) о положении в Галиции.

Между тем завершался процесс политической украинизации прежней Малороссии. III Всеукраинский съезд Советов 6 марта 1919 г. принял конституцию Украинской Социалистической Советской Республики и таким образом закрепил факт создания суверенной УССР. В декабре 1919 г. состоялась VIII конференция РКП(б), на которой обсуждался вопрос «о советской власти на Украине». Ленин подверг критике недооценку «национального момента на Украине», говорил, что он «за то, что составляет сейчас самое главное на Украине — за установление блока с украинским крестьянством»²¹⁸. Было подтверждено, что РКП “стоит на точке зрения самостоятельности УССР”²¹⁹. Таким образом окончательно оформляется курс на советскую украинизацию, дальнейшее обоснование прежней малорусской этнической общности.

Позиция украинских социалистов-революционеров (боротьбистов) по национально-территориальному вопросу, с которой призывал считаться Ленин, отражена в адресованном ему письме заграничной делегации боротьбистов от 19 июля 1920 г. Они признают ошибочность своих стремлений изолировать Украину от социально-политических процессов в Восточной Европе и считают, что «освобождение от польской оккупации Западной Украины (Галиция, Холмщина, Западная Волынь) советскими войсками должно было послужить поворотной точкой к искреннему примирению с диктатурой трудового народа, с советским принципом, с Советской Россией, которая в советской форме несла украинскому народу то объединение, какого он до сих пор напрасно добивался». Боротьбисты настоятельно просят правительство Советской России способствовать «объединению украинской территории в Украинской советской республике»²²⁰. Таким образом, расчет советского руководства использовать украинскую национальную идею как средство достижения социально-политических целей оказался верным.

В начале летней польско-советской военной кампании 1920 г. руководство Советской Украины в обращении к рабочим и крестьянам Украины называет Галицию частью национальной украинской территории, населенную украинским крестьянством²²¹. В связи с продвижением советских войск Галоргком обратился 10 июня в ЦК РКП(б) с настоятельной просьбой учитывать при решении всех вопросов, которые касаются Восточной Галиции, его мнение, поскольку советское руководство и в Москве, и в Киеве недостаточно хорошо представляет себе местные особенности²²². 20 июня Галоргком направил ЦК РКП(б) докладную записку о положении в Восточной Галиции. В ней сообщалось о развале украинских социал-демократической и радикальной партий, «левые крылья которых стали явно на стороне коммунистов (представители левого крыла ЦК радикальной партии вошли в коммунистическую партию, то же сделала часть ЦК социал-демократов, а с ними и пролетарские массы)». Констатируется, что в ходе войны 1918—1919 гг. галичане убедились, что Галиция не может существовать как самостоятельное государство, так как «тяготение Галиции к восточноевропейской федерации Советов определяется в меньшей мере историческими и этнографическими причинами, чем насущной экономической необходимостью»²²³. Из документа следует, что в стремлении населения Галиции к единству с советскими республиками определяющей была отнюдь не украинская национальная идея.

22 июля 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) рассматривался вопрос о Восточной Галиции в связи с продвижением к ее границам советских войск. Из документов Политбюро следует, что партийное руководство не связывало вхождения войск в Галицию с решением собственно национальных задач. Но отказавшись в принципе от поддержки какой-либо национальной идеи, оно рассматривало коренное население края как украинцев, намеревалось использовать занятие края для решения конкретных задач советизации, рассчитывая на поддержку местных коммунистов²²⁴. 8 июля был образован Ревком Восточной Галиции, который 26 июля обосновался в Тарнополе. Третий раз за семь лет в Галицию входили войска России. Но это была уже другая оккупация.

1 августа Галревком в своей декларации провозгласил государственную независимость Восточной Галиции и предложил правительствам советских республик и всех других государств установить с ней дипломатические отношения. Выражалась полная солидарность с правительствами

РСФСР и УССР, от которых ожидалась поддержка в создании Галицкой Социалистической Советской Республики. Обращает на себя внимание, что в декларации население последовательно называется «галичане», нет ни одного упоминания об «украинстве». Даже Петлюра характеризуется как «представитель приднепровской мелкой буржуазии», галицкие украинцы (украинофилы) — сторонники ЗУНР — как «галицкие социал-патриоты, мелкобуржуазные национал-шовинисты, карьеристы», армия названа галицкой, а не украинской²²⁵. Надо сказать, что почти во всех своих документах Галревком отказался от терминов «украинский» и «восточногалицкий». Заявления галицких революционных органов этого периода свидетельствуют, что занятие Восточной Галиции для советского руководства не самоцель, а лишь часть планов движения на запад, чтобы водрузить «красное победное знамя в Львове, Перемышле, Кракове»²²⁶. На территории Восточной Галиции возникла также Бойковская советская республика²²⁷.

Осторожность политики советского руководства в национальном вопросе объясняется как стремлением привлечь на свою сторону украинские политические круги, так и намерением учитывать традиционное русофильство большинства коренного населения.

В документах советских военных властей прослеживается преемственность с благожелательной политикой русской армии 1914—1917 гг. по отношению к населению края, но уже не на национальной, а на классовой основе, с целью не объединения русских земель, а интернационального единства самоопределяющихся территорий победившей революции²²⁸. Подчеркивается, что Галичина — это не Украина: «Галичина — страна, которая должна принадлежать галицким рабочим и крестьянам, как Украина — украинским, Белоруссия — белорусским, Литва — литовским рабочим и крестьянам»²²⁹.

Однако по мере продвижения Красной Армии далее на запад советское руководство сочло необходимым привлечь на свою сторону украинские политические и военные силы, в том числе украинских «сичевых стрельцов», «казаков» — как галицких, так и петлюровских. В этих случаях речь шла уже об Украине и украинцах*. Украинские «сичевые стрельцы» называются в документах галицких коммунистов «первыми революци-

* И. В. Сталин призывал помочь галицким украинцам в создании своего независимого государства, пусть даже не советского, но дружественного РСФСР (РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1737. Л. 1—2).

нерами всей Прикарпатской Украины... верными учениками Драгоманова, Франка и Павлика»²³⁰. Говорится, что петрушевичи и петлюры предали стрельцов полякам, царским генералам, бобринским и дудыкевичам²³¹. Все это объективно шло на пользу дальнейшей украинизации края. В резолюциях же уездных крестьянских собраний, созывавшихся в связи с приходом Красной Армии, провозглашается здравица прежде всего в честь РСФСР и ГССР, а затем уже (да и то не всегда) — УССР, Украине.

Подчеркнутое украинофильство советских властей в Галиции, декларировавших «свободу украинского слова, школы, науки»²³², не прошло бесследно. 24 августа представители казацких Рад украинских частей, интернированных в Чехословакии, на своем I съезде приняли резолюцию с осуждением действий Петрушевича и поддержкой Советской Украинской Республики, Красной Армии Украины, Красной Галицкой Армии²³³. Польские оккупационные власти свидетельствовали в августе, что «украинская пресса считает своевременным со всей решительностью требовать присоединения Восточной Малопольши (Восточной Галиции. — В. С.) до самого Саны, до комплекса украинских земель». Вся украинская интеллигенция настроена антипольски и готова к сотрудничеству с любыми врагами малоземельных и безземельных крестьян, в том числе с большевиками²³⁴.

Не следует, однако, думать, что все украинофильские (украинские) круги были готовы к сотрудничеству с советскими властями. Последние призывали население: «Восстаньте против польской шляхты и ее украинско-галицких союзников»²³⁵. В декрете Галревкома № 4 об отмене обязательного государственного языка говорится об отрицательной роли национализма, который как со стороны польской шляхты, так и украинской мелкой буржуазии принял форму борьбы против освободительных стремлений широких масс края²³⁶. В партийных документах коммунистов Галиции отмечается, что к партии “примазалось много интеллигентского, мещанского, националистического элемента, который со своей мелкобуржуазной психологией будет лишь тормозить революцию. Эти элементы легко пристают в своих шкурных интересах ко всякой партии, как также легко от нее отходят при первой ее неудаче. Для них авторитет — лишь сила»²³⁷. Глава Галревкома В. Затонский в сентябре отмечал, что для советского строительства в Галиции «совсем погань» те галичане, которые

* На это же указывал и В. Затонский (РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1966. Л. 2).

сгруппировались вокруг советской власти и коммунистической партии на Украине, наиболее неподходящие элементы — «это разные хорунжие и сотники галицкой армии, которые помогали Петлюре выводить галичан на Украину, обретались в рядах коммунистов или сочувствующих. За немальным исключением — это рафинированные представители галицкой интеллигенции, наиболее мелочной, склонной, карьеристской и продажной во всем, кажется, свете»²³⁸.

В отличие от украинскинастроенных кругов, отношение к новым властям масс крестьянского и городского населения края было иным. По данным Галревкома и органов коммунистов края, за август—сентябрь 1920 г. «селянство на селе, как и... рабочие в городе (Тернополь), относятся к Советской власти очень сочувственно»²³⁹. Многие откликнулись на призыв вступать добровольцами в Красную Армию. Была сформирована Красная Украинская Галицкая Армия (КУГА) во главе с В. И. Порайко²⁴⁰. Затонский писал в Москву в августе, что крестьяне все за воссоединение с советской Украиной или настаивают на тесном союзе с Российской Советской республикой. Никто из них не интересуется вопросами самостоятельности Восточной Галиции, так как считают, что она просто присоединится к советским республикам²⁴¹. В период польско-советских переговоров о мире Галревком отправил для участия в них своего представителя М. Барана, чтобы «добиваться признания независимости от панской Польши ГССР» и вывода польских войск с ее территории²⁴².

В переговорах с Польшей советское руководство отстаивало право на самоопределение Восточной Галиции после ее оставления Красной Армией²⁴³. Мирный договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей, с другой, заключенный в Риге 18 марта 1921 г., оставлял Восточную Галицию за пределами советской территории, причем Россия и Украина отказывались от всяких прав и притязаний на земли к западу от установленной границы²⁴⁴.

Между тем вынужденный отказ советского руководства от притязаний на Восточную Галицию еще не означал незаинтересованности красной Москвы в расширении своего социально-политического влияния на запад от новой советско-польской границы. По решению советских и польских коммунистов, с 1921 г. КПВГ признавалась частью компартии Польши (КПП). На международной арене советское руководство стремилось использовать противоречия между западными державами для пересмотра восточногалицийского вопроса, утверждая, что принцип ува-

жения статус-кво в отношении границ не равнозначен признанию этого статус-кво²⁴⁵. Правительства РСФСР и УССР неоднократно выступали против решения вопроса о государственной принадлежности Восточной Галиции без опроса ее населения. Однако решением Совета послов стран Антанты от 15 марта 1923 г. в качестве советско-польской границы была признана линия, установленная «по соглашению между обоими государствами и под их ответственность»²⁴⁶. Протестуя, советская сторона отказывала державам Антанты в «праве распоряжаться чужими территориями и судьбой народов»²⁴⁷. Выразила свой протест и украинская делегация польского сейма, заявив, что «это признание является преступлением против живого тела украинского народа»²⁴⁸. Советская сторона в начале 1920-х годов по официальным каналам предлагала западным партнерам обратиться к пересмотру государственных границ «на этнографической основе с применением плебисцита во всех случаях, когда это окажется необходимым»²⁴⁹.

II съезд КПП осенью 1923 г. высказался в пользу единства белорусского и украинского населения, разделенного советско-польской границей. КПВГ была переименована в КПЗУ (Коммунистическую партию Западной Украины) с расширением сферы ее деятельности на Волынь, Холмщину, Полесье, также отошедших к Польше. КПЗУ взяла курс на присоединение Западной Украины к УССР. Восточная Галиция стала «Пьемонтом» революционного украинофильства, выросшего там на почве прежних галицких украинофильских идей со всей их спецификой. В конгресс Коминтерна в июне—июле 1924 г. признал украинский вопрос одним из важнейших национальных вопросов Европы, а решение его необходимым в интересах пролетарской революции в Польше, Чехословакии, Румынии и соседних с ними государств путем воссоединения всего украинского народа в Украинской советской республике. Подчеркивалось, что победа возможна лишь в союзе с компартиями этих стран²⁵⁰. Украинский вопрос стал официально трактоваться как один из инструментов развития революционного движения в Европе. Под Украиной понималось уже не только Поднепровье, но также Новороссия, Подolia, Волынь, Холмщина, Восточная Галиция, Буковина, Угорская Русь (Закарпатье).

КПЗУ вела последовательную борьбу против московофилов, их идеи «единой и неделимой России». Польские власти использовали противоречия между московофилами и украинцами в своих целях, в связи с чем в КПЗУ даже отождествляли московофилов с польскими фашистами²⁵¹.

Москвофилы еще в конце 1920-х годов имели довольно сильные позиции в Галиции, особенно в деревне. На выборах в польский сейм за москвофильский список было отдано около 90 тысяч голосов (что сопоставимо с довоенными цифрами); и он успешно конкурировал с КПЗУ²⁵². Москвофилы проводили большую организационную работу. Их Галицко-русская народная организация, преобразованная в июне 1928 г. в Русскую селянскую организацию, требовала национального самоопределения «руськой» национальности наравне с другими. Они информировали о мартинологии карпаторусов и роли в ней украинцев в годы Первой мировой войны, реорганизовывали старые (Галицко-русская матица), и создавали новые культурно-просветительные и экономические организации. Особую активность москвофилы проявляли в религиозной сфере, как в униатской, так и православной среде, ведя борьбу против украинизации церкви²⁵³.

После присоединения почти всей Восточной Галиции к УССР в 1939 г. началась советская украинизация края. Москвофильские организации были разогнаны, москвофилы по большей части репрессированы. Украинофильство окончательно восторжествовало. Таков итог четвертого за 25 лет вступления России в Восточную Галицию. Хотя термин «русин» еще встречается даже в официальных советских документах 1945 г.²⁵⁴, население считается исключительно украинским. В СССР преследования последних москвофилов прекратились лишь в 1960-х годы Собственно, «усвоив австро-марксистскую точку зрения на национальный вопрос, усвоив от польско-немецких социалистов их взгляд на украинскую проблему, они (большевики. — В. С.) задолго до революции предопределили судьбу галицко-карпатской Руси». Советская украинизация Восточной Галиции после Второй мировой войны объективно подпитывала галицийское украинофильство (украинский национализм), антироссийское и антирусское по своей родословной.

* * *

История, как известно, не знает сослагательного наклонения, но это не означает отсутствия альтернативных путей развития. В начале XX в. у коренного восточнославянского населения в Галиции — русинов — имелись три пути дальнейшей национально-культурной эволюции: 1) традиционный, в качестве составной части малорусской ветви общерусской общности; 2) в направлении окатоличивания и полонизации; 3) в направлении украинизации и обособления. Последний представлялся тогда

наименее вероятной перспективой. Однако судьба региона сложилась так, что именно этот путь развития начал реализовываться. Украинаизация Восточной Галиции наложила свой отпечаток на этнокультурные процессы, определив национальное лицо региона.

Примечания

¹ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 33.

² АВПРИ ИДД МИД РОССИИ. Ф. 135. О. 474. 1863—1917. Особый политический отдел. Д. 156/89. Л. 1—3.

³ Там же. Д. 152/118. Л. 5—16.

⁴ Там же. Д. 156/89. Л. 4; Казанский П. Современное положение Червоной Руси. Одесса, 1914.

⁵ Карский Е. Ф. К вопросу о разграничении русских наречий. М., 1903; Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания (Под ред. С. Н. Южакова). СПб., 1906. Т. 15. С. 421; Брокгауз-Эфрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1889. Т. 47. С. 458; Большой всемирный Атлас Маркса. Пг., 1909 (допечатка 1916); Соболевский А. И. Русский народ как этнографическое целое. Львов, 1911. С. 12; Он же. О русских говорах вообще и белорусском говоре в частности (Ср.: Русск. Фил. Вестник. 1905. № 1. С. 54—56); Jubilaumsausgabe anderes band atlas fustle auflage prof. A. Scobel. Rielefeld; Leipzig, 1913.

⁶ Энциклопедический словарь. Брокгауз Ф.А. Ефрон И.А. СПб. Т. 53. С. 296.

⁷ Ширяев В. В. БЕЛАРУСЬ: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991. С. 75—108.

⁸ Podręcznik Statystyczny Galicji. Lwów, 1913. Т. IX. Cz. II.

⁹ Грушевский М. К польско-украинским отношениям в Галиции. Киев, 1905. Т. IV. С. 7—8.

¹⁰ Галичина, Буковина, Угорская Русь. М., 1915. С. 1—28.

¹¹ Макарчук С. А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западноукраинских землях в период империализма. Львов, 1983; Сема В. П. Трудящиеся Восточной Галиции в борьбе за власть Советов (февраль 1917 — сентябрь 1920). Киев, 1984; Литвин Н. Р. Борьба за установление власти Советов в Восточной Галиции (ноябрь 1918 — сентябрь 1920). Одесса, 1985; Сухий А. К. Влияние российского революционного движения на общественно-политическую жизнь Восточной Галиции (1900—1914 гг.). Львов, 1985.

¹² АВПРИ... Д. 156/89. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 155/117. Л. 41.

¹⁴ Там же. Д. 152/118. Л. 7; 155/117. Л. 63.

¹⁵ Там же. Д. 152/118. Л. 18.

¹⁶ Там же. Д. 152/118. Л. 27.

¹⁷ Там же. Д. 156/89. Л. 3.

¹⁸ Там же. Д. 155/117. Л. 14.

¹⁹ Там же. Д. 155/117. Л. 9—13.

²⁰ Там же. Д. 155/117. Л. 16.

²¹ Там же. Д. 155/117. Л. 16.

²² Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева. Второе издание. Carpatho-Russian Literary association P.O. Box C, Barrum Station Bridgest Connecticut, 1976. 06603. СПб., 1868. С. 33.

²³ Там же. С. 64.

²⁴ Там же. С. 57.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 64—65.

²⁷ Там же. С. 68.

²⁸ Там же. С. 69.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 42.

³¹ Там же. С. 15.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 51

³⁵ Там же. С. 76.

³⁶ Там же. С. 77.

³⁷ Там же. С. 69.

³⁸ Там же. С. 72.

³⁹ Там же. С. 74.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 58.

⁴² Там же. С. 73.

⁴³ АВПРИ... Д. 152/118. Л. 12.

⁴⁴ Там же. Д. 156/89. Л. 4.

⁴⁵ Там же. Д. 152/118. Л. 11.

⁴⁶ Там же. Д. 156/89. Л. 1—3.

⁴⁷ Там же. Д. 152/118. Л. 17.

⁴⁸ Там же. Л. 18—23.

⁴⁹ Там же. Д. 156/89. Л. 5.

⁵⁰ Там же. Л. 3.

⁵¹ Там же. Д. 152/118. Л. 19.

⁵² Там же. Д. 156/89. Л. 2.

⁵³ Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине. XIX—XX вв.

М., 2001.

⁵⁴ АВПРИ... Д. 155/117. Л. 18—19.

⁵⁵ Там же. Д. 152/118. Л. 22.

⁵⁶ Там же. Л. 18.

⁵⁷ Там же. Д. 156/89. Л. 5.

⁵⁸ Там же. Д. 155/117. Л. 24.

⁵⁹ Там же. Д. 152/118. Л. 25—27.

⁶⁰ Там же. Д. 155/117. Л. 24.

⁶¹ Там же. Д. 156/89. Л. 3.

⁶² Там же. Л. 6.

⁶³ Там же. Д. 152/118. Л. 8—10.

⁶⁴ Там же. Д. 156/89. Л. 3, 6.

⁶⁵ Там же. Д. 159/21. Л. 2—3.

⁶⁶ Там же. Л. 3—4.

⁶⁷ Там же. Л. 4—5.

⁶⁸ Там же. Л. 5—9.

⁶⁹ Там же. Л. 18.

⁷⁰ Там же. Л. 291.

⁷¹ Там же. Л. 292.

⁷² Там же. Д. 178/39. Л. 1.

⁷³ Там же. Д. 159/21. Л. 291.

⁷⁴ Галиция. Временный военный генерал-губернатор. Отчет по управлению краем за время с 1 сентября 1914 по 1 июля 1915 г. К. 1916 (далее — Отчет...). С. 2.

⁷⁵ Там же. С. 3.

⁷⁶ Там же. С. 16.

⁷⁷ АВПРИ... Д. 159/21. Л. 34.

⁷⁸ Отчет... С. 3.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительства 1878—1917 гг. М.-Л., 1935. Серия III. Т. 6. Ч. I. С. 248.

⁸¹ Бахтруина Ю. А. Политика Российской Империи в Восточной Галиции в годы первой мировой войны. М., 2000.

⁸² АВПРИ... Д. 159/21. Л. 33.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. Л. 33—34.

⁸⁵ Там же. Л. 183.

⁸⁶ Там же. Л. 34.

⁸⁷ Там же. Л. 34—35.

⁸⁸ Там же. Л. 182.

- ⁸⁹ Там же. Д. 190/21. Л. 23.
- ⁹⁰ Там же. Л. 20—26.
- ⁹¹ Там же. Д. 159/21. Л. 38.
- ⁹² Там же. Л. 38—39.
- ⁹³ Там же. Л. 39.
- ⁹⁴ Аристов Ф. Ф. Русское религиозное и национальное самосознание. Тифлис, 1918.
- ⁹⁵ АВПРИ... Д. 159/21. Л. 39.
- ⁹⁶ Миско М. В. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957. С. 29.
- ⁹⁷ Военные преступления Габсбургской монархии. 1914—1917. Галицкая Голгофа. Lanf Trumbull. Conn.USA, 1964. Вып. 1. От издателя. С. 3.
- ⁹⁸ АВПРИ... Д. 170/23. Брошюра. С. 18.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Военные преступления... С. 28—29.
- ¹⁰¹ Там же. С. 30—31.
- ¹⁰² Там же. Вып. 2. С. 75.
- ¹⁰³ АВПРИ... Д. 148/118. Л. 5.
- ¹⁰⁴ Военные преступления... Вып. 2. С. 143.
- ¹⁰⁵ Там же. Вып. 1. С. 4.
- ¹⁰⁶ АВПРИ... Д. 170/23. Брошюра. С. 23.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 24.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 25—27.
- ¹⁰⁹ Военные преступления... Вып. 1. С. 93.
- ¹¹⁰ Осечинский В. К. Галичина под гнетом австро-венгерской монархии в годы первой империалистической войны. Львов, 1949. С. 14.
- ¹¹¹ Военные преступления... Вып. 4. Ч. II. С. 25.
- ¹¹² Отчет... С. 2.
- ¹¹³ Военные преступления... Вып. 1. От издателя.
- ¹¹⁴ АВПРИ... Д. 159/21. Л. 33.
- ¹¹⁵ Военные преступления... Вып. 1. С. 80.
- ¹¹⁶ Там же. Вып. 1. С. 12.
- ¹¹⁷ АВПРИ... Д. 170/23. Брошюра. С. 23.
- ¹¹⁸ Военные преступления... Вып. 2. С. 144.
- ¹¹⁹ Там же. Вып. 1. С. 155; Вып. 2. С. 47.
- ¹²⁰ Макарчук С. А. Указ. соч.
- ¹²¹ Там же. Вып. 1. С. 14.
- ¹²² Там же. Вып. 1. С. 16.
- ¹²³ АВПРИ... Д. 159/21. Л. 67.
- ¹²⁴ Отчет... С. 4.

¹²⁵ Там же. Приложение № 1. С. 66.¹²⁶ Там же. Приложение № 6. С. 8.¹²⁷ АВПРИ... Д. 159/21. Л. 124—125.¹²⁸ Там же. Л. 127—128.¹²⁹ Там же. Л. 122.¹³⁰ Там же. Л. 157.¹³¹ Там же. Л. 121—122.¹³² Там же. Л. 142.¹³³ Там же. Л. 176—177.¹³⁴ Там же. Д. 170/23. Л. 17—19.¹³⁵ Там же. Д. 159/21. Л. 168.¹³⁶ Отчет... Приложение № 6. С. 8.¹³⁷ АВПРИ... Д. 152/118. Л. 63, 100; *Белоконский І. П.* Галичина під час російської окупації. Львів, 1915. С. 99.¹³⁸ АВПРИ... Д. 152/118. Л. 97—98.¹³⁹ Там же. Л. 99.¹⁴⁰ Там же. Л. 97.¹⁴¹ Там же. Д. 159/21. Л. 67.¹⁴² Там же. Д. 152/118. Л. 70—71.¹⁴³ Там же. Д. 159/21. Л. 108.¹⁴⁴ *Макарчук С. А.* Указ. соч. С. 59; Галиция... Отчет... Приложение № 1. С. 24.¹⁴⁵ Отчет... Приложение № 1. С. 28; Галиция... Отчет... С. 42—43.¹⁴⁶ Там же. Приложение № 1. С. 42—61; Галиция... Отчет... С. 19—34.¹⁴⁷ Там же. С. 2; Приложение № 6. С. 6—8.¹⁴⁸ АВПРИ... Д. 159/21. Л. 235—269.¹⁴⁹ Там же. Л. 291, 292.¹⁵⁰ Отчет... С. 49.¹⁵¹ АВПРИ... Д. 159/21. Л. 270—273.¹⁵² Там же. Л. 293.¹⁵³ Там же. Л. 291—292.¹⁵⁴ Там же. Л. 288.¹⁵⁵ Під пропором Жовтня. Вплив Велької Жовтневої Соціалістичної революції на піднесення революційного руху в Західній Україні. Документи і матеріали. Львів, 1957. С. 171.¹⁵⁶ Отчет... С. 46.¹⁵⁷ *Макарчук С. А.* Указ. соч. С. 62.¹⁵⁸ АВПРИ... Д. 179/34. Л. 70.¹⁵⁹ Там же. Л. 6—7, 17—27, 52—53, 62—68, 70—71.¹⁶⁰ Там же. Д. 152/118. Л. 114.¹⁶¹ Там же. Д. 159/21. Л. 287.

- ¹⁶² Там же. Л. 288.
- ¹⁶³ Там же. Д. 152/118. Л. 130.
- ¹⁶⁴ Там же. Д. 159/21. Л. 289—294.
- ¹⁶⁵ Военные преступления... Вып. 4. Ч. II. С. 90—91.
- ¹⁶⁶ АВПРИ... Д. 159/21. Л. 295.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 296—297.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 297.
- ¹⁶⁹ Там же. Д. 155/117. Л. 75—79.
- ¹⁷⁰ Там же. Д. 427. Л. 3.
- ¹⁷¹ Там же. Д. 159/21. Л. 299.
- ¹⁷² Там же. Д. 179/34. Л. 51.
- ¹⁷³ Там же. Д. 159/21. Л. 325.
- ¹⁷⁴ Там же. Д. 159/23. Л. 325—326.
- ¹⁷⁵ Там же. Д. 170/23. Л. 43.
- ¹⁷⁶ Там же. Д. 159/21. Л. 336.
- ¹⁷⁷ Там же. Д. 190/21. Л. 6.
- ¹⁷⁸ Там же. Д. 148/118. Л. 6.
- ¹⁷⁹ Там же. Д. 429. Л. 5.
- ¹⁸⁰ Там же. Д. 179/34. Л. 75.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² Там же. Л. 76—80.
- ¹⁸³ Там же. Д. 429. Л. 1—2.
- ¹⁸⁴ Там же. Л. 3.
- ¹⁸⁵ Там же. Д. 427. Л. 6; Д. 198/32. Л. 1.
- ¹⁸⁶ Там же. Д. 190/21. Л. 7.
- ¹⁸⁷ Там же. Д. 152/118. Л. 140—141.
- ¹⁸⁸ Там же. Л. 142.
- ¹⁸⁹ Там же. Д. 179/34. Л. 81.
- ¹⁹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 255—320; Т. 26. С. 106—110.
- ¹⁹¹ Там же. С. 432—433.
- ¹⁹² Никольников Г.Л. Брестский мир и Украина. Киев, 1981. С. 48.
- ¹⁹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 50.
- ¹⁹⁴ Під прапором... С. 78.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 83.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 93—99.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 97—99.
- ¹⁹⁸ БСЭ. Т. 26. М., 1933. С. 223; Під прапором... С. 113.
- ¹⁹⁹ Під прапором... С. 329—332.
- ²⁰⁰ Там же. С. 171.
- ²⁰¹ БСЭ. Т. 26. М., 1933. С. 223.

²⁰² Під прапором... С. 178.

²⁰³ Там же. С. 180.

²⁰⁴ Paryńska konferencja pokojowa. Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Parzyzu w 1919 roku. Warszawa, 1965—1968. Т. 2. С. 160.

²⁰⁵ Ibid. Т. 1. С. 164; Т. 2. С. 339—362.

²⁰⁶ Ibid. Т. 2. С. 342.

²⁰⁷ Ibid. Т. 2. С. 240.

²⁰⁸ Ibid. Т. 2. С. 244.

²⁰⁹ Ibid. Т. 2. С. 342.

²¹⁰ Николсон Р. Как делался мир в 1919 г. М., 1945. С. 126.

²¹¹ Sladek Z., Walenta J. Sprawy Ukrainskie w czechosłowackiej polityce wschodniej w latach 1918—1922 // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Dokumenty i materiały. Warszawa, 1968. Cz. III. С. 148.

²¹² Paryńska konferencja... Sprawy polskie... Т. 2. С. 222.

²¹³ Ibidem.

²¹⁴ Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918—1919). Warszawa, 1969. С. 252.

²¹⁵ Ibid. С. 299.

²¹⁶ АВП МИД РФ. Ф. 122. О. 2. П. 3. Д. 13. Л. 58—62.

²¹⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 272.

²¹⁸ Восьмая конференция РКП(б). Протоколы. Декабрь 1919 г. Москва, 1961. С. XIII.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1813. Л. 4.

²²¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1965. Т. III. С. 38.

²²² Під прапором... С. 327—329.

²²³ Там же. С. 329—332.

²²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 90. Л. 8; Там же. Д. 90. Л. 4.

²²⁵ Документы и материалы... Т. III. С. 240—241.

²²⁶ Під прапором... С. 349—350.

²²⁷ Сема В.П. Указ. соч. С. 21.

²²⁸ Там же. С. 336.

²²⁹ Там же. С. 353.

²³⁰ Там же. С. 305.

²³¹ Там же. С. 309.

²³² Там же. С. 310.

²³³ Там же. С. 290.

²³⁴ Там же. С. 281—282.

²³⁵ Там же. С. 364.

- ²³⁶ Там же. С. 424.
- ²³⁷ Там же. С. 530.
- ²³⁸ Там же. С. 516.
- ²³⁹ Там же. С. 565.
- ²⁴⁰ Сема В.П. Указ. соч. С. 16.
- ²⁴¹ Там же. С. 22—23.
- ²⁴² Під прапором... С. 609—610.
- ²⁴³ Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Акты советской дипломатии. М., 1928. Ч. III. Вып. 1. С. 62.
- ²⁴⁴ Там же. С. 102.
- ²⁴⁵ ДВП СССР. М., 1961. Т. V. С. 401.
- ²⁴⁶ Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная... Акты дипломатии иностранных государств М., 1929. Ч. III. Вып. 2. С. 195.
- ²⁴⁷ ДВП СССР. М., 1962. Т. VI. С. 241—242.
- ²⁴⁸ Штейн Б. Е. Русский вопрос на парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949. С. 200.
- ²⁴⁹ ДВП СССР. М., 1963. Т. VII. С. 197—198.
- ²⁵⁰ Там же. С. 144—145.
- ²⁵¹ Там же. С. 174.
- ²⁵² Винярський К. Третій З'їзд КПЗУ про нац. питання на Західної Україні. Харків, 1929. С. 90.
- ²⁵³ Політична ситуація на Західної Україні та завдання КПЗУ. Київ, 1929. С. 39—40.
- ²⁵⁴ Документы и материалы по истории польско-советско-польских отношений. М., 1974. Т. 8. С. 213, 217, 467—468.

Белорусско-украинские территориальные проблемы в контексте становления новой государственности (весна 1918 г.)

Процесс национально-государственного самоопределения Белоруссии и Украины в 1917–1918 гг. определялся схожими внутри- и внешне-политическими факторами, среди которых именно последние имели определяющее значение. Однако потенциал двух новых претендентов на субъектность в европейской политике оказался неравным. Если попытки национально-государственного строительства Белоруссии достаточно долго игнорировались мировым сообществом, то статус Украины в этом плане выгодно отличался. Параллельно с решением задачи поиска своего места в системе сложившихся международных отношений и Белоруссии, и Украине как geopolитическим соседям предстояло определиться в отношении друг друга, что оказалось задачей не менее сложной, чем добиться международного признания. В первую очередь это касалось территориальных проблем и пограничных вопросов.

Принятие 25 июня 1917 г. Украинской Центральной Радой (УЦР) I Универсала об образовании Генерального секретариата как автономного правительства Украины повлекло за собой первые дипломатические контакты Киева со странами Антанты. После провозглашения 7 ноября Украинской Народной Республики (УНР) в федерации с демократической Россией при УЦР появились официальные представители Франции и Англии, а также начались переговоры Украины с Австро-Венгрией и Германией. В результате делегация УНР в составе членов УЦР А. Севрука, М. Любинского и Н. Левицкого была допущена к участию в брестских переговорах и смогла отстоять украинские государственные интересы, в том числе и в территориальном вопросе. В соответствии с пунктом 2 «Мирного договора между Германией, Турцией, Австро-Венгрией, Болгарией и Украинской Народной Республикой» от 27 января 1918 г., северная граница УНР прошла по линии Тарноград—Белограй—Красностав—Мельник—Великолитовск—Каменец—Пружаны—Выгановское озеро. Для более точного проведения границы предусматривалось создание смешанной комиссии, этнографические исследования и учет пожеланий населения¹. Таким образом, находившаяся под немецкой оккупацией часть Западного Полесья с белорусским населением была передана Украине.

После срыва 18 февраля переговоров в Бресте и занятия германскими войсками всей территории Белоруссии в конце марта произошла официальная передача УНР и Восточного Полесья — Мозырского, Речицкого и Гомельского уездов. Из них была образована административно-территориальная единица в составе Украины — Драговичская земля с центром в Мозыре².

Последние события совпали с важнейшим актом государственного самоопределения Белоруссии: 25 марта в занятом немецкими войсками Минске национально ориентированные политические силы Белоруссии в лице Народного секретариата провозгласили независимость Белорусской Народной Республики (БНР). Конституционный документ независимой БНР — Третья уставная грамота — наряду с другими атрибутами и принципами государственности содержал определение территории республики: «все земли, где живет и имеет численное преимущество белорусский народ, а именно Могилевщина, белорусские части Минщины, Виленщины, Гродненщины, Витебщины, Смоленщины, Черниговщины и смежные части соседних губерний, заселенные белорусами»³.

ТERRITORIALНЫЙ вопрос стал причиной первого дипломатического контакта новообразованных Украинской и Белорусской народных республик. БНР рассчитывала на финансовую помощь и информационную поддержку Украины. Уже в конце марта была сформирована и направлена в Киев официальная «делегация Народного секретариата в деле переговоров», которую возглавил один из лидеров национального движения, народный секретарь БНР Александр Цвикевич. Задачи и полномочия делегации определялись специальным наказом. Ей поручалось официально известить правительство и народ УНР, а через телеграф последней и все народы о провозглашении независимости БНР; выяснить возможности получения украинского правительства займа в размере 500 тыс. карбованцев; наладить торговый обмен между двумя государствами и прямую телефонно-телеграфную связь между их столицами. В первую же очередь делегации поручалось настоять на решении вопроса о взаимной границе на основе этнографического принципа и на той же основе добиться поддержки Украины в определении западных и восточных рубежей Белоруссии с Польшей и Россией⁴.

Делегация в составе А. Цвикевича и еще одного члена Народного секретариата, С. Рак-Михайловского прибыла в Киев в первых числах апреля 1918 г. Здесь она была пополнена консультантами, которыми стали глава созданной в 1917 г. выходцами из Белоруссии Белорусской органи-

зации на Украине И. Курилович, а также активист белорусского и украинского национальных движений И. Красковский — на тот момент помощник министра внутренних дел УНР. Налаживание работы велось не без сложностей — около двух недель понадобились для официального признания делегации со стороны Центральной Рады.

Однако главная сложность решения не только территориального вопроса, но и двусторонних белорусско-украинских отношений в целом лежала в сфере общеевропейской геополитической ситуации. Первые белорусско-украинские дипломатические контакты становились элементом столкновений интересов государств в борьбе за окончание войны и послевоенное устройство Европы.

Занятая укреплением собственных государственно-территориальных позиций, Украинская Народная Республика видела свои внешнеполитические приоритеты в отношениях с государствами Запада. Появление на северных границах нового субъекта международных отношений в лице Белорусской республики стало для Украины событием во многом неожиданным, чреватым двойственными последствиями. С одной стороны, создавалась возможность избавления Украины от перспективы граничить на севере с враждебным большевистским режимом и у нее появлялся внешнеполитический союзник в достижении национально-государственных целей. С другой, появление Белорусской республики нарушило систему международных отношений, определенную Брестским миром. В соответствии с ним Украина вместе с другими участниками договора — странами Четвертного союза — приняла на себя обязательство не признавать государственных образований на временно оккупированных территориях России, каковой являлась новопровозглашенная БНР.

В силу этих обстоятельств реакция Украинской Центральной Рады на приезд делегации БНР оказалась выжидательно-осторожной, что проявилось на заседании Рады народных министров 10 апреля 1918 г. При обсуждении представленных белорусской делегацией заявлений и уставных грамот БНР министры обратили внимание на то, что образование независимой Белоруссии затрагивает интересы не только Украины, но и многих других государств, и для выработки украинской позиции необходимо выяснить их отношение к этому факту. Было решено снять вопрос о признании независимости БНР с обсуждения, ограничившись доведением до сведения белорусской делегации заявления о том, что «Рада народных министров принципиально ничего не имеет против признания Бе-

лорусской Народной Республики независимой и будет принимать меры для проведения этого дела в жизнь законными путями⁵. Формула не официального, а только фактического признания Белоруссии, не измененная на протяжении всего времени нахождения у власти Украинской Центральной Рады, определила политический фон, на котором проходили белорусско-украинские переговоры.

Деятельность белорусской делегации в Киеве можно разделить на два этапа. Первый, связанный именно с двухсторонними переговорами о границе, пришелся на последнюю декаду апреля. В мае—июне, когда переговоры фактически были свернуты, делегация выполняла функцию дипломатического представительства БНР на Украине.

Воздерживаясь от юридического признания БНР, Центральная рада, тем не менее, пошла на обсуждение территориальных вопросов. 15 апреля глава белорусской делегации А. Цвикевич передал заявление на имя министра иностранных дел и председателя Рады министров Украины В. Голубовича, в котором указывалось, что «невыясненность более—менее детальной границы между Украинской и Белорусской народными республиками производит на местах множество недоразумений, как в деле функционирования государственных и общественных учреждений, так и в жизни населения»⁶. В заявлении содержалась просьба о назначении компетентной комиссии для ведения переговоров и подписания соответствующего договора. В ответ на заявление белорусской стороны была сформирована украинская делегация, в состав которой вошли члены Центральной рады А. Лихнякевич, М. Петровский и Н. Свидерский.

Переговоры начались 19 апреля. Несмотря на официально выраженные взаимные заверения в поддержке государственного самоопределения и братских чувствах, обращение к территориальному вопросу сразу выявило серьезные противоречия сторон. Это обнаружилось уже на первом заседании при выработке исходных принципов определения государственных границ и подборе карт этнических территорий.

Белорусская сторона предложила в качестве основополагающего этнографический принцип, украинская настаивала на географическом и экономическом подходах. После долгой дискуссии стороны пришли к консенсусу: позиция белорусов дополнялась учетом географических и экономических факторов. Белорусская делегация заявила о принятии за основу карты этнографической белорусской территории Е. Карского 1917 г. Украинская сторона сообщила, что будет опираться на карты немецкого генерального штаба, в частности, на карту профессора Шеффера.

Вопрос о статусе западной части Полесья, переданной Украине по Брестскому миру, сразу вызвал обострение переговоров. А. Цвикевич заявил, что исходным принципом белорусской стороны является непризнание международного договора, затрагивающего интересы Белоруссии и подписанного без ее участия. Исходя из этого, территория Западного Полесья должна быть включена в предмет переговоров. Данное предложение было категорически отклонено. Возражения украинской стороны основывались на том, что Брестский договор имеет статус международного, а Белоруссия на момент его подписания не являлась субъектом международных отношений — появление *post factum* независимой БНР не может лишить документ силы. Острые споры не принесли результатов, и белорусская делегация вынуждена была просить отложить заседание.

Но в следующем заседании, однако, стороны не вернулись к обсуждению этого вопроса, сосредоточившись на определении линии государственной границы на востоке и западе. Придерживаясь этнографического принципа и в соответствии с картой академика Е. Карского, белорусская сторона предложила линию границы, которая имела своим восточным пунктом слияние рек Десны и Судости у населенного пункта Гремяч, затем шла на запад через Городню Черниговской губернии по Днепру до пересечения с границей Киевской губернии, дальше — по границе Минской губернии до населенного пункта Скородное, откуда поворачивала на север до Мозыря, продолжалась по Припяти и ее притоку Бобрику до Выгоновского озера, а затем ломаной линией проходила через Березу, Пружаны, Беловежу и Бельск до Мельника, где сходились границы Украины, Белоруссии и Польши.

Вариант, предложенный украинской делегацией, отодвигал межгосударственную границу далеко на север. Первоначально конечным пунктом на востоке предлагался Рогачев, затем была сделана уступка, в соответствии с которой линия начиналась от Мглина, шла по северной границе Черниговской губернии до населенного пункта Ветка, продолжалась на запад через Горваль, Загорье, Комаровицы, Морочь до Выгоновского озера. Подтверждалась неизменность позиции о закреплении западного участка границы на основании Брестского договора⁷. Дискуссия выявила, что с момента начала переговоров Украина сменила свои приоритеты в определении границы: вместо заявленных ранее географического и экономического принципов во главу угла были поставлены военно-стратегические соображения. Было открыто заявлено о необходимости сохранения Украиной бассейна Припяти и железной дороги Пинск—Гомель,

что обосновывалось интересами украинской безопасности на случай, если независимое белорусское государство не удержится и на его территории будет господствовать Россия или Польша.

Преобладание стратегических мотивов над этническими получило косвенное подтверждение и на встрече белорусской делегации с главой УНР М. Грушевским, который высказал мысль о возможности предоставления белорусам национально-персональной автономии путем создания в границах Гомельского, Мозырского и Речицкого уездов «белорусского Пьемонта». Украинский лидер признался также, что позиция УНР в определенной степени обусловлена требованиями Германии об обеспечении военно-политической безопасности Украины⁸.

Белорусская сторона попыталась выдвинуть контраргументы, в соответствии с которыми, сохранение бассейна Припяти и железной дороги Пинск—Гомель является необходимым условием экономического и политического укрепления Белоруссии, как гаранта внешней безопасности Украины в регионе. Делегация допускала возможность передачи железной дороги во временное пользование, по-прежнему настаивая на том, что «территория Припяти, которая принадлежит этнографически к Белоруссии, с точки зрения экономической, есть вопрос для нее жизни и смерти». Однако украинская делегация отклонила эти аргументы и предложения с мотивировкой, что уполномочена решать только вопросы государственной границы, а экономические отношения в ее компетенцию не входят.

В результате двух заседаний, несмотря на долгую дискуссию, вопрос остался неурегулированным, что заставило белорусскую сторону форсировать установление государственных границ на правительственном уровне. Созданная при Раде БНР комиссия международных дел приступила к точному и полному описанию границ Белоруссии. Для создания двух- и десятиверстовых карт Народный секретариат обратился к главнокомандующему германскими войсками в Белоруссии генерал-фельдмаршалу Гинденбургу, по приказу которого в состав комиссии были включены специалисты германского штаба Бехтер и Брант, а также представители инженерных войск Бениксон и Янушковский. Перед комиссией ставилась задача максимально точного определения границы с тем, чтобы при международном обсуждении иметь основание для отстаивания интересов Белоруссии, а при необходимости — также резерв для территориальных уступок⁹.

Со своей стороны, киевская дипломатическая миссия БНР расширяет круг участников переговоров и приглашает сначала в качестве консультанта, а затем и полноправного члена делегации известного ученого-

слависта, белоруса по происхождению, заведующего кафедрой русской истории Киевского университета Святого Владимира М. В. Довнар-Запольского. Решительная позиция последнего оказала значительное влияние на переговорный процесс.

Прежде всего М. В. Довнар-Запольский предложил исходить из нерушимости принципов государственно-национального самоопределения и интересов Белоруссии. По его мнению, отступление от линии границы, предложенной белорусской стороной, недопустимо, ибо «белорусы имеют и историческое, и экономическое, и этнографическое право на эти территории, даже значительно южнее, чем границы Минской и Гродненской губерний». Сохранение за Белоруссией Полесья ученый считал жизненно необходимым также для национального развития: «на востоке наши белорусы обрусили, на западе значительно ополячены, а наша южная часть самая ценная и в национальном, и в экономическом отношении»¹⁰.

Во-вторых, М. В. Довнар-Запольский понимал, что проблема государственно-территориального самоопределения Белоруссии и Украины может решиться только на почве признания их субъектами международных отношений и в контексте geopolитической ситуации в Европе. Не отрицая значения двусторонних переговоров, ученый считал необходимым вынесение вопроса на международную конференцию по послевоенному устройству. Последнее было особенно важным, по его мнению, ввиду слабости внешнеполитических позиций Белоруссии по сравнению с Украиной.

Исходя из этого М. В. Довнар-Запольский предложил поменять как тактику, так и стратегию белорусско-украинских переговоров. На первый план выходила задача информирования и выяснения отношения к белорусскому вопросу воюющих блоков, а также ближайших соседей, прежде всего Польши и России. ТERRITORIALНАЯ проблема урегулируется только на многосторонней основе, при условии использования противоречий между соседними странами. Анализ расстановки сил в Европе давал основания М. В. Довнар-Запольскому назвать два geopolитические полюса — Германию и Россию, лавирование между которыми давало Белоруссии потенциальную возможность стать центром равновесия в регионе. Историк считал, что усиление Польши и Украины не в интересах Германии. Именно «в этом плюс и возможный выигрыш для Белоруссии», которая может заинтересовать Германию и geopolitически, и в качестве рынка. И для России Белоруссия может быть предпочтительнее, чем сильная Украина. С другой стороны, сохранение белорусской государственности же-

лательно Польше и Украине, которые заинтересованы в отсутствии или сокращении непосредственных границ с Россией.

М. В. Довнар-Запольский считал, что вывод белорусского вопроса на международный уровень создаст дипломатические условия для укрепления позиций Белоруссии и на двусторонних белорусско-украинских переговорах. До достижения благоприятных условий эти переговоры следовало приостановить или перевести в экономическое русло¹¹.

Тактика, предложенная М. В. Довнар-Запольским, была принята делегацией и поддержана Народным Секретариатом БНР, который постановил, что при определении границ на юге требуется сохранение исторических границ Гродненской и Минской губерний, а на востоке необходимо исходить из этнографического принципа.

Хотя предложенная М. В. Довнар-Запольским тактика после довольно острой дискуссии была принята киевской делегацией БНР, успеха она не имела. Попытки перенести акцент в переговорах с проблем границы на экономические взаимоотношения были отклонены украинской стороной. Последняя настойчиво требовала признания *status quo* Западного Полесья и передачи Украине железной дороги Пинск—Гомель. Представители Белоруссии вынуждены были просить время для консультаций с Народным секретариатом, и переговорный процесс приостановился.

Одновременно делегация попыталась перейти к практическим шагам по выведению проблемы белорусской государственности на международный уровень. Первым таким шагом было признано обеспечение участия белорусской стороны в готовившейся российско-украинской встрече в Курске по поводу совместных границ. Достижение этой цели имело важнейшее политическое значение для Белоруссии, ибо все ее попытки вступить в дипломатический контакт с Россией заканчивались неудачей.

Вторым шагом стал визит членов белорусской делегации к немецкому послу на Украине Мумму. Последнему был передан составленный М. В. Довнар-Запольским мемориал — довольно объемный документ, смысл которого сводился к обоснованию исторических основ государственного самоопределения Белоруссии и возможности ее экономической самостоятельности. В мемориале рассматривалась альтернатива политического курса Германии в отношении Белоруссии. Допущение ее раздела и нарушение тем самым равновесия сил в регионе не принесет пользы самой Германии. Это было критикой курса, начатого Брестским миром. Второй путь, как указывалось в мемориале, заключался в поддержке государственного строительства и признании суверенного правительства

Белоруссии. Именно его выбор способен принести, кроме политических, также реальные экономические выгоды Германии, ибо Белоруссия обладает значительными экспортными возможностями поставок сельскохозяйственной продукции и леса в балтийский регион, да и сама способна стать рынком для германских товаров¹².

Продолжая разработку территориального проблемы, белорусская делегация подготовила проект «Пrelиминарного договора между Украинской Народной Республикой и Белорусской Народной Республикой по вопросу государственной границы». Документ констатировал, что этот вопрос ввиду занятых сторонами позиций превращается в долгосрочный, тем более что на первый план выходит выработка совместной белорусско-украинской платформы на переговорах о границе с Россией. В этих условиях предлагалось основать белорусско-украинское территориальное размежевание на следующих принципах: 1. Границы будут устанавливаться по взаимной двусторонней согласованности без участия третьей стороны; 2. Ратификация договора о границах должна произойти в течение месяца после окончания переговоров с Россией; 3. Представители белорусского правительства обязываются найти пути удовлетворения потребностей Украины в деле определения ее границ, взамен чего от правительства Украины необходимо обязательство поддержки на переговорах с Россией о признании независимости БНР и определении российско-белорусской границы¹³.

Однако эти инициативы делегации пришлись на момент острейшего политического кризиса, который привел к отстранению Украинской Центральной Рады от власти. Причины кризиса вытекали как из внутренней, так и из внешней политики Рады. Выявив историческую волю украинского народа к самоопределению, деятели Рады оказались малоподготовленными к реальному государственному строительству и решению острых социально-экономических проблем. Рада недооценила роль собственной военной силы в борьбе против внутренних и внешних противников, сделав ставку на приглашение иностранных войск. С усилением кризиса власти на Украине немецкая военная администрация все активнее вмешивалась во внутреннюю жизнь страны, что вызывало острые конфликты не только с населением, но и с Радой. Противоречия достигли своего апогея 28 апреля — в тот самый день, когда белорусская делегация утвердила проект прелиминарного договора: во время заседания Рады немецкий конвой прямо в зале заседаний арестовал министра иностранных дел

Н. Любинского и директора департамента министерства внутренних дел В. Гаевского.

Переворот произошел бескровно, под контролем немецкой военной администрации: 30 апреля Центральная Рада была распущена, вместо «Украинской Народной Республики» провозглашено новое официальное название страны — «Украинская держава».

В качестве главной внешнеполитической задачи гетманское правительство видело достижение международного признания Украинской державы. Ориентируясь прежде всего на Германию, оно добилось непосредственных контактов с высшей немецкой властью, чему способствовали визиты в Берлин председателя кабинета Ф. Лизогуба и самого П. Скоропадского в сентябре 1918 г.

Гетманское правительство обратило также внимание и на новые государственные образования на территории Российской империи: Финляндию, Литву, Грузию, Кубань, Дон, Крым, с которыми Украиной налаживались дипломатические контакты. Однако относительно Белоруссии гетманский режим демонстрировал иную позицию: предложения политических контактов с белорусской стороной принимались, но оставались без ответа, не решался и территориальный вопрос.

Со сменой государственно-политического режима в работе делегации БНР наступила новая пауза. 6 мая документы о ее полномочиях были переданы министру иностранных дел Н. Василенко, но ответа украинской стороны не последовало, и через некоторое время белорусская делегация была вынуждена снова напомнить не только о себе, но и о существовании Белорусской Народной Республики. 29 мая на имя уже нового министра иностранных дел Д. Дорошенко было направлено обращение, в котором напоминалось о проведенных ранее переговорах. Делегация сообщала, что начало переговорного процесса было расценено белорусской стороной «на основе законов и обычаев международного права... как скрытый факт признания Белорусской Республики и ее полномочного правительства». В обращении подчеркивалось, что смена правительства рассматривается белорусской делегацией как факт внутренней жизни Украины, не способный перечеркнуть развития межгосударственных отношений. Исходя из этого, делегация БНР высказывала надежду, что новое правительство Украины «с такой же братской готовностью» «...поддержит стремление белорусского народа в борьбе за его государственное существование». Белорусская миссия запрашивала украинскую сторону о возобновлении прерванных переговоров и о возможности оказания правительству БНР

дружественной поддержки в деле признания ее независимости Россией. В связи с этим в документе содержалась просьба определить форму и условия участия представителей Белоруссии в украинско-российских переговорах¹⁴.

Между тем правительство П. Скоропадского не спешило с формированием новой комиссии по переговорам о границе, хотя и не отклонило полномочий белорусской делегации. Практические же его шаги свидетельствовали о намерениях ускорить интеграцию северных территорий. В белорусские уезды назначались «повитовые комиссары» и были присланы формирования «державной варты». Начала осуществляться декларированная ранее украинизация школы и учреждений.

Указанные шаги украинского правительства вынудили делегацию Народного секретариата активизировать свою деятельность в качестве представителя белорусских интересов на Украине. В контакт с нею начали вступать силы, недовольные присоединением белорусских территорий к Украине. В адрес делегации поступили протесты Гомельской городской думы против присоединения города к Украине и присылки украинского комиссара. Дума просила делегацию встать на защиту права на самоопределение и проведение референдума о государственной принадлежности¹⁵.

С целью защиты интересов белорусского населения Киев посетил представитель Союза землевладельцев Пинского, Мозырского, Речицкого и Гомельского уездов Ф. Ф. Мухартов. Помимо встречи с украинским министром иностранных дел, он передал делегации заявление Союза, в котором утверждалось, что «население означенных уездов очевидно тяготеет к центру Белоруссии — Минску, не представляет своего государственного существования в составе Украины». В заявлении указывалось, что «насилие над волей населения в таком важном вопросе вопреки всем данным этнографии и истории этого края имеет самые отрицательные последствия. Назначение прошлым правительством Украины комиссаров в означенные уезды без ведома об этом населения очевидно противоречит элементарным правам этого населения, которые оно стремится отстоять». Союз землевладельцев предлагал отозвать украинских комиссаров и заменить их комиссарами Белорусской Рады, назначенными с согласия населения¹⁶.

Тогда же представители Мозырского, Речицкого и Гомельского уездов посетили Народный секретариат БНР с целью выяснить вопрос о перспективах белорусско-украинских переговоров и с просьбой оказать поддержку в открытии белорусских школ¹⁷. Обобщенный материал по обращениям

Делегация направила министру иностранных дел Украины в форме официального заявления.

Однако наряду с протестами украинские власти получали обращения и другого содержания, которые свидетельствовали о борьбе политических сил и государственных ориентаций на юге Беларуси. В момент, когда Гомельская городская дума протестовала против присоединения к Украине, общее собрание служащих мастерских железнодорожной станции Гомель постановило: «Гомель как единицу Российской Республики желательно влить в единую и неделимую Россию, но, учитывая состояние обстоятельств, присоединить к Украине»¹⁸.

Почти одновременно с Союзом землевладельцев белорусских полесских уездов министерство иностранных дел Украинской державы получило «Докладную записку», авторами которой являлись «коренные земельные владельцы Игumenского и Речицкого уездов» братья Землянские (один из них назвал себя «бывшим командующим отряда гетмана Скоропадского»). Они давали характеристику условий жизни и политических настроений жителей всей Минской губернии. Среди населения, по их мнению, существовали две ориентации, причем доминировала проукраинская, которой придерживалось большинство крестьян и землевладельцев-«русских» (православных). Эта группа была готова присоединить к Украине не только приграничные уезды, но и всю Минскую губернию, так как именно на товарообмене с Украиной основывалось благополучие края, а разрыв связей осознавался как экономическая катастрофа. Значительно меньшую группу населения составляла «так называемая шляхта и земельные владельцы-поляки», которые имели естественное тяготение к Польше, однако были готовы поддержать позицию большинства, чтобы избежать ломки хозяйства. В записке говорилось о том, что местное население уже изжило и «утопические большевистские иллюзии», и стремление «к сепарации и созданию собственной независимой державы». Последнее произошло вследствие понимания, «что край, бедный хлеборобной землею, и с населением, далеко политически незрелым, представляет собою объект сомнительного качества для создания самостоятельного государства, которому без поддержки соседей, прежде всего, тесно экономически с краем связанной Украины — было бы суждено кратковременное существование». В заключении авторы записки предлагали украинскому правительству использовать проукраинские настроения белорусского населения для расширения территории Украинской державы. В этих целях они требовали оказать неотложную продовольственную помощь белорусским уездам, а

также развернуть в них агитационную деятельность путем популяризации соответствующих лозунгов, присылки украинской литературы, издания местной газеты с четкой проукраинской платформой, инспирирования приговоров сельских сходов и органов городского самоуправления о присоединении к Украине¹⁹.

В таких условиях усилия белорусской делегации по организации новых переговоров не оказывали должного влияния на позицию украинского правительства в территориальном вопросе. Об этом свидетельствовали шаги по новому административному устройству Украинской державы. В начале июня вместо Драговицкой земли была создана временная Полесская губерния с включением в нее Речицкого, Пинского и Мозырского уездов. Гомельский уезд присоединялся к Черниговской губернии²⁰. Был разработан специальный «Законопроект об административном делении присоединенных к Украине уездов между губерниями», из которого видно, что территориальные претензии правительства Скоропадского не ограничивались границами, определенными Брестским мирным договором. В соответствии с проектом белорусские уезды распределялись следующим образом: Пинский, Брест-Литовский и Кобринский присоединялись к Волынской губернии, Мозырский и Речицкий — к Киевской, Гомельский — к Черниговской. Кроме этого, Департамент общих дел украинского правительства разработал план включения в состав губерний Украинской державы частей соседних уездов, в том числе и белорусских. Так, часть Пружанского уезда Гродненской губернии присоединялась к Кобринскому уезду, части Слуцкого и Бобруйского — к Речицкому, часть Сенненского — к Глуховскому Черниговской губернии, часть Рогачевского — к Гомельскому²¹.

Осознав невозможность решения территориального вопроса на межгосударственном уровне, делегация пришла к выводу о необходимости защитить белорусские интересы в присоединенных к Украине уездах посредством назначения в них комиссаров БНР, предложение о чем было направлено в Народный секретариат.

Указанная мера была осуществлена в начале июня. Местом нахождения комиссара БНР на присоединенных к Украине территориях был назначен Гомель. Полномочия комиссара определялись специальным удостоверением и сводились, главным образом, к созданию пунктов помощи и регистрации в качестве граждан БНР местных этнических белорусов и беженцев, покинувших западные районы Белоруссии по приказу российского военного командования в 1915–1916 гг. Работа с последними приобрела осо-

бую остроту и политическую окраску. По сведениям Народного секретариата, на территории Украины насчитывалось около 200 тыс. беженцев, большая часть которых концентрировалась в приграничных районах. В их среде активную работу развернули литовские и польские комиссии, которые регистрировали беженцев как граждан Польши и Литвы. Делегация по переговорам ставила вопрос о создании в Киеве белорусского этапно-регистрационного пункта и беженской комиссии в Гомеле.

В удостоверении комиссара перечислялись территории, на которые распространялась его компетенция и которые, следовательно, Белорусская Народная Республика рассматривала как сферы своего влияния. Таковыми являлись «вся Гомельщина и Полесье (уезды Минской губернии: Пинский, Мозырский, Речицкий; Могилевской губернии: Гомельский; Черниговской: Новозыбковский, Новгород-Северский, Суражский, Мглинский и Орловской губернии: Брянский)»²².

Территориальный вопрос не уходил из поля зрения делегации. Не добившись посредничества украинского правительства в деле допуска белорусов к участию в украинско-российских переговорах, она решилась на прямой контакт с российским представителем. 29 мая председателю российской делегации на Украине Х. Раковскому была вручена специальная нота, адресованная правительству Советской России. В документе напоминалось о провозглашении Белорусской Народной Республики и ее независимости, заявлялось о непризнании в связи с этим тех пунктов Брестского мира, которые касались территории и интересов БНР. Вместе с нотой были вручены документы, декларировавшие создание республики — II и III уставные грамоты БНР. Нота предлагала советскому правительству заключение договора о государственных границах. Ответа на нее не последовало.

В середине июня 1918 г. делегация БНР была отозвана в Минск, ибо Народный секретариат посчитал нецелесообразным ее дальнейшее пребывание в Киеве ввиду отсутствия прогресса на переговорах.

Таким образом, первый контакт двух исторически и этнически близких славянских народов на пути их государственного самоопределения выявил сложный комплекс проблем, в центре которых оказался территориально-пограничный вопрос. Именно в постановке этого вопроса заключалось значение первого опыта белорусско-украинского дипломатического взаимодействия. Заметим, что при изменении в дальнейшем формы государственности двух народов вопрос о границах в конечном варианте был решен на принципах, определенных белорусско-украинскими переговорами 1918 г., хотя, конечно же, без ссылки на них.

Примечания

- ¹ Українська Центральна Рада: документи і матеріали. В 2-х томах. Т. 2. Київ, 1997. С. 138.
- ² Там же. С. 181.
- ³ Спадчина. 1993. № 2. С. 107.
- ⁴ Архіви Беларускай Народнай Рэспублікі. Мінск—Вільнюс—Прага—Нью-Ёрк. Т. 1. Кн. 1. С. 60—61.
- ⁵ Центральный государственный архив высших органов власти и управления (ЦГАВО) Украины. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 4. Л. 67—68.
- ⁶ ЦГАВО Украины. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 62. Л. 5—5 об.
- ⁷ Там же. Л. 43—44.
- ⁸ Архіви БНР. Т. 1. Кн. 1. С. 110.
- ⁹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 191. Л. 182.
- ¹⁰ Архіви БНР. Т. 1. Кн. 1. С. 110.
- ¹¹ Там же. С. 111—112.
- ¹² Там же. С. 125—127.
- ¹³ ЦГАВО Украины. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 68. Л. 4—4 об.
- ¹⁴ Архіви БНР. Т. 1. Кн. 1. С. 15.
- ¹⁵ ЦГАВО Украины. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 139. Л. 1—1 обр.
- ¹⁶ НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 47. Л. 116.
- ¹⁷ ЦГАВО Украины. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 139. Л. 1—1 об.
- ¹⁸ Там же. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 186. Л. 75—77.
- ¹⁹ Там же. Л. 39.
- ²⁰ Там же. Л. 15—19.
- ²¹ Там же. Л. 38.
- ²² НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 22. Л. 162.

Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы¹

Российско-украинские отношения 1920-х годов в советской историографии рассматривались в основном с точки зрения «братского сотрудничества» в строительстве социализма. Закрытость темы объяснялась необходимостью представить убедительную картину формирования новой исторической общности — советского народа; между тем многие факты не укладывались в рамки официальной схемы.

Вплоть до конца 1980-х годов исследователи вынуждены были ограничиваться преимущественно констатацией факта изменения границ в 1920-е годы в работах, посвященных административно-территориальной реформе в СССР в целом и на Украине в частности².

Положение несколько изменилось в последние годы. Так, начиная с 1991 г. проблемам пересмотра границ между советскими республиками стали уделять внимание украинские учёные А. И. Ганжа, Б. И. Захарчук, В. Д. Боечко³, в работах которых затронут ряд важных аспектов российско-украинских отношений: разработка договоров о границах в 1917—1920 гг. между Украиной и другими советскими республиками, изменение границ УССР в середине 1920-х годов, образование Молдавской АССР, присоединение Западной Украины в 1939 г., вхождение Крыма в состав УССР и др. Однако обширность и неразработанность данной темы позволили авторам проанализировать лишь некоторые узловые моменты, оставляя другие практически не затронутыми.

В 1995 г. вышла в свет монография Н. А. Дьяковой и М. А. Чепелкина «Границы России в XVII—XX веках». В главе, посвященной урегулированию российско-украинской границы в XX в., главное внимание уделяется периоду 1917—1921 гг. Между тем процесс изменения границы между УССР и РСФСР в 1920-е годы освещается лишь в связи с административно-территориальным размежеванием в Восточном Донбассе, претензии же Украины на часть территории РСФСР не упоминаются (отмечается лишь, что «в 1926 году УССР был передан Путивльский район Курской области РСФСР», что не совсем верно, так как передавалась значительно большая территория)⁴.

Сохранившиеся архивные материалы позволяют заполнить имеющиеся пробелы в изучении данной проблемы и ввести в научный оборот но-

вый фактический материал. В настоящей статье предполагается осветить один из многочисленных аспектов формирования территории УССР — пересмотр границ в районе Воронежской, Курской и Брянской губерний в 1924—1926 гг. До сих пор указанной проблеме уделялось незаслуженно мало внимания. Между тем внутрипартийная борьба, взаимоотношения центра и республик в этот период оказали немалое влияние на устройство Союза ССР, во многом определив его дальнейшую судьбу. Чтобы более представить себе всю сложность российско-украинских отношений середины 1920-х годов, следует учитывать как расстановку сил во время образования СССР, так и особенности национальной политики Москвы в отношении союзных республик. Преследуя прагматические цели укрепления партийной власти на местах, стремясь взять под свой контроль ситуацию в республиках, высшее партийное руководство в 1923 г. объявило о необходимости коренизации республиканского партийного и государственного аппарата. Этот курс получил на Украине название «украинизации». Коренизация являлась своего рода «компенсацией» республиканским партийным лидерам за поддержку недавно образованного Союза и давала возможность контролировать национально-культурные процессы в республиках, демонстрируя решение национального вопроса в СССР и убеждая тех украинцев, которые проживали за пределами страны Советов, что только на Советской Украине они смогут реализовать свои национальные устремления. В рамках такого курса в УССР принимались широкие меры по внедрению украинского языка в средних и высших учебных заведениях, культурно-просветительных учреждениях, переводилось на украинский язык делопроизводство в партийных и советских учреждениях, средства массовой информации. Украинаизация должна была проводиться и на территории РСФСР, в местах компактно проживающего украинского населения.

В связи с этим особенно важным представляется выяснить, на какую территорию распространялась украинизация, как решались довольно сложные национальные проблемы на границе Украины и России, где проживало как русское, так и украинское население.

В период революции и гражданской войны границы Украины не раз меняли свои очертания в зависимости от расстановки политических сил. Временное правительство ограничивало компетенцию Центральной Рады

пятыми губерниями — Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской и большей частью Черниговской. В состав же провозглашенной 7 (22) ноября 1917 г. Украинской Народной Республики (УНР) вошли также Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Таврическая (без Крыма), южные части Курской и Воронежской губерний. Большевистское правительство по мере сил пыталось контролировать данный вопрос. Так, если существование УНР признавалось лишь в границах, определенных Временным правительством, то после установления советской власти на Украине ситуация коренным образом изменилась. В начале 1919 г. вопрос о границах советских республик обсуждался 25 февраля на межведомственном совещании при экономико-правовом отделе НКВД РСФСР. 10 марта украинский Совнарком утвердил «Договор о границах с Российской Социалистической Советской Республикой», признавший государственными административные границы девяти губерний, на территории которых проживали украинцы, — Киевской, Херсонской, Подольской, Волынской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Таврической⁵.

В следующем году в состав Украины был включен так называемый Донецкий округ, куда вошли Донецкий и часть Таганрогского округов бывшей Области Войска Донского, в том числе город Таганрог с прилегающей к нему довольно обширной территорией. Между тем уже через пару лет выяснилось, что Таганрог играл важную роль на Юго-Востоке России и был крайне необходим ей в первую очередь как глубоководный порт, способный принимать морские суда со значительной грузоподъемностью. С 1921 г. Донской исполнительный комитет и Краевой экономический совет Юго-Востока России (после проведения административно-территориальной реформы — Северо-Кавказский край РСФСР) ставят вопрос о возвращении под свою юрисдикцию «поспешно отделенных от него Таганрогского, Александро-Грушевского и Каменского районов»⁶. В декабре 1922 г., рассматривая вопрос о районировании РСФСР, Госплан пришел к выводу о необходимости образования в числе других экономических районов и Юго-Восточной Области с центром в Ростове-на-Дону, что вновь сделало актуальным возвращение России Таганрога и прилегающей к нему территории.

Ходатайства региональных властей, однако, долгое время оставались без ответа. Так, 14 апреля 1923 г. Крайэкономсовет Юго-Востока России

направил в НКВД письмо, в котором был поднят вопрос о границах Юго-Восточной Области и возможных ее изменениях. В нем, в частности, говорилось о том, что «современные границы Юго-Восточной Области экономически недостаточно целесообразны и, по мнению Крайэкономсовета, должны быть изменены включением в состав области Таганрогского и Александро-Грушевского районов»⁷. Региональные российские власти приводили подробное экономическое обоснование необходимости изменения этого участка украинско-российской границы.

Из него следовало, что Таганрог, являясь единственным глубоководным портом Юго-Востока на Азовском море и составляя своим рейдом часть Ростовского порта, «безусловно необходим для развития последнего» как крупного экспортного порта всего Юго-Восточного Края, а «для Украины, обладающей в Азовском море двумя портами, могущими принимать суда с океанской осадкой, Бердянском и Мариуполем, (Таганрог. — Е. Б.) не имеет такого существенного значения»⁸. К тому же «экономическая жизнь Таганрога является общей с Юго-Востоком, т. к. последний снабжает его заводы сырьем и является главнейшим потребителем их продукции». Речь шла об одном из крупнейших в то время Таганрогском металлургическом заводе, обеспечивавшем металлообрабатывающие предприятия Юго-Востока чугунным литьем, котельным и кровельным железом, сталью. Развитые в указанной области масличная и кожевенная отрасли промышленности также работали на юго-восточном сырье⁹.

Однако, помимо собственно Таганрога, обсуждалась также передача РСФСР Александро-Грушевского (Шахтинского) и Екатерининско-Каменского районов, бывших ближайшими поставщиками дешевого топлива и, «несмотря на административное разделение, связанных с Юго-Востоком более тесно, чем с Украиной». «Правильное разрешение ... вопросов энергетики и топливоснабжения Ростовского района, снабдителем Юго-Востока, — заключал Крайэкономсовет, — настоятельно требует объединения энергетического хозяйства Александро-Грушевского района с Ростовским»¹⁰. Таким образом, Юго-Восточная Область претендовала на возвращение Гундоровской, Каменской, Карпово-Обрывской, Калитвенской и Екатерининской волостей с населением 102 965 человек и площадью в 573 994 десятин.

Между тем Украина не спешила передавать указанные районы. Так, и на заседании президиума Укргосплана 22 мая 1923 г., было решено «считать передачу Шахтинского района, охватывающего огромную часть всего антрацитного района Донбассейна, нецелесообразным». Вместо этого предполагалось «разработать вопрос о возможной передаче Юго-Восточной Области узкой полосы по Донцу...» Признавая обоснованность экономических претензий Юго-Востока России на Таганрог, Укргосплан апеллировал к важнейшему для большевиков «классовому принципу»: он считал необходимым еще раз «выяснить вопрос с Таганрогской промышленностью и ее отношение к Донбассу в связи с политической целесообразностью отрыва крестьянского Таганрогского района от пролетарского Донбасса и присоединения этого района к Ростовской Области»¹¹.

Чтобы понять истинную подоплеку тогдашних коллизий, следует учитывать, что в это самое время (в середине 1923 г.) в Административной комиссии ВЦИК находились на рассмотрении дела о присоединении к УССР ряда волостей Путивльского и Рыльского уездов Курской губернии, а также Родионово-Несвитайской волости Черкасского округа Донской области¹². Что касается волостей Путивльского и Рыльского уездов, то желание местного населения, от имени которого и было составлено ходатайство во ВЦИК, мотивировалось лучшим сообщением указанных местностей с крупными городами Харьковской губернии, по сравнению с Рыльском Курской губернией. Вопрос о Родионово-Несвитайской волости был более запутан: в 1920 г. местное население высказалось пожелание войти в состав РСФСР, в 1923 г. — в УССР, и в первом, и во втором случае утверждая, что «туда дороги лучше и речек нет»¹³. Как бы то ни было, в 1923 г. вопрос о присоединении волостей Курской губернии к Украине не разрешился: курские власти высказались решительно против¹⁴, давления же на местных руководителей решено было, по-видимому, не оказывать. В. Д. Боечко, А. И. Ганжа и Б. И. Захарчук указывают на стремление жителей ряда пограничных с Украиной районов РСФСР войти в состав УССР еще в 1917—1918 гг.¹⁵ В то же время известно и отрицательное отношение народных масс губерний Черноземного Центра к территориальным притязаниям гетманской Украины в 1918 г.¹⁶

Настойчивость России в вопросе о присоединении Таганрога, Александро-Грушевского и Екатерининско-Каменского районов к Юго-Восточной Области РСФСР, по всей видимости, не вызвала восторга у укра-

инских руководителей. С другой стороны, «желание населения» ряда волостей Курской губернии войти в состав «братской Украины» оказалось как нельзя кстати. Пытаясь овладеть ситуацией, они выдвинули в начале 1923 г. проект пересмотра украинско-российских границ, требуя значительную часть Курской, Воронежской и Брянской губерний.

После ряда согласований и запросов местных российских властей 11 апреля 1924 г. постановлением Президиума ЦИК Союза ССР была создана специальная Комиссия по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР¹⁷. В комиссию, возглавлявшуюся председателем ЦИКа Белорусской ССР А. Г. Червяковым, вошли представители Всероссийского и Всеукраинского ЦИКОв: от РСФСР — А. Г. Белобородов и М. И. Лацис, от УССР — М. М. Полоз и А. И. Буценко¹⁸. Первое заседание комиссии состоялось 1 июля 1924 г. На нем и был рассмотрен украинский проект урегулирования границ.

Украинская делегация подчеркивала несовпадение этнографических границ Украины с границами девяти губерний, составивших УССР. «Еще при создании Украинской Социалистической Советской Республики, — напоминала она, — встал вопрос о несовпадении этнографических границ Украины с границами девяти губерний, заселенных в большинстве украинцами... Было решено этот вопрос отнести на более позднее время, когда, по окончании гражданской войны и укреплении советского строя, его можно будет решить во всей полноте после длительного и спокойного освещения со стороны этнографических и экономических данных»¹⁹. Именно этот этнографический момент был для украинской стороны главной официальной причиной пересмотра российско-украинских границ. Предметом бесконечных прений стали данные о численности и процентном соотношении проживающего в приграничной зоне украинского и русского населения. Наличие большого массива украинцев в приграничных с Украиной районах РСФСР придавало требованиям украинской делегации национальную окраску.

Украинские представители акцентировали внимание на том, что население прилегающих к Украине волостей часто обращалось за «удовлетворением соответствующих нужд», главным образом культурных потребностей, к украинским центрам. «И тут мы видим в Курской губернии, что еще с самого начала 1917 г., а особенно определенно это выступает после установления советской власти, население этих занятых преимуществен-

но украинцами территорий заявляет определенно свое желание быть включенными в состав Украинской Социалистической Советской Республики...»²⁰, — подчеркивалось в украинском проекте.

Исходя из указанных этнографических реалий, Украина выдвинула следующий проект изменения границ между РСФСР и УССР. Из Курской губернии УССР предлагалось передать ряд волостей Путивльского уезда (Бурынскую, Грузчансскую, Глушецкую, Казаченскую, Клепальскую, Николаевскую, Ново-Воскресенскую, Попово-Слободскую, Пригородную и Успенскую), Рыльского (Глушковскую, Кобыльскую, Кульбатинскую, Спагостьскую, Сухановскую, Теткинскую), Суджанского уезда (Беловскую, Гонтаровскую, Замостянскую, Крениченскую, Миропольскую, Ново-Ивановскую, Улановскую), весь Грайворонский (за исключением Буровской и Солдатской волостей) и весь Белгородский уезды, Пемскую волость Обоянского уезда, ряд волостей Корочанского (Кашеевскую, Нечаевскую, Пригородную, а также все южные волости этого уезда), несколько волостей Ново-Оскольского уезда (Троицкую, Халанскую, Булановскую, Михайловскую, Слоновскую, Чернянскую, Ольшанскую и Волтовскую). Из состава Воронежской губернии Украине должны были бы отойти Валуйский уезд, южная часть Острогожского, Россошский, Богучарский, северо-западные и юго-западные части Павловского и южная часть Калачевского уездов. Кроме того, Украина просила передать ей селение Знобь-Трубчевская Трубецкого уезда и ряд сел Севского уезда Брянской губернии, небольшую часть территории Минской губернии Белоруссии, находящейся на правом берегу реки Словечны, а также Семеновскую волость Ново-Зыбковского уезда Гомельской губернии БССР. Взамен перечисленного Украина предлагала передать Белоруссии части Гладковской, Словечанской и Юрковской волостей Коростельского округа Волынской губернии УССР²¹. Такую плату украинские руководители хотели получить за Таганрогский порт и уголь Александро-Грушевского и Екатерининско-Каменского районов.

Российские чиновники были, по-видимому, в курсе украинских притязаний еще до официального обсуждения украинского проекта 1 июля 1924 г. Однако ряд пунктов украинского проекта оказались неожиданностью для представителей РСФСР в Комиссии по урегулированию границ. Так, А. Г. Белобородов на заседании комиссии заметил, что относительно Курской губернии «у нас почти ничего нет возразить, но относительно

Воронежской губернии кажется, насколько я знаю, для нас это в большинстве является неожиданным ... Поскольку Украина ставит вопрос об отторжении целых уездов по существу половины Курской губернии, вопрос приобретает большое экономическое и политическое значение...»²² Представляется весьма вероятным, что украинские руководители первоначально выдвигали более скромные требования, которые в последний момент были пересмотрены и в значительной степени расширены. В сложившейся ситуации Комиссии по урегулированию границ приходилось быть крайне осторожной и, прежде чем принимать какое-либо решение, согласовать его с высшим партийным руководством, тем более что российская сторона, представленная курскими, воронежскими и брянскими властями, была настроена в отношении предлагаемых изменений резко отрицательно.

Российские власти на местах были оповещены об украинских притязаниях еще весной 1924 г. Так, 24 марта Курское губернское плановое совещание представило в губисполком свое заключение по вопросу о границах Курской губернии с УССР. Как в марте, так и позже, осенью 1924 г., мнение курских губернских властей было вполне однозначным. Курский губплан пришел к выводу, что характерной особенностью спорной пограничной территории является этнографическая чересполосность, затрудняющая разрешение вопроса о границах с точки зрения национального облика южных уездов Курской губернии. В то же время отмечалось, что «совершенно аналогичное явление мы наблюдаем и на территории УССР по смежству с Курской губернией». Учитывая имевшиеся в его распоряжении лингвистические данные, Курский губплан ссылался также и на то обстоятельство, что «язык населения в значительной части пограничной с УССР полосы Курской губернии является средним, переходным от украинского к великорусскому», «по территории пограничной полосы ... идет полоса чисто великорусских «егунских» говоров», вследствие чего «пограничную южную часть Курской губернии невозможно, по диалектологическому признаку, считать украинской». Поэтому при установлении новой административной границы «решающее значение должно быть оставлено за экономическими признаками»²³.

Отторжение же от Курской губернии уездов и волостей согласно проекту УССР «нанесет серьезный ущерб и единому хозяйственному плану Союза и будущему экономическому развитию Центрально-Черно-

земной области», потому что в этом случае «разрушается сконцентрированная компактная сахарная промышленность Курской губернии... РСФСР лишается базы сахарной промышленности в то время, как по проекту Госплана об образовании Центрально-Черноземной области, ее перспектива заключается в развитии сахарной промышленности»²⁴. Камнем преткновения была не только сахарная промышленность. Курская губерния имела хорошую перспективу развития горного дела благодаря «залеганию в ней области магнитной аномалии и месторождению белого писчего мела». Курская магнитная аномалия в 1924 г. была еще недостаточно изучена, однако геологи пришли к выводу, что «граница залегания этих полезных ископаемых совпадает примерно с существующей ныне южной административной границей». Поэтому «отчленение южных уездов Курской губернии нарушит целостность этого района, выделивши малоизвестные залежи от их естественного продолжения в Воронежскую губернию...»²⁵ Мнение курских властей оставалось неизменным на протяжении всего времени обсуждения вопроса о российско-украинской границе.

Более того, губернские власти, в свою очередь, выдвинули контрпредложение: они считали целесообразным присоединение к Курской губернии Новгород-Северского уезда, части Глуховского и двух волостей Кролевецкого уездов Черниговской губернии. Заявка Курского губисполкома на включение в Курскую губернию территории Украины была внесена для обсуждения в Комиссию по урегулированию границ²⁶.

Украинский проект обсуждался и в Воронеже. Любопытно, что 3 марта 1924 г. воронежские власти рассматривали претензии Украины лишь на Валуйский уезд, тогда как в украинском проекте пересмотра границ, рассматривавшемся в вышеупомянутой Комиссии 1 июля 1924 г., речь шла также и о южной части Острогожского уезда, Россоском и Богучарском уездах, северо-западной и юго-западной частях Павловского уезда, южной части Калачевского уезда Воронежской губернии. Это подтверждает наше предположение о том, что первоначальные украинские притязания затем были в значительной степени расширены. Как в марте 1924 г., так и через полгода, когда заключение Воронежского губисполкома было в очередной раз направлено в Москву, воронежские власти подчеркивали однородность Воронежской губернии по всем параметрам: этнографическому, почвенно-климатическому, хозяйственному и т. п. Губисполком считал содержащиеся в украинском проекте цифровые данные необос-

нованными и высказывался против изменения границ Воронежской губернии с УССР²⁷.

К аналогичным выводам пришли 10 сентября 1924 г. и в Брянском губисполкоме: «Национальный состав населения (11-ти населенных пунктов, на которые претендовала Украина. — Е. Б.) ... сплошь великороссийский... Природные условия, определяющие направление хозяйства ни в какой мере не отличаются от последующей части территории Брянской губернии...»²⁸ Напротив, причиной украинских претензий на часть Брянской земли является «ненормальное положение поселения Середина-Буда, расположенного на границе Брянской губернии и являющегося экономическим центром для окрестных селений, как Украины, так и Брянской губернии». Поэтому, по мнению брянских властей, Середина-Будский район, «сформировав его из ... селений Черниговской и Брянской губерний, подлежит включению в состав Брянской губернии...»²⁹

Таким образом, «спокойного освещения» проблемы получиться не могло³⁰. Российская сторона, представленная местными губернскими властями, активно возражала против включения части российских территорий в состав УССР и даже сделала попытку «перейти в контрнаступление» и предъявить свои претензии на украинские земли. Экономические аспекты оказались не менее острыми для обсуждения, чем национальные. Российско-украинские пограничные территории, входившие в уже сложившийся единый экономический район, стали предметом яростных споров: обе стороны подчеркивали необходимость тех или иных промышленных и сельскохозяйственных объектов для развития «своей» экономики. М. М. Полоз убеждал специально созданную комиссию, что «в Курской губернии и ... в Воронежской... расположена часть сахарных заводов, входящих в нашу Харьково-Сумскую группу»³¹. Главный акцент делался на том обстоятельстве, что сахарная промышленность Куршины и Воронежчины базировалась исключительно на украинской свекле. К тому же указанные районы связаны с «украинскими центрами» железнодорожными ветками. Словом, «экономическое тяготение», направленность грузооборотов и удобство администрирования требуют присоединения ряда русских волостей к Украине.

Оперируя лозунгами советской национальной политики, опираясь на решения XII съезда РКП(б) о коренизации, украинские партийные вожди сделали попытку разыграть почти беспроигрышную карту: сослаться

на волю украинского населения, требующего присоединения к национальному государству — УССР. Добиваясь присоединения к Украине довольно обширной территории, украинские руководители надеялись на успех, тем более что положение сторон было явно неравным: Украинской республике противостояли в данном случае отдельные области РСФСР. Влияние украинского партийного центра было несомненно более весомым, нежели мнение российских губернских исполнительных комитетов, хотя последние и рассчитывали использовать в своих интересах набирающие силу централизаторские устремления вышестоящих российских властей. Если украинская сторона всячески эксплуатировала национальный аспект проблемы, то российская подчеркивала другой ее аспект — экономический, указывая на вред центробежных процессов в новом государстве — СССР.

Комиссия по урегулированию границ, приняв к рассмотрению украинский проект, особо отметила, что в основу урегулирования границ между республиками в соответствии с принципами советской национальной политики необходимо «положить признак этнографический, исходя из абсолютного или относительного большинства той или иной национальности спорного района». Однако при этом комиссия оставляла для себя возможность отступления, указывая на необходимость учитывать также и экономические моменты — «экономическое тяготение в тех отдельных случаях, где оно является ярко выраженным, а также ... момент административного удобства лишь в отношении отдельных мельчайших административных делений»³². В связи с этим было решено более подробно изучить как материалы Курского, Воронежского и Брянского губисполкомов, так и соответствующие документы, представленные украинской стороной.

2 июля 1924 г. в Харьков была отправлена телеграмма с просьбой «срочно выслать экономические, этнографические, географические и иные материалы по установлению границ между УССР и РСФСР»³³. В ответ ВУЦИК решил подкрепить свою позицию авторитетным мнением двух крупнейших украинских историков — академиков Д. И. Багалея и М. С. Грушевского.

Вскоре, 1 сентября, в ЦИК СССР поступили две краткие исторические справки: та, что принадлежала перу Д. И. Багалея, носила название «Историко-этнографические и лингвистические материалы, касающиеся

северной границы УССР и РСФСР»; М. С. Грушевский назвал свою работу «К вопросу о восточных границах Украины».

Д. И. Багалей писал: «Всем хорошо известно, что границы губерний, как в пределах России, так и в пределах Украины, не имеют под собой национальной хозяйственно-экономической почвы»³⁴. Поэтому в основу государственного размежевания молодых советских республик должны быть положены принципы исторические, географические, этнографические, лингвистические и экономические. В своих выкладках академик уделил основное внимание этнографическим и лингвистическим моментам. Он подчеркивал, что «слободская Украина была населена почти исключительно украинцами с оазисами великорусского населения, а северная Московская степная Украина — великорусами с украинскими оазисами... часть ... уездов Курской и Воронежской губерний являлись в отношении колонизации продуктом смешанной великорусско-украинской колонизации с очевидно преобладающим количественно украинским этнографическим элементом...»³⁵. Таким образом, спорная территория, по мнению ученого, с точки зрения этнографии, являлась частью Украинской ССР. Д. И. Багалей доказывал также «общность хозяйственно-экономической жизни» этой части Курской и Воронежской губерний со «Слободянщиной и Харьковщиной», ибо «первые ... поселенцы принесли с собою в этот край свой общеукраинский хозяйственный уклад и культурно-бытовые формы с право- и левобережной Украины, откуда они сюда перешли... Этнографические черты всего этого населения также были более или менее одинаковыми, и это население чувствовало себя единым народом, который имел отличительные черты от населения великорусского»³⁶. При этом академик ссылался как на свои труды («Очерк по истории колонизации степной окраины Московского государства» и «Историю Слободской Украины»), так и на работы Московской диалектологической комиссии, с помощью которых он доказывал преобладание украинского населения в ряде уездов Воронежской и Курской губерний. Украинскими по составу населения Багалей считал Острогожский, Богучарский, Бирючинский, Белгородский, Грайворонский и Путивльский уезды.

Справка М. С. Грушевского носила несколько иной характер. Если Багалей основное внимание уделял все же современному этническому состоянию спорных территорий, то М. С. Грушевский обосновывает право Украины на часть Воронежской и Курской губерний, ссылаясь на историю

украинской колонизации. Он писал, что «нынешнее украинское расселение на юг от реки Сейма и на запад от р. Дона, разделенное в XVIII веке совершенно случайными губернскими границами, образовалось в XVII веке путем массового украинского движения на восток, представляя собой однообразную в этнографическом и хозяйственном отношении территорию — Украинский «Новый Свет», где украинский крестьянин искал себе места для своей работы, свободный от панской польской эксплуатации»³⁷. Ссылаясь на собственную «Историю Украины-Руси», Грушевский рассматривал процесс «украинского движения на Восток» начиная с конца XVI и вплоть до XIX в. В начале XVII в. граница украинской колонизации, по мнению ученого, проходила по линии Путивль, Старый Оскол, Костелки, Полтава, Старобельск, Богучар. После войн с Польшей в первой половине XVII в. «развернулось еще большее движение на восток» — на Дон, по реке Тихая, Сосна, Острогоща. В XVIII и XIX вв. с ликвидацией Крымского ханства это «расселение» проникает дальше на юг, «занявши всю территорию Азовского побережья и хребта Яйли». В результате «образовалась огромнейшая, необыкновенно однородная по языку и в этнографическом отношении область, так называемого юго-восточного украинского наречия»³⁸. Отрицая сложный характер колонизационных процессов указанных территорий, М. С. Грушевский в заключение делал вывод о необходимости «восстановления справедливости»: «Как будто бы настало время объединить край по принципам экономической и культурной целесообразности, порвав совершенно со случайными и механическими губернскими делениями, и соответственно размежевать и восточные границы Украинской Республики в целях достижения более планового производства и культурного развития»³⁹. В целом справка М. С. Грушевского является характерным выражением его концепции украинской истории, еще одной попыткой обоснования права украинского народа на государственное самоопределение.

Между тем вопросом о том, как будет разрешен вопрос о границах Украины с Россией, заинтересовался «ряд центральных и местных органов». Секретарь Комиссии по урегулированию границ А. Золотаревский направил 17 июля 1924 г. А. Г. Червякову служебную записку, в которой предлагал опубликовать заметку о работе комиссии в «Известиях», «Власти Советов», а также в украинских и белорусских газетах. Червяков не был против. Его резолюция на служебной записке Золотаревского гласила: «Статью

поместить следует. Можно было бы помещать статьи, выясняющие точки зрения по отдельным вопросам. 22 июля 1924 г.» Однако А. Г. Червяков, по-видимому, не решился сам принять решение по данному вопросу и обратился к секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе. Резолюция последнего на записке А. Г. Червякова была отрицательной: «До разрешения вопроса я лично не считаю возможным в печати обсуждать этот вопрос. Многие участки считаются очень спорными. 2 августа 1924 г.»⁴⁰

Тем не менее представителям украинской стороны удалось опубликовать в «Известиях ВЦИК» 18 октября 1924 г. статью «К вопросу об урегулировании государственной границы УССР с РСФСР и БССР». А. И. Буценко писал в ней о «выравнивании государственной границы УССР с соседними братскими пролетарскими республиками», что должно было затронуть, по украинскому проекту, территорию около 35 000 кв. верст с населением до 2 млн жителей. Призывая «к точному и скорейшему исполнению постановлений 12 партийного съезда по национальному вопросу» и прикрываясь лозунгами о «пролетарском единстве» и «свободном союзе», А. И. Буценко в то же время подчеркивал высокий процент украинского населения на территории Курской, Воронежской и Брянской губерний: «Украинскому народу дана полная возможность развивать свою украинскую культуру на своем родном языке и вот, дабы это право явилось достоянием также и тех крестьян, которые *случайно остались в РСФСР* (курсив мой. — Е. Б.), высший союзный орган принимает все меры к тому, чтобы украинские массы сплотились все вместе в одну пролетарскую семью...»⁴¹ Таким образом, несмотря на все надежды на «мировую революцию», в основу советской государственности автор статьи считал необходимым положить национальный признак.

Происходившие в Москве события стали предметом горячего обсуждения в пограничных районах Украины и России. В 1925 г. в «Воронежском краеведческом сборнике» была опубликована статья преподавателя кафедры русской истории Воронежского государственного университета, профессора кафедры русской исторической географии воронежского отделения Московского археологического института С. Н. Введенского «Об украинском населении в пределах Воронежской губернии (по поводу исторических справок академиков Багалея и Грушевского)». Профессор обращал внимание на то, что в освещении украинских академиков «остается в тени вопрос о самой территории, куда направлялись эти переселен-

цы. Создается впечатление, будто массы новых поселенцев оседали на местах, представлявших собой действительно «Новый Свет» — области никому дотоле не принадлежавшие и никем не освоенные ни исторически, ни со стороны их географической номенклатуры⁴². В свою очередь, он анализирует историю Воронежского края с точки зрения ее заселения и принадлежности к Рязанскому княжеству и Московскому государству. С незапамятной древности и до времени построения Воронежа (1586 г.) и других сторожевых городков (Оскол, Валуйки, Ливны и др.), — писал С. Н. Введенский, — территория Воронежской губернии всецело входила в состав коренных областей, освоенных великорусским племенем и никогда не представляла собой нейтральной, никому не принадлежащей или спорной полосы между двумя какими-либо этнографическими единицами⁴³. Он оспаривал мнение Багалея и Грушевского в отношении численности украинской колонизации Воронежской губернии, показывая, что в исторических справках этих ученых есть значительная доля преувеличения⁴⁴.

Жители пограничных с Украиной областей Курской, Воронежской и Брянской губерний проявляли немалую озабоченность судьбой спорных территорий. Положение осложнялось активностью местных партийных и государственных органов, ссылавшихся на протесты населения — как русского, так и украинского, — против присоединения их к УССР. Так, существуют выписки из протоколов заседаний фракций РКП(б) на россошском и острогожском уездных съездах Советов, проходивших в ноябре 1924 г. Делегаты высказывались против присоединения их уездов к Украине, мотивируя свою позицию не только экономическими соображениями, но и нежеланием самого населения, в том числе украинского. Делегаты острогожского съезда считали, что «имеющаяся в уезде часть украинского населения в силу проводившейся до революции национальной политики и по своим бытовым и культурным условиям к данному моменту ассилировалась с великорусским...»⁴⁵ Более того, на съездах прозвучало отрицательное отношение проживавшего на территории РСФСР украинского населения к начавшейся в указанных российских губерниях политике украинизации. В частности, отмечался отрицательный опыт украинизации некоторых школ «в пунктах с преимущественным украинским населением» — «при проведении в прошлом 1923—1924 учебном году в школах... преподавания на украинском языке население категорически отка-

залось», «частично выявленное мнение крестьянства свидетельствует об отсутствии у него желания проводить украинизацию, которая неизбежно связана с коренной ломкой выработавшихся и исторически установленившихся бытовых условий и языка»⁴⁶.

Отрицательное отношение к возможному пересмотру границ прозвучало и на IV сессии воронежского губисполкома (ноябрь 1924 г.). Так, председатель Богучарского уездного исполкома заявил, что «большинство жителей Богучарского уезда не желает присоединения к Украине» из-за «неудобства связи» с украинскими центрами. Его поддержали и другие делегаты. «О присоединении к Украине в нашем районе говорят уже давно и крестьяне знакомы с этим вопросом, — отмечал представитель воронежского губисполкома. — Настроение крестьян по этому поводу отрицательное»⁴⁷. В определенной степени такое нежелание объяснялось упорно ходившими среди местных крестьян слухами, будто «на Украине еще действует военный коммунизм». Подобные сведения вызывали серьезную озабоченность сельского населения.

Горячо обсуждался вопрос о целесообразности обучения украинского населения, проживавшего на территории РСФСР, на родном языке. Прежде всего указывалось на острую нехватку учителей, владевших украинским языком. Так, в Богучарском уезде Воронежской губернии, «несмотря на полную возможность образования украинских школ», имелась всего одна такая школа. Причина была довольно проста: «Учительство же вообще украинского языка не знает»⁴⁸. Один из делегатов сессии, крестьянин Россосского уезда заявлял, что «украинский язык среди населения совершенно не пользуется популярностью. Как-то в уезде проводилась кампания по организации украинских школ, населению предлагалось, по его желанию, устраивать школы с обучением на украинском языке, и, несмотря на это, не было создано ни одной украинской школы»⁴⁹.

На сессии поднимался также и такой существенный вопрос, как национальное самосознание местного населения. Председатель острогожского исполкома настаивал, что «большинство жителей Острогожского уезда определенно не считают себя малороссами», «украинизация в Острогожском уезде совершенно невозможна и должна перевернуть всю жизнь верх дном»⁵⁰. Имела место и попытка местных властей узнать настроение масс по поводу украинизации, используя губернскую крестьянскую «Нашу газету». В последней была открыта специальная рубрика: так

называемый «украинский куток» — в расчете на то, что крестьяне будут присыпать заметки на украинском языке. «После двух-трех заметок “Куток” заглох», «...крестьянство осталось глухим, совершенно не интересуясь данным вопросом... Жители не считают себя хохлами»⁵¹.

Любопытной была ситуация и по украинскую сторону границы. Два жителя города Середино-Буда Черниговской губернии, подписавшиеся как «инструктор Степашко — украинец, зав. конторой Гвоздя — белорус», направили в Комиссию по урегулированию границ весьма примечательное письмо, явившееся ответом на уже упоминавшуюся опубликованную в «Известиях ВЦИК» статью А. И. Буценко. В письме высказывалось мнение о проектах присоединения к Украине частей Севского и Трубчевского уезда Брянской губернии. К сожалению, невозможно установить, кем именно работали авторы письма, выражали ли они мнение общественности или же номенклатуры. «По пятилетней работе именно в этих пограничных районах Брянской губернии, — писали Степашко и Гвоздя, — пришлось хорошо узнать не только пограничные части указанных уездов, но и прилегающих к ним районов Глуховского и Новгород-Северского уездов Черниговщины». «Мы хотели узнать от т. Буценка, в каких из пограничных селений (Севского уезда. — Е. Б.) ... можно отыскать хотя бы одного, именно одного, украинца». Авторы письма с иронией спрашивали, можно ли в пограничных с РСФСР городах Черниговщины найти также «хотя бы одного украинца»⁵². Степашко и Гвоздя обращали внимание на острую нехватку учителей украинского языка. Например, «когда весной в этом году в городе Середино-Буде Черниговской губернии было получено предписание ввести с 1 августа украинский язык — все всполошились. Бросились искать украинцев, могущих хотя бы чему-нибудь научить по-украински. Нет никого. Наконец нашли кого-то, но (он. — Е. Б.) оказался исключенным из профсоюза, как чуждый элемент. Пришлось пойти на поклон — предложить принять вновь его в профсоюз — учи только». Не лучше обстояло дело, по сведениям авторов письма, и в местных органах власти. В сельских исполкомах делопроизводство на украинском языке вызвало большие затруднения: «Лихо ее знает, что тут написано»⁵³.

Таким образом, отношение местного населения и губернских властей к перспективе переноса границы было весьма непростым. С одной стороны, нельзя не учитывать петиции жителей Гомельской, Брянской, Курской и Воронежской губерний о присоединении их к Украине⁵⁴. В то же

время имели место и прямо противоположные настроения местного крестьянского населения, на которые ссылались губернские деятели. Все это явилось следствием как чрезвычайно сложного этнического состава населения пограничных с Украиной российских территорий, так и актуальности «украинского вопроса» в связи с разворачивавшейся коренизацией. Ведь украинизация должна была проводиться не только в УССР, но и среди компактно проживающего украинского населения на территории РСФСР. Действительно, на территории указанных губерний проживало большое количество украинцев, на чем справедливо настаивала украинская сторона Комиссии по урегулированию границ. В то же время, эти украинцы, по собственному признанию, не знали украинского языка и не желали его изучать. Подобное обстоятельство, а также острая нехватка специалистов, владевших украинским языком, весьма затрудняли внедрение в жизнь решений XII съезда партии по национальному вопросу.

Реакция большей части украинского населения российских губерний в отношении предпринимаемых местными властями попыток украинизации была весьма однозначной. Украинские крестьяне в указанных районах не желали обучать своих детей в украинских школах. Так, еще в августе 1917 г. острогожская уездная земская управа при помощи анкетирования попыталась выяснить, желает ли сельское население ввести преподавание в школах на украинском языке. Ответы, полученные к началу декабря, свидетельствовали о явном нежелании проводить какую бы то ни было украинизацию: из 44 сельских обществ только 9 высказалось «за», а остальные — «против»⁵⁵. Ассимиляционные процессы зашли достаточно далеко, и провести украинизацию школ, делопроизводства и периодической печати можно было лишь при помощи принудительных административных мер. Именно по такому пути и пошли местные власти. Так, в августе 1925 г. на заседании президиума воронежского губернского комитета РКП(б) был заслушан доклад о состоянии просвещения национальных меньшинств и последовало решение о расширении сети украинизируемых школ. Число школ с преподаванием на украинском языке увеличилось с 32 в 1924 г. до 90 в 1926 г. Однако перевод делопроизводства административных и судебных учреждений на украинский язык в районах с преобладающим украинским населением был признан нецелесообразным «ввиду отсутствия необходимых для этого подготовленных работников и средств»⁵⁶.

* * *

Между тем работа по урегулированию границ шла своим чередом. Летом 1924 г. был в значительной степени разрешен вопрос о Таганроге и прилегающей к нему территории. Дело не обошлось без вмешательства высших партийных органов. По всей видимости, соглашения не удалось бы достичь без решения ЦК РКП(б), куда обратились власти Юго-Востока. Политбюро ЦК РКП(б) 11 июля 1924 г. вынесло решение о присоединении Таганрогского и Александро-Грушевского (Шахтинского) округов к РСФСР (данная территория должна была войти в создаваемый Северо-Кавказский край РСФСР), хотя это решение и вызвало недовольство Политбюро ЦК КП(б)⁵⁷. Накануне партийного пленума в середине августа 1924 г. по поручению И. В. Сталина была разослана членам и кандидатам ЦК и Президиума ЦКК записка Юго-Востокрайкома о присоединении Шахтинского и Таганрогского округов к Юго-Востоку, что оказало большое влияние на решение пленума⁵⁸.

Итак, судьба Таганрога была решена. 24 июля 1924 г. Секретариат ВЦИК образовал специальную Комиссию для установления точных границ отходящих от УССР к РСФСР районов⁵⁹. Была создана так называемая Паритетная комиссия донецкого губисполкома и юго-восточного крайисполкома, которая руководила непосредственной передачей территории. В состав РСФСР с 1 октября 1924 г. передавались Шахтинский, Сулиновский, Владимировский, Усть-Белокалитвенский, Ленинский, Глубокинский, Каменский, Федоровский, Николаевский, Матвеево-Курганный, Советинский райны, части Алексеевского, Екатерининского, Голодаевского и Сорокинского районов, а также город Таганрог и Мариенгеймский сельсовет из Амвросиевского района⁶⁰. Соглашение было достигнуто пока только на уровне представителей донецкого губисполкома и юго-восточного крайисполкома, однако затем соответствующее решение, как мы увидим позже, было вынесено и президиумом ЦИК СССР.

Реакция крестьян и казаков, оказавшихся в результате урегулирования украинско-российской границы на территории УССР, была сходной с настроениями жителей Курской и Воронежской губерний. С октября 1924 г. в комиссию ЦИК СССР по районированию поступили протоколы общих собраний крестьян ряда сельсоветов Донецкой губернии, ходатайствовавших о присоединении их к РСФСР (хутора Ново-Петровский, Елисаветовский Григорьевского сельсовета Голодаевского района, слобода

Матвеев Курган Таганрогского округа, Успенский сельсовет Амвросиевского района Сталинского округа, слобода Голодаевка Таганрогского округа), а также целого района — Екатерининского района Таганрогского округа. В качестве основания крестьяне отмечали не только экономическое «тяготение» к Юго-Востоку, удобство связи и т. п., но и свое нежелание примириться с украинизацией школ, делопроизводства и т. п. «Украинский язык мы уже забыли, охотно мы и наши дети учим русский язык. Украинская литература для нас непонятна, — писали этнические украинцы, проживавшие в Донецкой губернии. — Изучение чуждого для нас языка, непонимание всех распоряжений советского правительства, издаваемых на украинском языке заставляет население... совершенно терять всякое понимание законов советской власти»⁶¹.

Кроме того, в стенографическом отчете заседания Комиссии ЦИК СССР по районированию от 14 ноября 1924 г. упоминалось, что «имеется делегация от крестьян, которые возражают против присоединения их к Украине, включительно до самых решительных действий в этом направлении, какие доступны в пределах легальности. Они говорят, что не будут подчиняться, что не признают этого языка, что они его учили и не выучили, что не хотят учиться и т. д.»⁶² Настроения местного населения, кроме морального воздействия на членов комиссии, никакого существенного влияния на урегулирование вопроса об украино-российской границе не оказывали. Несомненно более важным для комиссии было мнение «незаинтересованных» инстанций. 17 октября 1924 г. по различным центральным ведомствам были разосланы специальные запросы о целесообразности передачи Украине частей территории РСФСР. Письма были направлены в Центральное статистическое управление, Наркомзем РСФСР, Наркомпочтель, Наркомвнугторг, Хлебопродукт, Сахаротрест, в ВСНХ РСФСР и ВСНХ СССР, Центросоюз и Наркомпутъ.

Несколько ведомств сочли нецелесообразным передачу части территории РСФСР Украине. Это касается ответа ВСНХ РСФСР, Центросоюза, Наркомзема, Хлебопродукта. Другие же отвечали уклончиво, считая, что передача части территории РСФСР Украине не вызовет затруднений в работе их ведомств (Наркомвнугторг, Наркомпочтель), или же вовсе не давали никакого ответа, мотивируя необходимостью специального изучения вопроса (Наркомпутъ, ЦСУ). Сахаротрест считал некоторые участки границы между УССР и РСФСР «неудобными» для сахарной промыш-

ленности и предлагал «исправить» ее — либо за счет российских, либо за счет украинских земель с тем, чтобы заводы не оказались отделенными от источников сырья — районов выращивания сахарной свеклы⁶³.

Свою позицию определил и Президиум ВЦИК, постановление которого гласило: «Ввиду запроса членов комиссии от РСФСР об их линии поведения при рассмотрении границ РСФСР и УССР предложить им руководствоваться:

1. национальным составом населения,
2. тяготением населения к той или другой республике,
3. принимать во внимание экономические соображения и 4. идти на встречу УССР *всюду*, где это *резко* (курсив мой. — Е. Б.) не нарушает интересов пограничного населения РСФСР»⁶⁴. Возможно, такое решение было вызвано опасением из-за неуступчивости делегации РСФСР потерять Таганрог и Шахтинский округ, постановление о передаче которых России еще должно было утверждаться Президиумом ЦИК СССР. В целом же указание «идти навстречу УССР» отражает сложную ситуацию в стране, когда еще не до конца утихли споры по поводу создания СССР и роли союзных республик в нем, а на высших партийных уровнях звучали требования «безусловно удовлетворять» нужды и запросы отдельных республик и бороться с «великорусским шовинизмом»⁶⁵.

К ноябрю 1924 г. в Комиссии по урегулированию границ накопилось довольно большое количество материалов, составленных как украинской стороной, так и российскими губисполкомами. Чтобы обработать полученную информацию для предстоящего заседания комиссии, 11—12 ноября 1924 г. работала специальная техническая подкомиссия. В состав последней вошли сотрудники ЦИК СССР и РСФСР, Госплана, а также представители украинской и российской сторон. Подкомиссия в основном занималась систематизацией имеющегося материала «по национальным вопросам», т. е. пыталась сопоставить данные по национальному составу населения южных российских губерний. Сотрудники подкомиссии были поставлены в довольно сложные условия: цифры, представленные украинской и российской сторонами, нередко отличались друг от друга. В ходе напряженной работы были определены волости с преобладающим украинским населением, расположенные на территории РСФСР, причем решено было руководствоваться официальными материалами ЦСУ⁶⁶. Убедившись в сложной этнической ситуации в пограничных с Украиной российских

уездах, подкомиссия, видимо, старалась ограничиться исключительно работой со статистическими материалами, оставляя право решать вопрос о целесообразности передачи той или иной территории к Украине непосредственно комиссии ЦИК.

Техническая подкомиссия должна была также суммировать данные о предполагаемых экономических последствиях передачи российской территории УССР. Основное внимание уделялось Курской губернии, так как большая часть территории, на которую претендовала Украина, входила в состав именно этой губернии. Она, в случае удовлетворения украинской заявки, теряла более 50 % всех сахарных заводов, более 64 % рабочих, занятых в отрасли; кроме того, для губернии были бы полностью потеряны меловая, керамическая, лесопильная, крахмало-паточная, шерстяная, пеньковая промышленность. Значительный ущерб был бы нанесен торфянной, мукомольно-крупяной, винокуренной, масляной и кожевенной промышленности. В результате подкомиссия сделала следующие выводы: национальный состав спорных территорий отличается чрезвычайной чересполосностью; вопросы должны решаться на основе «политических соображений», имея в виду не только национальный состав населения отторгаемой территории, но и возможный экономический ущерб курской промышленности⁶⁷.

14 ноября 1924 г. вопрос об урегулировании границ рассматривался на заседании комиссии ЦИК СССР по районированию. «В части наших границ с Юго-Востоком вопрос был согласован, — отмечали члены комиссии. — Согласован был вопрос о границах и в пределах Белорусской Союзной Республики...» Трудности в установлении российско-украинской границы в районе Воронежской, Курской и Брянской губерний объяснялись «необычайным национальным переплетом», что не позволяло руководствоваться исключительно национальным признаком. Члены Комиссии ЦИК СССР по районированию рассматривали и «экономические признаки». В соответствии с ними, «все эти территории, на которые претендует Украина, тяготеют к РСФСР, и, больше того, часть территории Украинской Республики тяготеет к РСФСР». В итоге делался вывод о необходимости руководствоваться не только этими двумя принципами, но также учитывать то, что он называл «признаком административного порядка» — «выпрямление границ с целью удобства управления»⁶⁸.

Между тем украинская сторона была явно недовольна затянувшимся рассмотрением своего проекта. На упомянутом заседании отмечалось, что «Украина настаивает на том, чтобы мы передали часть территории Воронежской губернии — 4 уезда — и мотивирует это тем, что пришлось сделать уступку нам в установлении границ в части Юго-Востока... Это основной мотив, что раз мы отдали в пределах Юго-Востока, извольте что-нибудь дать на Севере»⁶⁹.

Неудивительно, что настроение участников заседания зачастую было не в пользу украинских пожеланий: «В Украинской ССР имеется сейчас уже не менее 3 миллионов великорусского населения, поэтому спор вести из-за того, что какой-то клочок с украинским населением останется в пределах РСФСР, только потому, что это украинское население, конечно нельзя»⁷⁰. «Мы, как республики единого Союза, не можем базироваться только на национальном признаке, — подвел итоги заседания А. С. Енукидзе. — В общих интересах Союза огромнейшее, даже первенствующее значение имеет экономический фактор, так что из-за чисто национального признака, часто сомнительного, неясного, мы не можем экономически ослабить важнейший район, который имеет значение для всего Союза ... Украина как мощная сама по себе республика и мощная нация совершенно не нуждается в том, чтобы непременно выдергивать украинское население из великорусских областей и экономически ослабить этим и РСФСР и УССР»⁷¹.

Комиссия продолжила свою работу 27—28 ноября 1924 г. Открывая заседание, председатель комиссии А. Г. Червяков обратил внимание ее участников на политическую сторону обсуждаемого вопроса. «Работы нашей комиссии, — сказал он, — стали предметом обсуждения, полемики, нападок, всяких инсинуаций в заграничной прессе, главным образом в эмигрантской прессе и в польской ... Мы по отношению к Польше ведем довольно агрессивную политику в смысле поддержания национального движения, национальных меньшинств, находящихся в Польше, украинцев и белорусов. По отношению к ним мы ведем борьбу за всякий клочок, на котором живут украинцы или белорусы, требуя включения их в состав территории Украины или Белоруссии... Поэтому у себя на территории нужно быть особенно выдержаными для того, чтобы избежать возможности упрека в том смысле, что мы требуем по отношению к Польше одного, в то время как не проводим до конца нашей национальной политики. Наша работа сделалась предметом инсинуаций заграничной прессы в

том смысле, что украинские домогания на присоединение к Украине территории с украинским населением встречают решительный отпор со стороны русских товарищей...»⁷²

Действительно, вопрос о границах между УССР и РСФСР не мог не обратить внимание зарубежной печати, в том числе эмигрантской. Решение столь сложного вопроса, последствия которого могли быть весьма серьезными, требовало от членов комиссии особой осторожности. Невозможно было провести всю работу по изменению границ в строжайшем секрете, слухи о работе комиссии, несмотря на все прилагаемые усилия, просачивались за рубеж. Хотя мнение международной общественности не оказалось принципиального воздействия на итоги работы комиссии, однако внимание иностранной печати к проблеме украино-российской границы могло в значительной степени ее ускорить.

27–28 ноября 1924 г. комиссией было решено передать Украине часть территории Курской губернии — ряд волостей Путивльского уезда, Крениченскую волость Суджанского уезда, весь Грайворонский уезд (за исключением Бутовской волости), весь Белгородский уезд, ряд волостей Корочанского уезда и часть Ново-Оскольского уезда, — а также Семеновскую волость Гомельской губернии, село Знобь-Трубчевская и ряд сел Подыводской волости Севского уезда Брянской губернии, Валуйский уезд Воронежской губернии⁷³.

Компромиссное решение вызвало недовольство как украинской, так и российской сторон. Украинская делегация выступила с «особым мнением» по вопросу об изменении границ между УССР и РСФСР, настаивая на необходимости привести Украину «к пределам ее этнографических границ и тем исправить неправильное размежевание по губерниям царского времени», а также основываться на «национально-этнографическом моменте» и «экономическом сродстве данной территории с УССР»⁷⁴. Главные претензии украинской стороны касались избранного Комиссией по урегулированию границ принципа решения вопроса о спорных территориях. «Вопрос был решен... исходя из чисто административных моментов», т. е. удобства связи спорных территорий с административными центрами РСФСР или УССР. Поднятый же местными органами власти и получивший свое развитие в центре вопрос об экономике Воронежской и Курской губерний в случае отторжения от них экономически наиболее развитых территорий трактовался украинскими руководителями как

опасение за местный бюджет. «Изъятие указанных территорий из Курской и Воронежской губерний гибельно отзовется на местном бюджете последних и приведет к необходимости ликвидации этих административных единиц», — утверждали члены украинской делегации М. М. Полоз и А. И. Буценко⁷⁵. По их мнению, вопрос о структуре, составе и границах губерний должен быть поставлен в зависимость «от решения вопроса о границах национальной Республики ... а не наоборот». Как мы видим, украинская сторона ссыпалась на основные принципы национальной политики СССР, согласно которым «республики и области организуются и объединяются в первую очередь по национальному признаку»⁷⁶. Опыт создания национальных образований на территории РСФСР дал повод Украине требовать присоединения к ней районов с проживающим там украинским населением, несмотря на наличие на самой Украине не менее крупных территорий с русским населением. В то же время Украина использовала имевшиеся в ее распоряжении возможности сослаться на решения XII партийного съезда о необходимости коренизации. Украинскую делегацию не удовлетворяло обещание российской стороны создать в Воронежской и Курской губерниях украинские округа, где проводилась бы соответствующая украинская политика. Серьезная украинизация указанных территорий была бы возможна, считали М. М. Полоз и А. И. Буценко, лишь под руководством украинского Наркомпроса и «украинского партийного центра», все же попытки украинизации, предпринятые в российских губерниях после XII съезда партии, не имели успеха⁷⁷.

Решение комиссии не удовлетворило, однако, и российскую сторону. Делегация РСФСР направила доклад в Президиум ЦИК СССР, сформулировав собственное мнение по спорным вопросам. «Отторгаемая согласно решению комиссии территория, — читаем в докладе, — имеет население (сельского) 901 287 чел., из них украинцев 478 814 чел. (53 %), великороссов 419 892 чел. (47 %) и прочих 1 581 чел. (0 %), если мы сюда причислим городское население Белгорода... Путивля, Грайворона... то украинское население составит около половины»⁷⁸. Ссылаясь на ярко выраженную че-респолосность заселения этих территорий, особенности экономики приграничных областей, удобство администрирования, делегация РСФСР считала «целесообразным произвести лишь частичное исправление границ». По сравнению с решением комиссии от 27—28 ноября, предлагалось передать лишь южную часть Грайворонского уезда, не весь Белгородский

уезд, а лишь южную часть Муромской волости, ряд волостей Пугивльского уезда, Криническую волость Суджанского уезда Курской губернии, не весь Валуйский уезд Воронежской губернии, а лишь Троицкую волость и часть Уразовской волости, 11 селений Брянской губернии, а также Семеновскую волость Гомельской губернии⁷⁹. Таким образом, российская делегация сочла необходимым оставить в составе РСФСР волости Корочанского и Ново-Оскольского уезда Курской губернии, часть территории Валуйского уезда Воронежской губернии, основную часть Белгородского уезда Курской губернии, большую часть Грайворонского уезда Курской губернии.

Обращение российской делегации в Президиум ЦИК СССР не осталось без последствий. 23 января 1925 г. Комиссия ЦИК СССР по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР приняла «окончательную редакцию решения комиссии по вопросам о границах между УССР и РСФСР», в значительной степени отличающуюся от предыдущего своего решения. Так, например, в состав Курской губернии остались волости Корочанского, Ново-Оскольского, Острогожского, Богучарского и Павловского уездов; из Белгородского уезда в состав УССР включили лишь южную часть Муромской волости, из Грайворонского уезда лишь южную часть Грайворонской волости того же уезда, из Валуйского уезда Воронежской губернии лишь Троицкую волость и часть Уразовской волости⁸⁰. Таким образом, окончательное решение Комиссии по урегулированию границ от 23 января 1925 г. практически совпадало с предложениями российской делегации, высказанными в конце ноября 1924 г. в докладе Президиуму ЦИК СССР.

В. Д. Боечко, А. И. Ганжа и Б. И. Захарчук утверждают, что решающую роль в определении размеров отходящих к Украине российских территорий сыграло Политбюро ЦК РКП(б)⁸¹. Действительно, для высшего партийного руководства такое вмешательство было бы естественным, тем более что Политбюро вплотную занималось вопросом о российско-украинских границах еще в августе 1924 г. в связи с передачей Таганрога и Шахтинского округа. Определенную роль могло сыграть и обращение российской стороны в Президиум ЦИК. Без сомнения, вопрос курировался на самом высшем уровне. Однако в настоящее время какие-либо информативные документы, освещдающие роль высшего партийного руководства,

не введены в научный оборот, и данный аспект проблемы остается неизученным.

Первая половина 1925 г. прошла в бесконечных согласованиях и уточнениях проекта Комиссии по урегулированию границ с ЦИК СССР. Наконец, 16 октября 1925 г. председатель ЦИК СССР М.И. Калинин подписал соответствующее постановление. Хотя оно практически совпадало с решением названной комиссии, были однако и некоторые расхождения. Так, Троицкая волость Валуйского уезда Воронежской губернии отдавалась не полностью, а лишь южная ее часть, но зато из Путивльского уезда Курской губернии предстояло включить в состав Украины Пригородную, Ново-Гончарную, Ново-Слободскую, Шалыгинскую и Белючицкую волости, которые по вышеупомянутому решению от 23 января 1925 г. оставались в составе РСФСР⁸².

Кроме того, и это решение, и постановление ЦИК СССР 16 октября 1925 г. содержали пункт о включении в состав РСФСР части территории Донецкой губернии УССР: в соответствии с уже проведенным на этой территории новым районированием, в состав Северо-Кавказского края РСФСР вошли Федоровский, Николаевский (с городом Таганрогом), Матвеево-Курганный, Советинский, Голодаевский районы, восточная часть Екатерининского района Таганрогского округа Донецкой губернии, Глубокинский, Ленинский, Каменский, Усть-Белкалитвенский, Владимировский, Сулинский, Шахтинский районы и часть территории Сорокинского, Алексеевского районов Шахтинского округа Донецкой губернии⁸³. Тем же постановлением ЦИК была образована Паритетная комиссия во главе с председателем комиссии ЦИК СССР по районированию С. М. Тер-Габриеляном, которая должна была руководить передачей территорий⁸⁴.

Для «практического осуществления всей работы, связанной с проведением в жизнь постановления ЦИК СССР от 16 октября 1925 г. по вопросу урегулирования границ между УССР и РСФСР в части Гомельской, Брянской, Курской и Воронежской губерний», 1 февраля 1926 г. были созданы восемь местных приемо-сдаточных комиссий на паритетных началах (по два представителя от каждой заинтересованной стороны). Местным паритетным комиссиям надлежало осуществить передачу территорий к 1 марта 1926 г. Однако так быстро закончить свою работу местные комиссии не могли, и следующее заседание центральной Паритетной комиссии состоялось лишь 17 июля 1926 г. «Мы смотрим на это заседание Паритет-

ной комиссии как на последний аккорд нашей работы, и считаем, что после этого заседания конец всяческим спорам», — отметил представитель УССР К. Я. Федотов. Под спорами имелись в виду судьбы отдельных пограничных населенных пунктов, жители которых просили включить их либо в состав РСФСР, либо УССР. Любопытно, что когда речь шла о присоединении к Украине того или иного села, украинские представители проявляли крайнюю заинтересованность. Так, К. Я. Федотов в порыве волнения даже воскликнул: «Я даю здесь торжественное обещание, что на протяжении ближайших лет Украина не заикнется насчет территориального изменения»⁸⁵. Порою же он не скрывал озабоченность экономическим состоянием отходящих к УССР территорий. В качестве примера приведем один диалог: «*Федотов*. Когда мы были в РСФСР, мы получали семссуду, стоило перейти к УССР, ничего не получаем.

Председатель. Раз вы приняли на себя определенную территорию, извольте позаботиться о населении. Все споры материального порядка, кроме территориальных споров, возникающих при передаче территории, разрешаются в порядке соглашения.

Федотов. Я целиком присоединяюсь к этому предложению»⁸⁶.

Создается впечатление, что представители украинской стороны в Паритетной комиссии стремились использовать все возможности увеличить территорию УССР, даже когда речь шла о совсем небольших участках. На основании «вклинивания» в территорию Украины украинская делегация пыталась присоединить к ней часть Крупецкой и Теткинскую волость Путивльского уезда Курской губернии, но столкнулись с твердой позицией остальных членов Паритетной комиссии, ибо эти земли не просто «вклинивались» в УССР, но представляли собой важную промышленную зону⁸⁷.

Заслуживают внимания также приводимые украинскими исследователями документы, касающиеся работы местных приемо-сдаточных комиссий. В них отмечалось, что местные органы власти Воронежской и Курской губерний, не считаясь с решениями центральных органов, вывозили имущество с отходящей к УССР территории, увольняли чиновников, технический персонал и т. п.⁸⁸ Действительно, подобные действия местных органов власти были, по-видимому, не единичными. 15 марта 1926 г. Президиум ВЦИК на своем заседании подтвердил, что «всякого

рода переброска и перераспределение имущества с территории, предназначеннной к передаче из РСФСР в УССР, являются недопустимыми»⁸⁹.

Спор о некоторых пограничных населенных пунктах оказался довольно затяжным. Только 24 октября 1928 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление, согласно которому в составе РСФСР оставались села Знобь-Трубчевская и Грудское Брянской губернии, ряд же сел Брянской и Курской губерний были переданы в состав УССР (Рашковичи, Смокаревка, Старицы, Стурцево, Прилипки, Великая Рыбница, Мирополье, Студенки, Запселье, Пенянки, Александрия, Васильевка и Новая Деревня Курской губернии). Что касается судьбы Крупецкой волости Курской губернии и ряда населенных пунктов Валуйского уезда Воронежской губернии (села Уразово, Шведуновка, Герасимовка, Долговка, Константиновка), то соответствующие пункты постановления Президиума ЦИК СССР от 16 октября 1925 г. остались без изменения⁹⁰. Итак, граница между двумя союзными республиками — РСФСР и УССР — была наконец определена. РСФСР добилась присоединения Таганрога и Шахтинского района, УССР в качестве компенсации получила территорию на севере.

* * *

Урегулирование вопроса о межреспубликанских границах в середине 1920-х годов велось в условиях жесточайших споров, корни которых следует усматривать в происходивших несколько ранее событиях. Складывание Союза ССР проходило не так гладко, как того желало высшее партийное руководство: республиканские лидеры (украинская парторганизация играла в этом плане далеко не последнюю роль) стремились к большей самостоятельности, чем намеревался допустить центр. Неудивительно, что украинское партийное руководство весьма ревниво относилось к возможному ущемлению интересов республики. Весьма болезненно была воспринята и передача РСФСР Таганрога: попытки Украины предотвратить территориальные потери натолкнулись на довольно жесткую линию центра. Украинские руководители решили взять реванш путем присоединения российских территорий в районе Воронежской, Курской и Брянской губерниях, используя при этом лозунги национальной политики.

Весьма показательна позиция российских и союзных органов власти. Всероссийский ЦИК, опасаясь обвинений в «великодержавном шовинизме», рекомендовал российской стороне «идти навстречу УССР»; союз-

ный ЦИК занял откровенно компромиссную позицию. Иной была позиция ЦК партии, решительно настроенного умерить украинские притязания. Однако следовало считаться с внешнеполитическими и внутриполитическими обстоятельствами. Советское руководство, взявшее на себя роль защитника угнетенных польским империализмом украинцев и белорусов, не могло отмахнуться от реакции заграничной прессы, обвинявшей советскую национальную политику в явной непоследовательности: курс на коренизацию надлежало подкрепить реальными действиями. В то же время в условиях ожесточенной внутрипартийной борьбы Сталин должен был считаться с позицией украинской партийной организации. Весь этот комплекс причин и предопределил характер российско-украинского урегулирования границ.

В то же время уже в середине 1920-х годов высшее руководство не находило нужным учитывать интересы тех самых «народных масс», о которых столько говорилось в резолюциях партийных форумов, и многочисленные петиции населения приграничной зоны не вызвали у партийных лидеров желания провести какой-либо референдум, дабы иметь формальную возможность сослаться на «волю народа».

Таким образом изучение изменения границ в середине 1920-х годов не только закрывает «белые пятна» российско-украинских отношений, но и помогает выявить характерные черты внутренней политики высшего партийного руководства этого периода.

Примечания

¹ Статья поддержана РГНФ (грант № 98—01—00366).

² См.: Стоян П. Административно-территориальная реформа УРСР 1922—1925 рр. // Проблеми правознавства. Мижвідомчий науковий збірник. Київ, 1967. Вип. 7. С. 51—61; Недух А. А. Административно-территориальная реформа в УССР в 1923 году // Питання історії народів СРСР. Республіканський міжвідомчий науковий збірник. Харків. 1967. Вип. 4.

³ Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І. Формування державних кордонів України, 1917—1940. Київ, 1991. 34 с.; *Они же. Кордони України: історія та проблеми формування (1917—1940 рр.)* // Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 56—77; Ганжа О. І., Захарчук Б. І. Проблема державних кордонів України (1917—1940 рр.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Київ, 1992. Вип. 2. С. 3—10; Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І. Кордони

України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ, 1994. В последней работе в качестве приложения опубликован ряд документов, касающихся изменения границ Украины (с 1917 г. до наших дней).

⁴ Дьякова Н. А., Чепелкин М. А. Границы России в XVII—XX веках. М. 1995. С. 171—172.

⁵ Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан... С. 51.

⁶ Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГАРФ) Ф. 5677. Оп. 4. Д. 93. Л. 11.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 12—13.

¹⁰ Там же. Л. 1 об., 15.

¹¹ Там же. Л. 18.

¹² Там же. Оп. 5. Д. 20. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ Там же. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

¹⁵ Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б. Кордони України: історія та проблеми формування... С. 67.

¹⁶ Переверзев А. Я. Губернии УЧР и гетманская Украина в 1918 году // Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия. Тезисы научных докладов и сообщений международной конференции. Воронеж, 1997. С. 48.

¹⁷ В названии указанной комиссии нередко опускалось упоминание о БССР. Действительно, комиссия занималась преимущественно украинско-российским урегулированием.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

¹⁹ Там же. Л. 18.

²⁰ Там же. Д. 11. Л. 2.

²¹ Там же. Д. 4. Л. 124—125.

²² Там же. Д. 11. Л. 6—7.

²³ Там же. Д. 4. Л. 7 об.—9.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 91.

²⁶ Там же. Д. 5. Л. 23.

²⁷ Там же. Д. 4. Л. 99.

²⁸ Там же. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 23. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 1 об.

³⁰ Урегулирование украинско-белорусской границы проходило, в отличие от украинско-российской, проходило спокойно, предложения украинской стороны особых возражений у руководства БССР не вызывали.

³¹ ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 11 Л. 1.

³² Там же. Л. 10—11.

³³ Там же. Д. 5. Л. 24.

³⁴ Там же. Д. 9. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 9.

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ Там же. Л. 16.

³⁸ Там же. Л. 17—18.

³⁹ Там же. Л. 18.

⁴⁰ Там же. Д. 5. Л. 28—29 об., 32.

⁴¹ Известия ЦИК СССР и Всероссийского ЦИК. 1924. 18 окт. № 239 (2274).

⁴² Введенский С. Н. Об украинском населении в пределах Воронежской губернии (по поводу исторических справок академиков Багалея и Грушевского) // Воронежский краеведческий сборник. Вып. 2-й. Издание общества для изучения Воронежского края. Воронеж, 1925. С. 4.

⁴³ Там же. С. 5.

⁴⁴ Там же. С. 60.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 17. Л. 35.

⁴⁶ Там же. Л. 31, 35.

⁴⁷ Там же. Л. 25.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 26.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Л. 26—27.

⁵² Там же. Д. 4. Л. 34.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См. подробнее В. Д. Бочко, О. І. Ганжа, Б. І. Захарчук. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан... С. 52.

⁵⁵ Скрыпников А. В. К вопросу об украинизации школ воронежской губернии в 20-е годы // Россия и Украина на пороге XXI века... С. 50—51.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Бочко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан... С. 57.

⁵⁸ См.: Там же. С. 56—57, 147—153.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 20. Л. 18.

⁶⁰ Там же. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 14. Л. 21.

⁶¹ Там же. Л. 26, 28, 30—31 об., 33, 35, 37—37 об.

⁶² Там же. Д. 19. Л. 3.

⁶³ Там же. Д. 4. Л. 127—128; Д. 12. Л. 7—9; Д. 5. Л. 66.

⁶⁴ Там же. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 27. Л. 5.

⁶⁵ См.: XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 492.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 389. Л. 9—17.

⁶⁷ Там же. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 22. Л. 9—10 об.

⁶⁸ Там же. Д. 19. Л. 1—2.

⁶⁹ Там же. Л. 2.

⁷⁰ Там же. Л. 4.

⁷¹ Там же. Л. 17.

⁷² Там же. Д. 20. Л. 2—3.

⁷³ Там же. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 26. Л. 28—30.

⁷⁴ Там же. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

⁷⁵ Там же. Л. 18—18 об.

⁷⁶ Там же. Л. 21—22.

⁷⁷ Там же. Л. 22.

⁷⁸ Там же. Л. 12.

⁷⁹ Там же. Л. 17.

⁸⁰ Там же. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 26. Л. 32.

⁸¹ *Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан...* С. 55.

⁸² ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 28. Л. 73—73 об.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. Ф. 6892. Оп 1. Д. 24. Л. 1.

⁸⁵ Там же. Л. 33.

⁸⁶ Там же. Л. 28.

⁸⁷ Там же. Л. 16—17.

⁸⁸ *Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І. Кордони України: історія та проблеми формування...* С. 69.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 28. Л. 88.

⁹⁰ *Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан...* С. 158—159.

Судьбы Закарпатского региона между двумя мировыми войнами

Расположено Закарпатье в юго-западной части Восточных Карпат и северо-восточной части Среднедунайской низменности, которая подходит к горам по реке Тиса и ее притокам. По рельефу Закарпатье горная область (горы составляют 4/5 ее территории). Почти половина края покрыта лесами. В настоящее время он граничит на западе со Словакией, на северо-западе — с Польшей, на юго-западе — с Венгрией, на юге — с Румынией. На севере он соприкасается с Львовской, а на северо-востоке — с Ивано-Франковской областями Украины. Население более миллиона человек. Там проживают представители более 30 национальностей.

Регион Карпат во второй половине первого тысячелетия был заселен в основном славянскими племенами, к моменту прихода венгров в самом конце IX в. на северных и южных склонах Карпат существовало белохорватское княжество предков русинов. В летописях Киевской Руси упоминается об участии белых хорватов в походе князя Олега на Царьград¹. В результате военных походов венгерских королей на земли «русин-дровосеков», часть горного Закарпатья была включена в состав Венгерского королевства. Значительная часть Закарпатья в X—XI вв. входила в состав Киевской Руси². П. Сова, ссылаясь на существовавшие тогда в качестве границ Венгрии «засечные линии», указывает, что они проходили по северному течению рек Тиса и Латорица.

В период феодальной раздробленности на Руси венгерские короли вмешивались в междуусобные войны в Галиции, на Волыни и в великому княжеству Киевском. Венгерский король Эндре II в период военных успехов к своему титулу добавлял «король Галиции и Лодомерии». В процессе этих войн русины с южных склонов Карпат были оттеснены в горные лесистые местности, а их земли перешли в руки венгерской знати. Только после распада Галицко-Волынского княжества все Закарпатье было присоединено к Венгрии³.

После битвы под Мохачем (1526 г.) и взятия турками Буды, Венгерское королевство распалось на три части: западная часть Венгрии, Словакия и часть Закарпатья попали под власть Габсбургов; центральная часть Венгрии осталась под гнетом турок, а Трансильвания, включавшая в себя

восточную часть Закарпатья, весь Марамошский комитат, сделалась вассальным от Османской империи княжеством. После изгнания турок Закарпатье оказалось в составе империи Габсбургов, а с образованием Австро-Венгерской монархии (1867 г.) — в рамках Венгерского королевства.

В административном отношении Венгерское королевство было поделено на комитаты (жупы), и русинское население проживало в семи из них (Марамореш, Угоча, Берег, Унг, Земплен, Шарош и Сепеш), причем в южных, низменных районах — совместно с венграми, немцами и другими национальностями.

По поводу присутствия славянского населения на южных склонах Карпат в период прихода в Дунайский бассейн венгров в исторической литературе высказывались различные взгляды. В начале XIX в. были написаны первые труды по истории своего края представителями местной интеллигенции (Иоанн Базилевич, Иван Орлай, Юрий Венелин, Михаил Лучкай). Основные их постулаты: русины автохтоны в Закарпатье, еще до прихода венгров имели свою государственную организацию — «Marchia Ruthenorum» (Руська крайна), христианство приняли от Кирилла. Все это подтверждалось сведениями, содержащимися в венгерских и других хрониках. Данная реконструкция не противоречила исследованиям и венгерских историков конца XVIII — первой половины XIX вв. (Антал Дейчи и Карой Масарош)⁴, а также австрийского историка Генриха Бидермана.

Однако в конце XIX в., с развитием национализма, венгерские историки стали настаивать на том, что основателями государственной жизни на этой территории были венгры, славяне же выступают приглашенными или гостями. Эту теорию подхватила венгерская школа «истории духа», а также русины — мадьяроны.

Русские эмигранты в Чехословакии из России и галицийские русофилы сначала согласились почти со всеми постулатами местных историков, но позднее в их среде появились разногласия. В частности, поддержку получила точка зрения А. А. Петрова, полагавшего, что вся древняя политическая история карпаторусов — «чистая иллюзия, только мираж»⁵. Русская эмиграция в Праге восхваляла чехословацкий режим, подчеркивая, что в межвоенный период Закарпатье было единственной свободной «русской землей».

В период Чехословацкой республики продолжилась борьба внутри закарпатской интеллигенции вокруг исторических и языковых проблем. Местные русофилы и украинофилы отвергали все теории русофилов — провенгерских и прочехословацких. В то время как русофилы считали жителей Закарпатья русскими, украинофилы диалекты Закарпатья связывали с «малорусским» (украинским) языком Галиции, а население Закарпатья считали украинским. Украинофилы считали этноним «русин» архаичным и утверждали, что он является лишь синонимом слова «украинец». Мадьяроны защищали идею особого, отличного от русского и украинского, «угорусского» (*magyag-ruszin*) языка. В годы Второй мировой войны Иваном Гарайдой была создана «руська» грамматика, по которой в условиях венгерской оккупации велось преподавание в школах. Он поддерживал идею отдельной «угорусской» национальности.

Распространенная еще в середине XX в. в Венгрии версия (поддержанная рядом ученых других стран), согласно которой прибывшие в Карпатский регион венгры нашли его безлюдным и мирно обрели новую родину, не выдержала критики и ныне признано древнее расселение там славян. В то же время современная венгерская историография склонна считать, что население это вскоре было ассимилировано пришедшими венграми, в результате чего возникла общность новых венгров⁶.

В 1978 г. в издательстве Гарвардского университета вышла книга уроженца Закарпатья П. Магочи «Формирование национального самосознания: Подкарпатская Русь. (1848—1948)», которая впоследствии была переведена на несколько языков, а в 1994 г. издана в Ужгороде по-украински. Рассмотрев основные ориентации, существовавшие в среде закарпатской интеллигенции после зарождения самосознания в середине XIX в., Магочи отметил, что первыми потерпевшими поражение были провенгерская и прочехословацкая ориентации, а из оставшихся «руськой», «русской» и «украинской» в 20—30-е годы XX в. самой слабой была «руськая». После входления Закарпатья в Советскую Украину власти поддерживали украинскую ориентацию, и «в течение десятилетий им удалось сделать большинство закарпатской молодежи и даже немало русинов старшего возраста сознательными украинцами»; «победила и утвердились» украинская ориентация⁷.

К украинскому изданию книги И. И. Поп, редактор перевода, написал к предисловию, в котором, будучи активным сторонником «русинизма», т. е.

существования четвертой нации восточных славян (наряду с русской, украинской и белорусской), критиковал Магочи за вывод «относительно уровня українізації русинської общності Закарпаття». И. И. Поп утверждал, что канадский историк запись в паспорте «українець» принял за признание русинами «української ідентичності». Между тем, как только «наступила “оттепель”, а затем и крах тоталитарного режима... русинство вновь вышло... на политическую арену»⁸. Поп назвал этот феномен «спонтанным этнополитическим процессом», «проявлением осознанности автохтонного населения своей принадлежности к центрально-западноевропейской культурной сфере... аллергической реакцией на ломпен-пролетарскую “культуру”, которую почти полстолетия советская империя насаждала в регионе... и нежеланием и дальше оставаться в ее паутине». Делался вывод о «западной ориентации русинства»⁹.

Поп отмечает, что факт национального возрождения признал сам Магочи. И действительно, перемену во взглядах тот изложил в своем послесловии к украинскому переводу в следующей форме: «...в одном из немногих утверждений, которые я сделал в конце книги, есть вывод о том, что в будущем будет существовать только украинская национальная ориентация. Наблюдая падение коммунизма, распад Советского Союза, теперь знаем, что такой вывод может быть слишком самоуверенным потому, что национальный вопрос в бывшей Подкарпатской Руси, так же, как и среди русинов соседних стран не был решен, хотя мы приближаемся уже к XXI в.»¹⁰.

Вопрос русинства вновь был поднят в Ужгороде теми, кто пытался вновь включить Закарпатье в состав Чехословакии, а после распада последней — Венгрии. Однако официальные власти не реагировали на эти предложения и со временем движение пошло на спад.

После поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне и победы буржуазно-демократической революции Закарпатье в декабре 1918 г. получило автономию в составе Австро-Венгрии и стало именоваться Русской Краиной. Однако точные границы ее установлены не были. 22 марта 1919 г. в крае была провозглашена Советская власть, просуществовавшая всего 40 дней. Руська Краина стали автономной республикой в составе Венгерской народной республики. Но и в этот раз ее границы определены не были. Руководители правительства не считали это нужным, надеясь на быструю победу мировой революции, которая упразднит все границы вообще.

После принятия закона об автономии Руської Краины центром ее стал г. Мукачево. Однако к началу 1919 г. чехословацкие войска продвинулись до р. Уж и г. Ужгорода, так что западная часть края, называемая населением Пряшевской Русью, оказалась оторванной от остальной территории Закарпатья. Одновременно шло продвижение чехословацких формирований на восток, в направлении Мукачево, а с востока наступали румынские войска, которые к концу апреля заняли Мукачево и встретились с чехословаками, также выполнявшими задание Антанты. Советская власть в Закарпатье была свергнута. Лишь на востоке (Раховский округ) Гуцульская республика продержалась до августа 1919 г.

* * *

Итак, к 1919 г. Закарпатье пережило проигрыш государств Четверного союза в Первой мировой войне, распад многонациональной Австро-Венгрии, в состав которого оно входило, обретение автономии под именем «Руської Краины», в рамках образованной на развалинах монархии Габсбургов Венгерской народной республики. Край контролировал оккупационный режим союзников Антанты. Судьба его решалась за рубежом — сначала в США, а затем творцами Версальской системы в Париже без учета волеизъявления местных жителей.

Еще в 1918 г. в США будущие руководители Чехословакии установили контакты и проводили консультации с американской стороной на высшем уровне по всем проблемам образования своего государства, добиваясь поддержки на предстоящих мирных переговорах в Париже. Закарпатские эмигранты различных течений, особенно в церковных организациях, на протяжении всего 1918 г. вели дискуссии, обсуждая как помочь своей родине освободиться от иноземного гнета. Вставал вопрос, добиваться ли автономии в составе Венгрии, присоединения края к России, Украине, Галиции, Чехословакии или же предоставления ему государственной самостоятельности.

Ввиду гражданской войны на Украине к концу 1918 г. в США было принято предложение одного из руководителей русинов в эмиграции адвоката Григория Жатковича, сторонника предоставления Закарпатью самой широкой автономии в составе Чехословакии. Первоначально он высказывался даже за образование отдельного государства, но этот проект был отклонен из-за небольшой численности населения.

Жаткович провел среди эмигрантов из Закарпатья представительный плебисцит — один голос от 50 человек, — по которому 67 % высказались за присоединение края к Чехословакии на правах широкой автономии. Этот вариант поддержало правительство США и руководители чешской и словацкой эмиграции.

И в самом Закарпатье от Пряшевщины до Ясина проблема самоопределения находилась в центре внимания различных собраний и создаваемых на них народных рад. Если собравшиеся в Сиготе, а затем 21 января 1919 г. в наиболее представительном составе в Хусте высказались за присоединение края к Украине (даже в США в ходе плебисцита среди эмигрантов 28 % высказалось за это решение, хотя в вопроснике такого вопроса не было), Ужгородская народная рада (Петр Гебей, Августин Волошин, Симеон Сабо) была за автономию в составе Венгрии и поддерживала правительство Михая Каройи, то Пряшевская рада (Антон Бескид) предпочла присоединение к Чехословакии.

И когда в феврале 1919 г. во Франции началась подготовка к мирным переговорам, представлять интересы закарпатских русинов пригласили из США Григория Жатковича и Юлия Гардоша, а из проживающих в самом крае Антона Бескида. В комиссиях, подкомиссиях и других органах, готовивших мирную конференцию, решающее влияние принадлежало Франции; докладчики в Совете десяти и Совете четырех получали материалы от представителей Чехословакии Эдварда Бенеша и Карла Крамаржа. Изложенные в шести пунктах предложения Бенеша настолько отличались от меморандума Жатковича в 14 пунктах, что обещание Бенеша предоставить Закарпатью в составе Чехословакии «самую широкую автономию» лишь отдаленно напоминает предлагаемое русинами. Чехословацкая позиция мотивировалась неподготовленностью местного населения. Может быть, по тем же соображениям на протяжении почти двух десятилетий, пока он находился у власти сначала на посту министра иностранных дел, а затем и в качестве президента ЧСР, решения мирной конференции не соблюдались, и автономия Закарпатью предоставлена не была.

Участникам Парижской мирной конференции, особенно Франции, нравилось предложение о включении Закарпатья в состав Чехословакии в основном по двум причинам. Во-первых, оно создавало общую границу между Чехословакией и Румынией и, во-вторых, «санитарный кордон» на востоке против советских республик, которые не допускались на юж-

ные склоны Карпат. Все претензии Западно-Украинской Народной Республики и Украины на Закарпатье отмечались, как не принималась во внимание и позиция тех, кто стремился сохранить Закарпатье в составе Венгрии — страны, проигравшей войну.

12 мая 1919 г. делегация единой Ужгородской народной рады в составе 112 человек встретила торжественный прием в Праге. Однако противоречия между краем и правительством ЧСР сняты не были. По решению Ужгородской народной рады, граница между Закарпатьем и Словакией должна была определяться совместной комиссией. А до того, как и в предложении Жатковича, северные части комитатов Спиш, Шарош и Земплен, где проживали русины, должны были оставаться в составе Закарпатья. Это не могло понравиться в Праге, поскольку на данную территорию словаки не только претендовали, но она уже с начала года была занята чехословацкими войсками и передана в административное управление Словакии. Словаки не хотели идти на уступки, и пограничный вопрос оставался нерешенным до Второй мировой войны.

После того как Комитет новых государств в июне 1919 г. исключил ряд положений из проекта Бенеша—Крамаржа, 6 июля он был утвержден Советом министров иностранных дел, а затем вошел в текст Сен-Жерменского мирного договора (10 сентября) и Конституции Чехословакии (29 февраля 1920 г.). В Закарпатье, хотя это была единственная территория, применительно к которой на мирных переговорах обсуждалась перспектива предоставления широкой автономии, остались недовольны решениями конференции. Население рассчитывало на национальное освобождение. И действительно, в конце 1917 — начале 1918 г. указания на него содержались как в декрете о мире, принятом II съездом советов России, так и в заявлении Д. Ллойд-Джорджа и 14 пунктах Т. В. Вильсона. Но если победа Антанты принесла независимость некоторым народам, вступившим в союз с нею еще в годы Первой мировой войны, то это часто делалось в ущерб другим народам.

Как только закончилась война, руководители великих государств-победителей отступили от принципов права наций на самоопределение вплоть до государственного обособления. Они лишь заставили как побежденные страны (в специальных частях мирных договоров), так и правительства вновь образованных государств взять на себя обязательства по защите меньшинств — расовых, национальных, религиозных¹¹. Отныне

никакой закон и никакое официальное действие не должны были противоречить этим условиям.

Никто из взявших на себя обязательства не был в восторге от них, считая ситуацию проживавших в пределах их государств меньшинств внутренним делом. Все предусмотренные договорами положения получали гарантию Лиги наций.

Кроме общих обязательств, в отдельных договорах содержались и особые положения. 10-я статья II главы договора с Чехословакией посвящена Закарпатью. Она звучит так: «Чехословакия обязуется образовать на территории русинов к югу от Карпат, в определенных главными союзными и объединившимися державами границах, автономную единицу в составе Чехословацкого государства и предоставить ей наибольшую степень самоуправления, совместимую с единством Чехословацкого государства»¹². В договоре указывалось, что территория русинов к югу от Карпат будет иметь особый сейм с законодательными правами в вопросах языка, школы и религии, отнесенных к компетенции местного самоуправления. Губернатор территории русинов назначает президентом Чехословацкой республики и ответственен перед русским сеймом¹³.

По мирным договорам Версальской системы были установлены границы Подкарпатской Руси: на севере и северо-востоке — по вершинам Восточных Карпат — с Польшей, а на юге — в основном по течению р. Тиса — с Румынией и Венгрией. Между Словакией и Подкарпатской Русью проводилась только временная административная граница несколько западнее р. Уж. В межвоенный период политические деятели края многократно будут ставить вопрос об установлении границы между Словакией и Закарпатьем с целью включения в состав последней земель, населенных русинами.

Надо сказать, что в отношении Подкарпатской Руси (Закарпатья), как констатировано в беседе М. М. Литвинова с посланником Польши в СССР В. Гжибовским 9 января 1939 г., чехословацкое правительство только 11 октября 1938 г. под давлением гитлеровской Германии дало разрешение на создание правительства автономии¹⁴. Выборы в сейм были проведены лишь в феврале 1939 г., т. е. почти через два десятилетия, хотя в Статуте Лиги наций указан 30-дневный срок. В статье 13-й договора Чехословакия обязывалась гарантировать русинам справедливое представительство в законодательном собрании Чехословацкой республики,

но на практике для получения депутатского мандата в Подкарпатской Руси нужно было собрать на треть больше голосов, чем в Чехии.

6 июня 1919 г., еще до заключения Сен-Жерменского мирного договора, на оккупированной чехословацкими войсками территории была установлена военная диктатура во главе с французским генералом Эдмоном Энноком. В середине ноября пражское правительство санкционировало этот режим, сохранившийся до 1923 г. В июле 1920 г. румынские войска были выведены из восточной части края, и чехословацкая военная диктатура распространилась и на эту территорию. (На левом берегу Тисы румыны сохранили за собой 14 населенных пунктов, в которых жили русины.)

Когда в Закарпатье уже установилась военная диктатура, в конце июля в Праге президент Т. Масарик провел совещания с министром внутренних дел А. Швеглом и Г. Жатковичем об установлении административной границы между Словакией и Закарпатьем по правому берегу реки Уж. Западные комитаты при этом оставались в составе Словакии. Тогда же была достигнута договоренность об организации в Закарпатье гражданского управления, во главе которого ставился чех Ян Брейх, и образовании Директории из местных политических деятелей с совещательным правом при генерале Энноке (ее возглавил Г. Жаткович). Вместе с Я. Брейхом прибыли и первые чехословацкие администраторы. Проведено административно-территориальное размежевание, в результате которого учреждены четыре жупы: Ужгородская, Мукачевская, Береговская и Мараморошская, в свою очередь делившиеся на округа.

Создавая видимость выполнения решений мирной конференции, руководство республики поручило министру внутренних дел А. Швегле выработать «Генеральный статут» об управлении краем (октябрь—ноябрь 1919 г.).

Ознакомившись с проектом Швеглы, Брейха и Жаткович внесли свои предложения Масарику, который тоже приложил к документу свою руку. Словакам и закарпатским русинам рекомендовалось договориться о включении в состав автономного края населенные русинами территории, находившиеся в составе Словакии. В статуте записано, что до установления сеймом официального наименования края он будет называться Подкарпатской Русью (допускалось также параллельное название Русинско). Официальным языком в школах и учреждениях объявлялся «родной язык подкарпатских русинов... язык малоруський... с этимологическим правописанием»¹⁵.

«Директория автономной Подкарпатской Руси» предпринимала попытки добиться воплощения в жизнь положений мирного договора, но с ее предложениями никто не считался, и в феврале 1920 г. она ушла в отставку. В апреле был отменен и статут. Временным губернатором до созыва сейма президент назначил Г. Жатковича, его заместителем стал чех П. Эренфельд. Однако первый губернатор, встретив сопротивление пражских властей в осуществлении своих намерений, 16 марта 1921 г. подал в отставку и выехал в США. До 1923 г., когда губернатором был назначен А. Бескид, этот пост оставался вакантным.

В 1927 г. было принято решение, вступившее год спустя в силу, об административной реформе в ЧСР, по которой Подкарпатская Русь превращалась в Подкарпаторусскую землю (*Země Podkarpatská*). Демаркационная граница объявлялась законной. Властные полномочия губернатора сокращались за счет усиления вице-губернатора — чеха по национальности. Вместо автономии Закарпатье получило краевое (земское) управление. До 1933 г. губернатор А. Бескид вместе с А. Розсипалом открыто действовали против украинофилов. С 1935 г. чехословацкое правительство в Закарпатье поддерживало русинофилов.

Трудными были первые послевоенные годы в Закарпатье. В составе Венгрии оно столетиями оставалось слаборазвитым краем, с мизерным развитием промышленности в конце XIX — начале XX в. До 70—80 % населения занималось в основном сельским хозяйством и лесоводством. Часть лесорубов сплавляла лес по рекам в Венгрию. Немало было и тех, кто зарабатывал кусок хлеба в качестве сезонных батраков на уборке урожая в венгерских поместьях имениях. Эту часть разделяли в основном русины (украинцы), составлявшие до 3/4 населения. Война и революции обусловили дальнейшее обнищание широких масс.

Политическая жизнь края отличалась динамизмом. Многие прошли через русский плен. Часть мобилизованных в армию стали в 1918—1919 гг. участниками революционных событий в Венгрии, в том числе и на территории Закарпатья. Все это приобщало к политической жизни. В Закарпатье создавались организации Социал-демократической, а затем и Коммунистической партий, которые с провозглашением советской власти в Венгрии слились, образовав Объединенную социалистическую партию Венгрии. После свержения советской власти в Венгрии многие видные деятели правящей партии эмигрировали в Закарпатье и вошли в создан-

ную там в марте 1920 г. Международную социалистическую партию Подкарпатской Руси (Й. Гати, Б. Иллеш, Г. Фейер, П. Терек). Самым активным деятелем ее в то время был Иван Мондок. В апреле 1921 г. она вошла в состав КПЧ, образовав ее краевую организацию Подкарпатской Руси. Партия находилась в оппозиции к правительству ЧСР, выступала за тесные связи с СССР и на протяжении 1920—1930-х годов являлась самой влиятельной политической силой края, собирая наибольшее число голосов на выборах в чехословацкий парламент от Подкарпатской Руси. Так, в 1924 г. она получила 100 242 голоса (39,4 %) и обеспечила себе четыре мандата из девяти в палату представителей и два из четырех в сенат от Подкарпатской Руси. Тогда в выборах в крае принимали участие 13 партий, но только 5 из них, кроме коммунистической, получили по одному мандату в палату депутатов: Автономная партия автохтонов в Подкарпатской Руси, СДП, Автономный земледельческий союз (АЗС), блок Карпаторусской трудовой партии и Чехословацкой социалистической партии, Республикаанская партия мелких сельских хозяев. По одному мандату в сенат получили автохтоны и АЗС.

Кроме социалистов, следует обратить внимание на оппозиционную чехословацкому правительству Трудовую партию, во главе которой стояли галицкий русофил Андрей Гагатко и буковинский русофил Илларион Цурканович. Они считали, что «наши карпаторусы являются частью русского народа» и в школах должен быть введен «русский книжный язык». К оппозиции примыкал Автономный земледельческий союз, руководимый Иваном Куртяком, Иосифом Каминским, Андреем Бродием и выступавший поборником автономии Закарпатья, чем до поры до времени маскировалась его провенгерская деятельность.

В середине 1920 г. была образована и Руська земледельческа партия, в чье руководство входили Юлий Бращайко и Августин Волошин. В 1925 г. она трансформировалась в Народно-христианскую партию, в которой первую скрипку стал играть Волошин, прочно ставший на украинскую националистическую позицию.

В конце 20 — начале 30-х годов аграрные партии немногого потеснили коммунистов, но, несмотря на это, последние продолжали оставаться ведущей партией края, собрав на парламентских выборах в 1935 г. более четверти голосов и направив в парламент пять своих представителей¹⁶.

С середины 1930-х годов проукраинские течения радикализировали свою деятельность. В краевых организациях правящих партий — аграри-

ев и социал-демократов образовались группы украинского направления. Под влиянием мирового экономического кризиса обострилась политическая борьба. Новый премьер-министр Милан Годжа и президент Эдвард Бенеш пытались привлечь все политические течения края на свою сторону, но успеха не имели¹⁷.

К 1938 г. правительство ЧСР в Закарпатье могло опереться лишь на губернатора Константина Грабаря, чешскую бюрократию и епископа Стойку (последний, впрочем, одновременно не исключал и провенгерскую ориентацию). Правительство Венгрии развернуло пропагандистскую кампанию за возвращение Подкарпатья и Словакии в лоно святостефанской короны. В этом направлении оно действовало совместно с правительством Польши, которое также имело территориальные претензии к Чехословакии в Тешинской области и добивалось установления общей венгеро-польской границы путем присоединения Подкарпатской Руси к Венгрии. Готовя изменение границ, оба эти государства в Закарпатье создали свою агентуру в лице целых оппозиционных партий.

Кроме Венгерской объединенной партии, задания венгерского правительства выполнял Автономный земледельческий союз и пропольско-венгерская Русская национальная автономная партия (РНАП) Степана Фенцика, созданная в 1934—1935 гг. по рекомендации МИДа Польши, который финансировал деятельность Фенцика с 1931 г. Для более глубокой конспирации в 1934 г. Варшава рекомендовала ему отправиться в США, где он, греко-католический священник, недавно безуспешно претендовавший на сан епископа, заявил о своем переходе в православие. Фенцик широко афишировал свои связи с русинской диаспорой в США, давая понять, что она оказывает поддержку его партии. В действительности же деньги из Варшавы поступали в польское посольство в Праге, а оттуда в польское консульство в США, которое, в свою очередь, переводило суммы в ужгородский банк на законспирированный счет Фенцика. Этим путем на псевдоним Русинский Фенцик регулярно получал от МИДа Польши месячную плату. Кроме того, ему оплачивали расходы на издание газеты и пропагандистских материалов, предвыборную кампанию, внесение залога в период ареста по обвинению в нелегальном переходе границы и т. п. 35 местных партсекретарей также оплачивались Польшей.

Когда развернулась борьба между АЗС и РНАП, венгерское и польское правительства пытались посредничать и даже слить две партии, которые, как и остальные оппозиционные организации, не признавая гра-

ници между Словакией и Подкарпатской Русью и требуя предоставления краю автономии, на деле проводили провенгерскую политику. Также поступала и АЗС, которую после смерти Ивана Куртяка возглавил Андрей Бродий (агентурный псевдоним Берталан). Оба были платными агентами венгерского правительства¹⁸. К их числу принадлежал и руководитель русского отдела чехословацкой аграрной партии Эден Бачинский, сенатор парламента ЧСР.

Основными задачами, ставившимися их хозяевами, были установление общей польско-венгерской границы и самоуправление для русинов, которые путем плебисцита решат вопрос о своей государственной принадлежности, т. е. проголосуют за присоединение к Венгрии.

Чехословацкие власти, информированные о деятельности этих партий в кризисной обстановке середины 1938 г., пытались обезоружить их. В донесении венгерского консула из Братиславы Дюлы Петравича посланнику в Прагу Габору Апору от 26 июля 1938 г. говорилось, что премьер-министр ЧСР Милан Годжа несколько раз встречался с А. Бродием. Премьер сообщил Бродию о своем намерении осуществить автономию Закарпатья и провести выборы в местный сейм. Закарпатский деятель решил, что если пойдет на соглашение с Годжей, то его партия станет лидером на выборах и обеспечит себе большинство в сейме. Этими соображениями Бродий поделился со своим венгерским координатором Петравичем и получил жесткую инструкцию ни в коем случае не идти на соглашение с Годжей, а если тот вновь предложит автономию, то увеличить свои требования настолько, чтобы они стали неприемлемыми¹⁹.

Между тем положение в Чехословакии было тяжелым. Против правительства выступали также партия эмиссара Гитлера в Судетах К. Генлейна и Венгерская объединенная партия. Представитель последней на заседании чехословацкого парламента еще 10 апреля 1938 г. в письменной форме требовал для венгров широкой автономии, а для словаков и русинов — самоуправления.

В первой половине 1938 г., когда стало совершенно ясно, что Польша безоговорочно поддерживает претензии Венгрии на Словакию и Закарпатье, идя, таким образом, дальше венгерских подданных Чехословакии, польская сторона выясняла, каковы обещания хортистов населению тех территорий, на которые они претендуют. Связано это было с тем, что польское правительство, особенно министр иностранных дел Юзеф Бек, ратуя за создание общей венгеро-польской границы, неизменно рекомен-

довало не давать «Руси», как именовалось Закарпатье в польских дипломатических документах, автономии. Поляки опасались, не потребуют ли того же от них галичане.

В то же время польская сторона настаивала на предоставлении венграми автономии Словакии. Как свидетельствуют германские документы, в начале октября 1938 г., когда словаки в Жилине (Жолне) приняли решение об автономии, Гитлер их поддержал. Тогда он еще не определился, как быть с Закарпатьем, но склонялся к тому, чтобы со статусом автономной украинской территории оставить ее в составе Чехословакии, делая, впрочем, вид, что вообще не хочет вмешиваться в проблему Закарпатья. Объясняется это тем, что в руководстве Германии еще не сложилось единства взглядов в отношении края. Если Риббентроп и заведующий бюро внешних сношений Национал-социалистской партии А. Розенберг были за превращение Закарпатья в Пьемонт Великой Украины, плацдарм для похода на восток, против Советского Союза, то Нейрат и ряд видных военных из тех же соображений выступали за передачу региона Венгрии.

Как известно, арбитры четырех государств в Мюнхене 29 сентября рассмотрели только требования Германии к Чехословакии о передаче Судетов, а претензии к ней Польши и Венгрии в приложении к протоколу осталось рассмотреть заинтересованным государствам в двухстороннем порядке. В конце сентября, еще до встречи в Мюнхене, Франция и Англия известили правительство Белы Имреди, что они не возражают против присоединения к Венгрии территорий Чехословакии, населенных венграми, однако решительным образом протестуют против того, чтобы Словакия и Закарпатье вошли в Венгрию, поскольку это сделает Чешское государство нежизнеспособным.

Мюнхенское решение вызвало в Венгрии разочарование. Венгерские власти и дипломатия атаковали Лондон всеми доступными им способами. Хорти направил письмо премьер-министру Чемберлену, в котором просил поддержки венгерских претензий к Чехословакии. В МИДе в Будапеште к этому же склоняли посланника Англии Дж. Нокса. В Лондоне венгерский посланник Дьёрдь Барца несколько раз посетил в Форин офис Э. Галифакса. Смысл всех обращений заключался в том, чтобы территориальные претензии Венгрии удовлетворили в такой же мере, как и Германии. Члены британского правительства и Форин офис заверяли хортистов, что их просьба принята к сведению и в «подходящее время позиции Венгрии будет уделено внимание».

Колебания Гитлера были связаны еще и с тем, что после Мюнхена и ухода Бенеша со своего поста в ЧСР образовалось новое правительство, стремившееся установить хорошие взаимоотношения с Германией. Министром иностранных дел стал Франтишек Хвалковский, бывший посланник ЧСР в Риме, где он попал под влияние фашистской идеологии. 12 октября Гитлер заявил, что ЧСР может уступить Венгрии только территории, населенные этническими венграми.

Для венгерского правительства в те же дни не ясна была позиция Румынии и Югославии, продолжавших заявлять о своих обязательствах, связанных с Малой Антантою. Однако в Югославии премьер-министром был Милан Стоядинович, склонявшийся к сотрудничеству с Германией и заверявший в нейтралитете Югославии в случае, если Венгрия выступит против Чехословакии.

3 октября 1938 г. представитель Венгрии в Праге передал чехословацкому правительству ультимативную ноту с требованием начать переговоры о венграх в духе Мюнхенского соглашения²⁰. Присылка ноты в Прагу сопровождалась резкой античехословацкой кампанией в печати и по радио с призывами установления общей венгерско-польской границы путем передачи Закарпатья Венгрии. Венгерский посланник в Москве Михай Юнгерт Арноти в беседах с заместителем наркома иностранных дел В. П. Потемкиным 2 и 17 октября 1938 г. заявил, что Венгрия не может допустить дискриминации и предъявит ЧСР требование отдать ей территории, населенные венграми, и что аналогичные претензии рано или поздно будут предъявлены Венгрией Румынии и Югославии²¹.

Переговоры между венгерской и чехословацкой делегациями проходили в Комарно с 9 по 13 ноября. Венгры выдвинули непомерные требования, и договориться не удалось. Согласно карте, врученной венгерской делегацией, Венгрия добивалась передачи 812 сел и 12 из 13-ти городов в Словакии и Закарпатье, где проживало, по ее утверждению, 848 969 венгров. Делегация ЧСР обещала им только автономию²². От Закарпатья на первом заседании никто не присутствовал, позднее появился Петр Жидовский как наблюдатель, а с 12 октября в состав делегации был включен министр Подкарпатской Руси Эден Бачинский.

В начале заседания 12 октября, взяв слово, Бачинский напомнил об истории вопроса и сообщил, что в последнее время русские политические партии, за исключением коммунистической, вновь подтвердили, что на федеративной основе готовы остаться в Чехословацкой республике.

Американские рутены пришли к сходному заключению. Таким образом, карпаторусский народ уже заявил о своем желании жить вместе с чешским и словацким народами в качестве равноправного в Чехословакской республике. Бачинский также заявил, что карпаторусский народ никогда не сможет отказаться от Ужгорода, Мукачева и Севлюша — городов, являющихся колыбелью русинской культуры и главными его центрами²³.

На следующий день К. Каня объявил о прекращении переговоров и о том, что Венгрия обращается за удовлетворением своих требований к великим державам, хотя к этому времени Германия к венгерским претензиям относилась сдержанно, а Англия и Франция уже проявили незаинтересованность в их обсуждении. О прекращении переговоров в Комарно Юнгерт информировал советское правительство, сообщив, что Венгрия предложила провести пленарное заседание среди словаков и русинов²⁴.

Венгерское правительство предприняло попытки и иным способом захватить Закарпатье. Еще 1 октября 1938 г. премьер Б. Имреди поручил бывшему министру внутренних дел Миклошу Козме организовать нерегулярные войска — «сабадчапат» или «рондяш гарда» (гвардия оборваницев), т. е. переодетых в плохую гражданскую одежду добровольцев, которых тут же начали переправлять через границу в Закарпатье. Их отряды должны были вести диверсионную работу и готовить восстание местного населения против чехов. Венгерское и польское правительства договорились о совместных действиях в этой области. В дни переговоров в Комарно несколько сот диверсантов было разгромлено и схвачено. 8 октября венгерское правительство приняло решение также продолжать требовать пленарное заседание для русинов²⁵.

Все эти действия не совпадали с замыслами германского МИДа. В подготовленной им 7 октября записке отмечалось, что не в интересах Германии присоединение Словакии к Венгрии. Лучший вариант предоставить ей автономию и оставить в составе ЧСР. В отношении закарпатского вопроса имелось в виду требовать автономию, решительно отвергая присоединение края к Венгрии. Общая венгерско-польская граница облегчила бы создание антигерманского блока.

15 октября Потемкин в Москве принял Юнгерта Арноти. Говорилось о том, что Гитлер против присоединения Закарпатья к Венгрии, поскольку он хочет создать там нацистский центр в русле своих восточных планов, в том числе антипольских, активизируя против Польши галицких украинцев²⁶.

После провала переговоров в Комарно чехословацкое правительство согласилось на уступки, хотя обсуждать передачу Братиславы, Нитры, Кошице, Ужгорода, Мукачева было по-прежнему не готово. 24 октября венгерское правительство благосклонно приняло новые предложения Праги, дополнило их рекомендацией провести плебисцит в восьми спорных районах, в том числе и на территории, заселенной русинами, под международным контролем. В конечном счете стороны согласились на германо-итальянский арбитраж.

Что происходило в эти дни в политических кругах самого Закарпатья? В документе МИДа Венгрии от 5 октября 1938 г. сообщалось о плане Берталана (А. Бродия), предполагавшего после консультаций со словаками в Жилине, предъявить свои требования в Ужгороде, удалить Грабаря и Паркани, созвать сейм, который примет решение о присоединении края к Венгрии²⁷.

После падения правительства Годжи в Праге его заменил легионер Я. Сирови. 6 октября сторонники Тисо в Жилине потребовали образовать словацкое правительство. Активизировались и закарпатские депутаты: Э. Бачинский, А. Бродий, П. Жидовский, С. Фенцик, И. Пещак, Ю. Ревай, П. Коссей вновь начали обсуждать вопрос о предоставлении краю давно обещанной автономии. Однако генерал Сирови решил опередить их и после ухода в отставку Бенеша 8 октября 1938 г. назначил министром Подкарпатской Руси Ивана Паркани, сына учителя из Марамороша, бывшего секретарем-советником президентов Масарика и Бенеша²⁸.

9 октября Паркани прибыл в Ужгород и несколько часов совещался с местными деятелями А. Бродием, Эденом Бачинским, Юлием Реваем, Иваном Пещаком, Стефаном Фенциком и Августином Волошином. По рекомендации Паркани, Сирови назначил министрами А. Бродия, Ю. Ревая и Э. Бачинского. Бродия избрали премьером Подкарпатской Руси, и 11 октября новые министры принесли присягу Сирови²⁹.

Между тем АЗС и Русский национальный совет трижды — 20 сентября, 14 и 17 октября 1938 г. — вручали чехословацкому правительству, дипломатическим представителям четырех государств — участников Мюнхенского соглашения, а также Венгрии и Польши меморандум с требованием проведения референдума по вопросу, хочет ли Закарпатье остаться в составе ЧСР или желает присоединиться к Венгрии? Эту работу проводили И. Каминский и М. Демко³⁰. 22 октября Украинский национальный совет

(А. Волошин, Ю. Ревай, С. Клочурек и др.) протестовал против планов проведения референдума, требуя передать власть украинскому течению, лояльному по отношению к Чехословакии.

На Бродия давили с многих сторон. Еще 10 октября К. Каня послал в Прагу шифrogramму венгерскому посланнику с приказом заставить Бродия по любому поводу и любыми средствами требовать для Закарпатья права на самоопределение³¹. В тот же день Хори из Варшавы рекомендовал Кане не скопиться на плату Бродию³². Лидер Объединенной венгерской партии в Закарпатье Эндре Корлат и Иосиф Каминский также требовали ставить вопрос о референдуме от имени правительства Бродия.

Дипломатическая переписка 11 октября была направлена на согласование венгеро-польского сотрудничества в засылке банд в Закарпатье для осуществления террористических актов. Вернле рекомендовал Бродию в отставку не подавать, иначе премьером мог бы стать Фенцик, что не желательно³³, хотя последний также предлагал свои услуги Кане.

25 октября в Праге под председательством премьера ЧСР Сирови состоялось совещание министров Подкарпатской Руси и Словакии. Бродий вручил меморандум о референдуме, но он был отклонен. Сирови заявил Бродию, что поскольку тот голосовал против предложения премьера, то лишается своего поста министра.

Так венгерское правительство потеряло почву под ногами в Закарпатье. Оно рассчитывало, что А. Бродий проведет референдум по проблеме государственной принадлежности Закарпатья и оно окажется в составе Венгрии. Но 26 октября Прага смешила А. Бродия, состоявшего на венгерской службе, и 27 октября он был арестован³⁴ за деятельность в пользу Венгрии. В следственной тюрьме его посетил новый президент Эмил Гаха и новый премьер Рудольф Беран, которые сотрудничали с Гитлером. Бродий вскоре был освобожден, жил в Праге до начала марта 1939 г., затем переехал в Ужгород, уже венгерский, где ему не приходилось скрывать свои взгляды и прошлую деятельность. Так, выступая перед журналистами на вечере в ресторане Гунделя в Будапеште, Бродий говорил: «Мы, утросы, не только нашей физической силой, но и всей душевной преданностью желаем служить венгерской империи и в том числе святостефанской идеи. Мы просим от венгерского правительства только одного — доверия, которое мы заслужили»³⁵, борясь за возвращение в державу св. Иштвана.

После падения правительства А. Бродия к власти в Закарпатье пришло правительство украинского направления. Премьер-министром стал Августин Волошин, лидер Народно-христианской партии.

Руководители Карпатской Украины, утвердив это название края в качестве официального, поддерживали связь с украинскими эмигрантами, прежде всего пребывавшими в Чехословакии и Германии, в последней же — в основном с принадлежавшими к группе бывшего гетмана Павла Скоропадского, в частности, с теми, кого опекал А. Розенберг. Между прочим, в архиве Розенберга в Потсдаме сохранилось адресованное ему письмо из Закарпатья на русском языке. (Розенберг родился в Прибалтике, учился в Петербурге и говорил по-русски.) Это письмо из Хуста содержало сведения о положении дел в Карпатской Украине в январе 1939 г.

Еще 4 сентября 1938 г. в Ужгороде была создана Украинская национальная оборона (УНО) — организация украинской молодежи Закарпатья, которая ставила целью сотрудничество со всеми украинскими организациями, стоявшими на почве национализма, прежде всего с Организацией украинских националистов (ОУН). В состав руководства УНО вошли Василь Иванович, Иван и Степан Росьоха, Дмитрий Климпуш, Юрий Спилка, Иван Коперлос, Юлиан Станинец, Василь Шадей, Леон Чесняк, Василь Деха³⁶. Затем в ноябре в Хусте оформилась организация национальной обороны «Карпатская сечь», сразу же санкционированная правительством Волошина. Среди ее лидеров были Дмитрий Климпуш, Евген Кульчицкий, Степан Росьоха³⁷.

Между тем борьба вокруг Закарпатья, все более попадавшее в сферу стратегических интересов Германии, не стихла. Занавес над планами треугольника Берлин — Рим — Токио приоткрыл японский посол в СССР Сигемицу, беседовавший перед отъездом на новое назначение в Лондон с венгерским посланником в Москве М. Юнгертом Арноти. Он разъяснил, что государства антикоминтерновского пакта отвергают экспансию Германии в юго-восточном направлении — на Балканы и Багдад. Восточная экспансия Гитлера пойдет в направлении Украины. Фюрер еще не определился, как поступать с осуществлением плана. От этого решения будет зависеть и судьба Средней Европы, в том числе государственная принадлежность словаков и русинов³⁸.

В такой ситуации 19 октября представители Словакии и Карпатской Украины вели в Мюнхене беседы с Риббентропом о своих территориях, передаваемых Венгрии. Как сообщал германский посланник в Будапеште

Эрдмансдорф, присутствовавший на этих переговорах, было достигнуто соглашение, по которому Братислава, Нитра, Кошице, Ужгород и Мукачево не отходили к Венгрии. Таким решением Германия исчерпала свои посреднические возможности³⁹.

Когда для Будапешта стало ясно, что без помощи Германии Венгрия не сможет осуществить свои притязания, Хорти обратился в письме Гитлеру с просьбой поддержать венгерские требования к Чехословакии и принять бывшего премьер-министра К. Дарани⁴⁰. На следующий день Дарани в Мюнхене уже вел переговоры с Гитлером и Риббентропом. Гитлер счел венгерские пожелания чрезмерными и обещал поддержку только в том случае, если венгры умерят свои аппетиты. Дарани по телефону сообщил об этом действующему премьеру Имреди, который согласился на определенные уступки, о чем Дарани незамедлительно сообщил Риббентропу. Позже германское правительство утверждало, что Имреди отказался от претензий на Ужгород и Мукачево⁴¹, тогда как венгерское правительство это отрицало. Каня утверждал, что Риббентроп новые уступки венгров сразу фиксировал на карте и мог ошибиться, оставив за чехами Ужгород и Мукачево⁴². Спор продолжался, и Риббентроп еще 22 октября настаивал на своем, вызвал ответное заявление венгерского правительства о том, что это для него неприемлемо.

В тот же день Каня попросил Германию и Италию быть арбитрами в венгерско-чехосlovakском споре, а в отношении Закарпатья в качестве арбитра привлечь также Польшу. ЧСР включила в число арбитров Румынию. Хотя немецкой стороной поначалу проявляласьдержанность, дополнительных арбитров сразу исключили. Риббентроп в беседе с Чиано высказывался за решение территориального спора четырьмя участниками Мюнхенского соглашения⁴³.

25 октября венгерский посланник сообщал из Берлина, что в отношении Мукачева и Ужгорода Риббентроп своей позиции не изменил: эти города по-прежнему за пределами новой линии границы⁴⁴.

Хорти обращался за помощью не только к Германии, но и Англии. Еще 8 октября он направил письмо Н. Чемберлену с просьбой поддержать Венгрию в венгеро-чехосlovakском споре⁴⁵. В ответе от 28 октября Чемберлен обратил внимание регента на выступление Галифакса несколькими днями ранее, в котором тот «сказал совершенно отчетливо», что Венгрия имеет абсолютно законные требования и могут быть найдены средства

для удовлетворения их путем мирных переговоров. Давалось обещание вместе с другими участниками Мюнхенского соглашения достичь такого решения вопроса о венгерских требованиях, которое заложит основы справедливого порядка⁴⁶. Французский посланник в те дни рекомендовал венгерскому коллеге от имени своего правительства умерить территориальные притязания, поскольку те выходят за рамки Мюнхенского соглашения.

28 октября Риббентроп выехал в Рим, где вел переговоры с Чиано. Представитель рейха вновь высказывал свое убеждение, что с переходом Кошице, Ужгорода и Мукачева к Венгрии вся Карпатская Украина попадет под ее влияние. Чиано отстаивал позицию венгерского правительства. В два часа ночи он позвонил Виллани, чтобы сообщить о возможности добиться присоединения к Венгрии трех спорных городов. Страны оси приняли на себя роль арбитров, и арбитраж был назначен на 2 ноября в Вене, о чем официально сообщалось 31 октября⁴⁷.

В Бельведерском дворце у правительства Венгрии и ЧСР были взяты письменные гарантии того, что они подчинятся решению арбитров, каким бы оно ни оказалось. Прибыл в Вену и Волошин, но в зал совещания допущен не был. Когда Хвалковский пытался убедить Риббентропа пригласить его, тот возразил; что Волошину и Тисе достаточно будет высказать свое мнение после объявления решения⁴⁸.

Арбитры присудили Венгрии 12 тыс. кв. км территории, в том числе Ужгород и Мукачево, где проживало 862 747 человек, из них 8 947 карпатских русинов. Решениями венского арбитража остались недовольны как чешские, так и венгерские правители. Недоволен был и Волошин, и Тисо. Тем не менее в ноябре и декабре Чемберлен заявлял в палате общин, что венское решение признается окончательным. В Форин офис, правда, были рады, что оно состоялось без участия Англии.

В этой ситуации в начале 20-х чисел ноября Венгрия решила явочным порядком захватить все Закарпатье при помощи диверсионных воинских отрядов, формированием которых занимался бывший министр внутренних дел Миклош Козма. Заброшенным в Закарпатье предписывалось поднять восстание, спровоцировав ввод кадровых венгерских оккупационных частей. В этом намерении Венгрию поддерживала Польша. Она тоже забрасывала в Закарпатье диверсантов, координируя эти действия с Венгрией. Начальник венгерской разведки и контрразведки Рудольф

Андорка еще 28 октября сообщал, что в Закарпатье находятся польские группы численностью шесть—восемь человек каждая, всего 53 добровольца-партизана⁴⁹.

Хортисты продолжали зондировать позицию Германии, но последняя пока оставалась непреклонной. Венгерский военный атташе в Риме Ласло Сабо, основываясь на итальянских источниках, сообщал, что Германия в венгерских требованиях видит препятствие своим планам «Дранг нах Остен». Он писал, что для Германии жизненной потребностью является устройство через Карпатскую Украину такого коридора, который бы позволил, во-первых, овладеть Украиной, способной стать кладовой Германии и ее базой против России, и, во-вторых, открыть путь, ведущий к румынской нефти и сырью.

Но правители Венгрии не унимались. Когда же Гитлер заявил, что чехословацкая армия сильнее венгерской, а германская уже демобилизована и не сможет помочь венграм, то они истолковали это как молчаливое согласие и дали понять, что справлятся своими силами. Венгры пытались также заручиться поддержкой Италии. Начались сложные переговоры с Муссолини. Большого в тот момент Сабо срочно направили в Рим, куда он прибыл в полдень 19 ноября. Муссолини, как всегда, обещал дипломатическую и военную помощь. Но суля Сабо 100 самолетов, дуче тут же заявлял о своей лояльности Гитлеру⁵⁰. Ключ решения находился в Берлине. Руководствуясь инструкцией из Будапешта, Сабо информировал Муссолини о том, что якобы Гитлер не возражает. Но Муссолини осведомился у Риббентропа, который возмутился и 21 ноября направил Венгрии ноту протеста, попросив Италию сделать то же самое⁵¹.

Так провалилась венгерская авантюра захватить Закарпатье помимо воли Гитлера. Через час Чиано вновь пригласил венгерского посланника и военного атташе и потребовал нападение на Закарпатскую Украину остановить, сообщив, что истребители не будут направлены в Венгрию. Риббентроп 22 ноября «рекомендовал» Стояи, чтобы Венгрия отказалась от задуманной акции⁵².

В донесении из Москвы Юнгерт сообщал 15 ноября, что Литвинов и Потемкин внимательно следят за судьбой Закарпатья. Советские руководители уверены, что Закарпатье в современном его состоянии нежизнеспособно и может сохраниться лишь при условии, если Германия, пре-

следуя свои политические цели, пойдет на значительные инвестиции. Присоединение же Закарпатья к Венгрии, создающее общую польско-венгерскую границу, не желательно. И провенгерское, и пропольское решения были бы на пользу врагам СССР⁵³.

Еще 13 октября польский посланник в Будапеште Леон Орловский посетил МИД, чтобы узнать, могли бы венгры обратиться к Беку за посредничеством между Венгрией и Румынией с целью установления общей польско-венгерской границы ценой передачи Румынии железнодорожной линии Ясения-Татарский перевал⁵⁴. Этот запрос можно считать продолжением инициативы Венгрии, впервые озвученной в начале октября в ходе переговоров в Варшаве с Беком, когда Чаки, стремясь заинтересовать Румынию, выразил готовность уступить ей окрестности Сигета, где проживали румыны. Речь шла о пяти населенных пунктах. Однако вскоре венгерский посланник доносил Кане из Варшавы, что, по информации польского МИДа, уже румынская сторона сама решительно требуют эту небольшую территорию Руси, по которой проходит железная дорога Сигет — Станислав. Подчеркивалось, что румынский король придает ей большое стратегическое значение⁵⁵. Кания отвечал, что сначала нужно достичь полного польско-венгерского взаимопонимания и решить русинский вопрос, и лишь затем может идти речь об этом урегулировании⁵⁶. Несмотря на такую позицию Кани, 19 октября румынский король принял Бека и обсуждал с ним проблему общей венгеро-польской границы, на которую согласилась бы Румыния за уступку ей части территории Закарпатья с «железнодорожными линиями»⁵⁷. В дни оккупации эта проблема обострит отношения Венгрии как с Польшей, так и Румынией.

После ноябрьских событий отношения между Венгрией и Германией оставались натянутыми, несмотря на замену на посту министра иностранных дел Калмана Кани графом Иштваном Чаки. Не преодолел охлаждения и визит Чиано в Будапешт в декабре 1938 г. В целях улучшения германо-венгерских отношений в середине января 1939 г. в Берлин направился И. Чаки. На заседании венгерского правительства 14 января, где обсуждалась предстоящая поездка министра иностранных дел, последний поднял вопрос о Карпатской Украине. Совет министров единогласно высказался в пользу приобретения Карпатской Украины, ибо это имело бы большое политическое значение, а с экономической точки зрения Венгрия полу-

чила бы соль и лес. Чаки было поручено отстаивать позицию правительства в Берлине⁵⁸.

Протоколы переговоров Чаки с Гитлером и Риббентропом опубликованы во многих странах мира. Именно на них германские правители фактически пообещали в будущем способствовать переходу Закарпатья к Венгрии при условии согласованной политики двух стран. После своего возвращения из Берлина Чаки заверял, что отношения Венгрии с Германией стали более сердечными, чем когда-либо, восстановлено полное взаимное доверие⁵⁹.

В отношении Закарпатья Венгрией и Польшей была предпринята попытка экономической блокады. По радио и в печати велась массированная пропаганда.

Создавались группы агитаторов под руководством Жидовского и Коссея. Бежавший на оккупированную венгерскими войсками территории С. Фенцик переправлял своим сторонникам пропагандистскую литературу и инструкции, как вести подпольную работу. 17 ноября вadioобращении к американским русинам, он сообщал, что, по его предложению, 3 ноября в Ужгороде «все» единодушно решили присоединить Закарпатье на правах автономии к Венгрии, так как без Ужгорода и Мукачева оно незжизнеспособно. Эта же мысль высказывалась в письме Фенцика к А. Корлату — председателю Венгерского национального совета в Ужгороде.

После Венского арбитража он предлагал себя Имреди и Патаки в качестве связного с поляками, чтобы добиться установления общей польско-венгерской границы, рекомендовал отказаться от лозунга «от Попрада до Ясия», заменив его на лозунг «от Ужгорода до Ясия», призывал организовать «сабадчапаток» из поляков и венгров, которые действовали бы как карпаторусские повстанцы. Фенцик настаивал на отказе от употребления наименований русины и рутены, как синонимов украинцев, заменив их понятием карпаторуссов.

В начале марта 1939 г. в Ужгород приехал также А. Бродий. Его приветствовал каноник Александр Ильницкий, а от имени АЗС — адвокат Иосиф Каминский, после чего собравшиеся на вокзале организовали демонстрацию в пользу общей венгеро-польской границы⁶⁰.

Между тем у хустского правительства возникли противоречия с пражским кабинетом, и в первые месяцы 1939 г. отношения обострились до

того, что Прага заставила уйти с поста Ю. Ревая и в правительство Карпатской Украины был назначен чешский генерал Л. Прхала. Это вызвало в крае еще большее недовольство. В венгерском внешнеполитическом обозрении от 20 января 1939 г. указывалось, что чешское правительство этим назначением помешало планам Волошина, включив в свое правительство двух украинцев-эмигрантов и одного белоруса, создать зародыш правительства Великой Украины⁶¹.

На полученных Венгрией по венскому арбитражу землях продолжалась пропаганда, призванная показать великим державам, что все население Карпатской Украины жаждет связать свою судьбу с короной св. Стефана.

1 января 1939 г. в Ужгороде вышел первый номер «Новой недели» — еженедельной политической «беспартийной» газеты для подкарпатских русинов. Редактором и издателем ее был А. Ильницкий, а финансировалась она венгерским правительством. Передовая статья «Наша новая дорога» была направлена против Волошина, выступавшего за единую и неделимую Венгрию при Каройи, а ныне — за единство с сорокамилионной Украиной⁶². Автор передовицы утверждал, что «ни сердце, ни душа никогда не тянули и не будут тянуть нашего русина до якой-то Украины»⁶³. 9 января М. Козма направил в венгерское посольство в Берне информацию о Закарпатье, сообщив, в частности, что из 320 священников, подчиненных Стойке, 200 высказались за присоединение Карпатской Украины к Венгрии⁶⁴.

Ведя дипломатическую подготовку к захвату Карпатской Украины, Венгрия стремилась обеспечить нейтралитет во время предстоящей акции Югославии и Румынии. Дружескую поддержку Италии Венгрия чувствовала всегда, даже после ноябрьского казуса, хотя, оглядываясь на Берлин, Рим неизменно призывал ее к осторожности.

6 марта, вскоре после обращения английских дипломатов к Вернле за разъяснением венгерской политики в закарпатском вопросе, МИД Венгрии разоспал в свои миссии за рубежом материалы, которые были призваны убедить правительства и общественное мнение в необходимости Карпатской Украины для Венгрии с точки зрения экономики. В сопроводительном письме Каня указывал, что даже специалисты по политическим и экономическим вопросам и дипломаты не могут до конца понять, почему Венгрия так заинтересована судьбой Русинска и почему она не признает сложившегося положения окончательным решением, претендую на всю

Карпатскую Украину⁶⁵. Для водной системы Венгрии, говорилось в материалах, важной является река Тиса с притоками, берущая исток в Карпатской Украине, покрытой в основном лесами. Правительство Волошина, не имея средств, начало вырубать лес на продажу, что вскоре может привести к эрозии почвы; весенние и осенние дожди затопят плодородные земли в долине Тисы. Каня просил разъяснить собеседникам, что сегодняшнее положение в Закарпатье, злонамеренность и беспомощность правительства Волошина исключают возможность заключить международные соглашения об использовании лесов и защите жизненных интересов венгерского сельского хозяйства. Принимая во внимание эти обстоятельства, Венгрия не может признать статус Карпатской Украины окончательным⁶⁶.

Венгерский посланник Стояни постоянно обивал пороги германского МИДа, добиваясь разрешения на захват Закарпатья. Но там отвечали: еще не время. 4 марта 1939 г. Риббентроп сделал очередную запись о беседе с Стояни, который на этот раз предложил Германии и Италии выступить с заявлением в том смысле, что Венгрия — первый претендент на территорию Карпатской Украины и при любом новом переделе эту территорию присудят ей. Риббентроп ответил, что в настоящее время такого заявления сделать нельзя, но пообещал держать в курсе о происходящем в чешском вопросе⁶⁷. 10 марта Стояни, беседуя о Карпатской Украине в МИДе с Вайцзеккером, напомнил ему, что Гитлер в январе заявил Чаки о своей незаинтересованности Рутенией. Венгерский дипломат заверил, что пожелания Германии в отношении строительства дорог (ширина, способ строительства, материал и др.) были бы приняты во внимание в полной мере⁶⁸.

На сей раз реакцию Германии долго ждать не пришлось. 11 марта германский посланник в Будапеште передал Чаки записку с изложением условий, которые Венгрии следовало соблюсти, предпринимая активные действия на территории Карпатской Украины. Условия же эти были таковы:

В случае оккупации территории Закарпатской Украины в ходе ее и после ее осуществления необходимо максимально считаться с немецкими транспортными потребностями.

Акция не должна затронуть имеющиеся в крае экономические интересы империи и ее граждан. Венгерское королевское правительство признает соглашения и договоры экономического характера, официально заключенные империей и ее подданными с карпато-украинским правительством.

Венгрия признает права проживающих на Карпатской Украине этнических немцев.

Члены правительства края и другие руководители карпато-украинской политической жизни, как, например, лидеры организации самообороны «Сичь», не будут привлечены к судебному или иному преследованию за их политическую ориентацию⁶⁹.

13 марта проинформированный о предстоящей расправе над Чехословакией Стояи на личном самолете Гитлера привез в Будапешт весть о санкции фюрера на захват Закарпатья. В хортистских кругах не было предела радости. Правители Венгрии решили захватить Закарпатье вооруженным путем. Гитлеру направили благодарность и пообещали к 16 марта организовать пограничные провокации и начать военные действия. В срочном порядке к границе стягивались войска, в основном новобранцы.

События развивались стремительно. Была провозглашена самостоятельность Словакии. На границе с Карпатской Украиной местами, например в окрестностях Мукачева 14 марта возникла спорадическая стрельба. Венгерские войска заняли Подгоряны. Ночью слышна была перестрелка также под Ужгородом. Произошли столкновения и около Великой Доброни, а также между Шаланками и Черным Потоком вблизи Севлюша.

Венгерское правительство направило чехословацкому правительству ноту-ультиматум, в которой требовало освободить интернированных венгров, предоставить венграм свободу организации и право иметь оружие, начать вывод чешских войск из Закарпатья, обеспечить сохранность имущества национальных меньшинств⁷⁰. На выполнение этого ультиматума венгерское правительство давало 12 часов. Тогда же произошло столкновение сечевиков с чешскими войсками в Хусте; чехи бросали оружие и начали уходить. В ответ на ультиматум правительство ЧСР обещало выполнить все требования Венгрии, кроме свободы организации и вооружения венгерских отрядов. Венгерское правительство заявило, что оно позаботится о защите венгров на Карпатской Украине. А в Хусте сейм провозгласил независимость Карпатской Украины, и 15 марта Волошин был избран ее президентом.

В Берлине утром 15 марта Гаха и Хвалковский на встрече с Гитлером подписали документ о переходе Чехии и Моравии под протекторат Германии. В Закарпатье продолжалось наступление венгерских войск. 15 марта в 12 час. 30 мин. Чаки послал Волошину ультиматум, в котором предлагал

сдать власть без сопротивления венграм. Ответ ожидался до 20 час.⁷¹ Волошин ответил в 16 час 50 мин., сообщив в телеграмме, что правительство провозглашенной самостоятельной Карпатской Украины направило в Будапешт делегацию в составе трех человек для переговоров по вопросу о государственной принадлежности; до их завершения он просил приостановить военные действия⁷².

В 18 час. 05 мин. Чаки ответил, что венгерское правительство с гостеприимством примет заявленную делегацию, однако начатые военные действия нет возможности остановить по техническим причинам. Венгрия намерена как можно быстрее занять русинскую землю и просит Волошина как церковного деятеля сделать все для избежания кровопролития⁷³.

Министр внутренних дел ЧСР Прхала вступил в контакт с венгерским командованием и приказал чешским войскам сложить оружие и отступить. С началом вывода этих войск начальник венгерского генштаба Хенрик Верт облегченно вздохнул и продолжил наступление в трех направлениях без привлечения дополнительных сил: от Ужгорода к Ужокскому перевалу, из Мукачева на Сваляву и из Берегова в сторону Хуста—Рахова—Ясина⁷⁴. В направлении на Хуст первые бои с сечевиками произошли 14 марта вечером у Фанчикова и Вербовця. Наступавшие из Мукачева 15 марта заняли по дороге на Сваляву несколько стратегических высот. 16 марта венгерские войска в долине Тисы заняли Хуст. Мукачевская группа через Воловец и Верещки достигла польской границы. Наступавшие из Ужгорода венгерские войска на подступах к Перечину встретили сильное сопротивление⁷⁵.

В тот же день премьер Телеки в палате представителей парламента заявил, что в связи с распадом ЧСР, возникшей анархией и по просьбе русинских руководителей принятые политические и военные меры для спасения жизни и имущества русинов и венгров. Последовало решение немедленной оккупации Закарпатья⁷⁶. В отданном только 16 марта приказе по войскам, Хорти выразил уверенность, что они освободят «руських братьев», вернут их в империю св. Иштвана.

В Нью-Йорке в 1944 г. вышла книга Р. Паркера «Будапештская штабквартира», в которой говорится о поездке автора в дни оккупации в Хуст вместе с полковником бароном Унгаром, который командовал венгерскими войсками, наступавшими тогда в долине Тисы. В резиденции Волошина в Хусте они читали телеграммы. Одна из них, подписанная Воло-

шинным и адресованная президенту США, но не отправленная, поскольку уже были перерезаны провода, гласила: «Во имя гуманности умоляю спасти нас от венгров. Мы телеграфировали в Берлин, но ответа не получили. Просим вмешательства Вашего превосходительства»⁷⁷. В упоминавшемся докладе Козмы говорилось, что о Волошине ходят разные анекдоты. Президент Карпатской Украины по поводу провозглашения независимости послал телеграмму в Америку с просьбой к президенту признать новое государство и его главу⁷⁸. В мартовские дни 1939 г. Волошин и большая часть его окружения выехали из Хуста в направлении Тячева и через Румынию бежали в Югославию.

17 марта начальник штаба венгерской армии Верт сообщил, что в долине Тисы войска достигли Ясина и польской границы и в 22 часа батальон велосипедистов на Ужокском перевале встретился с польскими войсками. Началась зачистка территории. В этом донесении приводились потери венгерской армии. По утверждению Верта, у нее было всего 37 убитых и 114 раненых⁷⁹.

В тот же день И. Чаки информировал Совет министров об обстоятельствах оккупации Карпатской Украины. Она вызвала изумление в Польше, Румынии и Югославии, которые еще ранее заявили о своем нейтралитете. Румыния пыталась предъявить через Польшу требование на железнодорожную линию Лонка—Ясина и пять румынских сел севернее Сигета. Быстрое проведение операции повысило престиж Венгрии в глазах Германии и Италии. Франция была более готова согласиться на оккупацию Карпатской Украины Венгрией, чем Германией⁸⁰. В связи с позицией Германии и Италии стал актуальным выход Венгрии из Лиги наций. На том же заседании Телеки сообщил, что он пообещал посетившему его бывшему премьеру Подкарпатской Руси А. Бродию предоставить Закарпатью автономию. Однако с полудня 18 марта на его территории было введено военное управление.

По свидетельству венгерского посланника в Лондоне Д. Барцы, Ка-доган считал, что захватом Карпатской Украины Венгрия формально нарушила Мюнхенское соглашение и венский арбитраж. Однако хотя этот акт насилия следовало осудить, в Форин офис радовались тому, что в Закарпатье вошли венгры, а не немцы. Дав инструкцию печати выступать с осуждением захвата немцами Чехии, он благосклонно отнесся к действиям Венгрии на Карпатской Украине, не заявив по их поводу даже протеста.

Чемберлен и Саймон указывали, что после падения Чехословакии это внутренний вопрос Венгрии и они не могут вмешиваться в него. Позже, в июле, британское правительство признало аннексию Закарпатья, считая ее «рес юдиката»⁸¹, т. е. решенным делом. 18 марта в беседе с заместителем министра иностранных дел Венгрии Я. Вернле посланник США в Будапеште Дж. Монтгомери интересовался только тем, была ли предварительная договоренность Венгрии с Гитлером⁸².

Еще до аннексии правительство Телеки обещало предоставить краю автономию и подтвердило свое намерение в ходе военных действий. Было создано даже несколько комиссий по разработке проектов. Официальный проект имел до десятка вариантов, которые обсуждались как в Будапеште, так и в Ужгороде. Разрабатывались положения о правах населения, его этническом названии и наименовании края. Телеки склонялся к термину «Подкарпатское воеводство». Обсуждения длились почти два года и закончились ничем. Между тем на интересующей нас территории сначала действовала несколько месяцев военная администрация, затем регент М. Хорти назначил во главе администрации своего комиссара, подчинив его власти также военных.

Была проведена административная реформа, в результате которой весь комитат Угоча с городом Виноградов (Севлюш) был включен в собственно Венгрию. Кроме того, позже к Мараморошскому комитату также в составе собственно Венгрии передали полосу на левом берегу Тисы, а также долины нижнего течения рек Тересвы и Теребли, назвав эти земли Тячевским округом.

На остальной территории бывшей Карпатской Украины были образованы три административные экспозитуры, управляющиеся регентским комиссаром: Ужокская (без Ужгорода), в состав которой входили Велико-Березнянский, Перечинский, Собранецкий округа и окрестность Ужгорода; Берегская, включавшая Нижне-Верецкий, Иршавский, Свалявский округа и окрестности Мукачева; Мараморошская, состоявшая из Хустского, Воловского, Раховского и Тересво-Долинянского округов. Встречающиеся в литературе утверждения, будто Закарпатье в период венгерской оккупации 1939–1944 гг. именовалось Подкарпатским воеводством, не соответствует действительности. Это были так и не реализованные проекты, о которых хортисты говорили только по международным соображениям. Выборы на территории Закарпатья не проводились. В нижнюю

и верхнюю палату венгерского парламента представителями от него посылались назначены Будапешта, в основном лидеры автономистских партий чехословацкого периода, верно служившие тогда хортистам. Все они после Второй мировой войны попали в список военных преступников.

Оказавшись под властью диктаторского режима хортистов, население края, особенно интеллигенция, было подвергнуто гонениям. Арестованными заполнялись лагеря как на территории Закарпатья (Крива и др.), так и в самой Венгрии. Многие попали под надзор, предусматривавший ежедневное посещение жандармской станции, где обычным делом были издевательства и побои.

Части политически активных жителей края удалось эмигрировать на Запад. В 1939—1940 гг., после распада Польши и возникновения общей границы с СССР, от 20 до 50 тыс. молодых закарпатцев бежало в Советский Союз, где им пришлось пройти через всякого рода «проверки». С созданием чехословацкой бригады некоторым из них разрешили в начале 1943 г. вступить в ее ряды; в октябре 1943 г. закарпатцы составляли 63% личного состава бригады (2 210 солдат и офицеров)⁸³.

Архивы премьер-министра и министерства юстиции того периода завалены материалами судебных разбирательств и обвинительных актов против русинов за просоветские и антивенгерские высказывания. Арестованных негде было размещать, хотя тюрьм в годы войны строилось больше, чем когда-либо. Регентские комиссары требовали не проводить разбирательств без их соглашения. Однако аресты, главным образом молодежи, продолжались в течение всего господства хористов и нилашистов, длившегося более пяти с половиной лет. В крае ширилось партизанское движение, что еще более усиливало репрессии. Особенно бушевали военные трибуналы в 1942 и 1944 гг. Устраивались групповые процессы в Кошице, Ужгороде, Мукачево, Сиготе, счет привлеченных шел на сотни человек, десятки из них приговаривались к смертной казни. За время оккупации из Закарпатья были отправлены в концентрационные лагеря Венгрии и Германии более 183 тыс. мирных жителей⁸⁴.

В Закарпатье сложилось тяжелое экономическое положение, кризис обострился в 1944 г., когда на территории края помимо венгерских войск появились также немецкие и она стала прифронтовой полосой. Только после освобождения Закарпатья советскими войсками и образования Закар-

патской Украины (октябрь—ноябрь 1944 г.). Народная рада предприняла ряд мер, направленных на восстановление нормальной жизни.

Съезд народных комитетов принял обращение к правительствам УССР и СССР о воссоединении Закарпатской Украины с УССР. В договоре между правительствами СССР и Чехословакии от 29 июня 1945 г. эта просьба была удовлетворена. Закарпатская Украина определилась в границах Закарпатской Руси периода Чехословацкой республики. Правда, были попытки включить в нее также земли Пряшевщины, но чехословацкое правительство во главе с Эдвардом Бенешем, согласившееся с волеизъявлением съезда народных комитетов Закарпатья и подписавшее с правительством СССР упомянутый выше договор, отстояло границу между Словакией и Закарпатской Украиной, существовавшую в межвоенный период в качестве административной, за исключением Чопа, который вместе с железнодорожным узлом перешел к Украине.

Договор от 29 июня 1945 г. был ратифицирован 22 ноября того же года Национальным собранием Чехословацкой республики, а 27 ноября Президиумом Верховного Совета СССР⁸⁵. 22 января 1946 г. в составе УССР была образована Закарпатская область⁸⁶. Сегодня это область Украины в границах, установленных в 1945 г.

В заключение хотелось бы специально остановиться на проблеме этнорегиональной терминологии. Мы видели ее разнообразие, многослойность и изменчивость на материале 1930-х годов. Тем более сложной была динамика понятийного аппарата на протяжении длительных исторических периодов. Латиноязычные венгерские хроники, документы Ватикана и венгерского королевского двора употребляли в отношении славянского населения Закарпатья термины «rusini», «ruteni» или «rutheni», но так в средневековье иногда называли всех восточных славян.

Закарпатье могло обозначаться в XI в. в западноевропейских источниках как «Marcia Ruthenorum». Когда в 1013 г. эту землю венгерский король Иштван I дал своему сыну, тот называл себя «Dux Rusinorum»⁸⁷. В двух польских источниках XVII в. в отношении Закарпатья употреблялись термины «Ukraina Węgierska» (1619 г.) и «Ukraina Mukacsienis» (1662 г.)⁸⁸. В последовавшие за татаро-монгольским нашествием столетия регион, в который входило и Закарпатье, называли «Felvidék» — «Верхний край», обозначая этим понятием также и Словакию. После первого венского арбитража подобным образом венгры именовали полученные ими южные

районы Словакии и Закарпатья, после захвата Карпатской Украины он был распространен и на этот край, который в XIX в. еще часто называли «Ruteföld» — Русская (Рутенская) земля.

В венгерских источниках и литературе, кроме «ruszin», встречается написание «ogosz» (русский), а иногда «kisorosz» (малорус, малоросс), которыми обозначали соответственно русских и украинцев. Даже в самых последних обобщающих венгерских исторических трудах Галицко-Волынское княжество или Киевское Великое княжество названы «Oroszorzág» (Россия). В то же время в венгерских трудах для обозначения местного жителя Закарпатья использовались в отличие от русского и украинца термины «magyarorosz» и «ührorosz» — угрорус, «rutén», «ruthén» — русин. В более поздних документах встречается наименование края Закарпатья — «Kárpátalja» — (Подкарпатье) и «Ruténföld» — (Рутенская земля).

Русские авторы (В. И. Ламанский, А. Л. Петров, В. А. Францев, Ю. А. Яворский, Ф. Ф. Аристов и др.) пользовались для этих целей понятиями «карпаторус», «карпаторосс», которые могли распространяться и на жителей Галиции и северной Буковины. Функционировали термины Карпатская Русь и Угорская Русь.

Официальная документация Чехословакии до конца 1930-х годов опиралась терминами «русин» и «подкарпатский русин». В 1926 г. Коминтерн дал указание компартии Чехословакии идентифицировать славянское население Закарпатья с жителями других частей Украины, называть его украинским и издавать для него печатные органы на украинском языке. За ними последовали социал-демократы, затем Народно-христианская партия, а также все общечехословацкие партии, имевшие свои организации в Закарпатье, в которых, впрочем, были и прорусские фракции. В целях будущего объединения Закарпатья, Галиции и Северной Буковины в конце 1930-х годов украинофилами было введено понятие Карпатской Украины.

В дипломатических документах Польши в межвоенный период в отношении Закарпатья употреблялся термин «Русь». В западных странах, в том числе в документах Парижской мирной конференции, прежде всего в Сен-Жерменском и Трианонском договорах, в отношении «русинов, живущих на юг от Карпат» и их земель употреблялись термины «ruthenes», «githenes subcarpatiques», «Ruthenie Subcarpatique» — во французском языке, «Ruthenia», «Carpatho-Ruthenia», «Subcarpatian Ruthenia», «Carpatho-Russia», «Subcarpatian Russia», «Carpato-Ukraine», «Transcarpatian Ukraine» — в анг-

лийском, «Russia Subcarpatica», «Ruthenia Subcarpatica» — в итальянском, «Karpatorussland», «Karpato-Ukraine» — в немецком. В Северной Америке в закарпатских эмигрантских кругах имел хождение термин «Русиния». В межвоенный период им пользовались и в Венгрии. Эмигранты в англоязычных изданиях называли себя «Rusin», «Carpatorusin» или «Carpato-russian».

П. Магочи странным образом утверждает, что «русины» — самоназвание населения до ХХ в. носило не национальную окраску, а обозначало принадлежность в восточно-христианской (греко-католической или православной) «русской» церкви. «Это и было причиной, — пишет он, — почему этнические словаки или венгры грекокатолической веры тоже называли себя русинами». В других частях книги говорится о словакизации и мадьяризации русинов, поэтому логичнее было бы считать, что мадьяры-грекокатолики — это действительно русины, ассимилированные венграми.

П. Магочи⁸⁹ в своей книге, в названии которой присутствует «Подкарпатская Русь», под этим термином понимает территорию к югу от Карпат, причем граница региона он не приводит, включая в него все бывшие комитаты Венгрии, в которых проживали русины. Три из них в 1919 г. были включены в состав Словакии. Эта западная оконечность ареала проживания русинов называлась Пряшевшиной или Пряшевской Русью, а словаки называют ее Восточной Словакией. В ней проживало в 1919 г. более 90 тысяч русинов. К концу ХХ в. число их уменьшилось до 1/3 в основном вследствие словакизации, а оставшиеся называют себя украинцами.

Примечания

¹ Очерки истории СССР IX—XIII ст. М., 1953; Шекера І. М. Міжнародні зв'язки Київської Русі. К., 1963. С. 49.

² Історія міст і сіл Української РСР. Закарпатська область. К., 1969.

³ Сова П. Прошлое Ужгорода. Ужгород, 1937. С. 23—31.

⁴ Décsi A. A magyar oroszokról való igen rövid elmélkezés. Kassa, 1797. N. II—IV. 1-32.old.; Mészáros K. A magyarországi története. Br., 1850.

⁵ Петров А. Л. Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви. 1391—1498 г. Прага, 1930. С. XI.

⁶ Magyarország története. Előzmenyek és magyar törtenet 1942-ig. Br., 1984. I-2 rész.

⁷ Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848—1948). Ужгород. 1994. С. 166.

⁸ Там же. С. 4.⁹ Там же.¹⁰ Там же. С. 294.¹¹ См.: Сб. док.: Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / Сост.: Ключников Ю. В. и Сабанин А. М., 1926—1928. Ч. I—Ш.; Мирные договоры империалистической войны в конспективном изложении / Сост.: Ключников Ю. В. М., 1925.¹² Там же. Ч. II. С. 379.¹³ Там же.¹⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1967. Т. XII. Кн. I. С. 26.¹⁵ Державний архів Закарпатської області. Ф. 29. Оп. 3. Д. 44. Л. 43—47; Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—22.¹⁶ Statistická ročenka ČSR. Praha, 1937. S. 279—280.¹⁷ О национальном вопросе и языковой борьбе в Закарпатье накануне второй мировой войны // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 175—190.¹⁸ Párttörténeti Intézet Archivum (далее — PIA). A. XXII. 71. /1938./ I.¹⁹ Országos Levéltár (далее — OL). K-64; 1941. 33. 648. 1.1.²⁰ OL. K-64; 1939; 7a, 951.²¹ Архив внешней политики РФ. Ф. 5. 1938. Оп. 186. П. 112. Д. 52. Л. 6; OL; Filmtár 36202. 1938. 174, 177. pol. I-4.1.; K-63, 1938.7/7, 3265 (3506). I-2.1.²² OL. K-64. 7. Komáromi tárgyalások jegyzőkönyve.²³ Ibidem.²⁴ OL. FT. 36202. 1938. 177.pol. 1-4.1.²⁵ OL. K-74. 1938. Bejövő. Róma. 6450.18.1.1.²⁶ OL. FT. 36202. 1938. 177. pol. 3.1.²⁷ Ibid. K-64. 1938. 7a. 987. 3.1.²⁸ OL. FT. 36202. 1938. 177. pol. 3.1.²⁹ Ibidem.³⁰ Ibidem.³¹ OL. K-74. 1938. Kimenő. Prága. 6160.89. 1.1.³² Ibid. K-64. 1939. 7a. 1041, I.I.³³ Ibid. K-74, 1938. Bejövő. Prága. 6492.172. 1.1.³⁴ OL. ME. L. 1939.1775. 7.1.³⁵ Pesti Napló. 1939. 6.VII.³⁶ Archivum Akt. Nowych. NSZ P III, 1939; II с. Т. 2.5462. S. 40.³⁷ Ibid. S. 40.ob.³⁸ OL. K-63. 1938. 21. 4402. 1-4.1.

- ³⁹ Diplomáciai Iratok Magyarország Külpolitikához (далее — DIMK). II.
828—829. old.
- ⁴⁰ Horthy Miklós titkos iratai. Buenos Aires. 1953. I83—I84.old.
- ⁴¹ A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 309—311.old.
- ⁴² OL. K-64. 1939. 7a. 1157. I-2.1.;DIMK. II. 837—839.old.
- ⁴³ DIMK. II. 842.old.
- ⁴⁴ OL. K-74. Bejövő. Berlin. 1938. 6723.225.1-2.1.
- ⁴⁵ Историко-дипломатический архив. Ф. 323. Оп. I. Д. 20. Л. 1.
- ⁴⁶ Там же. Л. 5.
- ⁴⁷ DIMK. II. 872.old.
- ⁴⁸ A Wilhelmstrasse és Magyarország... 3I2-3I7.old.
- ⁴⁹ OL. K-64. 1939. 33/a. 1344. 1.l.
- ⁵⁰ Ibid. 1389. 1-2.1
- ⁵¹ Ibid. I43I. 1432. 1-4.I.
- ⁵² Ibid. K-74. Bejövő. Berlin. 1938. 6558.240.1.l.
- ⁵³ OL. FT. 36202. 101.pol. I-2.1.
- ⁵⁴ OL. K-64. 1939. 7a. 167I, 1.l.
- ⁵⁵ Ibid. K-74. 1938. Bejövő. Varsó 6570.331.1.l.
- ⁵⁶ OL. 1938. Kímenő. Varsó 6262.147.1.l.
- ⁵⁷ Ibid. Bejövő. Bukarest. 6631.141.1.l.
- ⁵⁸ OL. ME. Mt jkv. 1939. 14.I.7-9.1.
- ⁵⁹ A Wilhelmstrasse és Magyarország... 342-350. old.
- ⁶⁰ Függetlenség. 1939. 7. III.
- ⁶¹ PIA. Külpolitikai összesítő. 1939. 20. I.
- ⁶² OL. ME. L. 1939. 15320.
- ⁶³ Ibidem.
- ⁶⁴ OL. K-84. 1939. 6/biz. 1-2.1.
- ⁶⁵ OL. K-119. 1939. 13.biz. 1-2.1.
- ⁶⁶ Ibidem.
- ⁶⁷ A Wilhelmstrasse és Magyarország... 367.old.
- ⁶⁸ Ibid. 367-368.old.
- ⁶⁹ Ibid. 368.old.
- ⁷⁰ OL. K-89, 1939, 400, 29-33.l.
- ⁷¹ Ibid. 462, 2.1.; K-63. 1939. 7/7. 18. I6I.l.
- ⁷² Ibid. K-63, 1939, 7/7, 18. 158.l.
- ⁷³ Ibid. I347. 1-2.1.
- ⁷⁴ DIMK. III. 577-578.old.
- ⁷⁵ OL. K-89. 1939. 400. 18. 158.l.

⁷⁶ Ibid. 20.1.⁷⁷ Паркер Р. Будапештская штаб-квартира. S. u., s. a. C. 26.⁷⁸ OL. K-84. I939. 6.biz. 31.1.⁷⁹ OL. K-89. I939. 400. 12.1.⁸⁰ OL. ME. MT jkv. I939. 17.III. 32-34.1.⁸¹ Új Magyar Központi Levéltár. KÜM, BE. IV. I. 162.1.⁸² OL. K-63. I939. 7/7. 18. (1362).⁸³ Ванат І. Закарпатські українці в чехословацькому війську в СРСР // Шлях до волі. Братислава; Пряшів, Свидник. 1966. Т. 2. С. 188.⁸⁴ Шляхом Жовтня. Ужгород, 1965. Т. VI. С. 286.⁸⁵ Там же. С. 375.⁸⁶ Там же. С. 389.⁸⁷ Bidermann H. Die Ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte. Innsbruck, 1867. B. 2. S. 59. Автор утверждает, что этот термин впервые встречается в «Annales Hindelshiemenses» и «Vita Chunradi Archiepiscopi Saliburgensis». // 177/.⁸⁸ Барвіцький Б. Назва «Україна» на Закарпатті // Onomastica. Winnipeg. 1952. № 4; Лелекач М. Проблемы истории Закарпатья феодально-крепостнической эпохи. XI—XVIII вв. Ужгород, 1959. С. 5.⁸⁹ Magocsi P. R. The Chaping of a National Identity: Subcarpatian Rus. I848—I948. Cambridge. 1987.

Украина: Восток, Запад, Центр как «ось консолидации» (вторая половина 1990-х годов)

Исследование проблематики регионов в России продвинулось достаточно далеко. В Украине же пока нет *взвешенной концепции региональных различий*, а большинство разработок в этом плане, по меткому определению периодического издания «Регион» (издается в Киеве), страдают «пропинциализмом», — поэтому крайне необходимы средства обеспечения «прорыва регионального эгоизма»¹.

Проблема слабо исследована на уровне науки (политологии, социологии, лучше обстоит дело с экономической географией), но поскольку она безусловно актуальна, ее обсуждают на других уровнях. Это просматривается даже в факте появления новых газет и изменении заглавий бывших областных «правд» (так, «Вінницька правда» сейчас называется «Поділля»), газет с «географической привязкой» («Галичина», «Україна-центр», «Кримська світлиця», русскоязычная «Донбасс»), указанной выше газеты «Регіон». Одни их материалы достаточно точно ставят проблему регионов и даже рекомендуют пути ее решения, другие — отличаются удручающей неопределенностью. Но значимость проблемы сбалансированных отношений между регионами как одной из главных предпосылок общенационального единства в любом случае осознается.

Так, газета «Україна-центр» подчеркивает: «Конституция еще должна состояться; и она состоится лишь тогда, когда будет принято оптимальное законодательство о местном самоуправлении»; отмечается, что парламент уже второй раз преодолевает вето президента на такой закон, ибо интересы ряда регионов в нем не учтены. Отсюда и осуждение «игр с отменой выборов», что усугубляет ситуацию представительства регионов².

Газета «Регіон» сосредоточила внимание на этом законе, взяв в качестве примера Харьков: ранее он был одним из всесоюзных центров промышленного развития, но в настоящее время его руководство с трудом осознает, что надо становиться таким центром и для Украины³.

Поэт и известный политический деятель И. Драч в журнале «Український світ» смело заявляет: «Проблема регионов Украины существует»⁴. Но в дальнейшем пишет о стремлении «некоторых» политиков «осущест-

вить изоляцию по отдельным географическим зонам», упрекает «некоторых» деятелей СМИ за желание «рассадить свои аудитории по информационным штрафным изоляторам», разоблачает «некоторые» силы, «сдерживающие интенсивность и результативность украинского прогресса»⁵.

Нужно подчеркнуть, что более четкие оценки трудно обнаружить не только у поэта, но и у многих украинских социологов и политологов. В чем же, по мнению И. Драча, заключается решение проблемы регионов Украины? Расплывчатая постановка вопроса влечет и недостаточно определенный ответ: в «овладении украинской нацией жизненным пространством — экономическим, культурным, информационным и т. д.» Если ранее Украина была «пассивной составляющей экономики метрополии», то теперь она должна исходить из хозяйственной самодостаточности. Автор ратует за межрегиональную сплоченность, «чтобы в Днепропетровске знали, что делается в Луцке, а в Одессе интересовались не делами в Кремле, а положением в Чернигове»⁶.

Еще один образец такого декларативного подхода — статья О. Шокало «Станем на оба крыла» в том же номере журнала. «Лежит Украина, — пишет автор, — словно покалеченная птица, распластавшись на правое (западное) и левое (восточное) крылья свои по обоим берегам Днепра». Лишь Россия соединила ее в XX в., но, как оказалось, для задач русификации... Поэтому «восточники» (східняки) именуют «западников» (західняків) «бандерівцями», и, в свою очередь, получают кличку «москалі». Нужно, заключает Шокало, «освободиться от стереотипов расчленения единого украинского естества и уберечь свой народ от новых иллюзий»... К сожалению, рекомендации и прогнозы этого автора также весьма смутны⁷.

Соотношение городского и сельского населения и его национальный состав

Исходя из специфики 24 областей Украины и автономной республики Крым, в частности соотношения украинского и русского этносов в них; учитывая удельный вес городского и сельского населения; принимая во внимание языковую ситуацию в стране и распределение в ней религиозных конфессий, — попытаемся определить контуры внутрирегиональной дифференциации Украины, а также выявить факторы, обусловливающие направленность политических ориентаций и культурных предпочтений⁸.

Таблица 1

Удельный вес украинского и русского населения в областях Украины (в %)⁹

№	Области	Место	Украинское население	Русское население	Место
(5)	Тернопольская	1	96	2,3	25
(4)	Ивано-Франковская	2—3	95	4	24—22
(3)	Волынская	2—3	95	4	24—22
(6)	Ровенская	4	93	4,6	21
(10)	Винницкая	5	92	5,9	19
(16)	Черниговская	6	91	6,8	17
(8)	Хмельницкая	7—9	90	5,8	20
(12)	Киевская	7—9	90	8,7	13
(13)	Черкасская	7—9	90	8	15
(2)	Львовская	10—11	88	8,2	14
(19)	Полтавская	10—11	88	10,2	12
(14)	Кировоградская	12—14	85	11,7	11
(9)	Житомирская	12—14	85	7,9	16
(21)	Сумская	12—14	85	13,3	10
(1)	Закарпатская	15	78	4	24—22
(15)	Николаевская	16—17	76	19,4	9
(17)	Херсонская	16—17	76	20,2	8
(20)	Днепропетровская	18	72	24,3	7
(7)	Черновицкая	19	70	6,7	18
(23)	Харьковская	20—21	63	33,2	4
(22)	Запорожская	20—21	63	32,9	5
(11)	Одесская	22	55	27,4	6
(25)	Луганская	23	52	44,8	2
(24)	Донецкая	24	51	43,6	3
(18)	Крым	25	26	67	1
	Киев			20,9	

Расположение на карте областей по указанному признаку создает представление *о комете с ядром на западе*. Если исключить два субрегиона 78% (1) и 70% (7), а также городоцентричную Львовскую область — 88% (2), то доля украинцев в этом ядре очень высока — 93% (6), 95% (3, 4) и 96% (5). Далее, при движении с запада на восток, наблюдается сдвиг: 92% (10), 91% (16), 90% (8, 12, 13), 88% (19), 85% (9, 14, 21). На востоке три «исключения» — 76 (15, 17) и 72% (20) — дальше идут 63% (22, 23), а затем и 55% (11), 52% (25) и 51% (24). При этом чем больше городов, тем меньше украинцев. Есть здесь и «аномалия» — Крым: 26% украинцев и 67% русских¹⁰.

Следует отметить, что русское население Украины росло быстрее, чем украинское вплоть до конца 1980-х годов.

Таблица 2

Динамика национального состава населения Украины 1970—1989 гг.¹¹

	1970	1979	1989	%
все население	47 126	49 609	51 452	100
украинцы	35 283	36 488	37 419	72,7
руssкие	9 126	10 471	11 355	22,1
евреи	776	632	486	0,9
белорусы	385	406	440	0,8
молдаване	266	293	324	0,6
болгары	234	238	233	0,4
поляки	295	258	219	0,4
венгры	157	164	163	0,3
румыны	112	121	14	0,26
греки	107	104	98	0,2
крымские татары	3,5	6,6	47	0,1

Количество украинцев в целом по стране с 1979 по 1989 г. выросло на 2,4%, русских — на 8,3%, представителей некоторых национальностей (например, евреев, поляков, греков) уменьшилось, а крымских татар увеличилось на сотни процентов¹².

Русское население «растет» с запада на восток и одновременно с севера на юг. Об этом говорят следующие показатели его удельного веса:

Тернопольская — 2,3%; Закарпатская, Волынская, Ивано-Франковская — 4%; Ровенская — 4,6%; Хмельницкая — 5,8%; Винницкая — 5,9%; Черновицкая — 6,7%; Черниговская — 6,8%; Житомирская — 7,9%; Черкасская — 8%; Львовская — 8,2%; Киевская — 8,7% (Киев — 20,9%); Полтавская — 10,2%; Кировоградская — 11,7%; Сумская — 13,3%; Николаевская — 19,4%, Херсонская — 20,2%; Днепропетровская — 24,2%; Одесская — 27,4%; Запорожская — 32,9%; Харьковская — 39,2%; Донецкая — 43,6% и Луганская — 44,8%. Получается комета с ядром на Востоке.

* * *

Наиболее европеизированная часть Украины — ее западные области, причем не по уровню промышленного развития, а по исторической традиции, культурно-национальному менталитету и географическому положению. Данный регион характеризуется не только явным доминированием украинцев, но и столь же явным преобладанием — как это ни парадоксально, если учитывать урбанизацию Европы — сельского населения.

Таблица 3

Городское население по областям (в %)¹³

№	Области	Место	%	№	Области	Место	%
(1)	Закарпатская	1—4	42	(2)	Львовская	14	60
(4)	Ивано-Франковская	1—4	42	(14)	Кировоградская	15	61
(5)	Тернопольская	1—4	42	(21)	Сумская	16	63
(7)	Черновицкая	1—4	42	(17)	Херсонская	17	62
(3)	Волынская	5—7	46	(11)	Одесская	18—19	66
(6)	Ровенская	5—7	46	(15)	Николаевская	18—19	66
(10)	Винницкая	5—7	46	(18)	Крым	20	69
(8)	Хмельницкая	8	48	(22)	Запорожская	21	76
(13)	Черкасская	9	53	(23)	Харьковская	22	79
(9)	Житомирская	10	54	(20)	Днепропетровская	23	84
(12)	Киевская	11—12	55	(25)	Луганская	24	87
(16)	Черниговская	11—12	55	(24)	Донецкая	25	90
(19)	Полтавская	13	57				

Таким образом, городское население растет, начиная с западных областей: от отметки городского населения 42% (1, 4, 5, 7) через 46 (3, 6) к целым 60% — за счет 800-тысячного Львова (2). (В настоящее время население этого города достигает 1 млн человек.)

Южные и восточные области на этом фоне урбанизированы, даже суперурбанизированы. Низшая точка городского населения — 62% (17) выше, чем высшая в западных областях, затем следуют две области с 66% (11, 15), а далее — по нарастающей — 69% (18), 76% (22), 79% (23), 84% (20) и, наконец, целых 87% (25) и 90% (24), как в немецком Руре. Получается некая комета, предельно плотная на востоке и редеющая западнее — и в масштабах каждого региона, и, пожалуй, в масштабах Украины в целом.

А что же центральные области Украины? На фоне уже указанных национальностей цифры здесь умеренные и разброс небольшой. Здесь только 2 области, где городское население меньше сельского — 46% (10) и 48% (8). Обе граничат с Западом, но дистанцируются от него: проживающее в этом регионе население не считает себя «западниками». Дальше идут цифры 53% (13), 54% (9), 55% (12, 16), 57% (19), 61% (14) и 63% (21). В целом городское население превышает половину, но далеко не достигает двух третей.

Религиозный фактор

Слабость этнического барьера между русскими и украинцами во многом связана с конфессиональным единством. Где его нет, религия напрямую связывается с национальной принадлежностью, и барьер резко усиливается. При этом как религиозные различия приводят к отчуждению, так и, напротив, чисто идеическое стремление «размежеваться» в этническом плане, ведет и к религиозному обособлению¹⁴.

«Религиозную карту» готовы разыграть разнородные политические силы; во многом этим мотивируется создание и поддержка со стороны государства Украинской православной церкви — Киевского патриархата (УПЦ КП). Последняя дистанцируется, с одной стороны, от «промосковской» (иногда именуемой «промоскальской») Украинской православной церкви (УПЦ), а с другой — от чрезмерно акцентирующей национальные ценности Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ). Анафема последней главе УПЦ КП бывшему митрополиту Русской православной церкви Филарету (Денисенко) — акт, лишь повышающий его

авторитет. Однако православные иерархи УПЦ (за исключением крымского епископа) не проявляют стремления к явной конфронтации. Это неудивительно и по сугубо религиозным причинам: как раз там, где «промосковская» церковь должна быть наиболее сильной, ее теснят агрессивные протестанты, и в плане самосохранения она *обречена на союз со всеми православными*.

Социально-кризисные ситуации лишь благоприятствуют росту рядов протестантов: у Всеукраинского союза объединений христиан-баптистов третье место на Украине по числу общин: 1536 зарегистрированных + 44 незарегистрированных и первое по числу учебных заведений (15 с 2 257 учащихся). У пятидесятников 802 + 83 объединения, адвентистов седьмого дня — 526 + 17, свидетелей Иеговы — 255 + 315¹⁵.

В то же время все три ориентации православия на Украине испытывают давление со стороны церквей, признающих главенство папы: и римских католиков, и греко-католиков (униатов) на западе страны. Римско-католическая церковь имеет 712 + 4 приходов и 333 священнослужителей, из которых более трети — иностранцы. Вторая в республике по величине Украинская греко-католическая церковь — 3 087 + 11 общин и 2 011 священников.

Названные опасности, равно как и осознание значимости выработки и сохранения национальной идентичности православных верующих, гасят наиболее острые конфликты. В силу этого есть основания объединять всех православных в одну группу, хотя и идеологи церковной розни, и эксперты по данной проблеме справедливо указали бы на необходимость четкого разграничения между ними на «территории» собственно православия.

Фактически центральные области Украины — в основном православные, борьба здесь идет внутри конфессии за украинский облик православия. УПЦ (6 816 + 66 приходов и 5 590 церковнослужителей) — явный лидер в регионе, а церковнославянский язык, на котором ведется богослужение — не «импортированный» русский, но язык стабильности и традиции, общий для всех трех восточнославянских языков.

Сеть УПЦ КП (1 499 + 30) и «автокефалистов» (1 163 + 4, 534) включает около трети от числа всех православных приходов, но даже с учетом этого есть основания утверждать, что их влияние завышено по политическим соображениям. Так, первые в чем-то похожи на «обновленцев» в национальном издании, вторые — на течения «истинных» православных.

Однако все три церкви «смирились» с тем, что они действуют в самостоятельной стране. Апелляция к Москве — дело скорее отдельных иерархов, а не позиция УПЦ. УАПЦ же вовсе не демонстрирует приписываемого ей ультранационализма: богослужение на украинском там становится нормой, а не вызовом.

Больше всего православных общин в Черниговской (78%) и Киевской (72%) областях, а три последующих места занимают: западные — Ровенская (77%) и Волынская (69%) — области, а также промышленная Днепропетровская (69%). От 62 до 68% достигает их доля не только в таких областях Центра, как Винницкая, Житомирская, Полтавская, Сумская, Хмельницкая, Черкасская, но и в Николаевской (68%), в Луганской (62%) областях, где протестантам не удалось добиться преимущества.

Области, где число православных общин составляет менее трети, но более половины — Кировоградская, Одесская, Харьковская, Херсонская, Черновицкая. Центральные области, таким образом, наиболее «оправославленный» регион Украины.

Восток «заполонили» протестантские общины. В суперурбанизированной Донецкой области их 49% при 43% православных¹⁶. Рост верующих в целом в 3,2 раза практически достигнут за счет протестантского прозелитизма¹⁷. Второе место по удельному весу протестантских общин занимает Запорожская область (46% против 47% православных); третье — близкая к индустриальным регионам Кировоградская — 39% (58%); четвертое — крупнейшая Днепропетровская — 37% (59%); пятое и шестое — Одесская — 36% (58%) и Черновицкая — 36% (57%); седьмое — Луганская — 35% (62%). В число «протестантских» областей (34—30%) входят Харьковская и Херсонская, а также центральные — Полтавская, Сумская и Черкасская области. Более 36% протестантов (против 35% православных) в Закарпатье, но пятая часть из них — приверженцы издавна там существующей реформатской церкви (в основном венгры).

Католицизм в обоих его вариантах распространен на Западе, в первую очередь во Львовской области, где среди верующих 60,7% его приверженцев (56% греко-католиков, 4,7% римских католиков). На втором месте — Ивано-Франковская область: 56% (54 + 2), на третьем — Тернопольская: 53,5% (49 + 4,5), на четвертом — Закарпатье: 25,6% (20 + 5,6). От 13 до 10% католиков насчитывается в примыкающих к Западу Житомирской, Хмельницкой и Винницкой областях.

Видны различия и по религиозности населения областей, особенно если учесть динамику роста в них численности общин.

Таблица 4

Место областей по числу верующих и рост числа общин¹⁸

№	Области	№ п/п	Доля верующих (в %)	Рост числа общин (разы)	№ п/п
(2)	Львовская	1	13	3,8	9—10
(5)	Тернопольская	2	8	2,7	20
(1)	Закарпатская	3	7,2	2,2	24—25
(4)	Ивано-Франковская	4—5	6,4	3,4	14
(12)	Киевская	4—5	6,4	3,8	9—10
(10)	Винницкая	6	5,7	2,5	21—22
(6)	Ровенская	7	5,4	2,4	23
(8)	Хмельницкая	8	5,2	4	6—8
(3)	Волынская	9	4,6	3	6—9
(7)	Черновицкая	10	4,4	2,2	24—25
(9)	Житомирская	11	3,7	3	16—19
(18)	Крым	12—13	3,3	14	1
(11)	Одесская	12—13	3,3	3,5	12—13
(24)	Донецкая	14	3	3,2	15
(13)	Черкасская	15	2,7	4	6—8
(16)	Черниговская	16	2,4	3	16—19
(21)	Сумская	17	1,9	2,5	21—22
(23)	Харьковская	18—20	1,8	3	16—19
(25)	Луганская	18—20	1,8	3,6	1
(20)	Днепропетровская	18—20	1,8	5	3
(22)	Запорожская	21—22	1,7	6,7	2
(19)	Полтавская	21—22	1,7	4,3	5
(15)	Николаевская	23—24	1,5	4	6—8
(17)	Херсонская	23—24	1,5	4,8	4
(14)	Кировоградская	25	1,4	3,5	12—13
	Киев		1,6	18	
	Всего 100% ~ в 3,3				

Как видно из таблицы, первая десятка областей, дающих наибольшее число верующих (с 13 до 4,4%) — это области западные или примыкающие к Западу (Винницкая и Хмельницкая, а также Киевская). А ведь это не самый густонаселенный регион. Держатся в середине таблицы области Востока — за счет массы населения, хотя большая его часть «не окормляется» никакой церковью (Донецкая, Харьковская, Луганская, Днепропетровская и Запорожская, а также Одесская области). На последних местах в перечне южные области (Николаевская, Херсонская и Кировоградская).

Важны и другие цифры: рост числа религиозных общин. В целом число общин возросло с 1988 по 1997 г. в 3,3 раза (с 5 689 до 18 612). Характерно, что предельно близки к среднему показателю Ивано-Франковская — 3,4 и Донецкая — 3,2 области. Лидирующее положение Крыма связано с притоком татарского населения, открывающего много мечетей. Затем идет группа южных и восточных областей, которая ранее характеризовалась весьма низким удельным весом числа верующих.

Можно отметить, что на Западе религиозная ситуация более стабильна и речь может идти скорее о «перераспределении» верующих, чем про-зелитизме. Восток же и Юг — место религиозного «возрождения», иногда довольно бурного, и в основном ведомого протестантами.

«Мова» и «язык»: новые формы сосуществования

В языковом отношении области также меняют свой облик, можно сказать, *континуально*: с Запада на Восток. Это видно на примере распределения русскоязычных школ.

До конца 1980-х годов любой мало-мальски заметный город имел такие школы, и показателем эффективности его социального развития было увеличение их числа. Это и неудивительно — русский язык «облегчал» вхождение во многие сферы науки, культуры, способствовал достижению вершин образования.

В 1997 г. в прессе появилась информация Всеукраинского братства ОУН—УПА — организации с выраженным националистическими пристрастиями — о доминировании русскоязычных школ.

Можно увидеть, что в Донбассе (24,25) и Крыму (18) имело место почти исключительно русскоязычное образование (свыше 90% школ), доминировало оно также в южных и восточных областях, особенно с более чем миллионными городами — Запорожской, Одесской, Харьковской, Днепропетровской (22, 11, 23, 20). В остальных областях Юга и примыкающих

Таблица 5

Число школ, где обучение детей ведется на русском языке¹⁹, (в %)

№	Области	№ п/п	% школ	№	Области	№ п/п	% школ
(18)	Севастополь	1	100	(19)	Полтавская	15	19,4
(24)	Крым	2	96,9	(13)	Черкасская	16	16,3
(25)	Донецкая	3	94,6	(9)	Житомирская	17	14,9
(22)	Луганская	4	91,3	(8)	Хмельницкая	18	10,3
(11)	Запорожская	5	70,3	(10)	Винницкая	19	10,1
(23)	Одесская	6	67,9	(12)	Киевская	20	8,9
(20)	Харьковская	7	64,8	(7)	Черновицкая	21	6,3
(15)	Днепропетровская	8	58,2	(1)	Закарпатская	22	4,4
(16)	Николаевская	9	46,7	(2)	Львовская	23	4,4
(21)	Черниговская	10	40,5	(3)	Волынская	24	2,7
(17)	Сумская	11	40,3	(4)	Ивано-Франковская	25	2,3
(14)	Херсонская	12	40,1	(6)	Ровенская	26	1,6
	Киев	13	36,6	(5)	Тернопольская	27	1,3
	Кировоградская	14	28				

к России Черниговской и Сумской областях, столице Киеве количество русскоязычных школ составляет больше трети, но меньше половины (17, 15, 16, 21). От 10% до трети русскоязычных школ в областях Центра: и здесь чем ближе области к России, тем больше школ — 14, 19, 14, 9, 8, 10 (исключение — «интернационализированная» историей Кировоградская область). Менее 10 % таких школ во всех западных областях, в этой же группе оказалась Киевская область.

Ситуация начала меняться с вступлением в силу закона «О языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 г. и ряда мер по стимулированию введения украинского языка в качестве государственного. Принятая 28 июня 1996 г. Конституция Украины в статьях 10–12, касающихся проблем языковой политики, зафиксировала: «Статья 10. Государственным языком на Украине является украинский язык. На Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины (...). Применение языков на Украине гарантируется Конституцией Украины и определяется законом. Статья 11.

Государство содействует консолидации и развитию украинской нации, ее исторического сознания, традиций и культуры, а также развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности всех коренных народов и национальных меньшинств Украины. Статья 12. Украина проявляет заботу об удовлетворении национально-культурных и языковых потребностей украинцев, проживающих за пределами государства».

В конце 1996 г. президент Украины высказал ряд рекомендаций о необходимости более интенсивного внедрения государственного языка. Комментируя его указания, премьер-министр П. Лазаренко в начале 1997 г. отметил: «Успех проведения языковой политики в государстве будет измеряться уровнем цивилизованности в отношениях между его гражданами». Необходимы особые меры по защите украинского языка — как это делается во Франции с французским. В их числе дополнительные инвестиции в издание учебной литературы, контроль за употреблением государственного языка чиновниками, особенно на Юге и Востоке; поощрение его использования региональной элитой — даже если ее представители дома говорят по-русски. В административном плане для этого учрежден подотдел в Госкомитете по делам национальностей. Премьер обещал, что к концу 1997 г. ощутится явный сдвиг в языковой политике²⁰.

В действительности намеченное оказалось не столь простым и чрезмерно дорогим. Местные власти в ряде областей настаивают на введении русского языка как официального в делопроизводстве. Весной 1997 г. к Донецкой, Луганской, Харьковской и Николаевской областям присоединилась Днепропетровская²¹. На Востоке и Юге наблюдается активность по сохранению русскоязычных школ и средств массовой информации. Последние появляются даже на Западе (в 1997 г. начала выходить газета для русскоязычного населения Львова, «столицы» Западной Украины).

Таким образом, завышенные надежды на «формирование многоязычной среды» в качестве способа решения этнолингвистической проблемы не оправдываются, но нереализованной остается и линия на «сплошную украинизацию»²².

Согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г., украинский язык знали 9,7% (1,3 млн человек) от общей численности наиболее крупных национальных меньшинств Украины. Среди всех жителей республики уровень свободного знания украинского достигал 78%. Тогда там проживало 72,7% украинцев, 22,1% русских, 5,2% представителей иных национальностей. Свободно владевших русским насчитывалось столько же, сколько и украинским — 78,4%. Число тех, кто без затруднений использовал ук-

раинский язык, составляло 40,1 млн человек, что на 1,4 млн больше, чем в 1979 г. Однако и в ту пору имели место региональные различия: в Винницкой, Житомирской, Киевской (без Киева), Черкасской и Полтавской областях количество владевших украинским языком превышало 90% (русским же — около 70%), в Донецкой, Луганской, Одесской областях таковых набиралось 56—58%, а в Крыму — лишь 25,3%²³. К началу 1990-х годов только 87,7% украинцев владели украинским как родным, а 12,2% (4,5 млн человек) в качестве родного языка называли русский²⁴.

По результатам опроса учащихся и студентов, проведенного В. Г. Городяненко в 1996 г., показатели степени владения языками отличались от данных переписи. Из общего числа респондентов достаточно хорошо владели украинским языком 66,1%, русским — 83,5%. Не говорили (хотя и понимали) на украинском языке 25,7 %, русском — 12,4%. Примечателен и другой аспект: среди опрошенных лиц украинской национальности уверенно используют русский 79,9% — цифра больше, чем та, которая относится к группе назвавших в этой связи государственный язык (74,5%). Значительно меньше украинцев (15,4%), неплохо понимавших, но не говоривших на русском языке. На украинском же не в состоянии изъясняться 20% коренных жителей, охваченных опросом.

Это позволило социологу сделать вывод о *реальном двуязычии* в Украине, подчеркнув, что «оно предстает как важный компонент межэтнического согласия» и препятствует «понижению уровня национальной культуры, которое может усугубиться в случае административного внедрения государственного языка во все сферы социального бытия»²⁵.

Но в то же время общественное мнение, довольно чутко реагируя на происходящие социально-политические процессы, переориентирует людей на украинский язык для делового и межличностного общения. Это нашло свое отражение и в опросе, проведенном В. Г. Городяненко. Более половины (63,4%) респондентов предпочитают, чтобы их дети обучались в украинских школах. В русские школы с изучением украинского языка намерены направить детей 27,7% всех опрошенных. Разброс же по регионам таков: лишь 2% жителей Запада готовы сделать это, тогда как на Востоке и Юге показатели — соответственно 56,8% и 35,5%. В целом 28,8% русских хотели бы видеть своих детей в украинской школе, обучающей и другим языкам, а 18,8% украинцев — в русской, где обучают украинскому²⁶.

Ситуация с языком сверхсложная и потому, что в ряде крупнейших по населению областей практически нет украинскоязычных школ. Их население при этом включает значительную долю украинцев. В Донецкой облас-

ти около 95% русскоязычных школ, хотя там 51% украинского населения²⁷.

Более сбалансированная ситуация в южных областях. Около двух третей русскоязычных школ насчитывается в Одесской области, тогда как доля украинского населения уже давно превысила половину населения области, а к настоящему времени достигла 50-процентного рубежа и в самой Одессе. Удельный вес общеобразовательных школ с украинским языком в 1996 г. достигал 32%, а в дошкольных учреждениях — 31,8%. Вместе с тем в области насчитывается 45 национальных школ, в которых учатся представители десятков национальностей, а в 35 — болгарский, молдавский и другие языки изучаются факультативно²⁸.

Анализируя этническую ситуацию, следует напомнить, что степень разнообразия национального состава Украины была не меньшей, а даже большей в 1930-е годы. На государственном уровне обеспечивалось «равно-мощное» развитие и крупнейших (русские, украинцы), и малых (татары, евреи, поляки) этносов. Этнолог Ю. И. Римаренко указывает на «диффузное решение национального вопроса» в Украине в конце 1920 — самом начале 1930-х годов. Н. Скрыпник, позднее попавший в число «национал-украинцев», отмечал, что в 1931 г. среди 30 млн жителей республики (без Западной Украины; к 1933 г. вследствие голodomора 6—7 млн из них погибли) 20% принадлежали к этногруппам. Последние имели свои национальные районы (35 из общего числа 380) и сельсоветы (1 084 из 11 тысяч, т. е. почти 10%). Так, насчитывалось по 7 русских и немецких районов, по 3 болгарских, греческих и еврейских, 1 польский, 1 молдавский²⁹. В каждом из них превалировали национальные школы, хотя высокая привлекательность русского языка ощущалась и тогда.

В дальнейшем все шло под знаком унификации и нивелировки, причем украинский язык терял свои позиции как в результате административного давления Москвы, так и в не меньшей мере «по доброй воле» его носителей. О «насильственной русификации» говорить приходится с большими оговорками.

Как можно увидеть в региональном разрезе, ситуация с языком, школами и средствами массовой информации и простая, и сложная. Следует даже сказать, сложная, потому что простая. Анализ ее приводит к выводу: отсутствие украинскоязычных школ в Донецке чревато закрытием русскоязычных школ во Львове, а с учетом интересов украинскоязычного населения в одной области и русскоязычного во второй это неконструктивно. Так, число русскоязычных школ во Львове сократилось с 24 до 5, хотя 100-тысячное русскоязычное население миллионного города умень-

шилось всего на несколько тысяч. И это на фоне демонстративного открытия польских школ для куда меньшей части населения города³⁰. Издаваемая в Симферополе с 1992 г. газета «Кримська світлиця» утверждает, что, если в каждом русифицированном городе Республики Крым и всей Украины не открыть хотя бы по одной полноценной украинскоязычной школе, причем с 15% надбавкой к зарплате учителям, то напряженности в отношениях между этносами не избежать³¹.

Как уже отмечалось, 5 декабря 1996 г. президент Л. Кучма дал поручение различным государственным ведомствам по результатам рассмотрения вопроса о порядке исполнения законодательства о языке в Украине. Предлагалось осуществлять льготное финансирование издания и реализацию печатной продукции, учебников и учебной литературы на государственном языке, а также и «усилить контроль за внедрением украинского языка как государственного в делопроизводство и функционирование органов государственного управления, прочие сферы общественной жизни всех регионов Украины»³².

Однако результаты социологических исследований и обзор украинско- и русскоязычной прессы за первую половину 1997 г. показывают, что никаких мер репрессивного характера за этими указаниями не последовало. Двуязычие остается реальностью, вопреки всем разговорам о массированной экспансии одного языка и полном вытеснении другого. При этом русские продолжают считать себя русскими, даже если им приходится говорить на украинском языке, а украинцы украинцами, даже если предпочитают говорить на русском.

Взгляд на историю показывает, а социологические данные подтверждают, что, по крайней мере, до конца XX в. нет оснований говорить о широкомасштабной «насильственной українификации». «Диффузное решение» национального вопроса в Украине по многим параметрам приближается к общеевропейским стандартам.

«Центростремленность» политических процессов

В политическом плане хранителем ценностей украинского национализма выступают области Запада. Концентрирующиеся здесь политические силы, главным образом Рух, явно претендуют на духовное и идейное лидерство в государственном строительстве Украины. Их лозунг: «Государственный суверенитет и государственный национализм — это неразрывные явления здорового развития всех наций»³³.

Выборы всех уровней показывают, что данная линия безоговорочной поддержкой населения страны не пользуется, в значительной степени благодаря взвешенности позиций областей Центра и особенно «центра Центра»³⁴. Здесь проживает если не подавляющее, то преобладающее число украинцев; наиболее сбалансировано в пределах страны городское и сельское население. Промышленность развита умеренно, но находится не в таком кризисе, как в Донбассе (24,25) и в поясе промышленных областей (20, 22, 23).

Важно и другое, «центр Центра» — *историко-культурное ядро* Украины, родина нормативного украинского языка, место рождения выдающихся деятелей украинской культуры. Если учитывать все это, а также расположение здесь столицы страны, то ясно, что области Центра и «центра Центра» являются, во-первых, определяющими в плане выявления потенциала украинской государственности, и, во-вторых, местом, где гасятся завышенные амбиции Запада, Востока и Юга Украины.

Есть основания говорить о некоей вертикальной «оси консолидации» Киев — Черкассы — Кировоград. Вокруг нее группируются собственно области Центра, а затем «аграрный» Запад и «промышленные» Юг и Восток. При этом образуется некий широкий пояс: на Западе — области 2—6; на Юге — 11, 15, 17; Юго-Востоке — 20, 22, 23. Второй пояс — это Закарпатье и Буковина на Западе, Крым — на «дальнем» Юге и Донбасс — на «дальнем» Востоке. Данные «пояса» неплохо видны на географической карте. Они отличаются не только степенью удаленности от «консолидирующей» оси, но и разнородностью амбиций действующих в них сил. Благо для Украины в том, что эта разнородность взаимопогашается и противоборствующие силы нуждаются друг в друге скорее для политического самоутверждения, чем для практической реализации автономистских и сепаратистских устремлений.

Вышеприведенные выкладки показывают, что области Центра достаточно репрезентативны для Украины в целом и обладают мощным центростремительным потенциалом. Речь идет о добной трети густонаселенной территории страны с относительно высокой долей сельского населения. Непосредственно примыкающие к нему регионы из трех приморских и трех промышленных областей — это главный ресурс всей Украины, на фоне которого национально окрашенная «европоустремленность» Запада (около 1/5 всей территории и гораздо меньше населения) во многом гасится. Не говоря уже об автономизме Донбасса, который без структурно-промышленной перестройки обречен, и Крыма с его «импортируемым» сепаратизмом.

На Юге и Востоке Украины находятся области с наиболее сложной судьбой в плане определения своей идентичности. Здесь тянется ломаная линия промышленно развитых городов с большим удельным весом русскоязычного населения: Одесса — Николаев — Херсон — Кривой Рог — Запорожье — Днепропетровск — Харьков, как бы расположенная перпендикулярно по отношению к «оси консолидации». Вдоль этой цепи — аграрное по преимуществу население. С учетом кризисного состояния центральных ее звеньев есть основание утверждать, что лишь «подпитка» со стороны деревни спасала и спасает горожан любой национальной принадлежности от недоедания, и они отдают себе в этом отчет³⁵. Потенциал же промышленного развития многосторонне интегрированных в экономику бывшего СССР областей в новых условиях реализуется с трудом. Представленные сами себе, эти области беспомощны, как беспомощен и самодостаточный в сфере политики Запад.

В сугубо индустриальном Донбассе (24, 25) ситуация крайне сложная по причине кризиса угольной промышленности, который охватил после второй мировой войны весь мир.

Баланс интересов между Донецком и Львовом — дело труднопредставимое, если исходить из примата этнокультурного начала или политических ориентаций лидеров регионального уровня. Связи же между менее «амбициозными» Черновцами и Луганском, а тем более, скажем, между Мукачево и Макеевкой, возможны и продуктивны. Но лишь в том случае, если области Центра выступают как подлинно консолидирующее начало.

* * *

Таким образом, можно говорить о наличии в Украине середины 1990-х годов трех ключевых регионов (с рядом субрегионов), баланс отношений между которыми позволяет выявлять векторы общенационального развития и главных внутриполитических инициатив.

Западный регион: области — 1—7. Субрегионы: Закарпатье — 1 (присоединено в 1945 г.), Прикарпатье — 2, 4, 5 (присоединено в 1939 г.); Волынь — 3, 6 (присоединена в 1939 г.), Буковина — 7 (присоединена в 1940 г.)³⁶. В этом регионе живут 9,7 млн. человек, или 18,9% населения республики, на площади 110,7 тыс. кв. км, или 18,3%; вырабатывается 13,6% промышленной и 17,6% сельскохозяйственной продукции; удельный вес украинцев 89,2%, русских — 5,1%³⁷.

Центральный регион: области — 8—10, 12—14, 16, 19, 21. Субрегионы: Подольско-Полесский — 8—10; центр Центра — 12—14, 19; Придеснянский — 16, 21. Из них две области образовались в 1932 г., три — в 1937 г., две — в 1939 г. и одна — в основном путем последующего деления.

Южный и Юго-Восточный: области — 11, 15, 17, 20, 22—25. Субрегионы: Причерноморский — 11, 15, 17; пояс промышленных областей — 20, 22, 23; Донбасс — 24, 25³⁸. Из них четыре созданы в 1932 г., по одной в 1937, 1939 и 1944 гг. В качестве образования, пограничного между субрегионом и особым регионом, выделяется Крым — 18 (включен в состав Украины в 1954 г.).

В целом это доминирующий в плане людских ресурсов и промышленного потенциала регион, без которого хозяйственно-экономическая жизнь Украины как крупного европейского государства непредставима. В то же время это регион с наибольшей долей русскоязычного населения.

Все фиксируемые нами межрегиональные различия имеют некий многосоставный вектор: сдвиг в «средние» зоны, а значит, стремление к компромиссам. В этих условиях регионально-ментальные ядра предстают относительно слабыми, а «средние» зоны увеличиваются и в количественном, и в качественном отношении. Украина становится рутинной европейской страной, отдавая крайности на откуп немногим политикам, но сохраняя их, допуская существование региональных приоритетов, которые вместе с тем не ставятся выше приоритетов общенациональных.

По общепринятым и небезосновательным представлениям, Запад Украины сегодня сильнее «морально», Восток — «материально». Поэтому в момент выборов Восток важнее, ибо у него больше голосов. Побеждает всегда — «восточник». Но ему надо заниматься государственным строительством, и он не может быть коммунистом, так сказать, по определению. Это заставляет «сдвигаться на Запад». Так было с Кравчуком, так есть с Кучмой. Так, очевидно, будет и в дальнейшем. Работает маятник, который движется в рамках достаточно демократической системы, которой пока нет в России. Указанное обстоятельство способствует снижению накала политической жизни, постоянным поискам компромиссов, pragmatизации. Казалось бы, украинское общество должно быть четче разделено, чем российское из-за большей выраженности регионов. На практике этого не происходит.

Политическая жизнь на Украине второй половины 1990-х годов приобретала некоторые черты стабильности и предсказуемости. Запад и Восток негласно признали определенные «правила игры», сохранявшие их регио-

нальное «лицо». Но решения принимаются с опорой на некую середину. Такая середина репрезентуется Центром и даже центром Центра, который взял на себя миссию формирования общенациональной идентичности и пока небезуспешно эту миссию осуществляет. «Ось консолидации» Киев — Черкассы — Кировоград в этом плане достаточно устойчива и к Востоку, и к Западу, и к Югу, включая Крым.

Примечания

¹ Регіон. 1997. 27.VI.

² «Україна-центр». 1997. 27.VI.

³ Регіон. 1997. 27.VI.

⁴ Український світ. 1997. № 4—6. С. 4.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Соответствующие таблицы составлены на основе данных районирования Украины по земельному, экономическому и этническому принципам, приводимых в книге: *Заставний Ф. Д. Географія Украпні. Львів. 1994.* С. 154, 160, 356, 359, 365 и др. Для упрощения ориентации перечень областейдается с запада на восток: 1) Закарпатская, 2) Львовская, 3) Волынская, 4) Ивано-Франковская, 5) Тернопольская, 6) Ровенская, 7) Черновицкая, 8) Хмельницкая, 9) Житомирская, 10) Винницкая, 11) Одесская, 12) Киевская, 13) Черкасская, 14) Кировоградская, 15) Николаевская, 16) Черниговская, 17) Херсонская, 18) Крым, 19) Полтавская, 20) Днепропетровская, 21) Сумская, 22) Запорожская, 23) Харьковская, 24) Донецкая, 25) Луганская.

⁹ Таблица составлена на основе данных, опубликованных в книге: *Заставний Ф. Д. Указ. соч.*

¹⁰ В целом этнический состав отличается довольно большим разнообразием, в первую очередь в Закарпатье, Буковине и Крыму, а также в Донбассе (24, 25). В Одесской области (11), например, проживают представители 100 национальностей. Динамика соотношения русского и украинского населения такова: 1959 г. — 21,6% и 55,7%; 1970 — 24,2% и 55%; 1979 — 26% и 54,7%; 1989 г. — 27,4% и 54,6%. Что касается города Одессы, то украиноязычное население выросло здесь в период с 1926 по 1989 г. с 17,7% до 48,9%; доля русского населения оставалась одинаковой — 39,2% и 39,4%. Еврейское население в 1926 г. составляло 36,9%, а в 1989 г. всего 5,9% (в 1970 г. — 12,1%). См.: Многонациональный Одесский край. Ч. I. Этнополитическая модернизация. М., 1997. С. 35—38.

¹¹ См.: *Заставний Ф. Д. Указ. соч.* С. 48. К концу 1990-х годов в разных источниках фиксируется падение численности населения Украины в целом, и украинцев как «титульной нации».

¹² Там же. С. 48. До 50% этнических русских рождались в 1980-е годы за границами России, наибольшее их число — в Украине, где 75% из них вступали в межнациональные браки (в Белоруссии — 57%, а в Молдове — 23%). См.: Obris. Winter. 1994. Р. 2, 5, 7. Однако к концу 1990-х годов данный фактор «привлекательности» Украины как места жительства для русских заметно уменьшил свое действие.

¹³ Таблица составлена на основе данных, приведенных в книге: *Заставний Ф. Д.* Указ. соч.

¹⁴ Что касается распределения внутри православия в южных и восточных областях, то здесь имеет место подавляющее превосходство УПЦ. Так, если доля приходов УПЦ КП по Украине составляла 33%, на юге 5,5%, то в Одесской области лишь 3%. УАПЦ — соответственно 7,5%, 2% и 1%. См.: Многонациональный Одесский край. Ч. 1. С. 44.

¹⁵ См.: Людина і світ. 1997. Февраль.

¹⁶ См.: Там же. 1997. Март.

¹⁷ Раньше, отправляя подросших детей из сел Винницкой области в крупные города, родители опасались, чтобы те не научились пить и воровать. Сейчас, судя по их свидетельствам, боятся, чтобы они не стали «иеговистами». Этим термином-метафорой обозначаются все нетрадиционные вероучения — от баптистов до кришнаитов.

¹⁸ Таблица составлена на основе сопоставления данных, приведенных в журнале «Людина і світ» за февраль—март. 1997.

¹⁹ Украинское слово. 1997. 27 февр.

²⁰ Сучасність. 1997. № 2. С. 123—124.

²¹ День. 1997. 31 мая.

²² Євтух В., Молчанов Я., Суглобін С. Концепція етнополітичних досліджень в Україні. Київ, 1992. С. 19.

²³ Розподіл населення Українського РСР за національністю и мовою // Політика і час. 1991. № 1. С. 89—90.

²⁴ Україна в цифрах в 1991. Київ, 1992.

²⁵ Городяненко В. Г. Языковая ситуация на Украине // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 107—108.

²⁶ Там же. С. 111.

²⁷ День. 1997. 22 апр.

²⁸ Многонациональный Одесский край. Ч. I. С. 309—310.

²⁹ См.: Етнополітична ситуація на Україні / Під ред. Ю. Г. Римаренка. Київ, 1991. С. 42.

³⁰ Независимая газета. 1997. 4 апр.

³¹ Кримська світлиця. 1997. 27 апр.

³² Независимая газета. 1997. 4 апр.

³³ Цит. по: ОУН: Минуле і майбутнє. Фундація ім. О. Ольжича. Київ, 1993. С. 198.

³⁴ Конкретный анализ политической динамики предпочтений избирателей с учетом регионального фактора, позиций различных партий, а также общее срав-

нение с политическими процессами в России см.: *Задорожнюк Э. Г., Фурман Д. Е. Украинские регионы и украинская политика // Украина и Россия. Общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М., 1997. С. 88–129.*

³⁵ Транспортные средства, связывающие город и село, работают в одном направлении — в город переправляются продукты питания, а оттуда не вывозится почти ничего. То же можно сказать о грузопотоках с запада на восток, хотя горожане суперурбанизированного Донбасса создают свой «Запад» на пригородных участках.

³⁶ Субрегионы Закарпатье (1) и Буковина (7) именуются «украинской Швейцарией» не только по схожести природных условий, но и по сбалансированности отношений между разнородными этническими и религиозными группами.

³⁷ *Заставний Ф. Д. Указ. соч. С. 357.*

³⁸ В Донбассе к началу 1990-х годов проживало 16% всего населения Украины — чуть меньше, чем во всех западных областях, и 22% всего городского населения страны. Здесь выпускалось 19,3% товарной продукции промышленности, было сосредоточено 20% производственного персонала (См.: *Заставний Ф. Д. Указ. соч. С. 360.* Общий экономический кризис ощутимо подорвал позиции Донбасса.

Мартин Груневег о границе и таможенных установлениях в России 1585 г.

Редкий из иностранцев, в особенности дипломатов, прибывавших в княжество всея Руси или Российское царство в XVI в., не описывал своих впечатлений о процедуре пограничных формальностей. Большинство приезжих следовало через Великое княжество Литовское, минуя Белоруссию и западные районы Руси. Многочисленные во второй половине века англичане прибывали в Архангельск. Известный со времен Киевской Руси торговый путь с юго-востока на северо-запад гораздо хуже освещен иноzemцами, хотя многочисленные сведения русских посольских книг дают общее представление и об этом направлении. Исключением среди иностранцев явился Мартин Груневег, уроженец польского города Гданьска, немец по национальности. Раннюю молодость он посвятил торговле, трудясь на этом поприще то в родном городе, то в Кракове, наконец во Львове, где он поступил «торговым подмастерьем» к богатому армянскому купцу, занимавшемуся транзитной торговлей. В своих «Записках» он рассказал и о собственном опыте пересечения границы Речи Посполитой и Российского царства на территории нынешней Украины.

2 ноября 1584 г. торговый караван Богдана Ашвадура, армянского купца из г. Львова, приблизился к этой границе. Она пролегала в шести милях к северо-востоку от г. Остера. Переход границы не сопровождался, видимо, никакими формальностями. Караван и сопровождавшие его гости и слуги по пересечении границы заночевали уже за Черниговым. В Чернигове (Груневег пишет неопределенное «там» — после рассказа о городе, по-видимому, 3 ноября) «переписали нас самих и наши товары». Трудно сказать, подверглись ли купцы одновременно и таможенному осмотру. Если бы таковой был, Мартин Груневег, который выполнял самые различные функции, в том числе секретаря, не преминул бы это отметить. Доверенное лицо Богдана Ашвадура, он выступал то наравне со всеми остальными слугами, то в качестве секретаря. Благодаря его деловитости и добросовестности в фиксации всего происходившего с ним во время многочисленных странствий по Европе и Малой Азии историк нашего времени знает о при- и злоключениях львовских купцов в Российском царстве. Уйдя совсем еще молодым человеком вскоре после поездки в

Москву в доминиканский монастырь, он посвятил свой досуг упорядочению собственных записок о многочисленных торговых поездках по центральной Европе и биографических дневников своих родных о судьбах нескольких семейств в XV в. Рукопись, снабженная многочисленными рисунками, составила том около 1 600 листов. В XIX и начале прошлого столетия ее использовали лишь историки культуры г. Гданьска. На содер-жающиеся в ней сведения о Восточной Европе обратил внимание польский исследователь Р. Вальчак, а вслед за ним Я. Р. Исаевич и А. В. Поппе. Попытки публикации объемистой рукописи, предпринимавшиеся Р. Вальчаком, кончились безуспешно. Разделы о Киеве и Львове в переводе на украинский язык опубликовал Я. Р. Исаевич. Наконец в 1997 г. за это дело принял Немецкий институт в Варшаве, по его инициативе торуньский исследователь Б. Дыбаш перевел текст в компьютерный набор¹, а многочисленные исследователи из разных стран начали подготовку комментариев.

Благодаря этому «Записки» Мартина Груневега стали доступны и российским ученым, для которых краткий текст о путешествии и пребывании торгового каравана Богдана Ашвадура в Москве стал источником первостепенной важности².

В отличие от большинства авторов подобных «записок» Груневег не был дипломатом или политическим деятелем. Круг вопросов, которыми он интересовался, по преимуществу отличается от того, который освещают дипломатические представители разных стран. О торговле, о которой его предшественники писали на основе визуальных впечатлений, он знал не по наслышке. Он участвовал в ней в качестве весьма активного лица.

Сложности передвижения по территории Российского царства начались по миновании Новгорода-Северского. 20 ноября в Случеске в восьми милях от Новгорода-Северского к каравану прибыли гонцы от новгород-северского воеводы князя Хворостинского, которые известили о запрете въезда иностранцев в Москву и приказе воеводы вернуться в Новгород-Северский, где каравану пришлось провести долгое время с 26 ноября 1584 г. по 6 января 1585 г. в ожидании разрешения на въезд в столицу.

По приезде 25 января 1585 г. в Москву товары, как и было заведено в России того времени, были показаны царю Федору Иоанновичу, видимо, в это время снова взвешены (первый раз они подверглись взвешиванию в Брыни, хотя своевременно об этом Груневег не сообщает) и обложены соответствующими пошлинами. В Москве же при вторичном взвешивании один из слуг Богдана православный грек Андрей целовал крест и рассказал

о попытке спасти от разбойников шелк, спрятанный в тюки с хлопком. Это купцу даром не прошло. Богдан был обвинен в неуплате пошлин, исчислявшихся не только по весу, но и по стоимости товаров, привезенные в Москву товары были забраны в царскую казну. Просьбы армянских и польских купцов пересмотреть это решение ни к чему не приводили. Если бы не вмешательство Бориса Годунова, расположенного к своему почти ежедневному партнеру по шахматам — Мартину Груневегу, товары были бы потеряны. Однако Годунов «привел многих в действие», чтобы отменить решение. Купцы получили свои товары общей стоимостью 7 000 польских золотых, потеряли они только один тюк хлопка. Это очень утешило армянских купцов из Великого княжества Литовского, поскольку в царской казне оставались — еще со времен Ивана Грозного — неоплаченными товары на 70 000 польских золотых.

В этом эпизоде обращает на себя внимание тот факт, что государственная граница, которую караван пересек в шести милях северо-восточнее г. Остера, не совпадала с «таможенной границей», находившейся в значительном удалении от государственной. Любопытно, что призвешивании товаров целовать крест должен был православный грек, а не представитель армяно-грегорианской ветви православия.

Наконец, любопытен факт заступничества Бориса Годунова за иностранных купцов. Известно, что он всегда был расположен к иностранцам, однако факт его покровительства конкретным купцам Груневег приводит первым.

Судьба каравана, в котором находился Груневег, сложилась более удачно, нежели армянских купцов из Каменца, которых на обратном пути дочиста ограбили, одного из них убили, а остальных сопровождавших караван людей тяжело ранили. Примечательно, однако, что это преступление было вскоре — на протяжении двух месяцев, пока армянские купцы и Груневег находились в Москве, — раскрыто, двое осуждены, другие заточены в тюрьму в ожидании суда. Действенность судебной системы впечатляет, равно как и существовавший, видимо, порядок возмещения иностранцам ущерба, понесенного в результате грабежа на территории Российского царства. Царь выступал в роли гаранта безопасности купцов и целости их имущества.

Оба эпизода, связанные с пересечением границы иностранными купцами и их деятельностью в России, приведенные Груневегом, свидетельствуют о нормализации правопорядка в стране в первый же год после

смерти Ивана Грозного. Скорее всего, в Судном или Разбойном приказе велся учет уголовных преступлений. Заслуга упорядочения решения разбойных дел принадлежит Борису Годунову, который впрочем и сам допускал отклонения от установленных правил. К чести его нужно сказать, что от предложенной армянами мэды в виде расщепленного чепрака он отказался, честно заплатив за этот дар 30 гульденов.

«Записки» Груневега отчетливо показывают, что государственная граница в этом районе, близком к весьма пострадавшим во время Ливонской войны территориям, была вполне прозрачна и отнюдь не приобрела жесткого характера, она, подобно украинско-крымской «соединяла народы», вряд ли ее можно назвать «границей в огне», каковой, по Я. Р. Дашкевичу, была граница между Крымским ханством и украинскими землями в составе Речи Посполитой³. Национальная ли близость населения причиной легкой проницаемости границы, сравнительная ли редкость этого населения или слабость государственной власти в Речи Посполитой и Российском царстве, измученные недавно окончившейся войной, — этой предмет особых размышлений, для которых «Записки» Груневега дают слишком мало материала.

Л. 1176 4 ноября мы ночевали за городом Чернигов [...]⁴.

Л. 1176 об. Там переписали нас и наши товары. И хотя здесь все идет очень мучительно, некоторым утешением служит то, что, когда что-нибудь грабят из переписанных товаров, великий князь без задержки выплачивает [ущерб за утраченное] и ищет разбойников, чтобы взыскать деньги (*vergelden*).

{Л. 1204} Как только мы прибыли в город (Москву. — А. Х.), мы взвесили товары в таможенной избе, но не понимали причины [этого], так как уже были на весах в Брыни. После этого казначай великого князя приказал нам, чтобы мы привезли в замок в [помещение] казны все товары. Так как существует обычай представлять все великому князю, прежде чем начнется продажа: если ему что-либо из этого понравится, тогда он удерживает это и сейчас же достаточно платит безо всяких усилий.

{Л. 1209} После того, как мы все наши товары привезли в [помещение] казны, мы их распаковали и оставили их так лежать, чтобы великий князь [мог] их осмотреть, а сами ушли оттуда на Гостиный двор.

{Л. 1210} То, что понадобилось великому князю, они сохранили и оплатили это, а остальное мы отвезли на Гостиный двор. И тут-то случилось с нами и большое несчастье и счастье.

Счастье, что казначей, могущественный господин, был благорасположен, он оказал мне честь, подарив драгоценный платок, вышитый шелком и золотом, и шелковый кошелек работы монашенок, очень искусно сделанный. Он открыл несколько сводчатых помещений и провел только нас двоих — меня и моего господина внутрь в велиокняжескую казну, показывая [ее]: мне кажется, что никто из монархов не превосходит [его] богатством: так как все, что ни есть на свете драгоценного или искусно сделанного, все находится там. И этот господин (который кажется, имел фамилию Годонов), пока я жил в Москве, посыпал каждую неделю по крайней мере один-два раза, самые лучшие кушанья со своего стола, равно как и напитки, а иногда и каждый день, по временам даже два и три раза в день, и если бы я был так дерзок, то во всем, о чем бы я его ни просил, он бы мне без сомнения не отказал, даже если [это касалось] {Л. 1211} чего-либо серьезного, и он бы распорядился относительно этого, как вы вскоре услышите.

{Л. 1212} Пока когда мы жили в Новгородке [Северском] и время текло мучительно долго, и так как из-за распрай между королем [польским] и великим князем все дороги были полны разбойниками, моим господам показалось полезным позаботиться о товарах, чтобы, если случится несчастье, то можно было сократить убытки, и они решили спрятать шелк в хлопок. У нас было 20 больших мешков полных хлопка и шесть упаковок шелка, которые мы запаковали в Турции, из них два таких, [что] едва осел мог увезти. Мы раскрыли хлопок, который был очень плотно набит, сделали в середине дыру и связали по мере возможности лучший шелк и драгоценные товары, засунули в эту дыру и забили сверху хлопком, а лишний хлопок продали в Новгородке.

{Л. 1213} 28 января, когда мы начали выкладывать товары, пришли таможенники и силой забрали у моего господина все имущество в замок, говоря, что оно не оплачено пошлиной, так как он запрятал шелк в хлопок. Это нас очень огорчило, а виной всему был грек, который ехал вместе с нами, который хотел сделать показание по обычаям своей религии, тем более, что он ездил в Москву постоянно, тогда как моему господину случилось ехать туда в первый раз. Я ничего не знал об этом, так как, когда мой господин договаривался с таможниками, он выслал меня, иначе я бы посоветовал [ему] помалкивать.

[...] С того самого дня, как у нас забрали товары в замок, как ни мало было надежды, мы постоянно бегали в замок, прося, чтобы нам это про-

стили. Тогда господин Годонов так воздействовал на многих, что нам вернули все вместе с шелком без хлопка, что, однако, нас утешило, так как в казне еще оставалось на 70 тысяч польских золотых. Пока мы раздавали многочисленные подарки, прибыл королевский посол, через которого мы просили великого князя, чтобы все вернули в наше распоряжение тотчас в марте.

{Л. 1214} В этом месяце [...] нам отдали задержанные товары: чему я и мой господин обрадовались.

{Л.1235} 8 июня в канун Троицына дня некоторые армянские купцы из Каменца отправились домой [...] В четверг на Троицыной неделе пришел Авак с дьяком (Notario) и сказал, что разбойники разбили караван, убили господ и увезли все товары на лошадях. Мы тотчас отправились в замок и приказали записать это в книгу. Наутро мой господин вместе с другими поехали за телами. 15 июня они вернулись и привезли убитого Андрея, одного из знаменитых армянских купцов из Каменца. Остальные были тяжело ранены, например господин Якуб, он остался сухоруком на одну руку. После того, как мы забрали труп и раненых из замка, мы похоронили его на Немецком кладбище, а на следующий день устроили его похороны по армянскому обычаю с роскошной трапезой [...] стоило свыше 100 польских золотых [...].

{Л. 1240} названных выше разбойников по большей части нашли, двое были осуждены еще при нас, остальных содержали в тюрьме. Большую часть товаров они зарыли в земле, их извлекли и отдали их господам, но за потерянное заплатили из велиокняжеской казны.

Примечания

¹ Приношу благодарность проф. Б. Дыбашу за разрешение использовать компьютерный набор текста «Записок» Мартина Груневега.

² Хорошевич А. Л. Мартин Груневег о русской денежной системе (1585 г.) // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Ярославль 19–23 апреля 1999 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1999. С. 121–123; *Она же*. Иноземное население Москвы 1585 г. в «Записках» Мартина Груневега // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV–XVIII вв. История, историография, источники и методы исторического исследования. Материалы научной конференции. Тверь, 18–21 февраля 1999 г. Тверь, 1999. С. 273–276; *Она же*. План Москвы и памятники московского церковного зодчества в «Записках» Мартина Груневега 1585 г. // Русское искусство позднего средневековья. XVI век. Тезисы

докладов международной конференции. Москва, 12–14 января 2000 г. СПб., 2000. С. 16–21; *Она же*. Борис Годунов и русский иконописец в «Записках» Мартина Груневега (1585 г.) // Казус. 2000: Индивидуальное и уникальное в истории / Под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова. М., 2000. С. 273–282; Мартин Груневег о Москве 1585 г. // Россия и Германия. Ежегодник. М., 2000 (в печати).

³ Дашкевич Я. Р. Большая граница Украины (этнический барьер или этно-контактная зона) // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР (география, динамика, методы изучения). М., 1989. С. 7, 13. Ср. впрочем: Shaw D. J. B. Southern Frontier of Muscovy 1550–1770 // Studies in Russian Historical Geography. V. 1. L., N-Y. 1983. P. 117–142

⁴ В переводе текста документа применяются следующие скобки — фигурные для обозначения листов рукописи, круглые — для вставок пояснений, квадратные — для дополнений переводчика.

Содержание

<i>Л. Е. Горизонтов.</i> Украина в зеркале регионалистики	3
<i>Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская.</i> Белорусско-украинское униатское литургическое пространство и средства поддержания его герменевтической однородности в XVII—XIX вв.	13
<i>С. С. Лукашова.</i> Культурное пограничье: «свои» и «чужие» в казацком летописании XVIII в.	34
<i>О. А. Остапчук.</i> Изменение государственных границ как фактор формирования языковой ситуации на Правобережной Украине в конце XVIII — первой половине XIX в.	53
<i>М. Э. Клопова.</i> Украинское движение в восточнославянских землях империи Габсбургов как фактор австро-российских отношений в начале XX в.	93
<i>И. М. Благодатских.</i> Проекты русско-румынского разграничения в Буковине в годы Первой мировой войны (1914—1916 гг.)	116
<i>В. Н. Савченко.</i> Восточная Галиция на историческом перепутье: 1910 — начало 1920-х годов	132
<i>В. М. Лебедева.</i> Белорусско-украинские территориальные проблемы в контексте становления новой государственности (весна 1918 г.)	190
<i>Е. Ю. Борисенок.</i> Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы	205
<i>А. И. Пушкаш.</i> Судьбы Закарпатского региона между двумя мировыми войнами	238
<i>Э. Г. Задорожнюк.</i> Украина: Восток, Запад, Центр как «ось консолидации» (вторая половина 1990-х годов)	275
<i>А. Л. Хорошкевич.</i> Мартин Груневег о границе и таможенных установлениях в России 1585 г.	296

Научное издание

**РЕГИОНЫ И ГРАНИЦЫ УКРАИНЫ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

**Ответственный редактор
доктор исторических наук *Л. Е. Горизонтов***

**Сборник подготовлен к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН**

**Подписано в печать 21.12.04.2004 г.
Тираж 300 экз. Заказ № 59**

**Объем 19,0 печ.л.
Формат 60x90 1/16**

ООО «Стратегия» г. Москва.

РЕГИОНЫ И ГРАНИЦЫ УКРАИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ